

Тени прошлого – тени будущего

часть I

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов, всегда обращается против него самого.
Фридрих Энгельс

Свобода – осознанное соотношение потребностей с действительностью. Как правило, об этом не думают, не зная никаких ограничений, равно как, не зная ничего, кроме них.
Фридрих Айнер

Из кусочков прошлого складывается цельное будущее, как мы складываемся из кусочков съеденной пищи.
Кот (украдено у Фридриха Айнера)

Настоящее сталкивает тени прошлого и тени будущего. Тени будущего станут будущим только тогда, когда пройдут через тени прошлого.
Крысы – все сразу (источник – крысиные догмы)

(Ларс Стикк – командир первого взвода десятой роты третьего полка штурмового подразделения А2 шестой армии AVRГ. Уровень – N4, личный номер – 6056. Отчет в ментальном формате)

...Объект молчит. И Айнер ушел... Тихо. Почти спокойно. Если бы не грызущие нас мысли, не усталость, проползшая через натянутые нервы, – было бы похоже на обычную подготовку штурмовой операции... Но этот штурм будет последним боем роты – и с победой, и с поражением... Мы потеряем людей, технику... Мы погибнем... и знаем об этом – каждый офицер, каждый боец... Каждый знает... и каждый молчит... Мы должны... Должны перейти предел – подойти к концу, чтобы бросить ему эту войну прямо в разверстую глотку... Иначе он сожрет всех... Иначе жизнь не сохранить никому... Если задачу не исполним мы, – не исполнит уже никто. И если мы потерпим поражение – его потерпит и Штрауб. Он примет последний бой, который уничтожит систему, – уничтожит все... Поэтому этим утром погибнем мы... Поэтому перед смертью мы не должны допустить ни одной ошибки...

Капитан уронил тяжелую от этой тишины голову на руки. У него почти ничего нет. Ему предстоит вести бой при одном отделении высших технических боевых единиц. Ульвэр не мог допустить фоновый перехват. Мы скрыты этими экранами только здесь. Дальше – единственной возможностью пройти незамеченными – будет лишь расчет вражеских патрулей. Пересечений быть не должно, но случай может провести нас по границе зоны восприятия их разведчиков. С этим Ульвэр нам ничем не поможет. Он не способен скрыть нас – может только временно скрыть нашу цель... отсутствием фоновых сигналов высших боевых единиц. При перехвате будет похоже, что Штрауб выслал обычную роту А2 с поручением простой разведки. Если мы будем обнаружены и перебиты, – этот вариант не оставит Ульвэру дороги, по которой он сможет сделать следующий шаг, но при обнаружении он даст нам еще один клочок времени. Враг ради роты А2 армии не поднимет... По крайней мере, пока не поймет, что мы – смертники. А потом будет уже поздно... Мы отрежем подходы врагу... Но перекрыты будут и наши отходные пути...

Необходимо продержаться лишь короткий отрезок времени... И продержаться его мы должны во что бы то ни стало – не должны отпустить его ни живой, ни мертвой рукой... Нужно только подключить щиты – отбить объект и подключить щиты... А после... Будь, что будет. Штрауб получит энергию, мы – покой, пусть и вечный. Проведем зачистку мы или высланные вслед отряды А1 – это большого значения иметь уже не будет.

Подключим щиты – запрем под ними “хранителей”... “Хранители” щиты преодолеть уже не смогут... А нам из-под них уже будет просто не уйти... Мы блокируем подземные коридоры – не только подходы к объекту врагу, но и наши от него отходные пути... Проведем конечный запуск – и “растяжки смертников” не сможет пройти уже никто и ничто... К тому времени Штрауб возьмет под щит и связной тоннель, и бункер, и близлежащие территории... Только нам предстоит... Под щитом бойцы А1 с боем смогут подойти к объекту по земле, но это займет больше времени... Простоим или нет – я не знаю. Это не важно... Это будет уже не важно... Но если мы допустим ошибку... Допустим одну ошибку при расчете – то погибнем не одни мы... Это погубит Штрауб – погубит всю систему... И наши смерти смогут только присоединить смерти другие... Просто наши смерти уже не будут иметь значения... как и наши жизни, отданные этому риску...

– Стикк, проснись...

– Я не сплю, капитан.

– Унхай уже подготовил данные...

Унхай встретил мой взгляд с кремневой твердостью... Он никогда не служил ни мне, ни кому-то иному... Его подчинение так же твердо, как и его командование. Но мне до сих пор неизвестно – кому и чему он служит. Унхай не мстит... Этот “дракон” покорно вынес оккупацию и присягнул Снегову, как только он принял верховное командование и поднял на Ивартэн войско трех систем, объединенное хищным штандартом AVRГ. Унхай не мстит и не ждет мести... Но он не служит нам – он только подчинен... С решимостью идет за мной на смерть, как преданный воин, но предан он не мне и не системе... Значит, Унхай может отдать что-то большее тому, чему служит, – что-то большее, чем его жизнь... “Драконы” считают ценнее жизни лишь честь. Но Унхай пренебрег той гордостью, которую мы обычно бросаем вперед, под общее обозрение... И не забыл про цель... У него есть что-то еще... К цели его ведет гордость сильнее той, обусловленной... Он не возьмет за службу ни славы, ни памяти – отдаст и то, и другое... Отдаст с тем делом, которому служил – тому, кто этого будет достоин... Отдаст и врагу – такому, как я... Ведь его долг не ограничен разметкой на карте... Ты последователен, Унхай... Я знаю, о чем ты думаешь, несмотря на то, что ты скрытен... Ты не показываешь силы ни тем, кто сильнее, ни тем, кто слабее... Ты умен... Ты один знаешь предел этой силы... Но теперь я знаю, чему ты служишь... Это просто – жизнь. Просто жизнь... без условностей, без определенных кем-то иным правил.

Унхай с каменным лицом выдержал мою усмешку – этот камень не разбить никому. Он тот, кто примет с честью не только смерть, но и жизнь... И тот, кто и то, и другое с честью отдаст... Я видел его смерть, видел и смерть от его руки... Я видел его жизнь – и жизнь от его руки... Но ничего не видел в его глазах, когда он спасал и убивал... Что ты выберешь сейчас, Унхай?

Он встал и подошел ко мне – поднес открытую ладонь к моей затянутой перчаткой руке и передал мне еще мерцающий блок данных...

– Я больше ничего сделать не могу, командир.

И что, ты просто передашь мне это и отойдешь в сторону? То, что ты не будешь мешать мне не значит, что ты мне поможешь, Унхай. Не судьбе же ты это решение предоставишь? Нет, ты предоставишь решить судьбу мне, “золотой дракон”...

Капитан опять оборвал мои тяжелые, как кошмарный сон, мысли...

– Перекрой этот сектор. Схемы нужны мне сейчас.

– Так точно, капитан.

– Это сложный участок. Его перекроешь ты. Но учти, Айнер будет смотреть эти схемы как составленные противником...

– Так точно.

Нет, Норвальд мне не враг – он добр, умен и честен... Просто Ульвэр дал ему приказ... И Норвальд его не нарушит... Он сделал бы это, если бы был уверен, что не допустит ошибки... Но этот расчет ему непосилен... Не враг и Айнер... Он – офицер S9, почти не человек. Ему не знакомо ни настоящее зло, ни добро. И хоть он скорее других пустит луч мне в голову, он способен видеть дальше других. Он может увидеть дороги, ведущие к будущему, и узнать, которые из них ведут к одной цели. Айнер – дефектный офицер S9. Он действует не только с расчетом, но и с риском. Он не пойдет против приказа, но пройдет по грани. Поэтому он единственный, кто еще способен

помочь или помешать мне... Я должен убедить его сделать этот расчет... Он применит его, если тот будет верен... А если нет... пустит луч мне в голову еще до того, как призовет в поход...

– Убери эту усмешку, Стикк. Мне на твой счет даны строгие указания...

– Мне об этом известно, капитан.

Фильтры холодом разогнали сигаретный дым... Только с чистым воздухом нагнали и мороз... Здесь и без того было холодно... А теперь... Теперь я вспомнил, что где-то высоко над нами уже глубокая ночь, что Шаттенберг бросает наземь бледные тени от хрупких звездных лучей... которые мне больше уже не увидеть...

Капитан не сразу заметил эту стужу... Он слишком сосредоточен, чтобы отметить понижение температуры. Его системы теперь реагируют иначе, чем прежде. А пар нашего дыхания он принял за сигаретный дым... Но курит сейчас он один. Норвальд затушил окурок о стол обнаружив, что пепельницы переполнены, и поднял глаза...

– Унхай, мой “спутник”... Он должен был быть призван...

– Так точно, командир.

– И... Отключи фильтры.

Унхай перевел фильтры на поддерживающий режим... Отопление здесь работает плохо... Но никто и не думает об устранении поломки этой системы... Дым быстро застлал мониторы еще более густым туманом. А Норвальд бросил очередной окурок... Ему дышать не нужно, он спокойно продолжает жечь сигареты в прокуренном до полумглы помещении. Если бы Норвальд постоянно помнил, что он – машина, я не смог бы скрыть от него судорогу, сковавшую челюсть. Он не заметил – сосредоточился на корректировках полковника и больше ничего не видит. Для меня данные еще закрыты, но я знаю, что нам уготована операция А1. Для нас это не первая боевая операция такого уровня сложности и на такой скорости, но я почти уверен – последняя. Будут щиты активированы или нет, мы – мертвецы. Отходных путей не будет – мы заблокируем их, перекрыв подходы врагу. Это значит, что рывок по маршруту даст нам возможность прорваться через линии постов, а штурм – подключить щит энергохранилищ. Держать объекты долго мы не сможем – части “хранителей” останутся под щитом. Мы примем бой на пределе возможностей. “Хранители” не сотрут системы до того, как наши штурмовые отряды будут здесь, до того, как наши “защитники” пройдут под щит. По расчетам – полтора часа... Минуты пронесутся секундами или растянутся часами... Кто знает, что будет на этот раз, – счетчики времени не устают шутить с нами злые шутки. С уверенностью можно сказать лишь то, что для тех, кто выживет, как и для тех, кто погибнет, это время станет вечностью. Этот бой решит все – жизнь и смерть каждого бойца не канет в пустоту напрасно – не потеряется среди выбитых из пасти грызущихся монстров зубов. Но *они* ищут... Если щит не будет подключен – этот бой станет последним не только для нас – тогда Штрауб примет последнюю битву... тогда уже ничего не останется, тогда уже никто не уйдет... Я уже думал об этом... Проклятые мысли... Проклятая ночь...

Не нам решать то, что уже будет решено, не нам делать то, что уже будет сделано... Это сказал человек в черной шинели полковника DIS. Я видел только его спину, а он видел мои мысли... Люди службы внутренней безопасности смотрят нам в души так же пристально, как мы – в глаза врага. Он был прав – будущее одно. Только ведут к нему разные пути. Тому офицеру они не видны, но я их вижу. Эти пути не пойдут в его расчет, потому что приведут к одному общему исходу, но я их учту, потому что они могут быть равноценны чьей-то жизни... Ни мне, ни ему – никому из нас не под силу проложить путь к другому будущему. Определит его офицер, откроет “защитник” – условие, сложенное из наших прошлых действий, неизменно окончит его ровно к расчетному сроку... А других судьбоносных факторов просто нет. Из этого я и исхожу – из того, что есть... из всего, что есть... Дороги мне одному не построить – я могу лишь обозначить узкую и непролазную тропу, которую расчистит кто-то другой. И я сделаю это... Из этого я исхожу – из беспредельной посредственности. Но беспредельность всегда уводит за границы – за границы наших законов – следовательно, подводит к положенной за это каре. И пусть... Есть в этом что-то большее, что выводит за грань смертной казни...

Передал сержанту схему на доработку – никому и ничему эти растяжки не пройти, и заметить их будет трудно. После конечного запуска их уже не отключить. А для того, чтобы подорвать

“растяжки смертников”, достаточно порыва ветра с прописанной в программе частотой колебаний... Унхай отрешенно взглянул на схему – он знает, что погибнет через несколько часов. “Золотые драконы” обычно безошибочно определяют приближение смерти – они, как машины, ждут, когда она подойдет ровно настолько, насколько ей нужно, – они не бегут ни к ней, ни от нее. Я же могу похвастаться только топорно наносным спокойствием. Стоило мне склониться над столом опершись на руку, капитан остановил взгляд на стянувшей ее перчатке. Я убрал руку – грубые шрамы карателей проступают не только через защитное покрытие, но и через годы памяти.

– Разрешите идти, капитан?

– Иди. И учти еще, что схемы проверит не один Айнер, но и “защитник”.

– Так точно.

– Стикк, если тебе будет нужно, ты сможешь найти и проследить каждый крысиный ход – сможешь даже найти ему применение. Сейчас это нужно нам, и ты должен сделать это, но только по приказу.

– Так точно.

– Ни шагу в сторону.

Я взял фуражку и вышел в коридор – за мной из центра управления повалил сигаретный дым. Двери сошлись с широкого засвеченного квадрата на узкую полосу и сомкнулись, оставив меня в ровной пустоте коридора. Глаза еще жжет, но я уже вдохнул холодный свежий воздух. По-привычке сложил за спиной руки – дрожь уже улеглась. Сколько времени еще осталось? Несколько часов, и на этом оно остановится – не только для меня – для многих. Уперся взглядом в гладкую стену – она ничего не говорит ни об этом месте, ни о нашем прошлом, ни о будущем.

Я никогда не прощался с жизнью по-настоящему – не в шутку – теперь самое время... А гори все синим пламенем!.. Если меня не сожгут лучи врага сегодня – мне не избежать расстрела завтра. Пока еще мой “дар” нужен системе, но предел терпения основательно подорван – до стенки мне остался один шаг. А я зашел так далеко, что за него может сойти каждое движение.

Скоро Фридрих Айнер заберет мою память. Я не знаю, кому доведется прочесть отчет, – мозгу третьего порядка или лейтенанту службы внутренней безопасности – это не имеет значения. Преступление и доказательство вины – теперь это ничего не значит. Перед такой разрухой отступает и наш порядок. Если этот лейтенант (или мозг третьего порядка) будет ждать от меня признания – не дождется. Не такой я человек, чтобы говорить правду, не смотря в глаза. Да, я надеюсь, что и на этот раз мне удастся избежать расстрела, но это вряд ли – все встает на места, и меня на место рано или поздно кто-то должен поставить. Приговор уже намечен тяжким обвинением, как маршрут на карте. Но мою совесть очищает жизнь – просто жизнь.

Подозрение в том, что я помогаю смерти избежать лишней работы – подозрение в предательстве. Пусть так, только смерти я не помощник – всегда избегал грязной работы. Жаль лишь, что избежать ее получалось редко. Если лейтенант службы внутренней безопасности потребует разъяснений – они есть. У жизни свои пути – иногда ее извилистые тропинки спутывают прямые, прочерченные принципами у нас в головах. Мы считаем, что кровь врагов, изменников отмыть легче. Я так не думаю – слишком многих мне пришлось убить, чтобы не разобрать, что кровь рядовых бойцов и генералов, героев и предателей одинаково липка. Жизнь способна менять нас местами в наших глазах, ставить разведчиков на постаменты и презирать шпионов, но в ее глазах мы неизменны. Единственный вывод, который мне довелось из этого извлечь, – кровь засыхает и разлетается пылью лишь до тех пор, пока не станет ненужной. Долг каждого из нас – исполнить задачу. Так мы и поступаем. Но никому никогда не удавалось заставить “защитника” носить воду в решете, а мы, бывает, – носим. Безоговорочно принимаем приказ и так же исполняем его. Затыкать дыры этого решета – мой долг, и не все ли равно, как его исполнить?.. Для лейтенанта DIS это имеет строго определенное значение, но больше мне в свое оправдание сказать нечего. По крайней мере, сейчас я буду знать, что сделал все, что смог. Вернее, сейчас я почти ничего не могу сделать. Только Айнер может оставить нам путь...

Не подключить растяжку к двум энергоблокам, открыть врата третьего сектора – это риск. Он рискует, когда тому есть хоть какое-то оправдание. У нас будет выход... но будет и выбор – вернуться в бункер, в Штрауб, или лететь в Шаттенберг, а дальше в Ясный... Моих объяснений ему

не хватит – он примет этот выход за “путь дезертира”... Но Айнер почти человек... Он связал мне руки настолько крепко, насколько это мог сделать офицер S9, поэтому мое заявление еще может быть принято им как человеком.

Испуганная крыса задела хвостом мои сапоги – ненавижу это. А вот и причина такого страха – Фридрих Айнер. Он слишком зол, чтобы пустить луч в висок крысе прямо сейчас. Его расстегнутая шинель разлетается, не успевая за ним, как разлетается от него все на его пути (все, включая крыс). Я отошел к стене, положив на плечо руку...

– Стикк, готовь людей и технику! Через час выходим!

– Есть, лейтенант.

Лейтенант развернулся, обдав меня порывом холодного ветра, который собрал по дороге... У него, как у истребителей на базе С499, короткий взлет – и скорость он набирает быстро, и тормозит так же резко... может и зависнуть где-то меж воздушных потоков – он всегда на грани.

– Сказал, готовь людей!

– Есть.

– Один неверный шаг, и расстрел на месте!

– Так точно.

Он ждет подвоха. Ничего не будет. Спасти людей – не человечество – своих людей – другой цели у унтер-офицера N4 и быть не может. Но моих сил недостаточно. Порядок парализует людей моего уровня. Маневр в четко прописанном плане способен совершить только человек S9. Он должен оставить открытый путь...

Я покинул сектор системных управлений и подошел к управлению части. Объект уже объявил инструктаж разведгруппы. Мне отрядили двух “защитников” на контроль – они следуют за мной светлыми тенями. Один остался за дверью – будет моих людей на предмет запрещенных мыслей проверять – другой вошел за мной. Я положил фуражку на стол, пригладил липнувшие ко лбу волосы, снова натянул усмешку – зачем изменять привычкам сейчас, когда менять их уже поздно?... Бойцы подошли сразу – они уже давно ждут. “Доспех”, полный боекомплект... что еще надо?... Осталось только заложить им в головы программу действий... Ночь гнетет, несмотря на яркий свет, – в этом подземелье мы рассвет не увидим...

Запись №1 00 00 000 00:00

Бегу по коридору в полной темноте, натываясь на стены... Какое-то чудовище поселилось у меня в голове! Оно говорит со мной! В голову лезут чужие страшные, тяжелые мысли! Нет, не я думаю об этом! Не я!.. Что-то черное перекрывает тоннель – корпус машины! Прыгаю вверх и падаю на осколки... Карабкаюсь куда-то... Что-то выползает из-за груды железа – крыса... Крысы – они повсюду, преграждают мне путь!..

Развернулся и побежал обратно... Что они со мной сделали – крысы?! Эти чужие мысли!.. Мысли мертвого человека! Командир взвода – человек, мне об этом известно! Это его последние мысли, я знаю! Он же был там!.. Он был там с Айнером!

Пробежал через весь центр управления или еще какой-то темный отсек – прямо к столу. Больше не могу – сил нет... Какая тяжелая эта штука... Это все из-за нее. Это она пустила в мою голову мертвого командира взвода. Одеть-то на меня ее одели, а снять я ее не могу... Значит, я теперь от крыс завишу?! От моей еды?! Я пожизненно буду таскать этот ошейник, если они его с меня снять не сообразоволят?! Ясное дело – людям это нипочем, а для меня – это камень на шее! Как я сразу не сообразил?! Чтобы что-то сообразить, надо перестать бегать от лаза до помеченного угла и спокойно во всем разобраться.

Ну вот, теперь все улажено – надо было закрыть сознание от мертвого командира и всего-то.

Ох, уж эти крысы... Они ни год, ни число не выставили. Сами показали мне эти значки, а зачем, если все равно время не установили? И что теперь?..

– Прием! Прием! Как слышите?! Как слышите?! Центр вызывает Айнера! Прием!

Невеста прижала уши...

– Кот, он нас не слышит! Нас никто не слышит! Эта штука не так работает – это не передатчик. Крысы говорили, что ошейник записывает мысли.

– Ну да, эта штука – сложный электронный мозг, она все может!

– Это лишь отчет для отдела службы внутренней безопасности.

– Какой ужас! У нас нет отдела службы безопасности! Нам даже отчитываться не перед кем! Нас никто не слышит! Где же эти их передатчики?! Что нам теперь делать?!

– Бледные что-нибудь придумают – они почти люди, только умнее.

– Они в генной инженерии и квантовой физике не разбираются.

– Думаешь, Айнер в этом хоть что-то смыслит?

– Он все знает.

– Айнер – только командир человеческих штурмовиков, который всю жизнь носился по таким вот подземным развалинам с огнедышащим оружием.

– Ничего ты не понимаешь! Это не огнедышащее оружие, а лучевое!

– Но оно дышит огнем.

– Оно вообще не дышит! Не спорь со мной! Прием! Прием! Как слышите?! Айнер, ответьте Центру!

– Под столом нас точно никто не услышит.

– Не перебивай. Стол не экранирован.

– Ошейник не передатчик!

– Да, забыл...

Как все сложно, вконец запутался – и хвост путается, и мысли... Это что, уже запись идет?! Ужас какой! Мы оставим после себя такую чушь!.. Нет, я неправильно начал – крысы не так сказали... А что они сказали?.. Совсем забыл от смятения. Нет, не от смятения – от страха! Снова не так – нельзя открывать слабые стороны перед лицом истории. Ведь мы как раз для этого сюда и пришли – нам нужно столкновение с историей лицом к лицу. Зачем, я не очень понимаю, но вот только скоро столкнуться с ней мы не сможем! Нас просто не будет! А нам очень нужно оставить след в истории, пока мы еще есть! А то мы пропадем бесследно!

Гибель нам предвещает звезда, взошедшая три дня назад над Штраубом! Крысы это сказали! Еще они сказали, что это не звезда! Холодный свет сжигает все вокруг, хоть он и холодный! Слабым он стал виден еще давно! Еще только Айнер ушел! А теперь... Сияет в полную силу! Не знаю, что это! Ничего не знаю!

У меня есть очень важный вопрос, но ответить на него некому – Айнера нет! И если мы его не вызовем с того света (или куда он там отправился), я так и не пойму, почему нас скоро не будет! А главное – что произойдет! И что уже происходит! Может показаться, что ничего не происходит, только крысы говорят, что уже начались *изменения*. Несправедливо, ведь не мы причина, а человеческий фактор! Именно по вине этого фактора все и *изменилось*. Крысы уверены, что так оно и есть, хоть этого фактора больше нет. Из-за того, что он был, руггеры ушли вслед за червями! Куда – не знаю – они же под землей ушли, но разведчики крыс донесли, что территории Штрауба покинуты и этими, и другими чудищами! По мне так лучше – чем они от нас дальше, тем мне спокойнее (мы же как раз здесь собрались – в Штраубе, в Центральном управлении DIS, то есть в его развалинах), но крыс это очень сильно тревожит.

Крысы думают, что история нового времени еще не началась. Айнер поборол *тьму*, и она ушла. Но это не все... Он не разогнал тени прошлого! Поэтому мы еще только тени будущего на грани настоящего, которое будущим может и не стать (не знаю, что это значит, – заучил). Я до конца этого понять не могу – так уж я устроен – ничего не понимаю до конца. Даже не могу уяснить, отчего мы здесь в такой момент, что мы делаем, и почему нам это делать запрещено.

Оставить след в истории – серьезное дело, но у нас есть и еще одно, такое же серьезное. Это – изучение истории. К изучению истории я стремлюсь не потому, что собираюсь учиться на чужих ошибках (все равно не получится). И не потому, что надеюсь найти жизненно важные ответы на не менее важные вопросы (хотя обычно они здесь и есть – в истории, только их заметить очень сложно). Так про все это Айнер говорил, а я... Я не знаю, почему решил изучать историю... Просто интересно – мне всегда было интересно то, что я не понимаю и особенно то, что не пойму. Нет, не

только интересно, – страшно просто сидеть, ничего не делать и ждать этих *изменений*! Если бы крысы не готовились к смерти, может быть, было бы не так страшно, но они-то готовятся!..

Не могу говорить от лица всего кошачьего вида – даже невесту сюда с трудом притащил (мы народ осторожный). Но от своего лица перед лицом истории я могу совершенно честно заявить, что изучаю эту историю не по тем причинам, которые у людей считались важными. А вот крысы... Они намереваются воздвигнуть что-то вроде памятника Героям Великой Победы. Уже приготовили нечто, куда будут вписывать имена людей, которых считают достойными памяти. Это нечто – обломок чего-то военного и технического – того, что так любили люди. Крысы будут царапать по нему другим обломком чего-то технического... Это очень сложно. Но они по-человечески и писать, и читать умеют... А я ни так, ни эдак – ни читать, ни писать не могу. Не могу я понять, как из каких-то знаков может получиться что-то менее непонятное, чем всякие закорючки... Но не все имена достойных людей крысы знают, не все номера. Для этого историю и изучают, а так им дела нет до того, как там люди сами по себе жили.

Что-то я там про номера говорил... Да, ведь у всех людей были номера, а у нас номеров нет... Айнер все подобное относит к упущениям или даже – наказуемым нарушениям. Надо внести предложение на крысином собрании – решить проблему и всех пронумеровать. Крысам моя идея понравится.

Крысы хотят сделать все как можно скорее потому, что к смерти готовятся. Не знаю, зачем памятник возводить, если... Но им во что бы то ни стало надо успеть почтить память Героев – это очень важно. Они говорят, что *изменения* не могут быть достаточно длительными. Но они могут ошибаться – я на это возлагаю большие надежды. Жизнь крысы короче жизни кота – им жизнь досрочно терять не так жалко! Правда, у них сознание коллективное, и они к исчезновению вида проводят подготовку, как к личной смерти! А у меня сознание не коллективное! Меня, кроме невесты, отца, старшего брата, среднего брата, средней сестры и дяди с тетей, мой вид не очень беспокоит. Нет, я забыл про кузенов и старую тетку – их участь меня тоже беспокоит. Хотя не очень, если честно, – мы вообще одинокие странники жизни. Мы – хищники, крадущиеся во мраке, гордые и неприступные... Это хорошо, что так... Мне так легче. Я помню, как Айнер убивался, когда его вид должен был погибнуть... А крысы... Они друг с другом связаны еще крепче, чем люди...

– Да, да, крысы... Я помню. Увлёкся немного. Не надо меня обвинять – нет у меня никакого беспорядка в голове! Сейчас скажу...

Крысы считают, что я должен... Да, надо сразу пояснить этому “лицу истории” – идеологи крыс утверждают, что мы – создания *полусвета* (нас люди сделали). И мозги они нам дали (не специально, конечно, – на нас эксперименты проводили по усовершенствованию сознания). Поскольку все, что есть в нашем мире, сделали люди, мы все – создания *полусвета*. А люди, чьи корни уходят к естественному происхождению, – создания *света* (единого мира). Только люди как бы отделились от этого единого мира, когда у них разум стал развиваться по человеческому принципу: по принципу агрессивного приспособления мира к себе и попутного его поглощения. Люди призвали из небытия *тьму* (технический прогресс). Крысы полагают, что *тьма* этому миру не принадлежит, и ее нужно было отпустить, но люди так не думали. Они удерживали ее, пытаясь подчинить, – думали, что с ней справятся и возьмут под контроль. Но *тьма* вырвалась, разрушая все вокруг. Так и забрала с собой тех, кто не давал ей уйти, – то есть людей. Она бы и нас забрала, если бы не Айнер... Вот как...

Мы тут с крысами поспорили... Сейчас вспомню... Крысы утверждают, что участь людей была решена. И все из-за того, что они отделились от чего-то единого и отходили от него все дальше и дальше, пока их прогресс не расширился настолько, что произошло обратное сжатие – единение с неким одним общим целым. С этим я не спорю, но выходит, что с людьми произошло нечто иное, что произойдет и с нашей Вселенной, которая разлетится от точки сжатия, а потом сожмется обратно в точку, – я считаю – под своим же притяжением или чем-то вроде. Но тогда у меня получается, что Вселенная тоже отделилась от некоего общего целого. А крысы считают, что все – нечто одно целое, и не важно, в каких проявлениях – оно всегда будет неким одним целым. Они вообще думают, что у Вселенной для сжатия не хватит критической массы, но обратное сжатие все

равно произойдет... По их мнению, Вселенная от нуля сжатия расширится до нуля и после... сожмется обратно под нуль. Нет, по-другому... Это вроде как шар, который сжат, но который расширяется... Как воздушный шар, который раздувается и лопается, сдуваясь. Нет... Это как... Вообще мне воздушные шары нравятся – я их не видел, но у нас есть легенды про них... А Вселенная... В общем, мы решили, что все это не важно. Даже не знаю, о чем мы вообще спорили?... Не уверен, что крысы в таких вещах хорошо разбираются – такие вещи понимает только Айнер. Он может сказать – верна ли крысиная теория сбоев или толчков, путем которых происходит преобразование некоего единого в некое единое. Ну а я просто – кот, так что... Правда, я – высокоинтеллектуальный кот и все время твердил об этом Айнеру, но он так и не поверил...

Я опять отклонился... Люди натворили дел... Из-за этого и началась четвертая мировая война. По мнению крыс, мы еще не совсем остались в живых, потому что скоро, видимо, погибнем. Но если бы каменный Страж из иного мира не решил, что ждать стало опасно, – точно ничего бы не осталось – и нас в том числе. Страж сошел с ледников, с которых наблюдал за людьми тысячи лет. Он смог убедить Героя Великой Победы верховного главнокомандующего Армии AVRГ и главу Совета AVRГ... В общем, смог убедить генерала Роттера в том, что люди подошли к грани уничтожения своего мира и способны погубить не только свой мир. Он объяснил, что *тьма* набирает силу и готовится вырваться за пределы времени и пространства людей, что тогда никому уже будет не остановить и не сдержать *тьмы* – что это нужно сделать сейчас, здесь. Не знаю, как он это разъяснил правителю мощной военной державы, но он это сделал – думаю, не без угроз. Тогда генерал Роттер понял, что пока еще не поздно, он должен выпустить *тьму*, не то она станет так сильна, что, вырвавшись, заберет с собой все. Он утвердил задачу, которую совершенная боевая техника системы AVRГ смогла пересмотреть под давлением мер ужесточения контроля... принятых из-за усиления агрессии повстанцев на “оккупированных” территориях... А ведь люди так всегда говорят... Мы – коты – так не говорим, а крысы у людей переняли, и теперь разберешь их?... Пересмотр Задач расколол систему AVRГ, и начался второй этап войны. Примененная завоевателями стратегия обратилась против них же самих, против их же союзников и, естественно, против их врагов – в общем, против всего человечества. Но эта сила уничтожения была еще достаточно упорядоченной, и Айнер остановил разрушительный хаос. Если бы не он, *тьма* забрала бы *наш* мир, но... Айнер может нас бы и не спас, но Страж ему мозги в порошок истолок... По закону Страж не имел права оказывать воздействие тяжелым давлением, вот только не знаю, удалось бы ему до Айнера достучаться, не нарушив этот закон...

А вообще Стражу запрещено жестко внедряться в наш мир и сильно влиять на наше время и пространство. Но Страж – такое чудовище, что я уверен, смог бы просто уничтожить весь наш мир при нужде. Я рад, что люди его до такой нужды не довели, – получилось, что он просто дождался, когда они сами себя уничтожили... ему почти ничего делать не пришлось. Теперь для его мира угрозы нет, и он – ушел от нас обратно... вместе с Айнером. Но для нас угроза еще есть! А Айнера, который мог бы с ней справиться, с нами нет! И Стража нет! Хоть он – жуткий каменный великан, он лучше, чем ничего! Надо его вызвать... А вызвать его можно, сделав страшную для него угрозу! Точно! Только это и для нас будет страшной угрозой... еще хуже, чем сейчас. Нет, не получится... Но когда мы ни для кого не опасны, нам никто не поможет – ведь мы никому не нужны... кроме Айнера... надеюсь. А где Айнер?! Он всегда там, где все рушится! Значит, он должен быть здесь! А вдруг он там, где все рушится еще сильнее и скорее, чем у нас?! Надо у нас все скорее обрушить – тогда он придет и все поправит! Точно! Нет, не подходит... Без его командования крысы не смогут этого сделать – даже силами всех крысиных армий... Нет, все это не годится... А синий лес стал красным! Крысы считают, что он горит под невидимым огнем! Елки теряют иголки! И снег покрыт ими, как красной кровью! А мы почти ничего не знаем про снег и кровь – это Айнер знает... Хвост нервно дергается... И ухо, и глаз – я весь дергаюсь... А нет, еще не весь – вернее, это не только я, меня еще и крысы дергают, вцепившись острыми когтями мне в шерсть. Мои мысли снова меня отвлекли от чужих, а крысы уже сердятся... Надо начать историю, как они хотели, а то учредят собрание и прогонят меня отсюда. Нет, я их не боюсь, просто уж очень здесь крыс-наладчиков много.

Тьма ушла, но оставила тень, которая накрыла созданий *полусвета* (то есть нас). Она скрыла путь в светлое будущее. Бессмертные *полусвета* (это наши бледные или официально – люди из первого поколения) сдерживают, но не могут рассеять тень *тьмы*. И мы взываем к созданию *света* (человеку), победившему *тьму* и покинувшему этот мир! К Герою Великой Победы Бессмертному Лейтенанту Штурмового Отряда с рангом S9, принесшему Великую Жертву...

– Крысы, о чем мы взываем?.. А вспомнил...

Мы взываем о помощи! Точно, о помощи! Нет, я не испуган! Просто... Я высокоинтеллектуальное существо и страх мне неведом. Жалко, что фанфары молчат – такая речь историческая получилась... И жалко, нет никого, кто объяснил бы мне, что это такое – фанфары. А да, еще... Мы ждем, когда Великий Крыс-Передатчик, обретший бессмертие в других мирах, возвестит... возвестит... о *возвращении* Бессмертного Героя... героя... Айнера, короче. Но если нам суждено уйти в небытие, мы уйдем, почтив память Героев Великой Победы. Нет! Нет, никуда мы не уйдем! Мы почтим память героев и все такое, но не уйдем ни за что!..

– Все, Крысы, я закончил.

Крысы снова принялись за дело... А невеста сердито царапнула меня...

– Кот, о чем ты там взывал? Что это за патетика?

Иногда моя невеста ведет себя, прямо, как мой отец, – высокомерно, заносчиво и занудливо, будто она самая умная... Но вообще она права, как мой отец, – она действительно умная... Она же моя невеста, а я такой умный, что у меня не может быть глупой невесты. И я сын своего отца – значит, у меня, такого умного, отец глупым быть тоже не может. Мы все правы, считая себя очень умными, потому что все очень умные и гордимся этим. Просто, с того времени, когда мы с невестой познакомились в экранированном бункере 071-24, прошло уже три месяца – это очень много, поэтому мы часто деремся, выясняя силой, кто умнее. Но мы, конечно, грыземся, шутя... С невестой мы никогда не сразимся так, как с тем рыжим котом, который хотел ее у меня отбить в бункере 071-24. Я думал, что мы друг друга раздерем в клочья... Но Айнер нас тогда растащил... Вернее – расшвырял... тяжелыми сапогами под ребра... Но я не злопамятный... не очень злопамятный... и не очень сержусь.

– Это не патетика – это для истории. Для Великих Потомков Великих Предков... Крысы просили...

Крысы обвиняют меня в неконтролируемом словомыслии, но это из-за того, что я очень волнуюсь – я же ответственное лицо перед “лицом истории”... Ни им, ни моей невесте этого не понять...

– Ну и что, Кот, получилось?

– Не знаю. Думаю, да. Представляешь, крысы не выставили ни год, ни время... одни нули... Можно подумать – у нас время вообще не идет!

– Они специально. Пока для нас время не идет. Не по себе как-то от этого...

– Здесь под столом нас никто не найдет.

– Мне действительно не по себе...

– Крысы нам ничего не сделают – мы же теперь в команде, мы историки. И часть из них уйдет, когда все наладят, – останутся только передатчики.

– Да... Но для нас Штрауб – запретная зона, и нам сюда ходить нельзя. Не должны мы были приходить...

– Что за сомнения в такой момент? Пока бледные заняты доступом к материалам ученых, они нас не прогонят, и мы сможем что-то узнать.

– Кот, лучше было бы им помочь. Сейчас не время для изучения истории.

– Самое время – крысы должны успеть оставить имена героев перед смертью. И как бледным помогать, если они и близко нас не подпускают?..

– Крысы ведь им помогают.

– Крысы коды доступа высшего состава AVRГ знают.

– Не только – бледные крысам больше доверяют... Это все из-за твоего Айнера. Он им сказал, чтобы следили за тем, куда мы лезем.

– Он – наш Айнер. Он несерьезно обвинял нас в несерьезности – просто у него характер скверный, он же бракованный.

Обвел взглядом нашу с крысами подпольную деятельность... Я, например, в изучении истории ничего ужасного не вижу. Да и крысы тоже знают, куда можно лезть, а куда нет. Так что если нас все-таки заловят... Думаю, раз все это крысы придумали, бледные ограничатся очередным предупреждением. А сейчас они очень заняты – им нужно узнать, что именно и почему *меняется*. Это началось после последних лучевых ударов тяжелых истребителей по Штраубу. Теперь бледные должны успеть установить причину и остановить это... Когда они узнают, в чем дело, – смогут провести нейтрализацию чего-то одного и активацию чего-то другого... и коррекцию всего остального. Тогда все вернется на свои места, пойдет своим чередом. И тогда никому больше не придется трогать вещи людей. И нас, конечно, отсюда прогонят, потому что мы как раз трогаем вещи людей... Поэтому нам надо быть прытче и обогнать всех на хвост... Но так будет, если у бледных все получится... А вот если у них ничего не выйдет... Даже кончик хвоста нервно подергивается от таких мыслей!.. Уверен, что они смогут... Но не все так просто... Центральный мозг AVRГ уничтожен “белым медведем”, который был поднят другим Центральным мозгом AVRГ, – врагом. А его, в свою очередь, уничтожил “белый медведь”, которого Айнер поднял в последний полет. Все это очень запутанно, а значит только, что связь нарушена и добыть информацию очень трудно. Я думаю, что не надо было этого делать – не обязательно было уничтожать Центральный компьютер, ведь Айнер завершил задачу – войну. Этот мозг вызывал опасения, но он вроде перестал быть врагом... И он хранил всю важную информацию о мире людей, как и его резервные копии... Но теперь поздно – Айнер его разнес в пыль. Остались только мозги попроще. “Разрушители” не успели при штурме и зачистке Штрауба сжечь все компьютеры третьего порядка – единичные еще где-то стоят... Теперь бледные их ищут... И они нашли один ценный лабораторный мозг – это почти наше спасенье. Буду думать, что так оно и есть, – что в его памяти данные, что надо. Тогда лес из красного станет синим, как был, и перестанут сохнуть мхи, которыми зарастут выжженные лесные подпалины и похожие на лучи просеки. Но пока там только почерневшие голые стволы и обугленные иголки под ними...

Невеста вылезла из укрытия и вертится возле лаза...

– Куда это ты?

– Кот, меня одолевают сомнения... Все светится... Мне это не нравится. Знаешь, бледные, наверное, правы, что не позволяют нам трогать вещи людей. У них все опасное...

– Это архив службы внутренней *безопасности*. Ничего опасного здесь нет и быть не может. Все, что было для людей важно, – уничтожили, а для людей важно только то, что опасно.

– Да?..

Здесь действительно страшновато – все такое холодное, острое, светящееся... идеально гладкое и ровное – людям это каким-то образом сосредотачиваться помогало. Наверное, они должны были работать, забывая, что они – живые. Здесь и мы об этом забываем... Зимой в подземной части города, в этом помещении, где нет ничего, кроме стола, стоящего на нем блока компьютера и виртуальных мониторов, которых нет на самом деле, – мы всей шкурой и подшерстком ощущаем жуткость. Но не признаюсь же я невесте, что с трудом контролирую шерсть, чтобы она дыбом не встала... Мы – коты – существа осторожные по природе. Хоть любопытство часто перевешивает нашу опасливость – она напоминает о себе почти все время...

– Здесь наверняка остались записи врачей... Ты же хотела...

– Ради этого я и согласилась. Бледные очень терпеливые, не то, что твой Айнер. Их сколько ни спрашивай – не ответят, лишь бы отвязаться. Мы должны узнать все о лекарствах людей – как их делали, где брали...

Не буду ей говорить, что люди собирались из таких мелких частичек, из которых собирались другие мелкие частички. И поврежденные части люди заменяли таким же образом. Да и вообще, они были устойчивы почти ко всем болезням... Как моя невеста ни мечтает найти лечение от всего, что мучает нас – люди здесь не помощники. Не можем же мы их восстановительной техникой пользоваться. Хотя... Если бы знать, на что она похожа...

– А без всего этого никак записи послушать нельзя?

Невеста махнула хвостом в сторону компьютера... Крысам пришлось попотеть, чтобы его загрузить.

– Без того мозга, с одним этим, я могу слушать только мысли мертвого командира взвода... Но он мертвый...

– Все люди мертвы...

– Да... Но мы уже знаем, что он – Герой Великой Победы, оставивший Айнеру открытый путь к Великой Победе. Мы с Айнером и крысами его уже торжественно погребли в Шаттенберге... И нам его страшные мысли теперь можно не слушать – крысы его имя в список уже внесли. А ошейник его они забрали – просто для памяти – вместе с ошейниками всех, кто в разведку с Айнером пошел... Но остальные – сломаны. А нам нужно найти других героев.

– Надо послушать память этого командира и уходить отсюда... Он должен был знать других героев.

– Его память теперь моя, я таскаю его ошейник, и его мысли мы можем слушать не только здесь. Это мы сделаем после...

– После того, как нас отловят?

– Да.

– Я бы не стала включать эту штуку...

– Люди ничего такого без этих штук сделать не могли, и мы не сможем – нам ведь нужно сделать то, что люди могли делать только с этими штуками.

– Это слишком запутанно...

– Не волнуйся, мозг архива не кусается – всего-то аналитик третьего порядка, отвечающий за внутреннюю безопасность сектора подземного города.

– Ты уверен?..

– Абсолютно. У меня есть такой же – персональный. Айнер подарил мне мозг штаба Ивартэна.

– Мы не знаем, насколько это...

– Крысы здесь все знают – они даже генералов Совета подслушивали, так что...

– Я так поняла, что здесь память преступников? Может лучше поискать записи порядочных людей?

– Выбор невелик. И крысы считают, что только нарушители человеческого порядка могут быть настоящими героями.

– Ты уверен, что мы выберемся отсюда?

– Я во всем уверен. Пометил ходы к отступлению – специально для тебя.

Невеста прыгнула на стол – к крысам, которые так и снуют возле компьютера. Без нас они с этим не разберутся. Мудреное это занятие, но, кажется, есть прогресс. Крысы говорят, что тут все приспособлено для работы с материалами, что этот мозг очень умный.

Запись №2 00 00 000 00:00

Я проверил мою первую запись! Она есть!

– Получилось! Только время не идет – до сих пор одни нули. Ничего, Айнер вернется, чтобы время выставить...

– Да, Кот, только за этим и вернется – из другого мира!

– Не опускай мне дух! Все будет хорошо! Вот смотри... Крысы почти все сделали! И компьютер подключен, и остальная аппаратура!

– Теперь нужно найти записи врачей. Поторопи крыс – скоро время сна...

– Как можно думать о сне?.. Не говори больше об этом, а то можно подумать, что у нас действительно время совсем не идет – спим, едим, валяемся – никаких важных дел.

– Это важные дела. Ты слишком много времени провел с человеком – у тебя происходит смещение ценностей. Скоро для тебя важным делом станет угроза уничтожения всего мира, которую ты сам и спровоцируешь.

– Ничего подобного. У людей важные дела – разрушить и починить весь мир, а у нас – изучить историю разрушений и починок всего мира, пока он еще не совсем разрушен.

– У людей и история опасная. Послушаем записи врачей и уйдем.

– Уйдем? И будем дальше есть крыс, и валяться, и спать – и больше ничего?! Нет. Мне этого мало. И знаешь, мы едим крыс, а они... Все они, как один мозг. Каждая крыса, как нейрон этого мозга, который передает информацию. Представляешь, мы нейроноядные существа... Уничтожаем частички большого разума. Я перестану быть хищником.

– То, что у них коллективное сознание, не значит...

– Они уникальны!

– Они просто крысы!

– Я буду считать, что ты этого не говорила...

– Я не могу... Уйдем... Это опасно...

– Чем опасно?! Мы же не будем активировать истребители.

– Тебя уже посещают такие мысли?!

Хватит ссориться, а то крысы решат, что мы совсем тупые. В их глазах Айнер сильно подорвал наш авторитет. Подраться мы всегда успеем, а вот... Даже шерсть дыбом встает! Крысы настроили параметры... Забыл, какие именно, но теперь меня (мой ментальный фон) зарегистрировали. Теперь у меня есть не только этот ошейник – хранилище моей памяти... и памяти мертвого командира взвода, с которым я ошейник делю... Теперь у меня есть и регистрация – я внесен в базу данных компьютера третьего порядка и имею к этой базе доступ. Этот компьютер, как и ошейник, теперь настроены на меня, и я могу давать им мысли и брать мысли у них – только я один могу. А без регистрации с использованием паролей и кодов доступа высших офицеров – ничего бы не получилось... У людей все так сложно... Но крысы здесь со всем поработали... Умные они – читать умеют. Но и они намучились с моей регистрацией – здесь все только на людей рассчитано... Но коты все же пригодны, а крысы – никак.

Как все интересно! Крысы ведь не могут направленными передачами общаться – их мысли ни ошейник, ни компьютер без мороки с несчетными настройками и программами не воспринимает, а вот мои... Теперь я все записывать буду – все свои мысли, а их так много... Главное – я должен записать то, что услышу. Сейчас крысы инструкции изучают – думают, как бы все это сделать. Долго уже думают. Мне гордиться, конечно, нечем – меня только, как передатчика взяли: я должен все прослушивать, записывать и им информацию передавать. Они бы и сами смогли, наверное, но решили, что так проще, – я рад, что они так решили.

Вот они засуетились... В памяти шарят – ищут все записи, связанные с нашим Айнером. Но что-то пока... Здесь только конфискованная память – записи людей в факторе риска (не знаю точно, что это значит). Есть в памяти и имя нашего Айнера... Его записей нет, но имя есть... И не зря его в такой раздел поместили... Уверен, что человек, не помещенный в раздел фактора риска, никогда бы не совершил такого подвига.

– Кот, а вдруг бледные нас найдут?..

– Все нормально. Иди сюда! Я тебе дублированную линию сделаю...

– Наш лаз – это дверь... Ее точно заклинило? У нас от них уже десять предупреждений...

– Их число не ограничено.

– Кот, моя двоюродная тетка здесь сгинула недавно – это они ее...

– Наверное, она просто в воронку залезла и облучилась. Почти весь центр Штрауба – заражен.

Приятно – она за меня волнуется... Но нас уже не раз ловили – бледные за всем здесь присматривают, а за нами – особенно. Крысам они доверяют, а нам... Раз уж мы с крысами, ничего с нами не сделают. А что она про тетку сказала?.. А вдруг?.. Шерсть дыбится на позвоночнике... Из-за этого я уже чуть не лишился уважения Айнера... Он даже пытался меня утопить – не со зла, конечно. Просто он считает, что от страха смерти избавляет только смерть. У людей, может, и так – они умеют возвращать жизнь даже мертвым, но у нас по-другому. Что у котов девять жизней – предрассудок. У нас все не как у людей. И стараньями Айнера, я не стал меньше бояться ни смерти, ни воды – только стал больше бояться самого Айнера... Он прав только в том, что от страха смерти котов избавляет только сама смерть. Да и то я в этом не уверен, но проверять не собираюсь.

Все готово? Крыса села рядом со мной и смотрит... Ну а дальше что? Теперь я должен запись запросить... А как?

– Прием! Прием! Слушаю вас! Отвечайте!

Ничего... Но меня отметили, компьютер настроил передачу на мой фон... Я, получается, имею доступ к записям... Все должно работать. А что тогда не так? Может, память пострадала?

– Крысы... Я читать не умею...

Когда их много, я с ними в ментальный контакт вступить не могу, – их общая связь для моей головы невыносима, в их ментальном фоне слишком много помех. Мы с ними общаемся в основном... Крыса стучит по столу лапой... Но я еще не выучил этот язык стуков достаточно хорошо...

– Оставьте передатчика – я не понимаю.

Крысы разбредаются, выходят из радиуса восприятия передатчика, оставляя его одного... Далеко им убежать придется... Но теперь через мысли передатчика не проходят сигналы связи всех других крыс.

– Загрузи память Героя Великой Победы, Почетного Штурмовика Подземного Штурмового Отряда, Славного Разведчика, Спутника и Соратника Героя...

– Крыса, ты про Герфа?

– Да.

Не любят они, когда я их перебиваю, – это еще заслужить надо... Герф – боец Айнера. Мы его с почетом погребли в Шаттенберге... вместе с остальными. А его сломанный ошейник здесь... Но починить его крысы не могут – его память только в этом компьютере осталась... Если честно, мне в его память попасть как-то... Нет, не страшно. Я отважный хищник.

– Загрузи первую запись отчета бойца N2-8090.

Получилось? Да!

Запись №3 00 00 000 00:00

01. 04. 205 год Новой Техно-Эры 02:30

Лесовский еще раз просветил тоннель – лишь расколотый блок-отражатель остановил белый свет в километре отсюда: там темной горой свалены обломки корпусов “разрушителей”. Он снял шлем и, опершись на излучатель, неловко опустился на седло сбитой “стрелы”, вспоровшей при падении коридор черной прямой.

– Чисто, Герф.

Не смог даже кивнуть ему в ответ – шею от перенапряжения свело. Доложил взводному командиру, что сектор проверен, и руки сразу начали дрожать. Боль еще звенит в ушах – будто мои предплечья до сих пор располосованы теми остриями... Но от осколочных ранений и следа не осталось – это только память о той боли. И еще о другой... Чертовы штуковины эти регенераторы тканей – как не обезболивай (допустимыми средствами), каждый раз мучают хуже ран. Еще десять минут назад я этой боли не замечал, но сейчас, когда зачистка завершена...

Я остановился посреди лужи моей крови – она уже подсохла и загустела, но все еще липнет. Как только я дезактивировал шлем, запахло палеными волосами и обгоревшей кожей, но этот тошнотворный запах почти не ощутил за раскаленным маревом расплавленных перекрытий. Я схватил сержанта за руки и попытался поднять – его словно держит что-то... Заливший его сплав застыл – спаял с панелями пола и осколками шлема оплавленные волосы и погасшие погоны...

– Влад, давай помогай! Сплав застыл!

– Резак активируй.

Черт... Я просто упал на колени рядом с сержантом – от моих усилий его плечо хрустнуло, затрещали связки – так я ему сустав сверну. И правда, резак придется пройти... Тонкий луч задрожал у меня в руках. Лесовский подошел ко мне, повесил излучатель на плечо и сосредоточенно уставился в пол, опустив обожженные руки – он никак поверить не может, что наш несокрушимый сержант мертв.

– Влад, так и будешь стоять, пока его андроиды не заберут?!

– Он ни кому-то, а нам с тобой жизнь отдал...

- Теперь мы обязаны доказать, что его смерть была ненасправной. Помоги мне его вытащить!
- Смерть всегда так же напрасна, как и полезна...
- Черт! Влад! Просто помоги мне его вытащить!

Фонарь Лесовского снова пробил светом бесконечный коридор... Я кивнул ему в сторону оцепившего пустой дверной проем дракона. Затащили сержанта в зал и положили на квадратный стол, зависший в воздухе посреди пустого помещения тяжелой плитой. Лесовский уселся рядом с сержантом, а я как-то неприкаянно остановился перед ними... Андроиды еще на периметре, командиры – на командном пункте... медработники заняты теми, кто на грани смерти... Штурм закончен, но посты не выставляют... и нас не отзывают... Тишина мертвая...

- Они скоро истребители вышлют... К рассвету воздух точно прорвут...
- Могут и раньше, Влад... Тут мы оборону долго не продержим...

Тишина стала еще мертвее. Лесовский впери́л в лицо сержанта синие глаза... Здесь никого нет, но мы говорим каким-то сдавленным шепотом, будто обращаясь к мертвецу... Влад разбил белым лучом мрак, осветив бескрайний простор зала. Но остановил он этот обрывок света не на едва обозначенном дохлым прожектором выходе, а на замершем где-то в недостижимой высоте вечернем небе. Звезды бледно мерцают в сером сумраке, гладкий диск полной луны подкрался к противоположной стене и затаился в каком-то пыльном ореоле...

- Герф, это реальное небо – точная проекция пространства над Небесным городом...
- Только что-то с отображением здесь не то...
- Ночь тут тускнеет серостью, звезды блеклые, и луну почти не видно... А стуженные ночи Небесного темны... И они просто сияют этим зеркальным лунным светом – холодным, безразличным...
- Это точно поломки...
- Точно. И разбитый потолок, и небо, которое он отображает, – все изувечено... И луну мы тоже...
- Нет, с лунной порядок.
- Мы стерли кратеры... Сровняли лунные шрамы до того, что теперь... С тех пор...
- С тех пор мы получили мощный прожектор.
- Мы получили отражатель... Но похож он на зеркало, в котором нет отражений – один свет... чужой и далекий.
- Влад, держи эти мысли подальше от моей головы...

Этот отшлифованный обломок отходит от нашей планеты – отступает дальше, к пустой черноте... Его отступление трудно заметить – вернее, увидеть. Но по картам – проследить просто. Я эти карты смотрел. Решил, что похоже будто мы – те, в чьей власти его уничтожить, – внушаем ему страх... и ему – планетному осколку, припорошенному звездной пылью... Рассудил, что это почти повод для гордости... Только теперь стало ясно, что и этому осколку, порой, под силу пробрать наши нервы какой-то скрытой жутью. Вдруг дошло, что он вовсе не отступает перед нашей мощью – он просто покидает нас, оставляя непроглядному мраку... И его мертвенное свечение тревожит нас именно этим неколебимым покоем – ничем иным.

Думал, что мы затравили его сворой голодной техники, как зверя, и погнали напрямик к нашей цели. А теперь дошло, что гоним мы его никак не к нашей цели... И вообще – мы его не гоним... Он ведь не идет ни к охотнику, ни от него, как зверь, который не замечает гончих и следует обычным путем. Мы требовали от него большей световой отдачи – он стал ярче, но только, отойдя от нас. В итоге нам от него добиться почти ничего не получилось. А скоро он и совсем нас к черту пошлет – уйдет и потускнеет пуще прежнего...

Мы будто нарушили его график работы – просто сжали время, вышибли разом его распределенную по этому времени силу. Выбили мощную вспышку и ускорили тем угасание... Усилили и неизбежно ускорили... Это, как штурм, – чем сильнее ты ударишь, тем скорее станет ясно, победишь ты... или нет. Мы часто так поступаем – считаем, что нечего результату отсрочку давать, каким бы он ни был. Только трудно после этих усилий вместо ожидаемой награды принудительное наказание получать... Ведь ждем мы всегда одну награду, хоть и про риски знаем. Теперь мы, конечно, расчеты и учеты ошибок точнее ведем. Но старые недочеты исправить

сложно. Прежде мы на безудержный риск шли без разбора ситуации и с отмашкой от последствий – и делали это чаще, чем было необходимо... Чуть что – пошли на риск... А сейчас у нас и пути другого не осталось, кроме как идти по этому риску, как по дороге, проложенной среди непроходимых чащоб, – маршем и до конца...

Нам трудно думать, что мы не надо всем властны – особенно после времен полной уверенности во всевластии. Мы привыкли считать, что наши командиры только отчасти подчинены той силе, тому закону, которым полностью послушно все остальное, – что разум S12 возглавляет этот порядок и управляет им. А управляют наши командиры лишь нами, направляя нас по выбранным ими координатам одной общей системы порядка... И исходы всех наших марш-бросков зависят от того, как точно они эти координаты рассчитают. Порой мы по их расчетам прямо к цели подходили, но бывало и... От их ошибок мы и в гиблые пустыни заходили, и еще похуже... Но вроде выбирались еще отовсюду... пусть и с потерями.

Солнце с луной – это еще потери не худшие... И вообще – почти еще не потери. Отдалились мы, конечно, от солнца, но все ж не сильно. А было время, мы могли... Мы в расход чуть не всю солнечную систему пустить собирались... Теперь холод и мрак не дают нам про это забыть... Особенно про то, что к этому, по большей части, причастны мы... Гравитационные поля системы перестроили мы...

А черт с ними – с гравитацией, с темной энергией... Теперь мы эти силы бездумно и без особой нужды точно не тронем... И не только потому, что у нас к ним просто доступ перекрыт... Враг нас даже к термосфере слишком близко не подпускает... По орбите Земли курсируют его базы и тяжелые истребители... Нет, мы и без них эти силы бездумно не тронем – не совершим и не допустим таких ошибок, как холод и мрак... чтоб не допустить таких ошибок, как “белые медведи” и “хранители” Ивартэна... Но сейчас мне нужно больше думать о силах моих... К рассвету солнце опять пробьет истонченный воздух... Будет палить так, что мы еще вспомним ночную стужу... С рассветом мы опять вступим в бой... Но мы еще сможем вернуться в Штрауб... А наш командир... он останется здесь – под этим сломанным небом...

Ничего, сейчас *они* нам головы сносят, но скоро будем сносить – мы им. Вышибем этим железкам кристаллы, как они нам вышибали мозги. Медведь-лученосец еще склонит голову под рукой человека, прошедшего холод и мрак. Похоже, я впадаю в дрему – эти лозунги обычно мне в голову со сном идут, как образ того офицера, которого проецируют в Штраубе... Он и сейчас стоит перед глазами – этот офицер приходит из тьмы со штормовым ветром, бьющим в лицо и гонящим ледяную пыль... Он поднимает штормовой излучатель XF501, протягивает руку вперед и бросает к нашим ногам “убитый” вражеский разум – погасшие кристаллы... И за его спиной разгорается утренний свет... По нему сразу видно, что он – победитель, которым повержен враг и которому покорились могучие силы. Только в глазах этого мощного мудрого человека сохранен навечно след военного времени. Лесовский почему-то считает, что он не похож на того, кто вышел из замерзшей темени, – что слишком уж он хорош собой... еще и чистый, будто не с поля боя. Но он – победитель. Не с чего ему быть обугленным, покалеченным, голодным и замерзшим. С победой и нам ничто не помешает стать такими, как он... Как раз поэтому этот офицер встает перед глазами каждый раз, когда я, продрогший, валяюсь с ног и готов проглотить скингера целиком и живьем. А я уже готов проглотить скингера живьем – со всеми его лохмами – вот и думаю про того гордого и уверенного офицера, на которого равняюсь. Но нужно согнать этот полусон, отогнать боль и усталость...

– Герф, думаю, здесь будет видно приближение “медведей”...

– Если мы увидим “медведей”, это точно будет последнее, что мы увидим, – нечего и смотреть.

– Лучше последним увидеть их полет, чем темный обрушенный их лучами тоннель.

Я с ним не то, что не согласен, но сейчас мне об этом... Натянутые нервы мне скоро порвут и без “медведей”, рвущихся на нас с обломков этих звездных небес. Отходить с “окупируемых территорий” будет трудно...

Я оперся на стол, изо всех сил прижав к его холодному покрытию открытые ладони. Стол проверку на прочность выдержал... Холод прошел по моим рукам, и боль сразу утихла... Но не от этой заморозки... Что-то иное притупило боль... Адреналин – он опять зажал мое сердце тисками

готовности... Что-то здесь не то... и этот дракон у дверей, и... Есть что-то еще – что-то ненормальное, невидимое... Я проверил показатели полей на браслете – и отдернул руки...

– Влад, отойди...

– С чего вдруг?

– Этот стол... От него излучение какое-то исходит мощное.

– Ну не в воздухе же он висит.

– Нет, другое излучение. Положи руку и держи – оно станет сильнее. Сними перчатки...

Лесовский с большим трудом закрыл почти не тронутые медспутником ожоги, но теперь со сжатыми зубами все же стянул перчатку... и положил руку на стол...

– Точно – есть что-то...

– Только мы не знаем – что именно...

Влад вскочил, как ошпаренный... Города “золотых драконов” опасны и без врага. Хуже всего, что никогда не знаешь, что в их городах *опасно*. Мы отошли к стене, притушив фонари...

Застывший на лице сержанта металл отликает посмертной маской... Его рука упала в пустоту – в эти невидимые лучи...

– Что, Герф, проверим?..

– Нет.

– Проверим. Излучение, как от замков... только сильней.

– Думаешь, это короб?

– Если нет, то и запирает нечего.

– Сканер определяет плиту как монолит.

– Это сжатое пространство...

– Нет, его бы мы сразу заметили – поле было бы очень мощным...

– Оно перекрыто другим полем... От этой плиты излучение идет сильней, чем должно бы было...

– Технологии полусмертных... Их уже с древности глухой не применяет никто – и не без причины.

– Эти технологии не древней, чем Небесный город – выходит, не древней, чем бессмертные “драконы”. Эти технологии просто – старые.

– И опасны.

– Не опасней других.

– Влад... Материю прессуют под нуль – до первичной энергии. И чтобы вернуть ей прежнее состояние, нужно устроить чуть не вселенский взрыв.

– С ограниченной мощностью.

– Чтобы этот процесс был под контролем, программы нужны точные до крайности.

– Это учтено – как то, что обратно нужно получить, что и положили хранить изначально.

– А если учесть, что положили это “драконы”... и положили неизвестно что...

– Что бы они здесь ни хранили, безопасное размыкание хранилища учтено их техникой безопасности.

– Мы с тобой – их враги.

– Теперь больше не враги. И врагами их мы стали после установки последних подобных хранилищ.

– “Драконы” нарушили закон ограниченных технологий...

– Когда мы им войну объявили. И нарушили они его касательно одних нейросистем – не то, что мы. И, кстати, мы первые этот закон попрали...

– Верно. Но не убедил.

– Эту плиту точно поставили еще до войны.

– До войны... Значит, с тех пор здесь столько войск прошло, что... Чушь это. Ничего тут нет.

– Может хранилище и пусто... Но его могли просто просмотреть... Излучение короба и замка скрыто полем, держащим плиту. А программы этих полей реагируют только...

– С техникой ясно... А офицеры...

– Офицеры не снимают перчаток...

– Но бойцы...

– Герф, этот зал помечен госсимволикой. Думаю, мы первые рядовые, которые остались тут одни...

– Не должны были этого допустить... Офицеры про нас, похоже, вообще забыли...

– И тому есть причины... С трудом город отбили, чтобы несколько часов продержаться... Ясное дело, им здесь нужно что-то поважнее, чем мы – чем наши жизни при штурме и наши действия после него. Командиры заняты чем-то другим, и времени у них не много... А мы здесь... И может быть здесь еще что-то есть...

– Если здесь что-то есть – это что-то важное. Значит, надо доложить...

– Да подожди ты.

Лесовский редко смотрит в глаза, наверное, поэтому – всегда срабатывает...

– Мы должны...

– Должны проверить объект.

– Но насчет этого дракона у дверей...

– Особых указаний не было.

Влад из тех, кто все из под палки делает, но если уж ему что-то сделать припрет – его и палкой не остановить. Теперь он, как у него заведено, лезет в огонь за черт знает чем и для чего. И если я не смогу его удержать, – мы совершим подвиг... или погибнем бессмысленной смертью... А главное – ни ему, ни мне не нужно ни того, ни другого. Я хочу просто и честно исполнить долг по приказу, он – поймать всех чертей за хвосты... если что – и без указаний. Но именно поэтому мы с ним порой вместе можем и горы свернуть... Только сейчас, похоже, не тот случай...

– Ты знаешь, что...

– Герф, хоть раз заткни эти долбанные правила подальше!

– А ты хоть раз постарайся от них не отклоняться после окончания боевых действий!

– Сделаешь все по правилам, и...

– Поступишь, как должен.

– И ничего не сделаешь!

– Да только на правилах мы систему и держим! Пусть, как на строгом ошейнике! Но это лучше, чем пустить к черту!

– Мы не сможем сделать ничего большего, если не будем знать больше!

– Мы и не должны делать больше положенного и знать больше необходимого!

– Мы должны делать все, что можем!

– Если прикажут! И только то, что прикажут!

– Проверить объект – прямой приказ!

– Как и доложить об этом!

– Проверим – и доложим!

– Эти “драконы” штуки нам трогать запрещено!

– Герф, мы не знаем, что это! И не узнаем, если не тронем!

– Я доложу!

– Ларс Стикк! Его пошлют этот долбанный замок проверять!

– Его...

– Больше сейчас некого. А он, что бы тут ни было...

– Пусть Стикк... Пусть офицеры хоть самого черта пришлют! Я этот замок не открою!

– Мы с тобой наказание за одно его присутствие получим, что бы мы ни сделали!

– Влад, мне на наказание плевать, если тут дело серьезно!

– А если не серьезно?

– Хватит мне мозги вышибать!

– Тебе их вышибли уже!

– Не мозги! Только череп треснул! И “спутник” медицинский трещину скрепил! А тебе обломками той “стрелы” по голове точно сильно шарахнуло!

– Не было этого!

– Ты не помнишь!

- А я думал, что... Я и не думал, от чего голову ломит...
- У тебя сигареты есть?
- Только что-то похожее.
- Сойдет.

Я твердо решил сообщить обо всем начальству, но обнаружить фоновый сигнал кого-нибудь из наших унтер-офицеров оказалось не так просто. Ротный тоже вне зоны восприятия... Одни машины кругом. Ничего, подождем... Я сел у стены – думал было растереть колени и посмотреть напоследок прямо в лицо этой безглазой... этой ослепленной нами луне... Но Влад с немим укором встал передо мной, сложив на груди руки и устремив отчаянный взгляд к пыльному налету на полу... У него действительно есть причины беспокойно жечь нервы... Помимо его стремлений ко всему от нас скрытому, ему не дает покоя и Ларс Стикк... Со Стикком у них давняя вражда... С ним враждуем мы все... но не так давно и не так жестоко... Этим он и пресек мою попытку сообщить...

- Герф, мы так хоть не даром сутки отбудем...
- Идет. Проверим – и доложим. Но если там есть что, не тронем.
- Решили.

Подошли к столу осторожней, чем прежде... Сейчас посмотрим... И если там действительно что-то есть, сразу доложим командиру. А если ничего нет... тоже доложим командиру... Обо всем доложим... Лесовский положил руку на стол...

- Влад, ты коды не подберешь...
- Замки открыты.

Я только успел подключить затемнители и подхватить сержанта, как панель... Нет, не разошлась... Просто, центр этой монолитной плиты какой-то трещиной дал засветку по квадрату... и ударил по глазам нестерпимо ярким сиянием. За колебаниями и перепадами света последовал мрак – энергия изошла. Мы переключили фонари на полную мощность, но ничего не увидели...

- И что? Это все?..
- Нет, Герф, не думаю... Вырубим свет – луны должно быть достаточно...

Что-то хрупкое, едва видимое... Что это такое, я не понимаю... Решил отойти подальше, но Влад уже ошалело вцепился взглядом в этот поднятый им над плитой куб. Это кажется кубом – почти невидимым, прозрачным и...

- Влад, что это? “Короб”?.. Еще один?..
- Похоже на то...
- Он пустой...
- Посмотрим еще... Как его разомкнуть?..
- Задвинь его обратно. Нет, просто не трогай...
- Я его открою...

Влад ищет панель управления – хоть что-нибудь... Но ничего нет...

- Оставь его. Он пуст...
- Это только очередное поле...
- Очередное поле – и только.

Лесовский опустил потускневший взгляд в пол... и, наконец, отнял руки от прозрачной пустоты...

- Есть под ним что-то или нет – мне его не открыть...
- Еще бы. Если “золотые драконы” что-то упрятали, так никто не найдет.
- Мы нашли... И не прятали они ничего... Просто – закрыли...

Только не это... Его взгляд снова разгорелся синим пламенем, а оно всегда холодным лишь с виду кажется... Влад скинул с плеча излучатель, бросил его на плиту, вытер перчаткой со лба испарину, сжал зубы и...

- Стой!
- Они часто пускали в ход такие загадки!

Я не успел перехватить его руку. Не думал, что он дошел до того, чтобы сделать это. Влад даже перчатку не надел – запустил обожженную ладонь прямо в эту невидимую пустоту...

- Что это?!
- Куб был открыт... Открыт тем, кто не побоится отдать ему руку...
- На кой черт ты!.. Что нам теперь делать?!
- Лесовский сжал пальцы на тонкой металлической трубке так, что костяшки побелели.
- Взять это...
- А что это?!
- Лесовский осторожно осмотрел трубку...
- Похоже на электронную флейту...
- Нет... Сержант говорил, что у “драконов” любой предмет – оружие.
- Герф, если бы мы не были такими тупыми, то тоже могли бы применить как оружие все, что под руку попадет.
- Черт... Если это инструмент – у него должен быть мозг, панель управления...
- Мозг есть – он не активен. А панель...
- Только не подключай его! Не трогай! Черт... Я доложу...
- Не дергай начальство по ерунде, Герф.
- Ерунду под вражеской госсимволикой не хранят.
- Мы не храним... Что здесь могло быть?
- На схемах это четвертый сектор, и все.
- Сектор чего?
- Нам этого знать не положено.
- Надо подумать...
- Влад, кончай с этим! Нам запрещено трогать “драконью” технику...
- А может это и не их... Здесь нет никаких меток, клейм... Мы Небесный город третий раз штурмуем, но ничего подобного еще не видели...
- Значит, это еще опасней, чем мы считаем. Это что-то чужое...
- Нет... Смотри, есть дракон – почти незаметный...
- Он стал четче...
- Реагирует... Он реагирует на мою руку...
- Влад, не трогай его. И эту штуку положи – и не трогай. Не важно, кто спрятал, важно – где и что. Здесь ничего безопасного быть не может.
- Герф, есть правила, которые мы нарушаем потому, что не знаем о них. Уверен, одно из них обязывает нас проверить объект в той ситуации, когда командирам не до него.
- Хватит мне голову морочить! Нет таких ситуаций, когда командирам не до объекта, помеченного вражеской госсимволикой!
- Герф, пошли к черту Полуночный турнир – ты никогда не победишь в бою без правил!
- Я с трудом стряхнул оцепенение и передал информацию об этой, непонятно как найденной и чем помеченной, штуке Стикку. Лесовского не переубедишь – эту штуку отнять у него теперь я смогу только силой. Но применять силу поблизости от неизвестно чего я не стану – вернее, применю, только если Влад решит это “неизвестно что” включить. А он решит... Он уже пробует засечь поле панели управления...
- Пошел с ним обратно к этой плите – больше ничего не осталось... Мы не сложили “короб” – просто уселись рядом с этим, почти неразличимым на свету, кубом и мертвым сержантом... Ждем взводного... Никогда еще его так не ждал... Стоило мне взглянуть на трубку, как я убедился, что с этой штукой дело нечисто... Влад извлек из трубки какой-то слабый проблеск, который тут же угас... Если он управление подключить не смог, – значит, эту штуку он уж точно не подключит. Хорошо, конечно, – мне спокойней... Но еще это значит, что закрыли электронный мозг серьезно, что хранит он важные данные... А ни у кого из трех систем не было ничего важного и при том не опасного. Я как-то невольно передернул плечами – холодно здесь... и жутковато что-то... Не нравится мне этот проблеск – этот было установленный, но отрезанный каким-то ошибочным кодом, контакт... Нигде мне еще не встречались такие блоки на панели управления... Мы на этом уровне защиту вообще не ставим...
- Что бойцы, звезды пересчитали?!

– Так точно, командир!

От ментального удара мы с Владом подскочили, как от разряда. Ларс Стикк сложил за спиной руки и натянул ехидную усмешку.

– Докладывайте, сколько звезд сосчитали?!

Лесовский побелел, как покойник на снегу – командиру каждый раз из него жизнь вышибать удается. На этот раз и у меня сердце заледенело... Стикк обколол нас наглыми прищуренными глазами и остановил еще более придирчивый и колючий взгляд на этой погасшей металлической трубке...

– Что молчите?! Докладывайте!

– Обнаружен...

– Сколько звезд?!

Звезды... И что это значит? Опять он... Если мы не ответим – разозлим его, если уточним – тоже разозлим, если ответим неправильно – разозлим еще больше... И это – боевой командир...

– Мне безразлично, сколько времени вы оба здесь на безделье спустили. А сколько звезд в открытом космосе – мне известно. Тупых вопросов я, как правило, не задаю.

Потолок отображает звездное небо... Но из-за перебойной подачи энергии сосчитать это мерцание над головой я не могу...

– Командир, по техническим причинам четкой проекции нет.

– Но визуальный контакт есть...

– Так точно. Но при такой видимости определить...

– Хороший из тебя разведчик вышел, Герффрид. Один взгляд на заданный объект, и ты должен предоставить мне подробный отчет с указанием точных характеристик.

– Я человек – мне не даны способности машины, командир.

– Ты не человек – ты боец. Ты – мой боец. И сутки ты отбудешь... за неповиновение... и за грубость.

Черт... Стикк штрафных не дает – взвод ими мараить не хочет. Мы у него перед его начальником чисты, как его сапоги. Только официальные штрафы часто снимают за боевые заслуги... А Стикк, что бы мы ни делали, это альтернативное наказание в исполнение каждый раз приводит без послаблений. И если мы потребуем положенный штраф, – он нам без мучений ни жить, ни умереть не позволит... Не будь на него никакой управы, по его воле мы просто ослепли бы в карцерной темени... Он знает, что это – единственное место, где мы ждем сражений, как пощады... где позволение вступить в бой равно высшей награде.

Ларс Стикк будто репейником меня забросал... и вроде остался этим доволен. Теперь он шипы на Лесовского переведет – Владу от него мучений обычно достается больше, чем мне...

– А ты что молчишь, Лесовский? Решил что-то скрыть?

– Никак нет, командир.

– Ты ничего не скроешь. Тебе просто – нечего, ведь тут ничего нет. Тут ничего не скрыто. А это значит, что мне здесь больше делать нечего. Зря я попусту потратил время на осмотр этой пустоты. Этот пустой “короб” оторвал меня не от пустых дел.

– Но “короб” не...

– Не перечь. Старшему по званию видней. Сутки и ты отбудешь. Тебе всегда есть, за что... Убери эту железку. И не бросай, где попало, как окурки. Если ты будешь соблюдать требуемые чистоту и порядок, мне не будет нужды объяснять тебе это простое требование еще... понятнее.

Влад издевок его не выносит... Еще бы – Стикк его едва не травит... Да и меня он тоже порядком достал... Никогда не знаешь – где он просто нервы замыкает, а где серьезно... Вот мы и стоим... И Стикк ждет чего-то... Но эту трубку он забирать, похоже, и не думает... Он эту штуку, вроде, больше и вовсе не замечает, будто Влад сигарету держит... Только и сигарете от него обычно больше внимания бывает... Я ничего не понимаю... А Влад... Он решительно протянул командиру эту, крепко зажатую в его кулаке, “железку”, с уже четко проявленным драконом... Но Стикк лишь безразлично покривился, взглянув на его ожоги... будто Влад ему подобранный где-то в пыли окурочек передает... Влад еще судорожной сжал трубку обожженной рукой... А Стикк... сверкнул

начищенными сапогами и подошел к столу... Он сложил пустой “короб” и растянул тонкий рот шире...

Доложить офицеру... Нет, не положено, если взводный командир проверил... Но я что-то не понял... Похоже, Стикк дал Владу разрешение взять эту штуку... И похоже, что это – превышение полномочий... Но если Стикк так спокойно эту трубку для издевок использует, может быть это и правда что-то не очень опасное... А что это, он не объяснит, чтобы издевку не испортить... Мы точно знать не должны, с чем дело имеем...

Стикк пристально посмотрел нашему сержанту в лицо – и перевел колючий взгляд на нас...

– Пусть после этого кто-то только скажет, что я к назначению по трупам шел.

Влад как-то смог побледнеть еще больше, и до меня дошло, что я еще чего-то не понял... Если Стикк имеет в виду назначение на должность... Судя по всему – это понижение. Знать бы, за что...

Он что, нашим сержантом станет?! Будет рядом каждый день, каждый час?! Его и как взводного, которого мы видим лишь при штурмах и построениях, вытерпеть не просто... Стикк утвердительно кивнул головой, будто прочел мои мысли... Он, как обычно, скривил рот, окинув придирчивым взглядом наши сведенные челюсти и сжатые зубы... Поискал, к чему еще можно придраться, ничего не нашел, развернулся и направился к двери... но обернулся – уже из темноты коридора...

– “Медведи” уже близко, но Ульвэру еще нужно время. Теперь каждый обрывок времени будет дороже наших жизней... Операцию завершим через час. Это промедление оставит нам один путь – отход через лесные чащи. Его с боем отбивать будем. И нас Ульвэр первыми пошлет. По его приказу – видеть мы будем не все. Но я знаю, что в этих лесах что-то есть, – что-то, что командиры скрывают. И оно опасно. В этих лесах бойцы пропадают – и их не ищут. Ясно?

– Так точно, командир.

Мы ужасно устали и соображаем уже с трудом... Я еще понять не успел... Я еще ничего толком понять не успел... А тут еще лесные чащобы и... Не дошло что-то... К чему это Стикк клонит? Он что, решил... Нет... Он не может... Он наш командир... Это просто его издевки... Мы у него по этой части избраны... Точно – это издевки. Тут он удержи не знает... Но Стикк... Он подошел к нам ближе и припер нас к стенке строгим неотступным взглядом...

– Нет, вижу, что не ясно... Хантэрхайм больше не способен обеспечить Штраубу защиту. Скоро Штрауб вступит в жестокий бой – откроет северный фронт, третий фронт. Шаттенберг долго не простоит, и у нас не будет ничего, кроме... Штрауб не выстоит – он подымет щиты, и его прикует к руке “белый генерал”. С этими щитами весь наш мир будет закован волей и властью его одного. А поступки его – поступки машины... Вокруг нашей последней крепости будут только враги. Но подобной власти над нашим временем и пространством, над нашей жизнью и смертью не получить и Ивартэну с его непобедимыми войсками.

Стикк ждет чего-то, не уходит... Он как-то резко стер усмешку, сжал тонкий рот суровой прямой линией... От напряжения судороги задергали его челюсть... Нервный он, просто, очень... Не похоже это на его обычные выходы – от этого как-то жутко...

– Генерал Снегов – никто не знает точно, человек он еще или уже стал машиной... чем-то подобным машине. Многие считают, что с объединением трех систем, Совет AVRГ потерял контроль над его властью. Он вгоняет нас в страх, но он один еще способен вести эту войну и управлять системой. Офицеры ждут от него четких и холодных решений машины, но только до границ зоны этой войны. А “белый генерал” забыл про человеческий взгляд – он этих границ не видит. Перед ним открыто будущее всей системы. И мыслит он одним расчетом. И делает он только то, что должен. Он смотрит одинаково холодными глазами и на крепости, и на руины, и на живых, и на мертвых...

– Командир...

– Молчи. Скоро все рухнет. Он знает об этом. И его “защитники” – знают. С каждым днем их расчеты точнее. Скоро учтенные ими версии подойдут к четкому обозначению неизбежного крушения системы. У них будет подтверждение отсутствию будущего – больше им ничего не нужно. Их задачи будут завершены, их действия – прекращены. И что ему, что его технике будут безразличны сроки той решающей угрозы полного крушения системы. Он спишет то время,

которое способно обрести значение только для нас, – не для него и его машин. Никто не знает, что он решит, но каждый знает, что он не переступит через расчеты. Он примет решение как высший офицер, но это будет решением высшей технической единицы. Поймите, вы оба, еще есть время, есть открытые пути. Но скоро не будет ни того, ни другого.

– Командир...

– Герфрид, молчи. Что бы ни было – системе долго не простоять. Штрауб погребет нас – если не под обрушенным врагом щитом, то под руинами крепостных стен, разрушенных войной и временем. Офицеры высших рангов – хоть и считают, что время еще есть, – видят у системы короткое будущее. А “белый генерал” не видит почти ничего. Он окончит расчет, и ничто больше не помешает ему ясно увидеть впереди – Ничто. Он разожмет руку, которой держит и систему, и эту войну. И никто не узнает точного времени – никто. Мы все идем по лезвиям его ножей... Поймите ж, он не помнит, что кроме системы, есть еще и мы. Но мы должны помнить об этом.

– Командир.

– Угрозы близки. И если мы пройдем одну – будут другие. Мы и теперь стоим у черты. Нам не уничтожить Ивартэн, не уничтожив нашу планету, не подойти к его Центральному штабу, не разорвав наше пространство и время. Расчет почти завершен, но прямой переход еще не открыт. Открыть переход – расчистить отрезок пути до Пустоты, убрать с пути пространство и время. Открыть его – отсоединить их от одного соединения и подсоединить к – другому, отключить их части и подключить обратно. Стабилизационное поле точно стыкует обе пространственные и временные точки, проводя через одиннадцатое измерение – через Пустоту. Но оно должно быть подключено четко по схеме. Это просто сделать, имея необходимые расчеты действий. Расчетное действие ничем не уступит реальному. Офицеры считают, что расчетное пространство и время – что-то подобное другой форме обычной реальности. И общий расчет есть. Но есть еще и погрешности, которые должны быть учтены. Переход – мощное вторжение в космические структуры. Здесь и слабое отклонение от цели, от пути к цели, крайне опасно и разрушительно – здесь недочеты недопустимы. Снегов не откроет этот переход, если не получит над ним полный контроль. Его офицеры должны будут провести еще не одну проверку, не один прогон не по одному полигону этой реальности. Испытание займет больше времени, чем мы имеем.

– Командир!

– “Белый генерал” берет в точный расчет тонкие процессы. Он не пресечет экспериментальную фазу до поры четких решений. Он не поставит систему под досрочную угрозу разрушений и не устранил этим угрозу дальнейшую. Он сочтет этот риск не нужным. У нас нет того будущего, которое он не сможет списать к нулю. Он даст нам столько времени, сколько даст его расчет. И он не допустит ошибки – он знает будущее. Но к этой одной точке, которую учтет он, ведет много путей, по которым еще сможем пройти мы. Он перекроет их. Перекроет дороги и вычеркнет сроки их прохождения. Ему осталось только получить подтверждение – объединить данные при полном их стыке. Офицеры знают об этом. Но “белому генералу” нет смены. Ему не будет смены до последнего дня войны. Он – опасен. Его расчет подходит к концу, и это расчет машины, смотрящей холодно и далеко. Ровный, как снег, и твердый, как лед, – он не живой и не мертвый.

– Командир!!!

– Чжан Лун будет уничтожен им. Снегом будет закрыт и мертвый “дракон”, и Хантэрхайм. После этого и Совет, и Центр станут одной видимостью контроля – той, которую он видеть не будет. Он – не человек.

У него что, совсем крышу сорвало?! Я сжал кулаки и... Я бы ударил его... Я бы ему челюсть вышиб... И плевать мне, что он... Но Стикк... Он понял мои мысли. Он было занес руку, но – хоть и волевым усилием – удар пресек и остался прямо стоять, сложив за спиной руки.

– Ты будешь жалеть об этом, Герфрид.

– Никак нет, командир.

– Будешь. И Владислав – будет. Оба вы еще не знаете, что это – Хантэрхайм. Он студит и прессует в лед пролитую на его снег кровь. И под его сияющей белизной толщи багровых льдов... Хантэрхайм никого не пощадит! Он никого не отпустит! С его ледников не уйти никому! Хантэрхайм скует льдом, Штрауб – щитом...

Стикк резко прижал затянутой перчаткой рукой сведенный судорогой нерв, жестоко покрививший его челюсть... Развернулся и пошел к двери – не обернувшись, остановился в пустом дверном проеме...

– Я не хочу видеть никчемные трупы хороших бойцов. Думайте сейчас – и быстрее. Потом будет поздно.

Мрак стер его силуэт, а тишина заглушила его ровный шаг... Но шаги его еще стучат у меня в висках... Адреналин еще бьет мои мускулы дрожью от его... Лесовский резко одернул меня... Отошел к столу, упер сосредоточенный взгляд в окованное железом обгоревшее лицо нашего погибшего командира...

– Черт... Герф, это что вообще было?

– Я думал, ты что-то понял...

– Может, еще пойму... Но ты... Герф, ты просто... Ты тупой.

– Я не мог иначе! Пусть теперь хоть сгноит! Это никому не дозволенно!

– Ты тупой... А Стикк – нет. Хоть он и сволочь, каких черт не видел... Он что-то знает... И про эту штуку, и про... Еще что-то про Хантэрхайм...

– Конечно, он на севере долго служил – воевал и в Хантэрхайме.

– Он воевал в Альвэнхайме... С Ульвэром... А потом... Мы потеряли Альвэнхайм, и Ульвэр был призван Штраубом...

– Но Стикк северных территорий не покинул. Ульвэр его позже чуть ни силой у карателей DIS вырвал...

– Каратели...

– Ни у кого другого его силой вырывать не пришлось бы...

– Убедительно... Но остальное... Не похоже это на правду. Чуть. Нужен он Ульвэру...
Офицеру S12...

– Понятия не имею.

– Если это не ложь, то... Стикк чем-то его терпение заслужил...

– Тут не одно терпение должно быть.

– Нет, Стикк не глуп... А это значит, что... С Хантэрхаймом тут что-то не то...

– Еще бы. Этот гиблый ледник который год Ивартэну дороги к Штраубу боем заступает...

– Герф, он сказал, что мы еще не знаем, что это – Хантэрхайм... Еще не знаем...

– Влад, по-моему, он нас просто мучить решил до его или до нашей гибели...

– Мог и просто мучить, мог и серьезно предупредить... Он обычно и то, и другое одновременно делает... Похоже и на угрозу, и на оповещение...

– Думаешь, он нам северным фронтом угрожает?

– Не он – Хантэрхайм... У него на такие угрозы ни власти, ни полномочий нет. Но информация, уверен, у него есть... Что сейчас на северном фронте, Герф?

– Мороз... Бои... Ничего необычного.

– А кто такой Чжан Лун?

– Генерал какой-то северной армии. S11 вроде... высший боевой офицер.

– Я что-то про него уже слышал...

– Что-то про него все слышали. Точно не помню, но, кажется, он сторонник крайних мер. И у него есть... сторонники.

– Чжан Лун... Хантэрхайм... Расчеты и руины... Стикк точно что-то знает... Похоже, плохо наше дело...

– Конечно, плохо. Устали, как загнанные скингеры... Опять в бой... А у командира с головой неполадок...

– Хантэрхайм...

– Кончай мозги мучить. Успеешь еще – в карцере.

– Стикк нам это мученье за схватку в лесных чащобах не спишет, с чем бы мы ни схватились... А сражение может быть с чем-то похуже техники – с чем-то, о чем мы ничего не... И искать нас не будут...

– После такого боя, скорей, искать будет просто нечего...

– Герф, произойдет столкновение или нет – нас не станут искать, если мы пропадем... если что-то повредит браслет и прервет сигнал...

– Нет, он не про это... Я было подумал, но нет... Он только и ищет повод для придирок – нервы нам потрепать...

Влад вдруг поднял голову...

– А ты не думал, что он это специально делает?

– Ясное дело. Злой он – и с хорошей памятью.

– Нет, Герф... не только это...

– Еще и нервный...

– Есть другие причины... Ему от нас что-то нужно...

– Подчинить – силу показать.

– Подчинить – здесь одной силы не хватит. Командиру нужно доказать, что подчинение необходимо нам. Командиру нужно напрочь вышибить мысли о том, что мы к чему-то годны без него.

– Каждый командир это должным считает – и правильно делает. Только Стикк лишку дает.

– Каждый может палку перегнуть, чуть не сломать. Но Стикк эту палку только с одной стороны ломает. Он применением одной только грубой силы принуждает нас к жесткому сопротивлению. И делает это – специально.

– А ты это с чего решил, что специально?

– С того, что он нам тупики только с одной стороны ставит. А с другой – у него открытый путь... Мы подчиняемся только его силе, но вольны не подчиняться его духу. Он принуждает нас повиноваться ему, но противостоя ему всеми силами... Он закаляет нас, Герф...

– Я что-то не...

– Мы у него были будто при отборе перед сложной операцией, где бойцы должны сражаться одни – без командира... От них тогда требуют одного – их предельной силы и воли. Проверку прочности мы прошли – силу мы ему доказали. Теперь – доказали и волю. Он нам спуска не даст – это он нам разъяснил железно... Но он будет требовать этого и от нас – мы не должны просто спускать что-то ему с рук... Это подчинение с противостоянием – оно не опускает его и поднимает нас, Герф... Это не только не позволяет ему ослабеть, но и делает сильнее нас...

– Влад, ты...

– Он учит нас смотреть и видеть, думать и выбирать... Учит отстаивать то, что мы привыкли считать данным и должным. Это принцип северных армейских боевых подразделений – мы должны честно служить, но не должны всецело верить честь командиру. А Стикк... он этот принцип, просто, по нервам пустил дальше, чем следует...

– Нет, не дошло. Мы отдаем армии AVRГ и жизнь, и честь...

– Верно, но не целиком... Честь – это что-то вроде поправки к закону, прописанному четко, но без уточнений. Уточнения должны вносить мы – по праву чести. Нужно понять, что это – подчиненность с противостоянием. С противостоянием всему...

– Всему?

– Всему, Герф... Командованию, обстоятельствам – не важно... Всему, что сильнее нас, но только с одной стороны... Это верный принцип – он жестко продвигает нас вперед, готовя к тяжелым сражениям... Он корректирует систему, сменяя слабых сильными... Только Стикк по нему далеко зашел... Он подошел к противостоянию системе.

– Системе? Но это не...

– Он и не считает, что способен здесь что-то сделать. Он уверен, что системе точно придет конец, что бы он ни делал. Но он уверен, что это еще не точно положит конец нам... и что упрочить эту уверенность ему под силу.

– Влад, ты... Ты это про систему с больной головы...

– Не будь ты таким тупым! Он готовит нас с тобой к бою...

– Только еще не ясно, к какому...

– Ясно, Герф. К тому, где мы будем одни... Похоже, что к Хантэрхайму... Но нет – тут есть что-то еще, другое... И Стикк знает, что делает...

– Думаешь, он старательно закаляет наш дух, чтобы мы прошли через нескончаемые бои и не были сломлены обрушенным ими будущим... Благородно.

– Нет, другое... С благородной целью, но с подходом, про который и думать тошно... Стикк прошел полярные льды. И к Ивартэну он был ближе, чем мы сейчас к Штраубу. Но ты посмотри, что с ним стало после этих ледяных пустынь... Он просто не понимает, что теперь служит Штраубу. Он воюет по принципу той войны. Той, где ты воюешь со всем – с врагом, с морозом... Где вечный бой и холод беспощадно ломают людей, технику... и ты воюешь – один. Где порядок берут штурмом и держат силой. Где офицерам лишь ледяные пустыни помогают удержать этот порядок и сдерживать отчаянье. Их бойцы – которые знают и видят больше, чем мы – способны уйти... Их держит один долг. Но есть среди них и те, которых долг больше не держит... Только идти им... А здесь – дороги есть... И Стикк с его порванными нервами, здесь – считай, волен...

– Влад, ты... Ты что, думаешь, что Стикк...

– Он не уйдет. Он решил послать в бой нас.

– Но приказ он не отдал...

– Какой приказ?! Он может только – убедить! Убедить нас вступить в тот бой! Понимаешь?!

Тот, который за пределами системы!

– Влад! Это просто его издевки!

– Не издевки!

– Я думал было, но... Скорей, он нам проверку устроил...

– Нет! Это то, о чем он действительно думает, и то, чего он от нас требует!

– Быть не может. Он же наш командир...

– И командир, и подстрекатель, Герф.

– Но зачем ему?

– Он объяснил. Он не хочет видеть никчемные трупы хороших бойцов. Он считает, что мы уже покойники – никому ненужные покойники с никому ненужной смертью... Что через бои, предстоящие системе, мы к будущему не дойдем.

– Черт... Надо доложить...

– Нет. Подождем...

– Ты думаешь, что он прав?!

– С какой-то стороны, может, и прав...

– Влад, только не ты!

– Я о другом – о нашем будущем...

– Чушь это.

– Не уверен. Он что-то знает...

– Мне без разницы. Мы обязаны сообщить.

– Нет, Герф. Мы с ним еще не по разные стороны воюем. И он отличный боец – хоть ему и хорошо нервы попортили...

– Это верно.

– Мы ему не уступим – больше ничего и не нужно. Будем терпеть...

– Ты его ненавидишь...

– Не настолько, чтобы выдать карателям по такой... ерунде.

– Я вижу, что ты что-то задумал...

– Еще ничего, но... Пусть он считает, что теперь есть только один способ противостояния этой разрухе – мы докажем, что есть и другой... Мы преодолеем это... И мы будем терпеть его, Герф...

Влад сжал зубы до скрежета – тяжело ему это решение далось. Мне с этим как-то проще... Стикк как-никак – наш командир... И отвоевал он столько, что нам и не снилось... Лесовскому важнее получить от него информацию... А я просто не могу с ним так поступить... если все зависит только от моих сил, от моей устойчивости к его вечным нападкам... Что ж, если мы не погибнем к рассвету, нас ждет промерзший карцерный мрак, которого сторонятся даже самые отчаянные крысы – и пусть... Пусть Стикк о нас ядовитые зубы сломает... Каратели ему их выбить всегда успеют...

– Пошли. Сбор.

Наши потрепанные “стрелы” уже поднялись в воздух и ждут... Тоннель уже озарен их одноглазыми прожекторами... Уже слышен лязг и низкочастотный гул, убивающий и без того мертвую тишину – подняли тяжелую технику... Ульвэр уже отдает сухие приказы нашим замотанным офицерам... Но технику за нашим погибшим сержантом так и не прислали... Указания на расщепление получили мы с Владом... Его мы оставим здесь, под этим сломанным небом...

Запись №4 00 00 000 00:00

Мне это не нравится... Одни люди... еще и злые. И еще они мертвых людей зачем-то с собой берут... Но все равно оставляют... еще и расщепляют. Страшно это – и мертвые, и живые... Люди все – страшные. Точно. У меня от них кончик хвоста дрожит... А еще хуже... Нет, это еще хуже, чем просто плохо... Но только я не помню, что именно.

Пусть Айнер считает, что я злопамятный – это не так. Я не то что зло, я вообще долго ничего не помню... Я конечно помню, что он мне чуть зубы не выбил, и отомщу... Только ничего остального уже почти не... А нет, помню... Это злопамятность – никаких сомнений. Но ведь забывать то, что причинило тебе вред – просто опасно. Айнер, правда, причинил мне больше пользы, чем... Нет, я ему мстить не буду... Разве что чуть-чуть... Чтобы он так больше не делал. Я бы его потом простил... Нет, сразу бы простил. Только его нет! Некого мне прощать... И мстить – некому. Если бы он пришел, я бы его еще и благодарил! Но его нет! Есть только крысы и эти призрачные люди! Незнакомые люди! Вернее, двух из них я видел, но они были мертвыми! Они и есть – мертвые! Только сейчас они вроде как и не мертвые, а почти что живые... даже совсем – живые. Это и есть самое ужасное – то, чего я никак понять не могу. Они сейчас думают о том, о чем думают сейчас... только их сейчас уже вовсе нет. Просто то, что у них “сейчас”, теперь как бы не “сейчас”, но для меня... для меня и именно сейчас. Так что ли? Как же люди все усложняют... От них одни... Утром я вычесывал шерсть – пока еще с ней все в порядке – черная, даже с проблеском... Но я уже почти вижу седой волос! Я знаю – он за ухом! Я его чувствую! Он нарушает мою маскировочную окраску под темноту! Правда, если я стану белым, я смогу прятаться на снегу. Но что я буду делать в Штраубе летом?! А что я буду делать, если лето вообще больше не наступит?! Если я буду об этом думать, то скоро, и правда, смогу быть незаметным лишь в снегу... А собственно, зачем мне прятаться? Я же – хищник... Еще и такой совершенный, что мне для охоты даже оружие придумывать не нужно, не то что людям. Правда, люди с оружием всех хищников перебили... Но и друг друга они тоже перебили... И остались мы – отличные хищники. Только мы еще не знаем точно, остались мы или нет... то есть – надолго мы остались или... люди заберут с собой всех...

Но я что-то не о том думаю... Мне же вообще прятаться не нужно. Мне нужно – затаиваться... чтобы не быть очень заметным... для крыс. Главное, чтобы крысы не стали главными... А то они что-то очень надменно смотрят... Как-то очень свысока... А, это же из-за того, что я укрылся от незнакомых людей под столом, а крысы стоят на столе и смотрят... Будто думают, что мне не ясно, что людей здесь нет... Мне ясно, конечно... Но вдруг...

– Крысы, мы так не договаривались. Вернее, мы договаривались, что если... Хорошо, я закончил. Сейчас продолжим.

Похоже, мне здесь одному от этого всего жутко стало... Хотя Герфу, кажется, все это тоже показалось жутким... А он, наверное, в таких вещах побольше крыс разбирается... Но Герф погиб, ему крыс не убедить... в том, что нам не нужно узнавать такие страшные вещи. Только вот он прошел все эти ужасы, про которые я даже узнать боюсь... Как-то это не достойно... И Герф... Айнер его другом считал... Нет, Герф меня так пугать не должен... Нет, он – хороший... не только по человеческим меркам. И второй тоже не страшный... Так и есть... Да, точно так. И вообще... Я хищник – темный, как тьма, и опасный... тоже, как тьма... потому что я нападаю из тьмы. Вот как. Устрашающе. Пусть бояться меня – и крысы, и... Жаль, я так и не узнаю, согласны ли со мной крысы – мои записи они слушать не будут... Они и так про меня все знают... Точно, они и так про меня все знают – знают, какой я грозный. Вот как. Вот так.

Запись №5 00 00 000 00:00

10. 04. 205 год Новой Техно-Эры 07:30

Сколько же можно?.. И когда это кончится? А утро начиналось не так уж и плохо... Конечно, сержант таких вещей никогда без внимания не оставляет. Уже давно перестал понимать, за что меня Стикк отчитывает. Чем-то ему мой отчет опять не понравился... Но это еще ничего – были отчеты и похуже... если по последующей трепке судить. Только чем они плохи, я так и не уяснил – мне этого толком не объяснил никто. Если бы Стикк только про них... А он еще про Полуночный турнир... Но это я понимаю... Просто злится, что ему лишняя работа выпала. Капитан отдал распоряжение, чтобы он за моей подготовкой следил неустанно. А Стикк уже и без того устал... об нас с Владом зубы ломать.

Ну вот все сегодня лучше и быть не может – солнце светит, по тревоге ночью не поднимали... только командир опять из кожи лезет, изгаляется... В общем, и Стикк человек неплохой, но уж очень непереносимый... Понимаю я его – нервный – и в Альвэнхайме воевал, и в Хантэрхайме. Но на всю роту я один такой понимающий – и нас достать можно. Да Стикк достал уже всех, до кого только мог дотянуться.

Сержант, наконец, замолчал, чем и привлек мое внимание. До этого я, как и полагается, смотрел на него, не опуская глаз и время от времени наклоняя голову в знак согласия. С виду Стикк командир без изъяна – подтянутый, выглаженный, вычищенный до стерильности – просто загляденье... Но что он за этой чистотой прячет, не знает никто... А он что-то прячет – это знают все... Он заложил руки за спину и растянул в кривоватой улыбке тонкий рот. Он всегда так скрытно улыбается – чтобы ядовитых зубов не видел никто.

– Герф, что стоишь, как андроид незаряженный?! Не думай, что мне сказать больше нечего – время вышло! Иди!

Редко мне доводилось видеть его вечно затянутые в перчатки руки – сейчас сержант на дверь указывает... Он всегда руки за спиной прячет. Говорят, что обожженный, что в восстановлении ему отказали... Много про него говорят – что-то может и правда, но шрамы точно не от ожогов, и кожу не чинили... Так только каратели делают – шрамы на память оставляют. А про них тоже говорено было...

Уже в коридоре принял у надменного “защитника” карту памяти с моим, перепроверенным им, отчетом... Обычные предосторожности... Стикку контроль ротового необходим, не то он... Что-то заставило меня остановить взгляд... Я присмотрелся к машине... Это ведь не наш андроид – он служит DIS...

Это что еще за предосторожности?.. Кто его прислал?.. Зачем ему велели?.. Что он здесь делает?.. “Защитник” отклонил мой напряженный взгляд холодным светом – тем, что у него вместо глаз... Мне пришлось отойти, но я встал у окна – подумать надо. Служба внутренней безопасности – равное нам по силе боевое подразделение системы. Но штурмуют его бойцы не вражеские укрепления, а наши враждебные мысли... Его бойцы – это не только охранный конвой угрозы, уже обрушенной против системы, уже обезвреженной ими. Это сопровождение угрозы, еще не ошеренной штыками открытой вражды. И чаще DIS опережает эту угрозу – встречает лицом к лицу... только порой – нагоняет следом... Но как бы с этим ни было, есть закономерность – чем ближе DIS, тем ближе и опасность... Бойцы в черных шинелях, как вороны, слетаются к полю боя – кончен он, идет или еще не начат. Это подразделение контролирует все наши мысли – всех нас. Его офицеры ищут, исправляют или просто уничтожают наши ошибки – если что – вместе с нами. Но что они ищут здесь?

Что-то подобное уже было – после сражений на территориях Небесного. У нас в части провели проверку памяти, но обошлось – никого не тронули, никаких существенных взысканий не последовало. Нас довольно скоро оставили в покое. Только Стикку нервы потрепали – и вполне заслуженно... Но, видно, недостаточно – он не очень-то поприших. Его отпустили с одним предупреждением. Будто он без их пояснений понятия не имеет, что перед тем, как утверждать то, что думаешь, нужно думать, что утверждаешь. От Ульвэра он строгий выговор получил – от него

другого мы и не ждали: ни жестче, ни мягче. А от DIS – считай, ничего... На тормозах дело спустили, хоть Стикк точно где-то перешел границы их территорий...

Я не знаю, что конкретно с ним разбирали, но теперь это не столь важно. Мы с Владом молчали, как решили... Но ждали, если честно, чего-то покрепче этих предупреждений... Просто, Стикк по нашим мыслям прошелся так, что не мог не оставить следов на чистом снегу нашей памяти – следы были, пусть и запутанные... Похоже, что со Стикком не только у нас и наших командиров дело обстоит усложненным образом...

К нему вообще придаться непросто – он ничего спорного открыто и неоспоримо обычно не делает... Стикк прямолинеен только при исполнении прямых служебных обязанностей... А исполняет он их, никуда не погрешь, на совесть. Поэтому и цепляются к нему не так, как могли бы. Он ведь не такой умный, чтоб офицеры DIS его чистый умысел не разобрали за той поверхностно наносной пылью, что он им в глаза сыплет. Ему следователей никак не провести. Нет, Стикк не груб – иначе ему бы нервы так не испортили, но и не тонок – это только с виду. Он обычный унтер-офицер – старательный и требовательный. А все эти его заломы – лишь обходные пути, проложенные его мыслями в обход трещин его мышления. Он камень подо льдом и огнем – еще прочный в центре, но уже пустивший трещину по краю... Камень с отбитой гранью... Нет, Стикк границ уставных правил не потерял – по большому счету он их соблюдает строго... но порой – с другой стороны. Поэтому мы с Владом и хотели, чтоб ему мозги получше прочистили... Но хоть и хотели, чтоб одним предупреждением не обошлось, – боялись, как бы до чего-то похуже строгого выговора не дошло... Мы бы за него в этом худшем случае без промедлений вступились... Конечно, мы об этом ни словом не обмолвились, но решено это меж нами было твердо... Так и поступим, если что еще будет... Ему бы сейчас поостеречься... Нам с Владом его выходки пресекать на корню нужно – никому не помешает...

А теперь чего ждать? Мой отчет, похоже, командира чем-то лично задел... А этой машине, верно, безразличен и мой отчет, и я, и Влад... и Стикк с его заломами... Он за последнее время ничего особого еще не выкинул... Нет, с этим ничего не будет. Тут нет ошибок, которые были бы способны задержать внимание этой машины – “защитники” к подобной возне и близко не подходят... Им нужно что-то посерьезнее наших будничных пререканий... Я успел сделать шаг к выходу с облегчением на сердце, но только один шаг. Адреналин снова зажал кулаком сердце... и я снова обернулся к тому “защитнику”...

Еще одну проверку учинили – слишком скоро... Это не по плану... и уж точно не без нужды... Я сосредоточился и засек по фоновому сигналу и другие машины... Поблизости есть и другие “защитники” службы внутренней безопасности...

Утром этот день торжественно вручил мне улыбку, но к вечеру, верно, – всучит оскал... Чем еще он мне по нервам долбить станет? Вроде ничего не проверяют, последнюю память у всех подряд не забирают... Но отчеты, которые мы сдали еще на вечернем построении, – смотрят... и не через системные сети – лично смотрят. Только что заметил, что кроме “чужой” дозорной техники у дверей, у нас в секторе еще и патрули внутренней безопасности по коридорам бродят. Это у нас – в частях боевых подразделений А2, сильнейших армейских боевых подразделений системы... Мы и под землей, и на земле, и в воздухе воюем... Мы и в разведку ходим черт знает куда, и на охоты – черт знает на кого... Нам прикажут – мы в бой идем, прикажут – в засаде сидим. Нужно – мы через пламя бежим, километры отмеряем, нужно – на снегу лежим, сутки отсчитываем... под огнем стоим, прицельную точность отмечаем... И хоть раз подвели?! Нет! А они... они нам будто блокаду устроили... И тихо так – не сразу и заметишь – вроде все, как обычно...

Я уже все же собрался идти, но не устоял и еще раз смерил взглядом, подошедших ближе патрульных – им, видно, давно кожу не латали... А если и латали, то не так, как нам... С лица – хоть воду пей – никаких облезлых клочьев и следов ожогов... И их черные кители не такие новые, как наши, – давно их не прожигало до... А черт с ними, с нашими “теньями”... Скоро сбор... Сбор под землей... Там и без них черной темени хоть до тошноты... Жалко на них время спускать. Сегодня небо ясное, день солнечный...

– Пошли быстрее!

Лесовский просто налетел на меня со спины... Сердце снова начинает колотить, будто уже слышу тревогу...

– Влад! Готовность “один”?!

– Нет. Готовность третьей степени. Что стоишь?! Пошли!

– Что такое?!

Перехватил его предплечье – еле остановил... Он резко развернулся... всегда в пол смотрит – думает, а сейчас – в упор, и никакой тебе задумчивости. Его синие глаза, как световая полоса сигнала воздушной тревоги... Влад выдернул руку, стукнул меня по плечу сильнее, чем было нужно, и рванул вперед...

– Герф, это ты от Стикка дерганый такой?!

– Это я дерганый?! Мы вообще куда идем?!

– Под землю! Сбор!

– Еще время есть!

– Время?! Сдается мне, Герф, что его у нас теперь нет и больше не будет! Нужно быстрее идти под землю!

– С чего вдруг?! Особых указаний не было!

– Считай, что были!

– А с чего считать, что были, если их – не было?! С чего мне под землей бродить, ожидая их?!

– С того, что нужно скорее убраться с надземных уровней!

– Стой! Влад!

– Там тише, Герф! Идем быстрее!

– Тише, чем здесь, быть не может!

– В этом и дело! Здесь тихо до того, что в ушах шумит! Здесь только мы – и нас заставили молчать, Герф! А подземных чудовищ молчать не заставит никто!

– Ты чего нервы жжешь?! Кто кого заставил?!

– Герф, ты что “теней” не видел?!

– Видел, и что с того?!

– Не дошло?!

– А чему доходить?!

– Долго ты думаешь! Они здесь, чтобы блокировать наши мысли, наши действия!

– Зачем?!

– Не знаю еще! Нужно уйти в тоннели, вниз! Внизу нам не помешают сообразить что к чему!

– А здесь что, помешают?! Тебе думать никто помешать не может!

– Они каждый сигнал проверяют! И они слишком близко!

– Никому закрытых мыслей не прочесть! Мучай мозги здесь! А я еще на солнце посмотрю! Я его не видел давно!

– Не выйдет! Они по фону подвох засекут!

– А ты о чем вообще думать решил?!

– Еще не знаю! Не знаю, куда эти мысли заведут! Но явно им нужно эти мысли к каким-то выводам не допустить!

– Ты что гонишь?!

– Не гоню! Смотри, им нужно, чтоб было тихо! И они эту тишину гнетут по-тихому! Действуют не скрытно, но и не открыто! Они читают наши отчеты, но не требуют предъявить им последнюю память! Не применяют силы, но и не уходят в тень – стоят на виду и смотрят! Будто по плану! Будто обычно! Но это не обычно, и не по плану, и без видимых нам причин! Вернее – причины почти видны! К ним только присмотреться! Но они нам приглядеться не дают – блокируют каждый взгляд этой установленной ими тишиной, как дымовой завесой! А если мы увидим – будем вынуждены ими молчать! Ими и их силой! Ты понял?! Они блокируют нас – всех вместе и каждого отдельно! Герф, это серьезно!

– Что вообще этим изувеченным утром произошло?! Я, видно, пропустил что-то!

– Похоже, произошло то, что сулил Стикк. И ты этого пропустить не мог.

– Штрауб еще стоит, мы еще не никому ненужные трупы – по его схеме еще ничего не случилось.

– Нет, не это... еще не это – другое. Собрание вчера вечером... Не на собрании – после... Он сказал, что... Герф, ты... Ты его не слушал!

– Мне и собрания хватило. А его еженедельная промывка мозгов... Уверен, Стикк получил удовлетворение.

– Хорошо выспался?! Лучше бы послушал!

– Да мне его лютые речи уже поперек горла! И сегодня... Он мне и позавтракать толком не дал! И что он взелся?! Не смог меня вчера достать! А сегодня с утра пораньше!.. Отчет он мой проверил!..

– Что не так?..

– Да пустое... Знаешь же, он все вокруг да около...

– Нет... что-то не так... Он не тупой... хоть и сволочь...

– Он не то и не другое. Влад, он не тот, кого можно ненавидеть... еще и с уважением. Его есть за что терпеть, но терпеть его можно, только если внимания не обращать.

– Да вот как раз внимание обращать и нужно – и на то, что он говорит, и на то, что делает.

Лесовский взведенный какой-то. Пытаюсь вспомнить, о чем после собрания речь шла... После разборки наших обыденных будничных дел я мозги отключил. Было что-то про общее положение дел... и что-то про проверки – не про эти, про другие... Точно – проверки. Ульвэр в Штраубе. Стикку в подтверждение еще и капитан на утреннем построении объявил, что он здесь... Он будет проверять наших – вернее, его – чудовищ. Но что-то тут не то... Было что-то еще... Кстати, и то, что Ульвэр сейчас здесь как-то странно... Что-то вернуло его...

Ульвэр – офицер слишком высокого ранга, чтобы быть обычным полковым командиром. И мы все знаем, что его власть ограничили только временно. Он постоянно держит полк под контролем, но прямое командование полком берет только при сложных операциях, где необходимо его личное присутствие. А командует нами его заместитель – обычный полковой командир S9. Мы Ульвэра редко видим. Его уже с неделю не было... И какие-то неотложные дела призвали его обратно... Уверен, что Лесовский здесь какую-то связь углядел... Но что бы тут ни было – он нас строить будет строго... Что бы тут ни было... Будет что-то еще... Под этой, сдавливающей нас, свинцово тяжелой, тишиной, будто и воздух начал замерзать и твердеть... И в этом сжатом воздухе будто затрещали искры – первые искры...

– Денек намечается...

– Да, Герф...

– Ничего, Ульвэр здесь – он все решит.

– Если еще не все решено...

Решено... Если бы готовили какую-то жесткую операцию, такой тишины не опустили бы, – это дело обычное... Тут, если что и есть, то что-то похуже... то, что может подавить тишину и поднять шум – оружейный лязг и грохот... Но ничего такого не будет и быть просто не... Чтоб мы... Нет...

Общее положение дел, “тени” системы, Ульвэр с его чудовищами – что-то много всего в голове держать надо... А меня сейчас заботит не только это – до Полуночного турнира времени немного осталось... Капитан мне тренировок назначил на убой... Час с чудовищем Ульвэра мне засчитают за три обычной боевой подготовки... Но по графику все равно выходит, что мне и спать, и есть в зале предстоит... Я еще раз взглянул на браслет...

– Ты смотри, что Стикк творит! Он мне все расписание стер!

– Боюсь, на собрании ты в последний раз выспался...

– Это точно... Если Стикк начал с одной издевки, кончит другой. Он не из ленивых...

Влад только губы поджал...

– Думаю, это он не от больной головы и не от нечего делать.

– Ну вообще это уже и для него слишком – утвержденные сверху графики менять.

– А если это утверждено сверху?

– Ты что, скоро Полуночный турнир! Ни его, ни подготовку к нему еще не отменяли. И при Пересмотре Задач его лишь перенесли. И то – отсрочили только на время боев за Ивартэн. А я – утвержденный боец. Так просто, без объявлений, меня снять не могут.

– Не знаю, Герф, будет что-то с турниром или с его бойцами, но что-то точно... Неспроста все это. И на расписание не смотри – считай, его больше нет.

– Мы что, Ивартэн штурмом берем?!

– Как бы не он нас... Идем под землю...

Отметились на входе. Объект зарегистрировал нас в подземном секторе, потом провел полную регистрацию и в третьем блоке. Каждый шаг фиксируют! Мы что, недоверие заслужили чем-то?! Я думал, что я тут не один справедливый гнев на короткой цепи еле сдерживаю, но нет... У остальных, скорей, какие-то угрюмые обиды у ног лежат – и вроде вовсе без привязей. Взвод будто пеплом осыпало – посеревших лиц и не разглядеть в этой полумгле... Сурово и молчаливо наши бойцы встают у стен – их серые силуэты пропадают в этой окружающей нас серости... Только иногда кто-то глазами сверкнет и выйдет из стены, как какой-нибудь сторожевой дух... Последний раз видел их такими мрачными после боев на базе Вэй-Чжен, но это дело ясное – нам там как нигде худо пришлось... А здесь, а сейчас... Тишина словно спустилась в подземелье вслед за нами... Как-то постепенно и незаметно это молчание стало затягивать и меня... Даже наши чудовищные зверюги ничего не рвут, не бьют и не крушат...

Нет, не то что мы вдруг все, как чужие стали... Нет. Просто воздух искрит... Каждый ждет чего-то, но никто не знает – чего ждать...

Стиkk этого молчанья тоже не нарушил – пришел как-то крадучись, не кривя усмешку... Ротный обвел нас скучным взглядом и отошел в темноту, прикрыв рукой от тусклого света отекишие от бессонницы глаза. Капитан не такой понурый, но смотрит он в никуда и до подозрительного решительно... А наш офицер-S9 вообще гордо встал перед “защитниками” и застыл с каменным лицом, как статуя, – им под стать... Я уже утром понял, что Ульвэра суровым ждут, но я и не помню, чтоб его хоть раз другим ждали, – он такой и есть... Но командир он отличный... И если кругом порядок, то нет повода нервы жечь...

Подземный сектор всегда сияет чистотой – это дело техники. Наша задача – вбить такой же порядок в головы занимающих подземелье чудовищ. Это тяжело и крайне опасно – здесь нас нередко рвут в клочья... Но мы эту планку на заданной высоте держим строго. Значит, всему этому есть иные причины – те, которые невидимым грузом давят на плечи сильнее, чем тяжелый доспех всадников...

Стиkk строит нас по линии... Обычно, по технике безопасности, мы перекрываем тоннель, блокируя отделы, но сейчас... Мы ждем Ульвэра, и открыт весь нескончаемый коридор – построен весь полк и все командиры здесь... Прямо, как на параде... Только мрачно очень... И этот гулкий, но затихший коридор выглядит совершенно пустым... И чем нас здесь больше, тем тут и пустынее... Даже одному на плацу посреди пустыря под стылым ветром не так чуждо и одиноко... Что ж, с такой бесшумностью мы Ульвэру точно не оставим шансов к чему-нибудь придраться. Он всегда застает нас врасплох, какую бы информацию мы не имели и какую бы подготовку не проводили. Он – офицер S12, созданный великим конструктором и нейропрограммистом еще в Альвэнхайме. Совет AVRГ принимает его как равного верховному командующему, хоть Ульвэр, считай, ссыльный... по приказу тех же генералов Совета. Ему подотчетны все объекты, а он не подотчетен ни одному из них. И Ульвэру ничего не стоит появиться, хоть и на закрытой территории, как из ниоткуда так, что и не узнает никто. Вот мы и пытаемся опередить его всеми силами... А вообще нужно только беспорядок не наводить... Но разве это возможно с этими чудовищными зверюгами? Кое-как успеваем кровь вперемешку с паленой шерстью сдирать со стен, полов и потолков...

Активирую шлем, опускаю глухое забрало, подключаю дополнительную защиту к доспеху... В таком обмундировании нам хоть на штурм... Проверяю бичи – поле крепко держит послушные моему управлению частицы с примитивной программной установкой. С рукояти я регулирую их поток – и плотность, и направление. Увеличиваю разрядную мощность – проводник искрит сильнее... Бич послушен руке – прочным тросом он может стегнуть, скрутить и ожечь, если пустить по нему разряд. Креплю ножи и бич к поясной портуpee, излучатель – к плечу... Теперь

пристегнуть к запястью пульт и фонари... А к предплечью – “шнур”, его исходный блок... Эту удавку и двуглавую плеть мы используем редко, но носить обязаны постоянно...

Размыкаю ячейку и беру седло... Собираю все мысли в единую точку концентрации – жду команды... Командир S9 дал приказ. Сержанты с горящими синим пламенем бичами встали у открытых врат, разделяющих отделения... Стикк дал отмашку... Размыкаю первую преграду отсека – тяжелые глухие створы бункерных дверей... Мой зверь теперь виден за второй преградой – незримым полем... Перед тем, как отключить и его, загоняю зверя точно в центр отсека, чтоб поставить на растяжки... Запускаю растяжки, задаю точки касания ближе к шейной артерии зверя... Поднимаю напряжение, чтоб зверь ни шагу ступить не мог без того, чтоб его током ни шарахнуло... Зверь замер грубо вырубленной черной глыбой, окрысившись мне в лицо, благо закрытое, острыми лезвиями вместо зубов... Я его тоже не очень рад видеть. Он попытался поднять в знак приветствия почти безглазую, какую-то крысиную, голову, но не смог – растяжки сработали... Зверь вперил в меня слепые глаза и с угрожающим свистом втянул воздух узкими ноздрями... А черт... Стикк еще отмашку дал – седлаем. Я вырубил поле, бросил седло зверю на спину, подключил подпруги одновременно со стремянами... Как только Стикк рубанул приказом, я вскочил в седло... Теперь спокойней – всадник не так под удар подставлен, как пеший...

Отключаю растяжки – выезжаем... С трудом успел собрать эту тварь сигналом – этот злодей на пульт не каждый раз реагирует. Его только держи – он порой от злобы с такой силой грудью на стены бросается, что обшивку разбивает... Так и норовит сшибить всадника, чтобы на земле спокойно разодрать на куски... Эти зверюги – тяжелые и мощные, как мясные горы... А мой Замухрыш – хоть и облезлый – среди ему подобных чудовищ обладатель силы просто немеренной... И по злобе ему тут равных нет...

Встал в пару с Лесовским – у него зверь ничего еще... Его Другой – славный зверь, зря об нас когти не точит... Только он не такой, как остальные... Спокойный вроде, но порой ему в голову дурь ударяет так, что только держись... Зверь под стать всаднику – нам их так и подбирали... Одному мне Замухрышку приписали потому, что больше с ним никто совладать не мог. Он пятерых охотников, еще на воле, и троих бойцов, уже здесь, до смерти загрыз... Хорошо еще, что смерти их обратимыми были... Иначе и извергу той же участи было бы не избежать... А мне он сколько раз кровь пускал – не счесть... Но я к его норову привык уже – его нужно держать жестко, но не грубить. И воли ему давать нельзя – не то он все разнесет к черту...

Первые всадники скрылись в тоннеле, и врата блока закрылись. Тронулись, встали... Пошли следующие... Но они еще на маршрут не вышли, и врата закрыты... А мы ждем очереди, от напряжения не смея ни вздохнуть, ни испарину со лба стереть... Тем, кто видит этих тварей только на парадах, сразу после временных коррекций, никогда не понять, что это – руггер, не прошедший полной коррекции, руггер под блокатором, который уже на исходе времени... А сейчас блокаторы уже почти не действуют...

С этим у нас проблем много. То, что руггеры способны применить к нам как оружие, нужно им, чтобы добывать пищу и... выживать. Выживать, чтобы обеспечивать Ульвэра такой вот верховой силой и всех остальных – мясом... Борьбу нашу мы напрочь пресечь никак не способны. Если мы лишим их этих качеств – попросту лишим их способности к жизни. Мы не можем перестроить их геном без существенных потерь. Не можем мы просто взять и стереть всю эту информацию, не утратив весь этот прочный и приспособленный вид. Можем только притупить их агрессию – частично перекрыть заданные участки ДНК. Так и делаем – правим их коды, берем у них часть силы и памяти, чтобы они на нас злой умысел оружием не направляли. Правда, это работает только на короткое время, и руггеры не перестают быть опасными... Эту цену мы заплатили за качественное и хорошее мясо... которое почти перестало быть мясом... вернее, для которого мясом почти стали мы.

Полноценным мясом нас мог обеспечить только полноценный зверь. А вольный зверь еще и пропитание себе сам обеспечить мог. Наше дело – охоты. Ну и присмотр, конечно... С этим вообще верно решили – нечего нам было что-то вроде мясного заменителя в форме зверя в непригодных условиях выращивать. Заменителей у нас и так полно, их просто составить – по первичным частицам собрать... Но присмотр все ж нужен был посерьезней... Под наши условия простенький

зверек никак не подходил... А из этих зверюг со временем биологическое оружие получилось – еще и вражеское... От них в последнее время вред похлеще, чем от самых скверных вирусных аггессоров... И борьбу с ними вести ничуть не легче... А распознать этих здоровенных тварей на охоте – так еще и потруднее. Только руггеры скрываются снаружи, а вирусы – внутри. И попробуй разбери, что это руггер среди таких же булыжников в его каменистой норе. Ориентируемся только по кровожадности некоторых “камней”. Моему Замухрышке ничего не стоит ментальный сигнал вырубить – не поглупеет безмозглый. Он и рефлекторной системой владеет так, что мне и не снилось. Ему раз плюнуть на уровень зимней спячки перейти – температуру, излучение снизить... И обратно подключить систему быстро может... Он мой дальний сигнал и с выключенными мозгами не пропустит, а я его только с близкого расстояния засеку. У меня оружие дальнобойное, но преимущество все равно у него...

Вот сейчас начнем с ним борьбу не на жизнь, а на смерть... Выходим в тоннель...

– Герф, сократи его... Разогнать успеешь еще.

– Это твой еле ноги переставляет.

– Ты просто его сократить не можешь.

– А ты что-то долго ему мозги в путь снаряжаешь – пришпорь, и вперед.

– И не мечтай. Он только и ждет, как бы меня опозорить...

– Это мой позорит... Он эти клочья шерсти постоянно везде и всюду разбрасывает, сколько его не чисть... А Стикк мне потом мозги выносит... Хочет, чтоб этот зверь сиял, как его сапоги...

На плац мы не поехали – взяли маршрут по тоннелям. С трудом зверюг выровняли так, чтоб в ногу шли... Но их снова с ноги сбили еще одной регистрацией... уже на выходе... Где-то недалеко я засек группу штурмовиков DIS – еще и с офицером. Но и они нас засекли и поспешили убраться с нашего пути. Теперь понимаю, отчего Влад к этим чудовищам рвался так – от них бегут все, кроме нас. Но что заставило спуститься к ним бойцов службы безопасности – это еще не ясно... День только начался, а я уже жду, когда он кончится – ненавижу неясности.

Объект загрузил тему взлетной полосы – жесткий ритм набирает скорость, точечные огни уходят в перспективу прямого тоннеля. Наши чудища идут в сборке широкой рысью, каждое движение четко соответствует установленному ритму и сопровождается угрожающим лязгом когтей. Ритм способствует концентрации, но...

Мы с Владом, не сговариваясь, резко остановились посреди широкого тоннеля. Остановились от того, что не покидающее нас в последнее время ощущение нарастающего напряжения просто зашкаливает... А от этой темы оно усилилось настолько, что дало эффект торможения. Закуриваем... Ритм замедляется, затихает, свет затухает... воздух просто звенит сгущающейся тишиной... Затаились даже наши чудовища – не лязгают когтями, не свистят и не хрипят на выдохе... Хоть после боев на юге мы попали во временную дыру и медленно проваливаемся ни вверх и ни вниз, а непонятно куда, и Влад говорит, что мы сейчас существуем только в пространстве, а не во времени – мы ждем *чего-то*... Будто *что-то* должно сорваться с цепи и обязательно сорвется...

Сейчас все кажется спокойным – отдыхаем. Война висит на интеллектуальной фазе: просчитываются варианты, исход битвы решают расположение и связь. Все замкнулось на воздухе – наземные операции, если не считать Хантэрхайм, проводят не так часто. Мы уже с неделю ни разу не видели Ульвэра, да и другие командиры все больше в центре управления отсиживаются... А вот бойцы службы внутренней безопасности покинули свои части и пришли к нам... незваными. Это кажущееся спокойствие действует мне на нервы, как и искрящий ожиданием чего-то воздух. Стикк полирует сапоги до болезненного блеска, а это о многом говорит. Его приверженность к чистоте и порядку переросла в нечто большее после бесконечных боев на севере. Была там темная история – вроде он под статью ликвидации угодил, и даже не один раз – теперь он счищает эту темноту чуть ли не до крови. Его сапоги – что-то вроде индикатора напряженности ситуации. И сегодня они особенно четко отражают наше приближение к какой-то очередной черте... Еще и Лесовский с его бесконечным мучением мозгов – он по ерунде все ж так нервы не дергает...

– Влад, нас не отзывают?

– Нет.

Курим по второй... Я отпустил Замухрышку, но держу руку на пульте. Он стоит смирно, голову опустил... Эти твари довольно флегматичны по природе, но если уж решат напасть, их не остановить. Они тоже участники этой скрытой скованности, прислушивающейся к тишине и присматривающейся к ровному свету. Они тоже заставляют меня ждать, постоянно сжимать ладонь в кулак на рукояти разрядника, хотя я к ним уже привык за столько-то лет (конечно, насколько это вообще возможно).

Влад сосредоточенно рассматривает пол... Он достал ту узкую трубку, которую носит за голенищем. Ненавижу эту штуку. Но под его тонкими пальцами это – непонятно что – просто мерцает музыкой... Эту музыку я тоже ненавижу. Ни у меня, ни у кого-то, кроме Влада, извлечь из этой штуки звук не получилось. Объяснить, что это за звуки, тоже никто не может – я никогда ничего подобного не слышал. И что это за штука – нам так и неизвестно. Раньше она вообще звуков не издавала, и я уверен, что ее истинное предназначение в чем-то ином... С ней, по настоянию Влада, что-то “спутник” Ульвэра сделал – подключил в каком-то одном режиме, но я считаю, что есть и другие... Только мы про них ничего не знаем. “Спутник” ведь панель управления так и не открыл – он эту штуку по-другому подключил... Скорее, недоподключил – загрузил какой-то первый уровень подключения, с которым не совладал Влад. Теперь Влад подбирает коды к этой защищенной системе, чтобы открыть основную панель управления, но у него ничего не выходит. Он меня извел уже – только и жду, не знаю чего... А он эту штуку теперь ни на секунду без присмотра не оставляет – ее и у него спящего не вырвешь... Спит с ней, как с излучателем, – не выпуская ни из рук, ни из головы... И Стикк с тех пор, как Влад эту вещь заполучил, с нас глаз не сводит. А Влад после этого еще продолжает утверждать, что завладел почти обычной “флейтой”. Таинственная вещь, и музыка подстать – от нее сейчас только мороз по коже...

– Убери трубку.

– Да объекту плевать, что мы делаем, – график стерт. Мы тут только по распоряжению командования обрабатываем...

– Просто убери трубку!..

– Объект перегружен – ему сейчас до всадников дела нет... И командиры другим заняты...

Замухрышка всхрапнул, задрал голову и на мгновение показал длинные желтые зубы – он почувствовал мое раздражение и принюхивается к нему. Пришлось показать зверю пока еще неактивный разрядник.

– При чем объект?! Я прошу – убери!

– Не зли тварей!

Когти чиркнули по полу так, что вышибли из панелей искристый треск. Я собрал разбуженное чудовище коротким сигналом – зверь сразу присмирел, но лязганье еще режет уши и дрожь от мощного удара гудит меж перекрытий. Мы нарушили правила техники безопасности – здесь стоять опасно. Замухрышка скосил на меня полуслепой глаз – всадник особо не подставлен, но лучше не давать зверю поворачивать головы. По бичу голубыми огоньками прошел заряд. Зверь сообразил, что я не шучу. На его шкуре проступила тонкая пленка страха, и он грудью сорвался вперед... Я еле удержал его... с разворотом и ударом о стену... Мы оба в холодном поту замерли, ища мою кровь, но ни я ничего не увидел, ни зверь не вынюхал... Ругтеры с легкостью дробят когтями камни... И доспех им пробить нипочем... А дальше – режут этими отточенными клинками до кости так, что и заметишь не сразу... И нападают они резкими выпадами без особых предупреждений – стоит вроде спокойно и вдруг... Отсюда и правило: видишь когти – смотри где кровь, слышишь удар – ищи рану.

– Влад, что стоим?!

– Курим.

– Поехали. С моим тут, кроме кровопролитья, ждать нечего. А твой слишком тихий – скоро выкинет что-нибудь похлеще, чем мой.

– Герф, это ты их издергал. Если ты из-за объекта... он не доложит – ему без разницы, где и сколько мы стоим.

С Лесовским всегда так – как что, так халтурит, особенно, когда не видит никто. У него просто очень жесткое разграничение серьезных трудных заданий, на которых действительно надо выложить все силы, и обычной досадной рутины, на которой силы нужно беречь. Поэтому иногда кажется, что он работает для отписки, а живет где-то в глубинах темного леса мыслей о том, как эту рутину обойти.

– Влад, время подходит. Давай на базу. Стикк сказал, чтобы к пришествию Ульвэра порядок был.

– И понимай, как хочешь.

– Влад, Стикка можно понимать только, как он хочет.

– Четких распоряжений не было, особых указаний он не давал.

– Доказывай потом...

– Порядок – это тысячи построенных по линии чудовищ – никто не заметит, что мы наших на последней дистанции ускорили.

– Не ускорили, Влад, а просто – загнали. И если Ульвэр раньше будет, нам головы не сносить. Поехали.

– А черт... По маршруту, если не гнать, во время уже не уложимся – сокращать надо.

– Мы маршрут отметили.

– Надо будет – Стикк и на том свете нас найдет. Он всегда мысленно с нами...

– Если не за пределами зоны восприятия.

– Черт с ним. У тебя карта?..

Загружаю карту... Влад мне карту поручил нехстати – Замухрышка головой дергать заладил... Но и Другой спокойный лишь для вида – стоит себе тихонько, пока в голову не ударит... Черт... Разберешься тут... Этих тварей расположили в закрытом подземном секторе нашей части – он весь испещрен лабиринтами тоннелей и переходов. Что здесь размещалось до руггеров Ульвэра, мы не знаем. Его тварям тут привольно, как в их каменистых норах, но мы по боковым ответвлениям лишний раз стараемся не блуждать... Вроде есть дорога – неизвестная, но похоже проходимая... и никаких особых меток нет...

– Нашел – свернем сейчас...

Свернули... Еще раз свернули... и я всей шкурой почувствовал, что мозг объекта взял нас под контроль...

– Вы намерены войти в слепую зону?

Даже не знал, что в Штраубе есть слепые зоны. Уже решил повернуть и направить Замухрышку дальше по маршруту, но нет... Влад сейчас мозг объекта пытаться будет – мало ему свои мозги мучить...

– Мы собираемся вернуться на базу, как короче, а слепая зона или нет – без разницы. Сектор закрыт?

– Никак нет.

– Патрулируется?

– Так точно.

– DIS?

– Никак нет.

– Армейской техникой?

– Никак нет.

– Не техникой, значит – людьми. Значит, ничего серьезного здесь нет. Мы входим.

– Сопоставление личных данных завершено. Полное соответствие системной информации. Бойцы опознаны. Пропуск подтвержден. Доступ разрешен. Подчиненные объекты низшего порядка опознаны. Доступ разрешен.

– Опознание, добавочные номера! Это еще зачем?! Ты нас сегодня уже десятый раз регистрируешь!

– Приказ командования. При вхождении в слепые зоны – не подключенные к центральному управлению секторы и блоки – объект проходит точное опознание с сопоставлением личных данных на входе и выходе.

– Проведение повторной регистрации – это повышение мер контроля.

– Официального распоряжения не было.

– Влад, оставь это! Поехали – я сейчас инеем покроюсь...

Лесовский старается воспользоваться любым случаем, чтобы что-то узнать. Стикк у нас недосыгаемый. А сменившего его взводного Влад вконец довел. Достал его настолько, что тот уже готов запихнуть его в карцер по любому случаю. Поэтому Влад теперь достает нашу невозмутимую технику – от офицерских “спутников” до объектов. Но из мозга объекта информацию, которую нам знать не положено, и клещами не вытянешь – теперь под ударом я...

– Герф, помнишь Стикк про проверки говорил... Это не про Ульвэра, не про DIS... За нас снова медслужбы взялись...

– Надо же им чем-то заниматься. Притормози, выравнивать будем. Замухрышка отстает на полтакта.

– Это точно не по плану. Нас не просто проверяют – это испытание... Вчера думал, что они меня убить решили – это не обычный тест был.

– Полное погружение загрузили... Они там, похоже, такие проверки ментальной активности за правило взяли. Еще бы, когда перестаешь понимать, происходит что-то на самом деле или нет, тебя насквозь видно.

– Они убивают нас, Герф. Стараются убить, и убьют. Так жестко, что одной ментальной реанимации не хватит. И еще... нас не всех *так* проверяют. Нас только начинали проверять всех вместе и по одной программе... А теперь... Теперь нам с тобой сложность поднимают – только нам... одним по трем отделениям.

Вот, началось... Лесовский открыл мне ментальную линию – есть у него что-то, что он объекту говорить не хочет. Не к добру вся эта секретность... И вообще... Ничего против того, чтобы он собственные мозги мучил не имею, но свои – берегу...

– Влад, заткни эти чертовы мысли руггеру в глотку! Я ими давиться не буду!

– Ты хоть понимаешь, к чему нас готовят?!

– К Полуночному турниру. К Бою с Победой. К последнему решающему бою. К тому, который боец должен пройти. И к тому, в котором боец, прошедший все испытания, должен быть и будет поражен – в котором противник возьмет верх.

– Герф, постой ты с этим...

– Победитель обязан помнить, что есть и будет что-то сильнее него – то, что точно его одолеет. Победитель должен помнить, что хоть он и бессмертен, – что-то способно сокрушить и его. И никто не знает, что это будет... с чем ему предстоит сразиться в этом последнем бою...

– Герф, убери с линии эти лозунги! Я не про эту схватку...

– Бойцы нередко гибнут в Бою с Победой... и до него... Обратимой смертью, конечно. Вернее, чаще – обратимой, чем...

– Герф, забудь ты про турнир хоть на минуту – не в этом дело!

– Мы утверждены и должны пройти контрольную проверку – и нечего тут мозги кипятить.

– Я рапорт писал – отказ от участия.

– Что?.. Ты ж утвержден... Проходишь и по данным, и по... Осталось только особую боевую подготовку пройти и...

– Нет, я не буду... Рисковать не за это нужно – не за такую славу.

– Ну еще передумать не поздно – документы пока на подтверждение не ушли.

– Герф, переключи мозги на другую цепочку!

– Капитана бы порадовал...

– По мне жизнь не так просто дать, чтобы забрать так запросто.

– Обычно успевают провести реанимацию.

– А если нет?..

– Турнир этого стоит.

– А тебе не приходило в голову, что тебе придется убить противника – кем бы он ни был. На Полуночном турнире друг не должен стоять против друга.

– Ты прав... Не подумал как-то... Пройти такое испытание могут только бойцы службы внутренней безопасности.

– Могут или не могут они его пройти, не важно. Они – обязаны.

– Такое сражение подошло бы...

– Ты о чем?..

– О последнем противостоянии – Бое с Победой... о том, который ты проиграешь. Я уже третий день пытаюсь сообразить, что офицеры на этот раз придумают, но безуспешно... Это что-то, что одолеет того, кто победит всех, чтобы он не забыл про большие силы... А что примет облик этих больших сил в этом бою – еще вопрос... Что-то, с чем боец точно не справится – ни силой, ни разумом...

– Герф, опять ты про...

– Это сложное испытание воли. Не пройдешь его – не победишь. А пройти его – только его выстоять. К нему нужно провести особую подготовку...

– Нет. Это не сложно. Тут ты знаешь – выстоишь бой, выиграешь войну. Нет, это преодолеть не сложно...

– А что ж по тебе сложно?

– Терпеть поражение бой за боем, понятия не имея – воюешь ты за победу в войне или только за время этих боев. Терпеть все, ничего не зная – и сражаться...

– Это Стикк тебе мозги скрутил... Нашу войну мы ведем по одному принципу с Полуночным турниром – выстоишь и победишь... пусть и через череду поражений.

– Герф, это не Бой с Победой... Здесь то, что ты будешь стоять до последнего, значит только то, что ты будешь стоять до последнего. И еще тут... Тут тебе офицер не укажет силы, над которыми ты не властен... Здесь об этом должны думать мы...

– Здесь об этом офицеры думать должны. А мне нужно думать про турнир. “Золотые драконы” который год награды берут – чтобы прервать череду их побед, мне предстоит над техникой с утра до ночи работать. Но ничего... Я теперь ко всему готов...

– Ну прям ко всему...

– И к тренировкам со Стикком... Я столько воспоминаний в голове перебрал, что пришел к выводу – ему есть, чему учить... Он тогда на спор... Помнишь, наш капитан с капитаном пятой роты поспорил... Ну а Стикк еще взводом распорядился. И капитан ему пообещал срок отбывки провинности скостить – на каждую секунду, что он простоит, сутки поставил... Так Стикк того “дракона” положил, когда еще секунды никто считать не начал...

– Слушай, Герф, у тебя что, других связей в голове нет?! С турниром тесты не связаны!

– Кончай с этим. Лучше скажи, откуда птицу взял?

Лесовский оторвался от созерцания отдраенного сухим распылителем пола и посмотрел на небольшую острокрылую птицу, нарезающую круги по длинному темному коридору...

– Ястреб. Доктор из нашей медчасти дал – он его создал.

– Что-то летает как-то не целеустремленно...

– Это же птица...

– И похоже, под управлением.

– Тонко подметил... Но это не отраженные на полете этого пернатого скитания моих мыслей... Ястреб – хищник, Герф. Это боец и разведчик, как мы. Только он выслеживает и ликвидирует путем употребления в пищу одних крыс, а мы – всех и все без исключений. Смотри, засечет он крысу – камнем на нее упадет, и насмерть...

– Я понял, ты снайпер с принципом: один выстрел – один труп.

– Верно, тут выстрел должен быть один, а если один, то – точный. Цель я уже определил и луч навел...

– Жми на спуск.

– Хантэрхайм.

– Хантэрхайм?

– Нас перепроверяют... Стикк вчера правду сказал... Наше дело из ряда вон плохо.

– Хватит темнить – начал, так говори все, как есть.

– Будет перераспределение.

– Без официального заявления?

– Похоже на то – его тихо проведут.

– Но почему?!

– Потому, что Штрауб отдаст армии Хантэрхайму... Не отдаст – просто скормит... Снегов положит нас на время Хантэрхайма. Он отдаст ему армии Штрауба – лучших бойцов... без возврата, Герф... Ему еще нужен Хантэрхайм...

– А Штрауб что, не нужен?

– Нужен. Но, уверен, он считает, что после того, как Хантэрхайм падет, Штраубу сильные армии будут уже без нужды. Он скоро подымет щиты и будет ломать пространство. А мы будем прикованы к руке его одного и заперты в последней крепости. Штрауб покончит с обычной войной – будут только единичные бои. И единственным выходом станет этот пространственный перелом.

– А Шаттенберг?

– Он отдаст ему тех, кого не заберет Хантэрхайм. Ему нужно только время... и он берет его с неоспоримой властью. А после он получит власть безраздельную. Он знает, что это пугает нас, и контролирует нас жестче. Он никому не позволит сделать ошибочный выбор – ошибочный по его расчету. Скорей, Стикк и правда к этому со знанием дел подошел... Он был прав...

– Но Шаттенберг – к востоку у нас нет и не было крепости мощнее него...

– Шаттенберг не выстоит – по нему будут бить с такой силой, что долго ему не выдержать. Он еще стоит, потому что еще стоит Хантэрхайм.

– Шаттенберг способен дать нам достаточно времени, чтоб Штрауб мог обойтись без щитов.

– Я бы был в этом уверен, если бы в этом были уверены наши офицеры. А они считают, что Штрауб будет закрыт щитом, что расчеты преодолению расстояния до точности только к этому сроку. И это будет предел нашего времени, последний рубеж – тот, который можно будет только перейти... который не обойти... Дошло?

– Чему тут не дойти... Если переход вообще будет открыт, то откроют его – под щитом... Но сейчас у нас еще есть обходные пути...

– Не будь ты таким тупым! Нет ничего другого, кроме расчетных погрешностей. Стереть Ивартэн – значит почти безрезультатно обратить в мертвые пустыни все, что у нас еще есть. Осадить Ивартэн, прорвать его оборону – это только пробелы в расчете неисполнимости этих задач. Снегов учтет и эти погрешности, но применит только те варианты, которые, по его расчету, будут соотносимы с риском – другие он просто спишет.

– По мне, что стереть Ивартэн, что подключить щиты – по степени риска почти одно... Нет, закрыть Штрауб и ждать внесения поправок в окончательный расчет – это как-то надежнее, что бы Снегов под конец не решил... Пусть есть риск, что он стал машиной, и ради того будущего, которое видит он, через схемы не переступит... Он ведь и в этом случае еще способен ситуацию выправить – внести эти последние поправки в расчет точно к сроку.

– Верно, Герф. Только если Штрауб будет закрыт – под риск попадет не один недостаток времени... Мы и теперь ресурсы впритык под расчет берем – это с сокращениями и ограничениями... А щитом мы будем отрезаны ото всех систем обеспечения за границами территорий Штрауба, и доступы к внешним ресурсам будут перекрыты... А щиты будут пожирать “чужую” энергию с каждой секундой неучтенного времени – того, что Снегов скормит этим последним проработкам. “Чужую” энергию будут брать и эти проработки. Он пустит в расход нашу энергию, но... у всего есть пределы, Герф...

– Влад, нам и мерзнуть, и в темноте голодными бродить не впервой – выдержим. И через щиты пройти не может только враг, а мы – можем. И блокаду кто-нибудь точно, если не прорвет, преодолеет... А вообще, пусть и впритык, но все должно быть учтено точно. Нам к лишениям не привыкать – эту нагрузку мы еще потянем. Соберем все силы и энергию на последний рывок, совершим его и выстоим – мы просто обязаны выстоять.

– Только подойдем мы к очень тонкой грани...

– Мы постоянно по лезвию ходим...

– И оно становится все острее – мы его точим.

– Значит, пора его тупить.

– Точно... Главное нам с тобой не тупить – нужно думать...

– О чем?

– О том, что конец чего-то одного – это только то, от чего берет начало что-то другое. И если узнаешь – что это за конец, узнаешь – что за начало он способен дать. Что бы впереди нас ни ждало, я этого, сложа руки, ждать не намерен. Мы защитники, Герф... Мы должны защищать и после смерти. Пусть за систему мы можем воевать только живыми, но за людей мы можем воевать и мертвыми...

– Можно, конечно, перед смертью такой подвиг совершить, что остальным дух подымет... Систему это действительно не спасет, но...

– Мы должны сделать что-то, что будет работать, если не будет ни нас, ни системы...

– Тогда уже ничего не сработает...

– Должно быть что-то... Если хоть кто-то сможет сохранить жизнь, мы сможем помочь им... Мы отдаем нашу силу тем, у кого ее нет... отдаем наше оружие безоружным... Делаем это сейчас, и сделаем после...

– Влад, хватит мрак нагонять. Не будет ничего такого. И мы с тобой еще повоюем. Это Стикк просто еще одну издевку в воздух подбросил, и мы на движение среагировали...

– И посты “теней” выставил он шутики злой ради, и Ульвэра он для убедительности призвал... Герф, дело дрянь и без его заломов... И времени у нас с тобой воевать не много осталось. Он сказал, что заводы работают и днем, и ночью, а людей не хватает – не успевают полную сборку проводить, качество снижают. А на севере такие бойцы не годны.

– Могут другие заводы перестроить...

– Исправить ничего уже не могут. Энерголимиты по производству бойцов практически израсходованы. Превысить их нельзя – иначе мы расширим пустыни. Скоро энерголимиты других промышленных зон будут переброшены на эту. Все ограничения по расходу энергии будут смещены. Это значит, что командирам предстоит урезать наши пайки, чтобы продолжать поднимать истребители... Если так дальше пойдет, скоро часть заводов просто встанет, – мы будем голодными и измотанными, и новые бойцы с конвейера не сойдут. И надежда только на нас, только на сейчас.

Да, мы здесь много людей и техники потеряли. Дорого нам развалины Небесного города обошлись... И коррекции отторгающегося леса не просто дались – по большей части наши леса на “оккупированных” территориях... Жесткий контроль “медведи” на лесных границах еще не установили, но на этот раз тяжело бились... Нашу технику уничтожили, истребители были сбиты, и бойцы полегли... У нас не осталось ничего... только корректоры все “иглы” сохранили – весь этот звенящий рой... А про потери на севере и говорить нечего...

Может, и не зря Лесовский мозги мучает... От трех армий Хантэрхайма почти ничего не осталось. Штольт – главноком северных армий AVRГ – будет формировать пополнение за наш счет – это точно. У него нет времени ни проверять недоработанных людей, ни готовить к сражениям на ледниках бойцов, только сошедших с конвейера... А в Хантэрхайме подземные штурмовые операции проводят бойцы, если не специально созданные для невыносимых условий, то строго отобранные по устойчивости к ним. Но там и такие люди дают сбои... После этого их считают опасными, если они покидают север, угнетающий их силу... После этого север не отпускает их от мороженые головы никогда и нигде... Это легенды, и насколько они близки к правде, мы не знаем... еще не знаем... Но Хантэрхайм под ударом который год – он *им* в первую очередь нужен, там бои не то, что у нас. Там сложность А2 приравнивается к А1. Мы здесь территории больше с воздуха контролируем, а на севере...

– Шестая армия Хантэрхайма...

– Шестая, Герф, – северная стена на пути войск Ивартэна.

– Генерал Гунтер Гарт, ледяные пустыни и... самый край...

– Им там и на этот раз больше всех досталось.

– Проверяют – соответствуем ли мы их стандартам?

– Именно.

– Ну и что думаешь?

– Подойдем.

Физические данные у всех нас имеют равные потенциалы... и их применение уравниено. А вот мышление – с этим сложнее. Каждому (с учетом категории) дан одинаковый скоростной, концентрационный и интеллектуальный ресурс. Мы в общем похожи, но направление сил различно у каждого. Нас программируют с усилением личных качеств – по принципу что-то в ущерб чему-то. И по жизни мы с собранным опытом какие-то черты усиливаем, какие-то – затираем... Стикк считает, что это необходимо. По его мнению, чтоб мы смогли все как один с одной общей мыслью в строй встать, нам нужно ближе к совершенству подойти (совершенство, видно – плац для всеобщего построения). А сейчас с нас хватит и того равнения, по которому мы строим по команде ходим. Думать и действовать мы должны с личными допущеньями. Он считает, что хоть мы правду в лицо знаем, но еще не так хорошо, чтобы всех правыми сделать. И до тех пор, пока мы точную систему опознания этой “правды” не придумаем – правоту с боем доказывать обязаны. А какой тут бой, если все равны до того, что неотличимы? Нас и распределяют с учетом личных качеств... И в первую очередь по уровню устойчивости – мы должны думать, как люди, а действовать, как машины. Это значит – исполнить долг живым или мертвым. Это значит – полный контроль над ситуацией, над разумом и силой. Здесь мы с Владом себя проявили неплохо, но Хантэрхайм... Я буду гордиться, если пройду эти проверки и получу “соответствие”, пусть и с натягом...

– Значит, скоро мы увидим настоящую войну...

– Не войну, Герф, – истребление.

– Думаешь, надолго нас хватит?

– Сколько-нибудь продержимся – на пределе возможностей...

– Мы и так на пределе. Иначе и быть не может – если их продвижение не сдержим, погибнем... и системе конец.

– У нас еще есть, что взять. Поэтому нас и перепроверяют. Просто, там пределы выше возможностей.

Тишина повисла могильная... Влад в пол устался... На Хантэрхайм прожекторный свет клином сошел. Воевать на севере – огромная ответственность. Там боевые операции проходят на высоких скоростях... И все решает время... Уложусь во время – порядок, не уложусь – погибну не я один... Там мой личный недочет будет нести большую, чем здесь, опасность – там не будет времени перестроить расчет общий... И каждый мой промах обретет значение обратного попадания... Секунды – этот счет будет открыт передо мной и днем, и ночью – постоянно... и закроет его только смерть. Хантэрхайм... Не многих он отпустит – с победой или с поражением...

Если нас решили по-тихому раскидать – не выйдет... Если уж так... Что ж, всадники должны достойно прощаться – будет скачка ночь напролет. Ульвэр в Штраубе, но и он нам не мешает. Ни офицеры, ни сержанты не выйдут после отбоя в темные тоннели – они проявляют понимание к нашим экстремальным традициям. Да и не только офицеры – даже андроиды не обращают внимание на этот “конец света”, символизирующий распад команды. По такому случаю и патрули службы безопасности нам на глаза попадаться не будут – они знают, как всадники прощаются.

От мрачных и решительных мыслей мой зверь меня как отрубил хриплым рыком... Он сбил широкую, ровную рысь, остановился и уже с места рванул куда-то в прямой полумрак... будто решил начать скачку прямо сейчас... Я зажал его шенкелем так, что он с разворотом налетел на стену... И к Другому мой зверь подошел слишком близко... Сейчас сцепятся... Другой медленно, но с угрожающей мощью, поднялся “свечой” и выправил сложенные до этого когти. Но Влад так же быстро выправил шпоры и вовремя врезал ему острием под ребро, отворачивая его от моего буйного изверга... От ударов о стены их инертных туш, едва управляемых нами, задрожали высокие своды тоннеля... Плевать, что Ульвэр нам потом... Я разодрал шпорой бок этой злобной зверюги... но зверь так и норовит с разворота разодрать все, что под лапу попадет...

– Не дергай его, Герф! Скрути удавкой! Придуши!

– Скручу! Но сначала разверну! Иначе он нападет прежде меня!

– Скрути его сейчас! Они не сцепятся! С удавкой мы их точно растащим!

Я припал к шее зверя, когда тот поднялся для новой атаки, и перекинул “шнур” удавкой, зажав зверю горло... Он долбанул меня о стену коленом, но доспех и седельный коленный фиксатор удар приглушили – я собрал “шнур” туже... Он, изогнувшись корпусом и выгнув шею, оскалил зубы и... Его душный хрип окончил противостояние – он отступил, встал по стойке “смирно”... Я, вцепившись в исходный блок этой сильнодействующей удавки, упал на его мощную холку, чтобы отдышаться, но “шнур” не ослабил – с этим спешить не стоит... Влад остановил Другого чуть поодаль, опустив сорванную до дрожи силой этого чудовища руку. Обоих зверюг тоже бьет озноб напряжения – только не от отдачи бою предельных сил, а от не примененной боевой мощи, которой у них хоть отбавляй... Мы молча оглядели трещины и царапины на стенных панелях и усмотрели характерные надсечки... Руггеры с каждым днем становятся все опасней...

Они рассекают резаками обшивку – могут пройти и по стенам, и по полу... А после по этим надсечкам разламывают плиты когтями... Поступают с нашими строениями, как со всеми камнями и железками, преграждающими им путь. Здесь плиты укреплены – их ультразвуковой резак не возьмет... Правда, кто знает – проявит такой здоровенный зверь упорство, и, может, у него что и выйдет... Одернул Замухрышку как следует, чтоб не повадно было...

Руггеры никуда не попрушь – твари подземные. И здесь нам с ними всегда нужно быть начеку. Им тут все куда лучше знакомо, хоть это и наше подземелье. И еще мы знаем, что им не трудно проложить тоннель через скалистый отрог... Они и тут постоянно пробуют соединить секторы в неположенном месте. Обычно руггеры роют глубокие норы в каменистых долинах этой полосы. Но и наши укрепления и заграждения не каждый раз стороной обходят – и порядочный ущерб нам наносят. Нам от них вред везде и всюду... Ничего такого зверского они вроде не делают – охотятся на пещерных червей, добывают корни и клубни, скрываются от нас и зимних морозов, которые пережидают во сне... Только если мы входим в их пределы досягаемости... Понятно еще – охотники... это защита, сопротивление... Но мы – всадники...

Нет, руггер слишком мощен, чтоб ему без особых усилий объяснить, что он должен таскать на себе всадника, чтобы не стать его ужином. Если ты из него дух не выбьешь – выбьет он... из тебя, конечно. А вооружены они на славу. Прежде руггеры смирными были, но теперь действуют по неисправной программе. Здесь все зверюги скорректированные, но коррекции теперь редко проводят – средств не хватает. Блокаторы уже почти не действуют – руггеры перестают идти у нас на поводу и по каждому случаю дают яростный отпор. А дальше хуже будет... Только нам об этом и думать нечего – от Ульвэра тут пощады мы не дождемся. Покуда Ульвэр считает, что эти твари нам нужны, мы будем их усмирять, пусть и ценой жизни. А Ульвэр считает, что эти чудовища нам крайне необходимы. По его приказу мы и работаем с ними, хоть и без его чудищ смерть нас на каждом шагу подстерегает...

Этот вид списан, и эти подземные твари приговорены к ликвидации – до зачисток просто руки не доходят. Только Ульвэр думает, что к руггерам еще подход есть, и они еще будут полезны даже при отказе от коррекций. Он делает все, чтобы спасти и сохранить этих чудищ. И его стремление доказать, что и мы, и они еще способны на что-то, кроме разрушений, дает результаты. Хоть без разрушений и не обходится, всадник со зверем как-то нейтрализуют друг друга – силой или какой-то договоренностью... Может, в этом и есть смысл – как покорное мясо руггеры уже ни на что не годны, но под седлом действительно неплохи...

Ульвэр – S12, а это – высший ранг всех подразделений всей системы. Такие люди ничего просто так не делают. Значит и эти проекты пришлись ко времени. А мы уж как-нибудь справимся, хоть это и для нас – закалка. Здесь необходима железная выдержка – дурь из них одним бичом не вышибить. Они должны понимать не только то, что ты сильнее их, но то, что ты нужен им, как они нужны тебе. Мы должны перестать быть охотниками на них и стать их командирами – тогда они перестанут быть нашими врагами. Кто знает, может быть, после войны мы сможем перейти на следующую ступень и поднять из руин наш прогресс, перевести систему на более естественную поддержку – не будем так часто проводить коррекции, будем устраивать скачки после отбоя... Только сколько бы я об этом ни думал, сейчас мы – враги, хоть и попривыкшие друг к другу от безвыходности. Сейчас Ульвэр приказал, и мы – исполняем.

– Черт... Влад, надо поостеречься.

– Герф, нам теперь Ульвэра надо поостеречься. Он нам за шпоры...

– Шпоры это не смертельно – не то, что когти.

– Черт с ними. После этого зверства и перед тем, что будет в Хантэрхайме, Ульвэр, что бы он с нами ни сделал, не станет худшим из трех зол.

– Потерпим – трем смертям не бывать.

– Если только они не будут обратимыми...

Решили убраться отсюда скорее – эти твари тут такой рев и грохот подняли, будто ураган пронесся... Не хотелось бы еще и “теней” системной безопасности призвать этой бурей – они всегда слетаются на кровь и крики... Это сквернейший день из всех худших дней! Еще и мой зверь напряженно принюхивается к чему-то, будто чужого почуял. И Лесовский опять подключил трубку и... загрузил виртуальное поле... Прохладный и чистый звук пролетел отголоском ветра... От этой печальной мелодии, навевающей воспоминания о ветреных просторах пограничной зоны Штрауба, кровь леденеет. А Влад еще застелил коридор ковром высокой изумрудной травы... под стальным безоблачным небом. Я даже чувствую ее горький аромат и сырость низко ползущего над ней тумана. Мой зверь идет по нему, как таран, – рвет его с каждым шагом, разбивает на тонкие нити, оплетающие его ноги и сходящиеся за ним в прежнюю светлую и ровную прозрачность... Поросший блекло-сиреневым вереском пустырь расширяется – повсюду разбросаны серые камни... Далекое, подсвеченное каким-то предгрозовым солнцем, скалы ощерились на нас белыми зубами поднебесных льдов... С запада к ним устремлены зубчатые стены темных хвойных лесов... Над ними вздымаются башни Валсхайма – его острые шпили встают из тумана и теряются в призрачной дымке где-то в вышине... Скалы, ели и башни – все теряется в отдалении, и все – поднятые копыта... Скоро солнце затянут тяжелые тучи, и пойдет дождь... Но грозы я ждать не собираюсь.

– Ты что делаешь?!

– Звери и без этого бурю чувт. А я давно не был на пустоши Валсхайма...

– Выруби к черту эту пустошь! И птицу убери! Мне нужно четко коридор видеть!

– Его видно.

– Только не моему зверю!

– До него дойдет, что это не реальное поле.

– Ничего не дойдет! Ты ему еще червей покажи! Он тогда весь сектор разнесет! Смотри, как он против ветра пошел! А ветра нет!

– А хорошо идет! Ты его не дергай, он и так знает, что ты руку на пульте держишь... А мой думает, что эта трубка – бич-разрядник. Пока она подключена, он по струнке ходить будет.

– Уверен, что не им одним мозгов не хватает, чтобы разобрать, что это такое на самом деле...

– Герф, этой штукой точно не хуже, чем рукоятью бича, огреть можно.

Замухрышка смерил нас косым зловещим взглядом... На том мы с Владом спор и порешили. Мне пришлось переключить внимание на поблескивающие в полумгле предрассветные росы, а Владу на то, чтобы свернуть виртуальное поле до границ тоннеля... Но в оставшейся траве еще мелькают луговые цветы, и слабое солнце проблескивает в утренней росе... Травы мягко пригибаются под лапами наших тварей, но обточенные когти гулко стучат по гладкому полу... Если бы Ларс Стикк увидел, сколько нарушений мы допустили... Иногда мне кажется, что лучше получить штраф, чем выговор Стикка, хотя десять штрафов приравниваются к смертному приговору, если их за особые заслуги не снимут...

– Отключите активную внешнюю проекцию до прохождения секторных врат.

Здесь объект не видит нас, но вот за виртуальным полем он, похоже, следит...

– Влад, отключи.

– Мы в слепой зоне – кому это мешает?... Сигнал совсем слабый.

– Не положено ему тут быть – значит, его тут быть не должно. Отключи.

– Теперь ясно, для кого все прописано и оговорено с точностью до идиотизма. Герф, а что ты будешь делать, когда не будет возможности идти по правилам напрямик? Напролом пойдешь? Ты ж просто не способен их обойти – ни одно, пусть самое простенькое уставное...

– Таких ситуаций быть не может – все учтено.

– Кроме человеческого фактора...

– Даже это учтено, Влад. Мы теперь не такие тупые, чтобы человеческий фактор нам столько проблем создавал, как раньше.

– Объект предупредил и все...

– Сейчас штраф впишут! И правильно – нечего нагнеть. Ты киберпространство во внешнюю среду загрузил. Дезактивируй кибербазу, объект на пост доложит.

– Мне этот мрак непроглядный уже поперек горла...

– И Стикк тебе поперек... А если что, он сразу объявится.

Душистая луговая трава сошла со стерильного пола, и в его покрытии снова смутно отсвечивают притушенные лампы. К ястребу претензий не было (для объекта такая активность кибербазы не существенна) – Влад его оставил... уж очень здесь тоскливо. Птица настроена только на нас, и никто больше ее не видит.

– Слушай, Влад, а руггеры воспринимают виртуальные объекты так же, как мы?

– Почти. Когда киберпространство настроено на общую внешнюю проекцию, реагируют они точно, как нужно. Только они слепые – четко ничего не видят...

– Киберпространство воздействует не непосредственно на зрительные анализаторы.

– Руггеры толком и не знают, что это – видеть. Мы, похоже, тоже...

– Опять мозги мучаешь...

– Как раз наоборот, Герф, здесь поворот *должен* быть.

– Не доехали еще...

Я осмотрелся – никаких меток в старом заброшенном тоннеле нет. А наше продвижение мы на карте не отметили... И скорость рассчитать я толком не могу из-за бросков и простоев этих зверюг. Наше положения мы можем определить лишь приблизительно... Это “тени” системной безопасности во всем виновны! Эти унтер-офицеры в отглаженных черных шинелях будто морок навели – заняли все мои мысли! Еще и Влад с его виртуальным полем – оно тоже ориентировку сбilo. И Хантэрхайм с его ледяными пустынями... Я уже проклинаю этот день со всеми его ухищренными требованиями к моему простому разуму при честном исполнении! Здесь нет никаких ориентиров, а время на исходе! И зверюги что-то притихли, как ветер перед грозой... и все прислушиваются украдкой к чему-то... Я понять не могу, откуда дует – будто из щелей холодом тянет... И наши твари каждый этот сквозняк шипеньем провожают...

Неприятное ощущение – брошен тут, предоставлен тишине и собственным мыслям... никто не следит, не наводит. Объект нас здесь не видит... Наш фоновый сигнал до него доходит, но к точному ментальному обнаружению мы его подключить не можем – доступа нет. И по другому сигналу он нас так просто, без объяснений, не направит... И на пост запрос на корректировку без крайней нужды посылать не следует – потом проблем не оберешься... Но не могли ж мы в прямом тоннеле полностью с дороги сбиться – здесь переходов нет, а поворотов от силы... Нет, тоннель отключен, и все ворота открыты... даже те, которых нет на наших картах. Надо поспешить... и быть осторожней...

– Герф, как думаешь, что будет дальше?

– Следующий поворот искать будем.

– Я не об этом.

– Никак не думаю. Для этого офицеры есть, и для этого им специальные мозги делают.

– Мне нужно хоть как-то определить, что будет, чтобы знать, что делать... и сколько еще времени...

– Мы всегда знаем, что делать: то, что прикажут. А время нас заботить должно, только если его обусловят приказом. Все просто, Влад. А если усложнять, мы будем блуждать, как сейчас, – в прямом и пустом тоннеле.

– Он не прямой и не пустой – просто мы всех проходов не знаем. Но это не значит, что их нет и что они не будут открыты перед нами, – как сейчас.

– Если бы мы этот проклятый день не усложнили, мы бы к ним и близко не подошли. А теперь даже не знаем, по которому из них прем со скоростью этих чудовищ неизвестно в каком направлении.

– Нечего попусту пререкается с тем, что уже случилось. Теперь это данность, Герф. И теперь нам только и осталось – сделать то, что решим мы.

– Верно, но осталось нам только ехать дальше, чтобы посмотреть, куда нас этот тоннель заведет.

– И искать ориентиры. По ним сподручней будет следующее действие определить.

– Убедил. Ты ко всему правильный принцип под неправильным углом прицепить можешь...

– То, что здесь происходит, – это еще так, мелочи... У меня из головы Хантэрхайм не выходит. Все к нему сошлось... А там дело дрянь...

– Не нравятся мне эти пораженческие мысли.

– Мало ли что тебе не нравится. Совет на совещании первым делом вопрос поставил – продолжать рассчитывать пространственные переходы или стереть Ивартэн. Подумай, что это значит, если генералы Совета на такой риск готовы пойти...

– Совет знает, что делать.

– Не уверен, Герф. Совет разделен. Снегов теперь один за всех решает – силой. И он Ивартэн не сотрет...

– Он верховный главнокомандующий, он над Советом – решит и поступит, как сочтет должным.

– Только если его решение не оставит его одного – без поддержки. Решение он не уступит. Устоит и под жестким прессингом, как ледник. И поступит он только, как сочтет должным. Не пройдет убеждение – речь пойдет о грубой силе. Он уже приказы силой утверждает... Но силы есть не у него одного. И угрозы прессуют не только его. А еще не все офицеры S12 заледенели до бесчеловечности, чтоб перед ними ледником стоять.

– Высший состав его поддержит.

– А ты ему веришь, Герф...

– Я верю в его силы.

– Командование молчит о том, что это решение нас разделило, но мы об этом знаем точно.

– Мне об этом ничего не известно.

– Потому что не излучатель к тебе приставлен, а ты – к нему.

– Да пошел ты... А Центральный мозг что думает?

Влад перевел взгляд на окурок – огонек уже подбирается к его пальцам...

– Центральный мозг, как и “защитники”, считает, что применить более мощное оружие... Пусть речь идет только об Ивартэне – это слишком опасно... вернее – бесперспективно.

– Значит, есть варианты с меньшим риском.

– Не знаю. Спорили бы они тогда?..

– А что Центральное управление DIS?

– Командующие DIS – тени Снегова, у них разногласий нет. Главнокомандующие армий его поддерживают – и Грэн, и Штольт...

– Значит – и Штрауб, и Хантэрхайм.

– С Хантэрхаймом не так просто... Штольт руку в кулак сжимает. Но командиры северных боевых подразделений терпеть не намерены – многие из них против того, чтобы ждать.

– Влад, мы им должны обеспечить время, вот и все. А они уж во всем разберутся.

– Пока воюем... Это не так уж и долго для того же Снегова.

– Хватит безнадегу разводиться.

– Силой мы ничего не добьемся...

Мы защитили Ивартэн так, что сами защиту обойти не можем. Можем уничтожить *их* всех – все *их* базы, все *их* сети, но только вместе с собой. Ведем войну по строгим правилам, не выходя за ограничители, не применяя более мощного оружия, чтобы сохранить то, что с таким трудом восстановили – наш мир. Война тянется уже целую вечность... Если уничтожим *их* – уничтожим планету, а с нее мы убраться не можем – Совет и это учел, когда рассматривал аналогичный вариант действий повстанцев. Понятно, что мы имели такую возможность, но теперь *они* считают, что мы – враги системы. Идеальная стратегия... Повстанцы ничего не могли сделать – только подорвать систему изнутри, засылая шпионов, используя наших же убитых офицеров. С этим справились, ужесточив контроль так, что теперь наша боевая техника нас от шпионов отличить не

может. Мы применили силу, когда *они* перестали исполнять наши приказы, – мы восстали против системы. Ничего не скажешь, у повстанцев получилось – систему подорвали... Только смысл какой?.. Уже давно объединились – вместе воюем. Для *них* теперь все мы, люди, – подлежащим ликвидации.

Бывают у нас прорывы, но удержать взятые территории мы не можем – почти не выходим из обороны. Можем получить преимущество, уничтожив Ивартэн, – *их* Центр... Но войне конец это не положит. А мы, применив такое мощное оружие, потеряем окружающую среду. Придется на искусственное обеспечение переходить – от этого наше будущее не станет менее сомнительным, чем сейчас.

Вся эта война... мы тянем время. Все мы знаем, что война проиграна (в категории установленных правил), – все уже рассчитано. Главнокомандующие в основном думают, как *их* остановить – завершить задачу, войну. Думают об использовании иных пространств – прямых переходов от одной точки к другой... Иначе в штаб Ивартэна нам не попасть... Но я не очень верю, что у нас получится сделать это таким образом... Не ждали бы высшие офицеры, если бы пространственные переходы не были опаснее всего остального. Их даже к пустому одиннадцатому измерению еще не подключали для первых испытаний...

– Влад, но кроме как силой... Никто не может и подойти к Ивартэну, не то что пройти идентификацию... А все эти проекты...

– Ну и долго же ты рассуждаешь... Генералы Совета просчитали столько вариантов, но так ничего и не нашли. Это потому, что они просчитали не меньше, когда к войне готовились, – учли все, что после Пересмотра Задачи не дает нам сделать ни шагу.

– Только до войны состав Совета другой был.

– Значения не имеет – у всех у них мозг на базе S12.

Что, Лесовский с жизнью прощается? Ничего – бывало уже. И не из таких передраг мы друг друга вытаскивали... *Не из таких*... Резко похолодало... Я вдруг вспомнил, что Стикк тогда говорил – еще при штурме Небесного... До меня вдруг дошло, что все это может быть правдой...

– Влад, сколько Снегов живет... существует?

– Кто его знает? Уже все забыли, да и он тоже, наверно...

– Думаешь, он действительно уже – не человек?..

– Похоже на то. Его стали бояться все... Просто все на нем сошлось. А никто не знает, о чем он думает. Непокойно сейчас – многие полагают, что ждать стало слишком опасно, что пора проблему закрыть – стереть Ивартэн, и плевать, что дальше.

– Может, действительно пора?..

– Войну это не кончит.

– Наши космические базы на ждущем режиме – до них только добраться... А там и Землю стереть можно...

– На базах нет людей – только *они*. И добраться до них мы не можем.

– Стереть Ивартэн – это реально. Это не то, что переломить пространство по не подтвержденному расчету... Не то, что ждать, – подтвердит его Снегов или нет...

– Не знаю, Герф...

Влад замолчал – не затушенный окурок рассыпался искрами, ударившись о стену тоннеля... Ненавижу, когда он так делает – а он всегда так, когда никто не видит. Но на этот раз и мне плевать на такую мелочь. Мы ничего не знаем о своем будущем...

– А где мы вообще?!

– В запретной зоне...

Я встал в стременах... Тоннель исчез в непроглядной тьме. Свет на нас не реагирует... Мы еще в слепой зоне – все отключено, мозг объекта, видимо, здесь ничего не контролирует. И мы не просто в глушь заехали – тут по стенам протянуты померкшие желтые и черные полосы разметки. Приехали... А должны были быть уже на базе...

– Тоннели, которых нет на картах, должны быть закрыты!

– Да здесь все отключено!

– Поврежденную запретную зону так бросать нельзя! Закрыли, загрузили объект на ментальное обнаружение, поставили блокпост – и порядок! А тут мы с этими едва подчиненными тварями!

– Значит, теперь тут нет запретной зоны!

– От нее остаться черт знает что могло!

– Герф, давай дальше... Только смотреть нужно в оба.

Свечу в пустоту... Луч теряется в прямом тоннеле... В темноте наших руггеров совсем не видно – они не менее черные, чем все вокруг. Теперь, чтобы избежать увечий, нам нужно постараться и полностью сосредоточить внимание на этом мраке... Я скинул с плеча излучатель и сжал в руке пульт – здесь зверюгам лютовать мы не позволим жестче, чем прежде. Что-то мне этот мрак... Мой зверь вскинул голову... А Влад вскинул – оружие.

– Стой!

– Влад! Никого нет!

– Герф! Глаза открой!

– Нет никого!

– Ты видел его?!

– Ничего не видел!

– Он где-то здесь!

– Кто?!

– Не знаю – офицер вроде! Чужой!

– Но сигнал не доходит – никого тут нет. И чужих тут быть не может.

– Герф, я видел его – у него лицо бледное, прямо белое... Как у того – в лесу Небесного...

– У кого? Кого ты в лесу просек?

– Его... Не знаю, кто он...

– Но никто больше его не...

– Нам запретили видеть все... Поле избирательно мутило нам зрение. Но оно было регулируемым.

– Ты отключил поле “незримости”?! Это ж...

– Отключить нельзя. А перенастроить... Я сбил настройки.

– Ты ж мог все видимое тобой пространство покорезить!

– Не важно. Поле перестало работать. Его исходный блок не ослеп, но точно сличить видимые им объекты с заданными программой он не смог – не смог перекрыть помехой и мой визуальный предел. Я видел этого... Это был он, в лесу... Но я не понял, кто он – чужой или нет. Смотрел ему в глаза – секунду, не больше... и он исчез. Просто пропал, будто сквозь землю...

– А сигнал?

– В этом и дело – не было никакого сигнала... как сейчас...

– Значит, показалось.

– Герф, он не человек... Он только похож...

– У нас таких “похожих” нет.

– Но мы не знаем, кого нам было не дозволено видеть...

– Влад, нам только смотреть запретили, но ориентацию по сигналу никто не отменил. Мы тех, кого нельзя видеть, должны были по ментальному фону засечь – по чуждому нам фону. Но ничего не было. Ты просто нервы в путаный узел скрутил, и тебе показалось. И вообще – нет ничего с мозгом, но без ментальной активности... разве что – мертвецы. А они ходить не могут.

– Активность может быть очень низкой, как у руггеров в засаде...

– Руггеры – примитивные твари.

Я осмотрелся на случай чего и закинул излучатель за плечо... Но Влад положил оружие на луку седла, чтоб сподручней было... Зверюг пустили широкой рысью, чтоб их негодование от нашей нервотрепки сбить... Но мой зверь, резко остановившись и приняв боевую стойку, вытянул шею – это значит, что он готов бить камни, как стекло... крушить все... Его низкий рык сошел к тихому хрипу, но до высокой, не слышимой нами, частоты еще далеко... Нет, он не нападает – он еще только пугает... Руггеры редко предупреждают о нападении, но сейчас...

– Теперь видишь?!

– Черт! Что это?!

Тоннель пуст, но на границе света фонаря что-то... Лицо человека... белое, как у покойника. На нем черная шинель, и погоны не подсвечены – его силуэт пропадает во тьме. Этот человек встал и не двигается – застыл перед нашим, направленным на него, оружием. Ментальной активности нет, термоактивности нет. Излучатель по сигналу наводку не берет – навожу вручную.

Я уже готов был спустить луч, если он... Но он исчез в темноте – медленно поднес к лицу руку и закрыл его черной перчаткой... будто самой тьмой...

– Преследуем! Пошли!

Мы с места сорвались со всей мощью этих чудовищ... Эти махины тяжелы на разгон, но скорость выдают неплохую...

– Вижу объект! Черт... Это ж... Стой! Влад, не стреляй!

Я резко осадил зверя, и, вопреки строгим правилам, преградил его корпусом путь зверю Влада, закрыв собой зону огня...

– Герф! Мы упустим его!

– Это капитан службы безопасности!

– Убери зверя! Он не капитан! Он ростом с S9, если не с S11!

– На нем шинель капитана DIS!

– На нем шинель высшего офицера “драконов” – еще довоенной формы! Просто без опознавательных знаков!

– Это форма нашей службы безопасности! Только погоны отключены!

– Убери зверя, Герф! Он блокирует сигнал! Он не человек! Или ты думаешь, что офицеры DIS уже и до этого дошли?!

Нет, я так, конечно, не думаю... Остановились сообразить – продолжать преследование нерегистрируемого объекта или доложить на пост... Но мне на глаза попался ястреб...

– Черт... Влад! Это ж форменная тупость!.. Твоя кибербаза активна! А мы чуть стрельбу не устроили!

– Киберглюк?

– Поэтому объект и не регистрировался...

– Но мы распознали бы...

– Сбой какой-нибудь. Полное погружение загрузилось... И вообще, мы виртуальное поле не учли... и не проверили. Поехали отсюда.

Воздух продолжает звенеть навязчивой тишиной... Странный этот глюк какой-то, хотя чего только в киберпространстве нет...

– Влад, у меня ментальная активность. Вот этот объект всегда регистрируется...

– Стикк...

Свет фонаря бликует на его начищенных сапогах и на шкуре его не менее начищенной зверюги. Это старый, опытный зверь – его, в привилегированном порядке, седлает только Ларс Стикк... И сейчас Хороший встал как вкопанный – он не хуже нас с Владом знает, что бывает, если Стикку перечить. Я начинаю отсчитывать минуты этого дня – когда-нибудь он все же должен кончиться!

– Куда собрались?! Смотреть мне в глаза! Лесовский, в твоей голове темный лес, кишущий чудовищами! А в твоей, Штэндштайн, – неотесанные булыжники! Но я у вас и дровосек, и камнетес! Под моим топором вам воли не будет!

Стикк нацепил ядовитую улыбку, но смотрит на нас очень пристально... Он использует ментальные передачи – продублировал нам линию... Я положил правую руку на левое плечо, запоздало приветствуя его, и открыл ему линию, приняв его условия...

– Мы допустили...

– Знаю. Иначе вы бы тут с провинившимся видом передо мной не стояли. Но с вас сообразительности не спросишь... Вы не понимаете даже того, что значит это приветствие...

– Оно блокирует оружие, командир. Это значит, что мы не применим его против порядка системы.

– Это по уставу. А на деле оно значит, что в ваших руках столько силы, что вы способны применить ее против... И заметьте, это практический знак. “Блокировать” оружие перед командиром

– не то, что “отдать” ему оружие. Этот знак работает не на одном доверии – не то, что оружие, поднятое и зажатое в руке.

– Это приветствие при параде, командир.

– Когда оружие отключено. Бойцы и прежде имели такие силы, которые должны были быть сдержаны не только системой, но и ими. Такие силы, которые одной системе было не сдержать, – которые обязаны были сдержать перед ней ее бойцы. Но такой силой, как вы, не обладал еще ни один воин. Только вы еще и понятия не имеете о ваших истинных силах, чтобы применить к ним ту волю, о которой тоже еще не знаете, когда будет нужно эти скрытые силы открыть.

– Разрешите уточнить, командир...

– Это просто осторожность, Герффрид. Оттого, что вы способны сделать большее, если что-то потребует от вас большего, нужен дополнительный контроль. Командиры обязаны следить, чтобы эти силы находили применение исключительно по их требованию.

– Но сейчас мы не можем сделать больше, чем делаем, – сейчас мы делаем все, что можем.

– Делаете все, что можете сделать сейчас, – все, что от вас сейчас требуют. И делаете не слишком старательно...

Стикк еще более ядовито улыбнулся и развернул своего зверя. Мы встали за ним. Влад молчит, как покойник, и бледнеет на глазах... мне тоже лучше было бы промолчать, но...

– По этой логике выходит, что нашей вины здесь нет, – просто наших стараний требуют не слишком старательно.

– Верно, Герффрид. Штрауб проводит переустановку требований под запросы северных укреплений. Теперь вам ясно, к чему могут быть применены ваши силы?

– Нас переводят, сержант?..

– Да. *Нас* переводят. К Боргу. Завтра заступаем.

Влад не выдержит – вижу борьбу на его лице, но он не выдержит...

– Третий полк шестой армии?! Нас зачислили к Боргу?!

– А как же, Лесовский? Кому вы с Герфом по отдельности нужны?

– Значит, нас вместе переводят?

– Не может же все быть так плохо – к Боргу, еще и порознь. По крепкой дружбе вам все делать вместе положено – и воевать, и погибать вместе.

– Так точно, командир...

– Но перед тем, как поступить в его распоряжение, вы должны кое-что уяснить – и уясню это вам я... Вы можете сразиться и с врагом, и с этим пустынным миром вокруг вас и ваших врагов. Но за пределами этих территорий, вы не сразите ни того, ни другого – север поразит и таких, как вы. А здесь... Здесь все мы сильнее, чем там – здесь ничто не требует того, что свыше ваших сил. Но там, на севере... Подумайте над этим...

Понимаю, что пора эту тему пресекать, а то Стикк, чего доброго, опять на узкую дорожку своротит, но ничего в голову не идет... Вдобавок вижу, что Владу это уже занозой в гортани стоит... Как бы он чего не... Но он вроде в руках себя... если не держит, то еще сдерживает...

– Бойцам думать не положено, командир.

– Ты так не думаешь, Лесовский, – и правильно делаешь. Скоро это будет неотъемлемым требованием к каждому вашему шагу, куда бы вы ни пошли. Больше у нас нет времени – командиры берут ответственность уровнем выше, и частично их прежние задачи теперь переложены на вас. А вы даже маршрут точно проложить не способны...

– Мы возвращались на базу, сержант.

– Двигаясь в противоположном направлении, вы бы вернулись не скоро. Если бы вообще вернулись...

– Мы потеряли ориентацию.

– Разведчики... Куда бы вы ни попали, вы должны быстро определять, куда попали и куда попадете из этой точки попадания!

– Но здесь нет никаких ориентиров!

– Они везде есть, только не всем дано их видеть! И о том, что вы их попросту пропустили, вы укажете в объяснительной! А мне нужно знать только, отчего мои бойцы теряют ориентацию в слепой зоне у выхода, который не обозначен на картах и который объект не контролирует.

– Мы не сдержали зверей и...

– Я сказал, “отчего” – не “каким образом”...

– Получилось не “отчего”... получилось именно “каким образом”, командир.

– Допустим... Но это неверный ответ!

– Мы думали... Вернее, не думали, что...

– Ответ достойный смертного, Владислав! Я видел окурки. Кстати – хороший ориентир... и показатель полной утраты совести. Графики, конечно, были стерты, но приказ был отдан четко и вразумительно... Допустим, что короткий простой... Короткий простой мы допустим. Вы стояли... Курили... И спустили с дымом чуть больше нужного времени – нужного для того, чтобы успеть отработать этих чудовищ без усиленной нагрузки и вернуться на базу к сроку... Пришлось сократить путь до третьего блока, чтобы не загнать зверей...

– Так точно.

– Решили, что нужно вспомнить про проверку... То, что перед вышестоящим офицером вы стремитесь проявить старание ступенью выше обычного, – это понятно. И с учетом этой демонстрации преданности высшему командиру – почти простительно. И в том, что объект не исправен, что не обозначенные на картах проходы открыты и не помечены, вашей вины нет... Конечно, вы должны были вычислить нужный проход... Здесь вы допустили ошибку. Но с учетом отягощающих факторов – этих чудовищ... Их агрессивные действия вынудили вас направить предельную концентрацию к их умыслам...

– Так точно...

Он что, нам ошибку спишет? Стикк спишет ошибку?..

– Получилось, что нарушение не столь существенно... И нужно отдать должное – со временем вы не ошиблись, рассчитали правильно, хоть и впритык. Хороший отчет выходит... с одной стороны. Но с другой... Если учесть, что этот сектор значимым не считают – здесь только руггеры – и после поломки мозг к нему еще не подключен... Если учесть, что врата, ведущие к поверхности земли, открыты, а патрули с разрывами...

– Нам об этом ничего не известно, сержант.

Стикк остановил Хорошего, обернувшись через плечо... Его сощуренные глаза зло блеснули через длинные белые ресницы, выжженные до бесцветности жесткими лучами ледяных пустынь... Никак я не могу по этому его взгляду определить степень его серьезности... Такие люди, как правило, вообще не склонны шутить... А если дают шутке волю, то не от веселья и не от скуки – от тоски угрюмой, от обреченного чего-то, мрачного... И обычно такие “шутки” вовсе не шутки...

– Ну, это мы проверим еще. У вас сегодня последнее испытание перед вечным льдом и вечным боем... Но вы еще здесь. И я вас здесь без дел не оставляю – вы еще раз этих чудовищ по тоннелям прогоните. Должны же вы со зверушками попрощаться. И хорошо запомните этот маршрут со всеми ориентирами... чтобы больше сюда ни шагу...

– Приказ о переводе уже пришел, командир?

– Вижу, твое любопытство, Лесовский, распространяется с большой скоростью и в эпидемическом масштабе. Тебе бы в изолятор... Карцер – то, что надо. Ты же привык к карцерной тишине и покою – только там ничего не мешает думать... Но время не на твоей стороне – можешь так и не успеть урвать долю этой тишины. Так что бери, что есть, – и используй время на размышления по прямому назначению.

Стикк оборвал передачу... Мы выходим из слепой зоны – впереди уже мерцает, перебивается свет...

– Влад, но он серьезно?! Это ж не издевки чистой воды?!

– Не знаю! Он это делает одновременно! Но я уверен, что он нас перед начальством теперь выгородить решил!

– Но на кой черт ему это?!

– Уверен, это для того, чтоб мы время на разбор не тратили! А потратили его, прощаясь со зверушками и совершенствуя ориентацию, в этих слепых тоннелях! И еще я уверен, что отключенный выход к поверхности тут действительно есть!

– Но это ж не обязательно значит, что он...

– А черт его знает! Хотелось бы думать, что это только похоже на открытый путь – “путь дезертира”!

Мы сержанту дублированных линий не делали, но он и без того просек ход наших мыслей по нашей скованности... Он вечно ставит нас перед сложным выбором – сообщить или промолчать... Но при этом не дает никаких четких подтверждений тому, что есть прочный плацдарм для постановки такого выбора. Вроде и молчать, и сообщать не о чем... Вроде, кроме наших догадок, ничего нет... Но есть тут что-то не то... Мы думаем, что он издевается, но у него это значит что-то другое... Стикк всегда безошибочно различает все подвохи – видит их насквозь, но и он сам всегда и все делает с подвохом. Стараюсь выкинуть его из головы, но как назло не могу думать ни о чем ином. Что бы я ни вспоминал – Ларс Стикк везде, и все сведено к нему. И в руинах Син, Небесного города, и в той лесной чаще... Мы тогда вымотались и не обратили должного внимания, что все – наши командиры и соратники, мы сами и наши враги – все мы отражались в его цепком взгляде... И то сияющее звездами небо, те высокие ели и их синие иглы, упавшие на искристый снег – все это мы видели только в отражениях его начищенных сапог и ремней... То его заявление вгрызлось нам с Владом в головы до самых корней мыслей, как мы ни стараемся не думать об этом... Черт... Я не должен об этом думать... Теперь нас ждет Хантэрхайм... Там мы больше не увидим этих преломленных Стикком путей, отраженных с искажением на узких голенищах его сапог... Там слепящий свет затмит – верней, засветит все отраженья...

Стикк не раз говорил, что в Хантэрхайме нет ничего – это правда. Там только ледники... и свет... Хантэрхайм безжалостен к людям... ко всему живому. И хоть я не очень быстро соображаю, теперь понимаю, что Стикк тогда, в руинах Небесного, был прав не только в этом... Хантэрхайм будут держать до последнего, но ясно, что долго наши северные твердыни нам не продержат никакими силами... Но бои еще идут... А нам тяжело знать, что где-то идут бои, когда мы в стороне. Так спокойнее – знать, что делаешь действительно все, что можешь...

Запись №6 00 00 000 00:00

10. 04. 205 год Новой Техно-Эры 09:30

Как только въехали на базу, командир отдал распоряжение объявить о готовности второй степени (не боевой, конечно, – ожидания Ульвэра). Офицер-S9 из окаменевшего состояния так и не вышел – просто переложил заботы на плечи низших офицеров. А они перебросили суетные обязанности на незаменимых унтер-офицеров, разбредшись по долам и далям личных, видно, тяжелых дум. Не понимаю я, что они хмурые такие... Перевод на северный фронт – это серьезно, но... Вид у них, будто весь мир вот-вот рухнет, а они – его единственные подпорки...

Одним нам с нашими бессменными командирами отделений каменеть никак некогда... Но даже нам сейчас трудно перед этим устоять. Когда нервы рвутся, а главное – когда ты толком не понимаешь, что их рвет, нужно встать, собрать мысли и установить причину. А когда нервы рвутся не только у тебя, но и у всех вокруг, – это сделать просто необходимо... Определить, что что-то не правильно – просто. Достаточно посмотреть как следует по сторонам. Но четко понять, что именно – сложнее. Нужно проверить действием. Сейчас мы имеем возможность разобрать ситуацию только одним способом – пропустить через разум данные и выявить их значение... Мы многое замечаем, можем по ряду признаков безошибочно установить порядок событий, но офицеры делают это быстрее и точнее... Я привык во всем полагаться на них – и теперь на них положусь... Я уже сообразил, что им явно известно что-то, что еще не дошло до нас... Значит, что с этим делать, решат они тоже скорее, чем мы... Только ощущение, что происходящее касается всех нас, меня не покидает...

Мой зверь в этом всеобщем мраке тоже как-то под грозовую тучу подстроился – жди беды... Сейчас когти выставит и ультразвук по этим отточенным ножам пустит – мой ошейник на кусочки порежет и по горлу... Если он мой ошейник раздерет – это ничего еще, отчет пропадет, и Стикк мне больше мозги раздирать не будет. Но то, что потом обязательно по горлу, – этого мне не нужно. Спускаюсь осторожно, без резкостей, хоть и хочется прыгнуть на пол быстрее. Встаю по левое плечо зверя и сразу беру его на короткий сигнал, чтобы он расстояние держал, – не мог ни приблизиться, ни отдалиться ни на шаг. Блокирую его выпад с плеча, еще не искрящим, но уже готовым спустить разряд, бичом. Завожу еще осторожней – мне нужно блокировать не только выпады когтями... Разворот для окончательной установки зверя по центру отсека беру широкий, чтобы он шею ко мне не скрутил и по прямому корпусу прошел. Готовлюсь, если что, дать ему по зубам рукоятью второго бича... Он об этом знает – проходили уже... Вроде подчиняется, хоть и через силу.

Руггеры зубы вообще берегут – стараются сразу их в ход не пускать. Эти зверушки сначала норовят когтями глотку перерезать... или придушить... или позвоночник перешибить... Но могут и без когтей... Могут собранным направленным потоком долбануть... С близкого расстояния – работает... И здесь не просто ультразвуковой сигнал вроде того, что с пульта идет, – здесь такая сила, хоть стены круши... Это хуже всего. Это бесконтактное нападение – еще и невидимое нам... Мы эту частоту без техники вообще не воспринимаем... Ставлю сокрушительного зверя на растяжки, приглядывая за показателями излучений на браслете... Отключаю подпруги, забираю седло, выхожу и закрываю отсек незримым полем... Теперь отлегло, теперь – порядок.

Руггеры... Нет у нас ни одной твари страшнее, чем руггеры. Скингеры – эти “кипяtilьники”, конечно, тоже нам скучать не дают. Но хоть они и худшее излучение применяют, сами они не такие зверские. Правда, скингеры при особом старании могут не только кому-нибудь кровь вскипятить, но и спалить что-нибудь... С ними без специальной защиты, как и с этими чудищами, дело иметь вообще нельзя. Но как бы мы защищены ни были, к нашему зверью ближе трех метров подходить смертельно опасно. Только мы обязаны. И еще их нужно холить так, что нам завидно становится... Хоть наш командир и тяготеет к зверью, его натура человека S12 берет верх – ничто здесь не должно напомнить ему об их животном происхождении. Все зверье должно не только сиять, как сапоги Стикка, но и быть выстроено, выверено... На благосклонность Ульвэра можно рассчитывать только, если каждый клочок шерсти его подопечных чудищ будет выверен по линейке. А Замухрышку попробуй приведи в надлежащий вид – он же вон какой... облезлый. Постоянно шерсть меняет, зараза.

Тут в “боевую готовность” должно быть приведено все. Но все и так уже готово – потрудились мы на славу. Только Стикк еще рыщет в поисках упущений. Он подошел ко мне, постоял молча... бросил чуть не мне в лицо одинокий звериный волос, приставший к его перчатке... Я не понял. А он ушел, не потрудившись разъяснить, чем его мой порядок не устроил. Это его зверь шерсть где попало не бросает – перчаткой проведешь и ничего. А мой... Не до лысин же ему шкуру драть... Пока Стикк не объяснит, что ему еще надо, – ничего делать не буду. Так и стою, положив руку на панель управления, как все остальные... Тихо. Ждем Ульвэра. Затерялись в полумраке среди темных задраенных “нор”... Влад продолжает мозги мучить – не замечает ни тишины, ни опущенных глаз... Даже звери не шумят, не скребут – только их дыхание разносится эхом... Будто они тоже ждут важных вестей... и, скорей всего, вестей плохих. Атмосфера уравнилась между траурной минутой молчания и сосредоточенным ожиданием стрелка на позиции.

Как нельзя некстати Стикк нам с Владом очередную головоломку задал... И без его кривых усмешек голова неясной бедой перегружена. Раскидают нас теперь... Кого в тени Шаттенберга бросят, кого в сияние Хантэрхайма... А Штрауб... Мы, где бы ни были, сделаем все, чтобы его отстоять. Но нам не выносимо знать, что предстоит покинуть его без надежной замены нам – его бойцам. Если бы Штрауб был просто нашей крепостью – это было бы не так тяжело. Но Штрауб – разум и средоточие всех сил системы... Совету, конечно, видней, что вернее его защитит. Только нам от этого не легче. Он – наш Центр. Лесовский считает, что стоять за него до смерти последнего солдата, последнего рабочего, – это у нас чуть не в программе прописано, как у муравьев. Похоже, так и есть. Мы и за Ивартэн стояли... Только тогда у нас еще были территории, были силы... А

теперь перенести Центр нам уже некуда – ни Шаттенберг, ни Хантэрхайм такой груз не выдержат. И теперь это перераспределение будто вихрем нас сносит... нас – защиту Штрауба. И мы ждем бури в этом предгрозовом затишье.

А вчера никому и мысли не приходило, что высшие командиры к цели по нам, как по трупам, пойдут... Точнее, что по нам пройдет это перераспределение... Нельзя это так делать – втихую... Ничего хорошего это не предвещает. И то, что Стикк тогда в руинах сказал, из головы не выходит... И то, что нас к Боргу зачислили без хоть какого-то предупреждения, – тоже где-то в виске негодованием стучит. Правда, точно еще ничего не известно. Может, нас это и обойдет... Борг – несокрушимый изверг. И эту гремучую славу он заслужил делом – не одной силой, но и крайней жестокостью. Его жесткие методы работают неизменно, когда результат нужен сразу – когда речь идет лишь о скорости достижения цели. Только жестокость офицера – это не холодность машины, офицер – человек. Но сейчас главное – чистый результат. Такие люди, как Борг, сейчас незаменимы, – нам роптать нечего. Ничего – нас с Лесовским вместе переведут. А вместе мы преодолеем все... Не простой он, но его не сломить ни этой войне... ничему. Он не стал ни бездумным недочеловеком-полужверем, ни недомашинной-получеловеком. Ему не все равно, по человеку лучом бить, по машине или по зверю.

Стоим, прислонившись к стене... Мы легко становимся неприметными в серой боевой форме – вот и сейчас все мы словно ушли в стены. Невидимая остальным птица так и летает над нами. Влад исподлобья наблюдает за этим пернатым охотником на крыс... Я почти обрадовался знакомым шагам... А Лесовский постарался стать еще более незаметным – неплохо у него получилось... Ястреб исчез – будто при виде Стикка... Такое ощущение, что он просто врезался в стену, но не рухнул на пол, а пролетел через нее...

– Что спите?! Запускай сухую чистку!

Сержант ходит по длинному коридору – выбивает из головы все мысли, кроме как о нем самом. В мертвой тиши даже сердце подстроилось под ритм его ровных шагов. Стою к нему спиной, но прямо вижу его сияющие болезненной чистотой сапоги, педантично меряющие длину и ширину коридора. Стикк на достигнутом не останавливается – перепроверяет замеры раз по десять... Он может себе это позволить как представитель самой привилегированной категории. N4 не офицеры, на которых мертвым грузом возложено решение всех мировых задач, и не рядовые, на которых свалено механическое исполнение всех этих задач...

Стикк остановился у меня за спиной...

– Ну что, Герфрид?..

– Загрузил стандартную программу, командир.

– Слушай приказ! Избавить подопечного от этих ключев! Надо будет – вручную пойдешь его чистить!

– Так точно.

Переключил программу чистки – это строгий режим, со зверюг чуть ни шкуру сдирает... По опыту знаю, чем это обычно кончается – мой зверь звереет. Замухрышку это уже начало серьезно злить. Он огрызается даже на еле заметную полосу, скользящую по его взъерошенному загривку. Зверюгу окружает черная аура счищенной шерсти, которая рассеивается у вытяжки... А Стикк не уходит – стоит над душой, ждет пока последний клочок ляжет волосок к волоску.

– Если останутся проплешины – соберешь клочья и приклеишь обратно. Только ровно и аккуратно!

– Будет сделано.

Сегодня Стикк ну уж очень добрый. Лесовский думает, что он на меня за мою тягу к порядку взъелся – хочет вывести из рядов правил, чтобы убедиться, что я настоящий. Может он и рад, когда ему кто-нибудь, несмотря на последствия, челюсть ломает, но я ему такое удовольствие не доставлю. Готовлюсь распылить клей по корпусу взведенного яростью чудовища, лезть в вытяжную шахту его “норы” за оставшейся шерстью – ко всему, что Стикку в голову придет. В общем, готовлюсь к тупому подвигу. Был бы Стикк бойцом похуже – мы бы его давно из отряда вышибли ко всем чертям. И если бы мы знали, что он за наш счет перед Ульвэром выслуживается – ему бы несдобровать. Но Ульвэр для него бог – Один, собирающий дружину убитых в бою воинов.

Это верно – мы все здесь проверены и боем, и смертью... А Ульвэр... Я не хотел бы служить под чьим-то еще командованием. Вот за эту убежденную преданность мы Стикку многое прощаем. Кроме него, мы дерзости никому так не спускаем... Правда, кроме него, нам дерзить никто и не смеет...

– Сожми кулаки покрепче, боец, и не думай об этом. Лучше подумай о том, что все рушится – все рушится, Герффрид... Пока еще это не очень заметно, но мы уже отдаем наши жизни не за земли, не за будущее – только за клочки пустыни, только за обглоданные временем дни. Даже Снегов ничего с этим не сделает – поздно. Уже давно поздно. Мы уже в хвосте времени. Наши генералы еще могут придержать хвост этого временного зверя, но оседлать его они уже не могут. Пока у нас есть силы, но скоро зверь покажет нам оскаленную пасть и оставит нас позади.

Я повернулся к Стикку, а он как всегда ядовито улыбнулся и, заложив руки за спину, направился к открытым вратам, чтоб застыть там с бичами...

– Переходим на готовность первой степени!

Срочно бросаем, прячем и отключаем все, что не должно попадаться Ульвэру на глаза... Мы равняем по линии зверюг, а сержанты – нас... У врат блоков ставят “защитников”... Все не только затихает, но и застывает... Только никто точно не знает, сколько мы так простоим.

Мне от этого всего не то, что скучно стало, – просто тоскливо... Это ж прощание чистой воды... А главное – неизвестно, перед чем мы прощаемся со всем, к чему привыкли... со всем, кроме Ларса Стикка – он ведь с нами... Я открыл Владу линию...

– Хорошо Стикк нам дух поднимает...

– Стикк души не трогает – он нам головы студит... перед Хантэрхаймом.

– Как будто кто-то способен дойти до ледников Хантэрхайма не с холодной головой...

– С холодной головой нужно ступить еще на путь к нему. Герф, Стикк ведь правду говорит – скоро у нас передовые будут со всех сторон... Нас крушат на всех фронтах...

– Пока они – нас, потом мы – их.

– Герф, нам не то что победить – нам теперь просто выжить трудно будет...

– Наша победа – это и есть наша жизнь.

– Не обязательно... Мы можем повергнуть врага такими силами, которые погубят всех нас... А враг может повергнуть нас такими силами, которые не погубят нас всех...

– Мы способны победить – пусть будет это сложно и пусть риск поражения будет огромен. Риск – это еще не поражение. И подходить к нему следует с чистой головой и твердой уверенностью...

– Герф, все, что мы делаем с твердой уверенностью, – делаем либо по предельно точному расчету, либо по беспредельно шальной тупости... Ты или не рискуешь, или не понимаешь, что рискуешь, – другого не дано. При походе на риск мы штурмуем цель без точных данных по соотношению сил – это бой, исход которого еще не ясен.

– Влад, я понял – не тупой. Единственное, что нам дано риском, – стремление к успеху. Стремление, которое мы должны укрепить, – выбросить из головы все, кроме него.

– Верно, но до этого нужно...

– Нужно расчистить путь, чтобы с него не сбиться – очистить голову от мыслей о поражении, думать о победе и победить.

– Тебе нужно очистить голову от этих лозунгов... Риск велик. И мы не должны принижать его степень – от этого он только возрастает. Перед тем, как к нему подойти, ему нужно дать непредвзятую оценку.

– Так поступают машины.

– И они побеждают.

– Но победим их мы – тем, что решительно пошлем к черту их расчеты и сделаем то, что они не учтут – вернее, учтут, но спишут под нуль по пункту неисполнимости.

– Герф, для этого и нужно оценить риск. Метнешь нож с поправкой на ветер – попадешь в цель точнее.

– Влад, я учту поправку, но не буду думать о том, что ветер – сокрушительный шторм. Я буду думать только о том, как попасть в цель.

– Не будешь думать, что это шторм, – не метнешь нож в полную силу. Герф, нам известны координаты цели, направление ветра нами определено – нужно учесть его силу... И останется только метнуть нож прямо в цель – с убеждением, что мы и правда сделали все, что могли.

– Влад, нам нельзя допускать мысли о поражении.

– Ты пойми, эти мысли не отберут у нас и нашей борьбы больше сил, чем наши ошибки при том, что мы эти мысли не допустим. Мы вступим в бой с полной силой, что бы ни было. Но, не видя объективной действительности, не увидим и подлинной цели – ножи только по указанным выше координатам метать вслепую будем.

– Есть заданное направление – больше ничего и не нужно. Этого достаточно.

– Если ты знаешь, что оно задано верно – достаточно.

– Я знаю.

– Герф, никто этого точно не знает. Никто не знает, кто нам его задает. Мы не знаем, кем или чем он стал – никто из нас.

– Не смей! Он прошел все войны бессмертных! Под его рукой поднялись башни Ясного, и рухнули они к его ногам! Он видел первый луч, отраженный Хантэрхаймом, первую звезду, отображенную сводом Небесного, и первую тень, брошенную Шаттенбергом! Он пришел со смертью последнего полусмертного! Он последний из первых! Он верховный главнокомандующий Армии AVRГ! Он возглавляет Совет AVRГ! Не смей!

– Я смею, Герф! Я смею смотреть прямо вперед, не отводя глаз и под его взглядом! Не опущу глаз и перед будущим – будь там свет или тьма! И если я увижу там тени тьмы – буду делать все, чтобы эту тьму не допустить! Но не только! Ей под силу пройти! И я буду делать все, чтобы изгнать ее, если не смогу ее не пустить!

– Если этой захватнической тьме удастся пройти, то лишь по нашим трупам! После боя не будет никого и ничего, чтобы с ней бороться!

– Будет! Если вовремя эту мглу потеснить! И я попытаюсь ее прогнать! Постараюсь зажечь фонарь, который ей не погасит вместе с моей жизнью! Нужно только мозгами пораскинуть над тем, что может стать этим “фонарем”!

– Никакой тьме не прорваться, если ты ей путь всеми силами преградишь, – и мысленными, и всеми другими! А ты мозги по миру раскидаешь, когда их надо будет в кулак сжать! Будешь по темному беспределу бродить, когда надо будет на светлой точке внимание сосредоточить!

– Ну не будь ты таким тупым! Есть то, что сильнее нас! И это не то, что в Бою с Победой! Не то, что офицеры под контролем держат, – не то, что они у тебя перед глазами поставят и пальцем укажут для пущей ясности! Мы не знаем, что это! И офицеры не знают! Офицеры не все могут, Герф! Здесь есть силы большие, чем их!

– Выходит, что здесь узнать кто и что сильнее, мы сможем только при противостоянии! И мы должны задействовать все силы – и разум, и боевой дух!

– Герф, я это сделать и намерен!

– Ты намерен допустить мысли о поражении и думать, как какой-то долбаный “фонарь” соорудить!

– Мы не знаем точно пределы того, чему противостояим! Мы и того, чему противостояим, точно не знаем! Не прожгут лучи, не прорежут ножи – враг пройдет!

– Нет! Мы применим другое оружие!

– У нас больше нет оружия, которое не уничтожит нас с врагом вместе! Оно есть только в расчете! И я не буду просто ждать – приведут его в действие или нет! Создать оружие, которое обеспечит нам победу в этой войне, мне и думать нечего! Но оружие, которое будет работать после поражения, – я сделаю! И ты мне поможешь!

– Влад, не будет ничего после поражения – ничего.

– Не будет системы...

– Нет, ничего не будет. После контрольной зачистки – не будет никого... Сочтет враг недобитого бойца убитым, завершит задачу и встанет – никому не уцелеть после этого...

– Никому безоружному...

– Тут никакое оружие уже не поможет – посреди такой разрухи...

– Оружие всегда помогает, если есть хоть что-то, к чему его применить. А что-то еще обязательно будет, пусть и разруха... Враг по программе должен уничтожить только нас и то, что напрямую способствует нашему существованию. Ему запрещено наносить более тяжкий урон нашей планете, и программу он не преступит. Только мы способны уничтожить все – окончательно обратить все в пустыни или вообще по осколкам разбить...

– Разнести их Центр к черту... Плохой выход, конечно, но все ж...

– Никакой это не выход, Герф. Сотрут Ивартэн – точно ничего не останется.

– Главное, чтобы мы остались.

– Не просто нам это станет, когда планету в расход пустим... Мы построили этот мир почти из ничего, но не уверен, что сможем что-то построить, когда вообще ничего не будет. То, что мы сокрушим Ивартэн, не сильно отсрочит наш конец – даже, если мы выиграем войну... А если мы войну проиграем, что вероятнее, – он будет неизбежен... Но если его не сотрут, если Снегов не допустит этого – мы будем знать, что нас еще что-то ждет... пусть мы и потерпим поражение.

– Разруха... Крах системы – наш крах. После такого нас больше ничего не ждет. Разруха, Влад...

– Не только – если мы не забудем про стремление ее избежать. Есть цель – значит будет мысль, есть воля – значит будет дело.

– Скажи прямо, что ты задумал?

– Пока еще ничего. Просто определил то, над чем следует поразмыслить.

– Что-то твой порядок размышлений подскочил, как бешеный скингер.

– Скингер бешеный потому, что видит охотников... А подскакивает он потому, что так этих охотников виднее...

– Ладно. Убедил.

– Отлично. Теперь сопоставь факты и делай выводы.

– Из чего?

– Из фактов, Герф. Мы все исполняем долг перед системой... И мы с нашими обязанностями для системы равнозначны – близки к этому. Мы расставлены этим режимом по местам, скреплены им... Но разруха повсюду...

– Так война ж...

– Еще одна война... Еще до этой войны были вооруженные столкновения, пограничные конфликты, был период гражданских войн... Полусмертные по лезвию ходили... Разруху тогда с трудом тормозили... И от этого вконец перегрызлись. Каждое усовершенствование не могли иначе, как силой, внедрить...

– Это была борьба жизни будущего и жизни сейчас.

– Пусть так. Закрыли почти все производственные базы – сняли сначала бойцов, после – офицерский состав...

– Тогда люди генетически, главным образом, не по рангу, делились... У них какие-то другие категории основными были – первый и второй пол. А звание им вообще после активации давали...

– Верно. Их не в соответствии со званием кодировали – им звание в соответствии с их программой присваивали...

– Нет. У них звание нужно было лично заслужить. Проявишь себя где-нибудь – повысят. По принципу – этого достаточно, чтобы офицером стать... Тупо.

– Точно. Но это было еще у смертных. Полусмертным его уже по более точным данным определяли. И первой фазы времени – “ребенок” – у них уже не было. А последнюю фазу времени – “старик” – они проходили замедленно.

– Первым с конвейеров сняли противостоящий пол...

– Противопоставленный. А потом и весь офицерский состав... точнее, всех полусмертных. Закрыли все их технические базы – перестроили их под другие программы... И создали – бессмертных... Первое поколение не прошло – разработали второе. А после полусмертным жизнь остановили – перестали коррекции по продлению проводить. Пусть с боем – с этим справились.

– Ясное дело...

– А теперь главное. Они почти уничтожили этот мир теми запредельными технологиями, как смертные... Но они не остановили эти технологии – не смогли. Им пришлось запустить тормоз... И они сделали это, хоть и через силу.

– Еще бы не через силу... Приход бессмертных, скорее, нужно обозначить тотальной ликвидацией полусмертных...

– Герф, гражданские войны – это не ликвидации. То, что бунты жестоко подавили, – это другое.

– Другое. А прекращение коррекций жизни – это уничтожение.

– Это лишь подверженность обычному для тех людей старению. Полусмертные, сколько им жизнь ни продляй, все равно старели и умирали.

– Да не важно – их уже нет давно.

– Они не справились с остановкой тех технологий...

– Они же не были бессмертными.

– Не в этом дело... Они не справились и отдали этот мир нам.

– А что они могли еще сделать?

– Ничего. Об этом и речь. Мы смогли замедлить этот прогресс. Но мы еще не смогли перейти на его высшую ступень.

– Конечно, дойти до его полной остановки или вообще до другого уровня – это ж не раз плюнуть.

– Я о том же. Полусмертные дошли до того, что будущее не для них, и дали человечеству следующей ступени большую силу. Они создали новую машину жизни – более точную и прочную военную систему. Но и этой системе устоять теперь трудно.

– Ты к чему клонишь?

– Смертные отыскивали выход из смерти еще случайно, полусмертные уже предусмотрели его... Мы – бессмертные – и есть этот выход. Мы должны определить наше будущее.

– Офицеры должны. Предоставь определение нашего будущего им.

– Это не может быть предоставлено только им. Мы все вместе держим этот проход открытым – только, похоже, не изо всех сил. Офицеры определяют направление пути, а дороги прокладываем мы. Но как бы настойчиво мы по ним не продвигались вперед – что-то неизменно встает преградой у нас на пути. И порой мы не способны разбить такую преграду без ударной отдачи, которой нас просто сшибет с ног. Это наши ошибки, Герф, – они заступают нам дорогу. И мы не порешим их, пока не отдадим этому бою всех наших сил. А большую их часть мы сейчас отдаем системе – огромному и сложному в управлении аппарату.

– Который поддерживает нашу жизнь...

– Верно. Но он больше и сложнее, чем это необходимо. Он инертен, Герф. С каждым рывком вперед он требует порядком больше энергии... И остановить его трудно... и перенаправить...

– Влад, мы от системы получаем больше сил, чем отдаем...

– Нет, Герф. От всего в итоге мы получаем ровно столько, сколько даем.

– Точно...

– И чтоб что-то получить, нужно приложить силу, равную отдаче. А требует этот системный аппарат все больше и больше... Нам не хватает на него сил, Герф.

– Я что-то не...

– Ты пойми, будущее у нас подобно тяжелой бункерной двери – ошиблись мы с кодом, и створы по программе сводятся. И сомкнутся они так, что больше мы их не разомкнем. И пока правильный код не подберем, будем вынуждены их силой разводить. Мы ошиблись с кодом к будущему. Что систему с такими габаритами нам через такой узкий проход не провести – ясно. И теперь заняты мы тем, что только и думаем, как подобрать этот код. Точнее, одни высшие офицеры, как машины, считают, что нужно подбирать коды, другие, как пилоты истребителей, – что нужно проводить систему прямым ходом через этот проход. И у тех, и у других, если что-то вообще выйдет, то не просто. Они могут разбить систему. Но это еще не значит, что никто больше не пройдет через почти сомкнутые створы этих почти запертых дверей.

– Понял я... Таким мощным аппаратом и правда править тяжело. Не зря ж у нас по плану его упрощение и облегчение следует... Но это только после войны – сейчас мы у войны в плену... До

окончания боевых действий с этим никаких вариантов нет... И если такой огромный аппарат разобьют – удар будет таким, что и обломки пылью разнесет. А из таких руин – из пыли систему никому не поднять...

– Точно. Но для единиц выход еще будет. Было бы хоть что-то, не обращенное в пыль, среди осколков системы – мы сможем жить...

– Нет, Влад, без системы – не сможем.

– Пусть не жить, но выжить мы способны...

– Вслед за системой рухнет все – без коррекций все сдохнет.

– Это мы еще посмотрим...

– И смотреть нечего – все сдохнет. А если что-то и уцелеет, то станет чем-то чудовищным.

– С этим еще что-то можно сделать... Пусть среди полной разрухи – выжить мы способны!

– И как ты это мыслишь?! Мы все связаны системой по принципу разделения обязанностей и обобщения сил – крепче некуда – что-то действительно и действенное мы можем сделать только все вместе.

– Это в общем так и есть, но... Наш мир был расчетом, который построили высшие офицеры – S12. Но не только они над этими разработками трудились. Офицеры ученых применили расчет к формату реального поля, офицеры рабочих по этим данным отстроили этот мир, который хранили боевые офицеры. Они поднимают этот мир общими силами... Но и разрушают они его общими силами – соответственно их способностям.

– Одного без другого быть не может... Все мы, что-то делаем, что-то рушим... соответственно способностям. Эти сцепки уравновешенных сил так прочны, что их не разорвать. И мы все связаны очень крепко...

– Верно, но ты подумай... Офицеры S3 – физики, химики, программисты и расчетчики – у них страшное оружие. Офицеры S9 – воины – у них разрушительное оружие. Офицеры S6 – строители, медики – их оружие не имеет такой силы, оно скорее не оружие, а орудие. Ученые – призрачные генераторы мысли, у которых даже нет подчиненной категории N. Солдаты – защитники и разрушители. Рабочие – помощники, сборщики...

– Ну если уж гнешь линию – давай, только не сломай...

– Это просто. Общее направление линии задают офицеры, но сгибают ее рядовые, как мы. Мы прокладываем дороги, придерживаясь указанных координат и ориентируясь на местности. На реальном поле линию гнем мы. Когда-то этот мир был собран из виртуальных схем рядовыми рабочими N1. Мы – N2 – его защищаем. И он под угрозой... Нам нужно его защитить... И сделаем мы это для них – для тех, кто строит, почти не разрушая. У них – у рабочих – больше шансов уцелеть в этой разрухе и не усугубить ее. Даже не у их офицеров – у рядовых. Их гибель враг так жестко контролировать не будет – они не опасные враги. Но они – опоры всего. Поэтому в первую очередь мы должны думать о них. И мы должны дать им то оружие, с которым они справятся...

– Офицеры это учтут... Нам не обязательно об этом...

– Офицеры мыслят в другой категории. Они почти машины.

Конечно, они – другие. Они отвечают за порядок и жертвуют человечностью, которую в полной мере сохраняем мы. И чем выше ранг, тем меньше они отличаются от машин. Мы даже не знаем, можно ли считать S12 людьми. Это как бы предел, – после него, человек перестает быть человеком и становится чем-то иным... “машиной”. Только предел этот еще не перейден...

– Влад, но они не машины.

– О том и речь. Они смотрят вдаль – видят весь муравейник, но не каждого рабочего и солдата, который строит и охраняет его. Они могут ненароком раздавить его сапогами, если он не поймет, что идет у них под ногами. Теперь дошло?

– Нет.

– Герф, что-то может пойти не так, и они могут что-то упустить. Они не предусмотрят такой страховки для оставшихся без командиров трудяг...

– Значит, это будет ни к чему... Влад, рабочие могут быть неплохими бойцами только на уровне A3. Им и с разрухой после последнего боя не совладать, не то что после контрольной зачисти. Это и нам не по зубам...

– А с чего ты взял, что нам это не по зубам? Нас просто перебьют еще до того, как речь о контрольной зачистке пойдет.

– Не знаю, что бы после всего этого могли бы сделать мы, но им уж точно ничего не сделать. Если ты заметил, они звезд с неба не хватают... Чем их ни вооружи – это ничего не изменит.

– Изменит, если это будет что-то простое.

– Что-то простое против всего сразу не поможет – против всего сразу вообще ничего не поможет.

– Должно быть что-то, что поможет справиться со всем... А мы должны сделать так, чтобы с этим могли справиться все...

– И что это? Ящик с инструментом для починки всего, что бы там ни обрушилось, с которым каждый сможет пройти через “чтобы там ни было”?

– Точно. Что-то вроде того.

– Черт... Нет такой штуки – нет и не будет.

– Нет сейчас, так скоро будет – сделаем.

– Это не наша забота...

– Наша – нас создали как будущее, и кто-то обязан до него дойти. И скорей без других обойтись сможет рабочее подразделение – о нем думать будем... Им нужно что-то очень простое...

– Выкинь мысли о поражении и рабочих из головы – нас ждет Хантэрхайм...

– Я знаю, что нас ждет. Поэтому я и спешу, поэтому ты должен мне помочь, Герф... У нас времени почти нет.

– Влад, мы пройдем Хантэрхайм...

– Не будь ты таким тупым! Мы простои́м месяц – от силы! И то, если Хантэрхайм столько простоит!

– Ты что не понимаешь, что все про Хантэрхайм – легенды!

– Это не легенды, Герф!

– Хантэрхайм не сжигает! Это ледник!

– Ледник, по которому мы будем бродить слепыми от непрерывного сияния, от которого получим дозу жестких лучей! Это правда, Герф! Хантэрхайм убивает и без врагов!

– Нас Хантэрхайм так просто снегом не заметет!

– Ты должен быть со мной сейчас! Ты со мной?!

– Я с тобой в бою, но не в твоём бреде, Влад!

– Мы должны это сделать! Нужно найти этот выход и указать его тем, кто будет жить после нас!

– Ничего такого нет! И я этим заниматься не стану!

– Ты сможешь мне, если я найду его? Поможешь его открыть?

– Если ты меня убедишь, что это действительно – выход.

– Я сделаю это... Мы отдаем наши жизни спасению жизней других, и я не отдам жизнь пустоте...

– Мы еще не трупы, Влад!

– И это надо использовать без потери времени... Силу человеку дает разум... Но разум и забирает силу – при ошибочном применении. Главное то, что разум направляет... Это память, это – знание...

– Я что-то не пойму...

– Потом об этом... Мне еще будет нужно кое-что узнать о первом поколении...

– Мало тебе наших чудищ?..

– Руггеры, безусловно, чудовищны, но они выносливы... А первое поколение было задумано как человечество совершенной формы.

– Но только получилось, что это не люди.

– Не важно – первое поколение разработали как совершенных существ – более совершенных, чем мы. И мне нужно знать, в чем было их преимущество и применимо ли это к нам.

Стирк разрядил трескучий бич в воздухе...

– Штурмовикам и штормы нипочем! Хватит головы ломать! Списки живых – не списки погибших! По линии зверей ра-а-авняй!

Влад заразный, никаких сомнений – это мыслительный вирус... Из-за него до меня не сразу дошло, что побледневший офицер-S9 прошел ко входу, бросая по пути последние указания ротным и взводным командирам... Андроиды, как ото сна отошли, – вышли из затемненных простенков. “Защитники”, подняв головы, замерли у секторных врат, капитаны заняли позиции, застыв во вратах блоков... Объект подгрузил верхнюю подсветку... Мы по команде открыли отсеки – намертво приковав зверюг к стенам, отключили невидимые преграды. Всмотримся в тускло освещенный коридор...

Коридор все так же пуст... Мы все стоять тут извелись уже – мало того, что от нашей неподвижности и тяжести доспехов уже все, что только может онеметь, немеет, еще и эти твари за плечом зубами щелкают... Капитан посмотрел на браслет и махнул рукой... Ошиблись командиры... Теперь Стикк заполучит время для еще более придирчивого осмотра... Ульвэр завел такое правило – являться, когда мы еще не готовы или когда мы уже не готовы... Но со Стикком у него этого никогда не выходит – Стикк всегда ко всему готов. Его такой тяготиной до более естественного состояния не довести – просто для него естественно стоять в установленной уставом позе хоть по шесть часов кряду и заставлять делать это других.

– Лесовский! Утри зверюг слюни! Что у него в зубах?! Было распоряжение не кормить!

– Его не кормили, командир!

– У него что-то в зубах! Он что, окурки жрет?!

– Никак нет! Нет! Так точно!

– Где он их опять собрал?! Я тебе приказал не бросать! Отними! Убери! Сожги! Ко мне их – под бичи!

Собирать и жрать окурки – у Другого это прям пристрастие. И отдает он их только с боем. Но Влад с такой скоростью и силой вышиб это лакомство у него из зубов, что он сообразить ничего не успел... Затаит теперь обиду... Но Владу не до того – он тоже сообразить ничего не успел... Никто не успел... Приказ о равнении отозвался в голове запоздалым эхом... Поздно. Мы все с ужасом проследили полет через коридор этой мерзости с растянутой следом слюнной нитью... Влад метнул этот ком метко – прямиком к Стикку... к его руке, к его бичу... Но Стикк не рассек, не спалил этот отвратный ком... У меня замерло сердце, когда я перехватил его отчаянный взгляд, – Ульвэр... Его высокий строгий силуэт мы различим и во мраке – такими высокими бывают только люди S12... Он похож на одну из пограничных вышек белых “хранителей” Хантэрхайма... или Ивартэна. И сейчас он молча стоит у дверей секторных врат и сосредоточенно осматривает помещение, нас всех и всех наших чудовищ – он заметит все... он уже заметил. А Стикк... Он опоздал бить бичом и, забыв что в его руке бич, принял этот позорный ком стерильно чистой перчаткой... Схватить и удержать его Стикк не смог, и эта гадость, отразившись от его перчатки, как от зеркала, с липким шлепком и брызгами упала к его ногам... Взгляд Ульвэра будто пригвоздил нас к месту... Он видел, и уже нельзя... ничего уже нельзя сделать...

Мы замерли, как безмозглые истуканы... А ком хлопает и проседает на отдраенном полу... Он оседает, бесформенно расплзаясь, в расплывающейся от него слюнной лужице... Он вязко блестит на свету в самом центре коридора, на самом виду... А Ульвэр стоит в дверях, не проходит...

Офицер-S9 – бледный, с искаженным лицом, – прошел по полному тишины бесконечно длинному и светлому коридору с искрящим бичом... Он рассек ком, но не рассчитал мощность, и всех нас обдало кипящими брызгами и подпаленными ошметьями... В довершение ко всему до Другого дошло, что офицер уничтожил его еду... Он с ревом рванул к потерянному комку... и сорвал растяжки...

Зверь отбросил Влада, но, получив от него мощный разряд, отпрянул к стене... Он с грохотом налетел на стену, чуть не сшибив меня, напоролся на мой разрядник и шархнул в сторону... Руггер близко – мы с Владом еще можем заблокировать его... Преградили ему путь, перекрыв тоннель бичами под высоким напряжением. Влад хлестнул Другого, и тот метнулся ко мне, но я удержать его не смог – мне пришлось отвести бичи, отражая нападение моей зверюги, и пропустить его... Мой зверь выгнул шею под гудящим от растущей мощности полем растяжек, сторбил спину, штыками поднял гребни шерсти на холке и занес когтистую лапу, примеряясь к следующему выпадку... Ни ему, ни Другому я спину открыть не могу, и бичи мне приходится

переводить с одного на... другого. А Другой ломится вперед к выходу с такой силой, что его курс простой подсечкой или охлестом уже не изменить. Олег прикрыл мне спину от зверя, несущегося к выходу с рывками и бросками на нас... Но Другой уже набрал со скоростью просто сокрушительную мощь – ни Олег, ни Рихард остановить его не смогли.

Стикк перехватил зверюгу уже у разделительных врат – хлестнул по шее и по плечу так, что под бичами затлели багровые полосы обугленной шерсти... Другой поворотил, налетев на дверной косяк, – мощный удар... Стены вздрогнули, треснули панели обшивки... Мою зверюгу окончательно разъярил этот грохот и дым от подпаленной шерсти... Когти моего зверя лягнули о мой доспех... Это уже серьезно – он начал борьбу не на жизнь, а на смерть... Перевел бичи на него, только разряд спустить так и не успел... Другой поднялся во весь рост, загораживая свет до полной темноты, и постарался, навалившись на меня всей тушей, сгрести в смертельный захват передними лапами... Черт! С двух сторон! И оба на смерть хотят! Уже рушится этот четырехметровый осколок скалы весом в три тонны и оцетиненный остриями когтей, клыков и резцов! И в спину мне направлены такие же острия! Эти чертовы твари только в холке больше двух метров! А если они прямо встанут – им “разрушители” по плечо будут! Чертов день! Разряжаю бичи! Нет, сегодня им мне ребра не сломать, не придушить меня и вены мне не порезать! Только не на глазах у Ульвэра! Мы и так перед ним сегодня проявились хуже некуда!

Стоило зверю чуть пригнуть голову, я наставил излучатель ему под челюсть... но луч не спустил – просто врезал. Короткий точечный удар между связок – это шоковый удар... только, видно, не для этой твари... Зверь отбросил тушу в сторону, чуть не сшибив меня, но обошелся только хрипом – слишком шея у него мощная, чтоб он... Но мы ему еще покажем! Влад с Остромиром ему путь преградили, и мы с Олегом ему проходу не даем – держим его... Тесним зверя трескучими огоньками хлыстов к его пустому отсеку...

Что-то искрит за спиной... Олег бросает бичи, вскидывает оружие... Влад бросает бичи... я бросаю бичи... Черт с ним – с Другим! Беру на прицел мое чудовище...

– Не стрелять! Загонять бичами! Перекрыть отсеки! Поднять напряжение!

Замухрышку не сдержат никому – он рванул за Другим, сыпля искрами из-под когтей, оставляющих глубокие борозды на полу... Мы разлетелись от него, как перья от подбитой птицы... Шальной рванул за Замухрышкой, пока Олег подбирал бичи... Рихард постарался его задержать, но безуспешно. Вдобавок он упустил не только Шального – его Обломок разорвал уже закрытую невидимую преграду, и, обезумев от боли, с дымящейся шкурой и оскаленной пастью, бросился к остальным братьям по крови... Хайнрих, поняв, что сейчас будет, бросил все, растягивая “шнур” удавкой. Он ринулся к нам, уверенный в прочности оков и стальных затворов, только Рывок без промедлений опроверг его уверенность в безопасности... Руггер, почуввав бесконтрольную волю, ободравшись до глубоких ссадин, прорвался через почти сведенные створы бункерной двери. Хайнрих понял, что поспешил, но поздно... Его зверь рванул к товарищам, которым мы кое-как установили блок, удерживая всех вместе и строго на расстоянии трех метров от нас – расстоянии придельной растяжки бичей без потери мощности и нашей безопасности. Хайнрих смог только отогнать от нас зверя, чтоб тот не нарушил наш едва удерживаемый блок и не открыл путь остальным...

Рывок полетел к выходу в тоннель – к Стикку, преградившему ему путь... Стикк спустил разряд, но руггер вздыбился и перебил хлыст когтями... Зверь со Стикком жестоко сцепился... и разорвал поле бичей... Проводники хлыстов рассыпались искрами, но Стикк не отступил – отразил выпады зверя рукоятями бичей, и, подключив бичи с большей мощностью, схлестнул синим огнем горло зверюги. Рывок взят. Хайнрих с Рихардом стянули удавками шею Обломку. Влад сшиб Другого сложной подсечкой... Как только Другой рухнул на колени, Влад тоже взял его за горло... А вот моего зверя с Шальным – только держи... Мертвенно бледный Стикк приковал и запер пойманное им чудовище... И Другой – хоть он зачинщик, ломится уже в запертую бункерную дверь... Но Замухрышку мы и общими силами обезвредить не можем... Его подстегивает ярость остальных зверюг, и он дыбит шерсть все сильнее – будто растет, становится все больше... Захват долбит стены так, что осколки панелей сыплются сверху и... отовсюду... И Хороший что-то крушит, оглашая этот хаос боевым кличем, – вернее, каким-то шипящим рыком...

Зверюги нападают вместе и слаженно, но мы разряжаем бичи с такой мощью, что руггеры даже таким натиском нас оттеснить не могут. Только мы их сообразительности не учли... Они слишком быстро переключились на другую тактику... Зверюги встали спина к спине – один нападает, другой прикрывает... Мое чудовище оттесняет нас, ищет слабое место в нашем блоке из мечущихся в воздухе синих искр... Стикку удалось заарканить его “шнуром”, но он разметал “шнур” искрами и обрушил на нас череду тяжелых ударов... Затрещали и заискрили бичи, засвистели в воздухе когти, полетели паленые клочья, и брызнула первая кровь... Черт! Нас еще дерут на куски, а к нам уже идет, близится офицер в длинной штабной шинели командира S12...

Влад скрутил и кое-как удерживает на привязи Шального, но тот взвизгивает, вздымается и рушится изо всех сил – тут не то, что Влад еле на ногах держится, тут и стены дрожат... Но этому зверю хоть ходу не дают... И Влад удавку все туже стягивает, подбирает “шнур” короче, тянет зверя к горящим хлыстам, готовым запереть его блоком... А от Замухрышки мы теперь можем только обороняться. Мы едва способны преградить ему путь – он так зол, что не посмотрит на искрящие хлысты, которыми оцетинился весь нескончаемый тоннель. Этот зверь способен пройти и через строй...

Капитан не отдал распоряжение о применении жестких мер – в присутствии Ульвэра мы жестких мер к его чудовищам не применяем. Был отдан приказ только о закрытии врат... Помощи от соратников нам все равно никакой – тут просто нельзя всем отрядом брать... Тут слишком тесно... Нет, вернее – руггеры слишком огромны... Их здесь “стаей” травить без толку – только потери больше будут. Безопасней просто заблокировать озверелых чудовищ вместе с их всадниками. Поэтому сейчас двери отрезают куски коридора вслед за Ульвэром, который ровным шагом идет к нам...

Сектор перекрыли, перекрыли блок... “Защитники” подключили оружие, взяли зверей на прицел и ждут команды “огонь”. Но команды нет... А чьи-то когти уже скрежещут по моему плечу, кроша доспех, как стекло... Шлем разбит – забрало вырубилось... Искры сыплют в глаза – и от бичей, и от раздробленных под когтями металлических пластин... В глазах темнеет... Что-то нависает надо мной огромной черной тенью, но это не тень... Зверь готов навалиться на меня всей его ощеренной и шипящей тушей... Отгоняю его обоими хлыстами, но перед глазами опять непроглядный мрак... Я блокирую удар бичом, но...

Зверь грудью налетел на стену и замер... Его бьет крупной дрожью, он хрипит... но стоит не шелохнувшись... Ульвэр все тем же ровным шагом преодолел этот бесконечный коридор, и его бич взвился в воздух синим пламенем над моей головой... Ульвэр не просто пригрозил – он ударил и разрядил бич... Делает он это очень редко – только по острой необходимости... Но эффект от этого... Над этими чудовищами он имеет неоспоримую власть – он один способен усмирить их всех и разом. Они послушны его спокойной уверенности, как и мы, как все...

Ульвэр оставил нас без распоряжений пристыжено стоять среди этого разгрома с опущенными, погасшими бичами... Он разомкнул все двери и стал ждать... Звери перестали дрожать, и он дал указание “ставить”... Мы разогнали зверюг по отсекам, блокируя бичами только для страховки – почти никакого сопротивления не последовало. Только мы закрыли притихших чудовищ невидимым полем, только “спутник” принял у Ульвэра погашенный бич – тяжелое молчание замерло так же неподвижно, как и мы... Мы построились по искореженным, исчерченным когтями и бичами линиям под строгим взглядом командира... Но в полной мере наш позор и последующую отвагу мы еще не осознали... Проявились мы сейчас перед Ульвэром со всех сторон...

Ульвэр дал технике сухое распоряжение осмотреть его чудовищ и его бойцов... Так же сухо принял отчет о происшедшем, отчет об ущербе... Офицер-S9 коротко доложил обстановку, но Ульвэр пресек его.

– Мне известно, что блокаторы не действуют. Руггеры стали враждебней, чем прежде. Но теперь ничто не скрывает их истинную силу и волю – нам полностью открыты пределы их угрозы. Я вижу, что контроль над ними еще не совершенен, – нужны доработки. Но сдержать их одними хлыстами вы способны. Это хорошо. Серьезных коррекций больше не будет, остальные – отложены. Теперь только всадники будут укрощать зверей.

Командир S9 согласно склонил голову, прерывая контакт с тяжелым взглядом Ульвэра для короткой передышки. Все мы знаем, что должны будем исправить этот наш промах, но еще никто не знает – каким образом... А главное – как скоро Ульвэр нам его простит... вернее – спишет. Он ничем не показал... он вообще ничем ничего не показал – ни видом, ни... Офицеры S12 злобы или радости почти не выражают – кроме спокойной сосредоточенности от них ждать ничего... А Ульвэр особенно сух. Он вообще такой – сухой какой-то... Худой, бледный... И скулы у него тонкой – скорее, истонченной – кожей обтянуты... Его светлые глаза всегда смотрят из глубины, из темноты – из-под сведенных жесткой линией бровей. Но это не волчий взгляд исподлобья – это благородный открытый взгляд... только уж очень строгий. По нему сразу видно, что он – боевой командир... Слишком он обветренный и выжженный для штабных крыс... Хоть его волосы светлы и коротко стрижены – заметны белые пряди, обесцвеченные жесткими лучами. Суровый север вытравил и цвет его глаз... Со временем снежные пустыни всех уравнивают с этой всевластной белизной... Тот, кто воюет среди снегов, должен стать таким же, как снег, – холодным и белым... Должен стать таким, как снег, – живым или мертвым...

Мне не следует думать про Хантэрхайм сейчас... Я сосредоточенно всмотрелся в лицо командиру, с которым по зову службы я должен буду проститься против воли... По нему видно, что он такой командир, который полностью разделяет всю тяжесть участи простых бойцов... и высших офицеров. Еще по нему видно, что он – стар, хоть с виду он молод, как все мы. Он стар из-за этой худобы и сухости – это придает ему какую-то скованную прямоту и обрывистую резкость, что свойственно только “защитникам”. Стар и его усталый взгляд, в котором отражено и понимание наших тягот, пройденных им лично, и понимание ответственности высших офицеров, возложенной на него долгом. Такого командира больше нет – он один такой... И пусть мы знаем, что он будет строг к нашим ошибкам, мы знаем, что он будет справедлив. Ульвэр никого не судит с пристрастием и никому не раздает незаслуженных кар и наград. А еще важнее, что он объясняет, за что эти кары и награды даны. Не то, что Борг...

Ульвэр на секунду остановил взгляд на нас с Владом... Он знает нас всех – хорошо знает, не только по отчетным данным...

– Герфрид, открой отсек, обесточь блокировку.

Я без промедлений отключил все, что могло бы хоть как-то помешать Замухрышке разорвать меня и моего полкового командира в клочья... Зверь со свистом втянул носом воздух – и все... Больше никаких поползновений к мятежу я не заметил.

– Отойди, Герфрид.

– Есть.

– Смотри.

Ульвэр подошел к огромной зверюге, не угрожая и не преграждая пути... Зверь поднял голову и снова втянул со скрежетом воздух – его ничто не держит, никто не мешает пройти... Ульвэр положил руку ему на плечо, зверь вздрогнул и затих... Черную перчатку будто поглотило тьмой – этой глыбой тьмы, обтянутой гладкой черной шкурой. Все отблески, все границы – все исчезло в этой темноте... Стало казаться, что Ульвэр поднес руку к самому сердцу зверя – прямо через грубую шкуру... Будто зверь пропустил его, доверил ему пульс – без препятствий, без сопротивления...

– Ты видишь?

– Так точно.

– А ты, Стикк? Видишь?

– Вижу, командир.

Ульвэр устремил взгляд в слепые глаза подземной твари...

– Зверь нападает, когда боится. Но только, когда боится не настолько, чтобы не нападать. Если вы не способны подчинить зверя страхом так, чтобы удержать его подчиненным, – не пугайте его. Вы должны внушить ему, что вы ему нужны. Но сделать это вы сможете лишь, когда внушите ему, что он нужен вам. Он сопротивляется не человеку, а хищнику. Когда человек перестанет быть зверю хищником – зверь даст ему помощь и примет помощь от него.

Ульвэр провел рукой по шкуре зверя и отнял руку, стряхнув с перчатки подпаленную бичом шерсть... Он обернулся к Стикку... Нет, он не обратился прямо к нему, но мы все поняли, что это будет скорее их разговор, чем общий...

– Не следует требовать от зверя того, что свыше его сил. Для этого вы должны точно знать предел его способностей. Свыше этого зверь не даст вам ничего. Все, что вы будете требовать от него за этим пределом – вы должны требовать не от него, а только от самих себя. Если с вашей помощью предел способностей зверя будет поднят – вы получите соответственную отдачу. Но результат не превзойдет ваших стараний. А недостаток стараний будет неизбежно обречен провалом. Вы сможете получить нужный результат только точно зная, каким он должен быть. Без этого вы не сможете точно узнать, к чему нужно приложить силу, чтобы его получить. Но это не все. Зверь не терпит резких движений – ему нужно время понять их значение. Каждое ваше резкое движение может стать, независимо от значения, провокацией агрессии. Не подстрекайте зверей к этому. Ответ на провокацию неизбежен, каким бы он ни был. Устойчивый принцип – ответ есть или нет, не верен. Он есть всегда. И если нет прямой ответной реакции – не значит, что не будет обходной, – той, которую вы не учтете. Действуйте обдуманно и осторожно.

Стикк отреагировал едва заметной судорогой, пробежавшей по его сжатой челюсти... Я уже понял, что это что-то значит... но не понял, что именно. Но сейчас мне не до этого... Я вдруг сообразил, что мы прощаемся с нашим командиром... с его чудовищами и со Штраубом... Не я один дошел до этого... Мы все ответили, смотрящему нам в лицо командиру стойкой “смирно”, “руку на плечо”... Это не по приказу, не по протоколу – просто так вышло... Ульвэр встал посреди коридора, смотря прямо перед собой, видя нас всех... Он гордится нами – так же, как мы им... Командир прошел по коридору – прямо по центральной линии разметки, прямо до секторных врат – развернулся и пошел обратно через строй его бойцов, его всадников... через череду наших лиц и имен... Его хриплый голос, сорванный и выстуженный северными ветрами, сменился четким и чистым ментальным сигналом...

– Вы все отличные бойцы и хорошие всадники! Вы верно служите системе! Штраубу! И мне! Но сейчас я должен проститься с вами! Сейчас вас, мои бойцы и всадники, долг призывает на север! Вы нужны Хантэрхайму! Вы и ваше оружие! Но помните, что вы нужны и Штраубу, и мне! Я прощаюсь с вами только для того, чтобы приветствовать вас при возвращении! С гордостью!

– С гордостью и со славой! С оружием, поднятым для следующего боя!

– С оружием, поднятым для следующего боя! И сейчас я с гордостью приветствую тех, кто поднимет оружие против врага! Против ледяных ветров северной пустыни! Тех, кто отстоит Хантэрхайм! Его ледяные пустыни и его время!

– Мы отстоим Хантэрхайм! Мы отстоим время!

– Тех, кто сложит оружие не на снегу, а только под снегом!

– Мы сложим оружие только под снегом!

– Приветствую вас, мои бойцы и всадники!

Обычно это просто официальные фразы – все эти призывы и отклики... Но сейчас Ульвэр так суров, и мы так мрачны, что сердце замирает. Мы не знаем, что будет сейчас, что после... не знаем, что ждет нас и чего ждем мы... И это напряжение рвет воздух уже не искрами, а молниями... Будто северные ветры уже рвутся с цепей, чтобы броситься на нас, и мы уже слышим их рев... Нам ясно, что они растерзают почти всех нас... Но что ждет тех, кто поборет их, преодолет руины северной крепости и найдет обратный путь среди белой пустыни, нам вовсе не известно... Мы знаем только то, что Хантэрхайм падет... и то, что долго он не простоит... А что будет потом – об этом мы ничего не... А черт...

Ульвэр дошел до оставленной моим зверем черты, пересекающей весь коридор, и остановился... Он остановил на ней и взгляд... Тихо, будто ничего не говоря и не обращаясь к Стикку, он что-то ему сказал... Я напряг слух и разобрал слова...

– Пора прощаться, Ларс.

– Еще рано, командир.

– Теперь время пойдет быстро. И скоро его не будет.

– Скоро его не будет вообще.

– Оставь эти мысли, Ларс. Дойди до конца по прямой и вернись. Ты еще будешь мне нужен.

– Так точно.

– По прямой.

– Будет сделано, командир.

Стикк дал Ульвэру обещание – это серьезно... Он его сдержит. Посреди ледяной пустыни мы ни одной его скверной выходкой по мозгам не получим. Но мы еще здесь... А перед смертью не надышишься... Надо от него ждать прощальных издевок.

Ульвэру подвели его оседланную зверюгу – Зарю. Это злобная зараза, но моему Замухрышу все ж не чета. С Зарей еще как-то без кровопролития совладать можно... Но Ульвэр, вопреки обыкновению, выбрал моего зверя. Такое бывает – порой он проверяет особо скверных зверюг, с которыми нам особенно трудно справляться. Но я не смог понять, почему не расседланную Зарю переставили в отсек Замухрышки и поменяли ей номер... Ульвэр берет моего зверя под личную опеку... Конечно, я ж ухожу... А к Замухрышу никто больше и близко подойти не может...

Это теперь не мой зверь... Я как-то вдруг дошел до того, что начал нервничать... Привык я к нему – особенно к тому, что и он, и я – мы здесь одни такие... И вообще... Нет, не только в этом дело – без Замухрышки никаких скачек не выйдет... То есть он... Мы с ним всегда впереди. Он не то, что очень скоростной, но его все зверюги боятся – никто вперед ему под когти не лезет. А что я буду делать, когда мы начнем нашу традиционную ночную скачку, мне и подумать страшно. Один Замухрыш способен напрочь вышибить из головы все мысли обо всем, что осталось за этой скоростью, за этим ветром – тогда нет ничего, кроме этой нашей извечной борьбы...

Ульвэр оседлал моего зверя, взял в короткую сборку и направил к выходу – к плацу... Одиноким всадником – такой прямой, такой сдержанный... и одиноким... А Замухрыш привык ходить с Другим... Теперь он будет ходить один. И Ульвэр ему душу отвести не позволит – с Ульвэром не повоюешь. А зверь с запалом – заскучает... Чего хуже – дел от скуки наделает. Не будет ему воли – разорвет кого-нибудь, чтоб энергию спустить... Смотрю ему вслед... Как-то не хорошо, что мы с ним бичом и когтем простились... Что-то начало пульсировать в виске – какой-то шальной нерв... Один день сшиб весь мой тщательно отстроенный порядок мысли. Что-то случилось, и вот все без предупреждений полетело непонятно куда – вернее, напрямик в Хантэрхайм. Неясно, что происходит, ничего определенного... А главное – все так быстро... Только этот день нескончаемо долгий... Поскорей бы с этим всем покончить...

Черт... Стикк разрядил бич прямо передо мной...

– Что стоите?! Тучи не разразились грозой, но это не значит, что вы хорошо справились с этим погромом! Или вам гром и молнии нужны, чтоб тут порядок был! Герфрид, подбери выбитые зубы! И ты, Лесовский, технику не жди! Не думай, что лень способствует прогрессу! Она его тормозит – потому, что бездельнику даже думать лень!

– Сейчас в действии модель приостановки прогресса, сержант.

– Не перечь! Проект приостановки прогресса – это наш прогресс! Мы боремся с разрушениями, вызванными этим прогрессом, который стал регрессом! Но регресс этот еще не остановлен! Нам еще многое нужно сделать! И нам еще нужно работать – много работать! Давай за дело! Стоишь тут, будто у техники дел серьезней собирания выбитых зубов нет! Тебе руки даны, чтоб ты мог ими что-то сделать! А мозги – чтоб ты мог думать, что нужно сделать! И то, и другое ты должен делать без помощи сложной техники! Будто и нет ни очистителей – ничего!

Нет, Стикк нам спуску не даст... А сейчас он... Нутром чую, не к добру это... Он целеустремленно все ту линию гнет... Как бы он палку не перегнул – сломать же может. Скоро его клятва в силу вступит, у него не много времени осталось личные принципы отстаивать – значит, он для последнего рывка энергии не пожалеет... Влад первым неладное заподозрил – я увидел, как он нервы зажег. Как бы чего не вышло... Решил смотреть в оба – за ними обоими. Но не так это просто оказалось...

Среди осколков обшивки зубы еще поискать надо... Целых зубов нет – одни обломки... По большей части клыки наших зверюг... Стикк хранит их с испорченным обмундированием для пущей отчетности. Я ударил бичом по чьему-то, почти целому клыку, – ждал, что тот подскочит прямо мне в руку, но он раскрошился под ударом... Так не выйдет... Бросил бич, опустил на

колени... “Спутник” Ульвэра наскоро обработал и скрепил глубокий порез на моей руке скобами, чтоб я тут еще час-другой продержался, но с ним что-то не то – руку дергает сильно... Порез не то, что до кости, но мышцу когтем рассекло, и по нервам зверь этим лезвием чиркнул... К тому же у них когти не слишком чистые – шов припух и покраснел... Черт... Пусть Стикк этими сломанными зубами подавится...

– Что, Герф, думаешь, что это все?! Нет! Сейчас Зарю возьмешь! Пусть с Другим маршрут пройдет! Ей в паре ходить непривычно! Новому всаднику ее передашь такой, чтоб ему с ней лишних вопросов решать не пришлось!

– Сделаю, командир.

– Маршрут с Лесовским выбирайте такой, чтоб впотьмах не блуждать! Берите тот, который знаете! Я следить строже стану! Допустите хоть одну ошибку хоть с одним ориентиром – пожалеее, что вернетесь! Я вам постараюсь чертово пекло раскалить! Такой костер разжечь, что и северному ветру жар с него не сбить! А устройте очередной бой со зверьем – моих вмешательств не ждите! Что бы ни было – с места не сойду! Сгинете без вести – искать не стану! Хоть вас по ветру по четырем сторонам разнесет! Искать не буду! Ни вас, ни ваших зверей!

Опять он про этот путь... И сейчас его шутки точно все границы перешли – теперь он точно серьезно... Он почти открыто, почти силой принуждает нас выбирать – сдать его или уйти, и все безвозвратно... Сдадим его – с него шкуру сдерут... Влад от этого уже зубами скрипит – теми, что у него в кулаке зажаты... Но похоже Ульвэр Стикку последнее веселье испортил – он отдал приказ выезжать на плац. Смотры на плацу Ульвэр часто проводит, но тут, видно, дело особое. Мы с этими зверюгами перед командиром на плацу все, как один, в последний раз встанем – и так гордо, что хоть не дыши... Передадим кому-то зверюг – обменяем их на “стрелы” с ближайшей стоянки... Черт...

– Держи зверя! Лесовский! Держи его!

Я вскинул излучатель... Влад только уклониться успел... Стикк уже разрядил бич... Но Другой уже ринулся в тоннель...

– Перекрыть блок! Лесовский, глуши его предельной мощностью!

– Он не реагирует! Я слишком далеко!

– Это зверь далеко! Держи его!

– Его никто не удержит, сержант! Он на плац идет! Там его старый приятель!

– Там Ульвэр! Не смей и думать, что зверь так просто уйдет! Ульвэр его одного не встретит!

Нет, Другого так просто бичами сейчас не остановить – переключило его крепко. Он грудью влетел в уже почти сведенные створы тяжелых дверей и, хрипя от натуги, развел их передними лапами... Но пройти он пока не смог – ему нужно держать створы, чтобы они не зажали его... Такой демонстрации зверской силы никто из нас еще не видел, и мы как-то оторопели перед полным бессилием нашей техники... Я просто не знаю, что делать... Беру цель...

– Не стреляй!

А что еще осталось?! Мы даже подойти к нему ближе не можем – нас уже осыпало искрами и по нам уже ударил град осколков от обшивки... Из-под когтей Другого в нас летят обломки дверей – покореженные, выломанные и вырванные, куски металлических створ и черт знает чего еще! Я пригнулся, но выданный из двери блок панели управления врезал мне по большой руке так, что чуть не повалил с ног... Сердце зашлось оглушительным стуком, когда очередной обломок обдал нас с Владом ветром и свистом... Мы рухнули лицом в пол... и как раз вовремя – что-то тяжелое огрело меня по спине... Удар сбил дыхание, и в глазах потемнело... Но я еще вижу изрезанный когтями, исчерченный шрамами от бичей пол... и вижу мой излучатель... и мою, держащую его, руку... Но я не могу сжать пальцы на спуске... Что-то держит мою руку! Осколок пригвоздил ее к полу, разнеся доспех к черту!

Что-то бушует и грохочет кругом! Мечутся черные тени! Искрит проводка! Что-то орут сержанты! Что происходит?! Стены?! Они рушатся?! “Белые медведи”... Атака “медведей”... Штрауб под ударом?! Они взяли наш воздух?! Еще до того, как взвыла воздушная тревога?! Или сигнал тревоги... Что-то раздирает мой слух... Но это не сигнал воздушной тревоги... Это не атака с воздуха! Нет! Это звери! Это они! Они крушат стены! Везде! И блоки! Блоки еще не перекрыты!

Такого еще не было! Меня обдало холодом, глаза заливают стылой водой, хлынувшей со лба... Такого еще не было... Такого не должно было случиться... Эти твари и прежде чуяли нашу слабину и разброд! Они и прежде пытались прорваться! Но у них никогда ничего не получалось! Не получалось и не могло получиться! Не может у них ничего выйти и сейчас! Не может! Но они разбивают стены и двери, снося преграды, как тяжелые “разрушители”!

Я со всех сил с упором стал поднимать руку... Не вышло – осколок прочно засел в полу... Я резко дернул руку... Излучатель грохнул об пол и хлынула кровь... Осколок прорвал мышцу и остался в полу – я просто разорвал им руку! Черт! Не пришло в голову бросить бич и вытащить его другой рукой! Это страх! Его не должно быть! Но я... Зубы клацнули у моего плеча... Черт! Я отпрянул от занесенной надо мной лапы, прикрыв голову рукоятью бича, но пол уже скользкий от моей крови...

Кровавая расправа – эти твари задерут нас всех! Я схватил излучатель, но Стикк сбил мне прицел ментальным ударом... Стикк... Где он?! Я отполз назад, но что-то помешало мне... Это Хайнрих – он лежит на спине в лужи крови... Черт! Я блокировал череду ударов... Чем блокировал?! Рукоятью бича! Синий огонь взвился в воздух, и что-то огромное с ревом шарахнулось от меня! Что-то зазвенело, загудело... Это стены... стены, потолки и полы – все звенит невыносимой частотой... Пустили сигнал!

Зверюги только заметались пуще прежнего... Я с трудом поднялся на ноги... Хайнрих... Надо его оттащить... Красный свет! Все перекрыто! Влад бежит ко мне... Он поможет... Нет. Он бежит от... Черт!

– Герф!

Влад рухнул на пол у моих ног вслед за гаснущим бичом с разбитый рукоятью... Я отогнал оскаленную тварь, но не далеко... Частоту и мощность колебаний повышают, только этих чудовищ это не останавливает, а злит все сильнее и сильнее... В красном свете не видно крови, но доспех Влада и шкура зверя отливают характерным блеском... Все кругом затянуто этой отблескивающей пленкой... Я решительно беру зверя на прицел...

Стикк мне ментальным ударом чуть прицел не сбил... но я пропустил его удар через нервы сквозь сознание... Это безглазое чудовище, с оскаленной огромными резцами и клыками пастью, заняло весь мой разум одной сжатой до бесконечности точкой концентрации... Зверь на прицеле, и направлено на него не только мое оружие...

– Не стрелять! Ульвэр здесь!

Стикку удалось нас придержать – суровый командир теперь объединен им со зверем в нашей точке концентрации, и луч никто не спустит... Но что еще можно сделать, если бич не действует, мы не знаем. Другой решил с размаху вспороть когтями стыки следующих дверных створ – под первым ударом дрогнули и створы, и стены... и мы, и сам зверь... но двери устояли. Мы замерли – и мы, и звери – ждем чего-то от этой тишины... Другой наклонил голову, по мощной холке за незаметным движением прошел блик... Это худшее, что могло быть – это значит, что он будет резать и крушить все преграды всеми силами... Никто и не думает к нему подойти... Стикк зажал в руках бича, но так и не замкнул их... Нам ясно, что теперь осталось только – убить зверя... Руггер встал как вкопанный у закрытых врат и хрипло взвыл... Звук будто сошел на нет, но он только слился с этим раздрающим голову визгом, идущим от стен – верней, по стенам... Он режет двери... Мы разлетелись от зверя, как от разрывного снаряда... разлетелись, как осколки, пущенные нам вслед... Мы никак не контролируем ситуацию! Эти зверюги загоняют нас со всех сторон!

По створам врат пошли тонкие шрамы – надсечки... Тяжелым прицельным ударом зверь пробил обшивку... Когти лязгнули по железу... Зверь поднялся – он разорвал обшивку с треском... разорвал, почти как человек – с распором... Он снова захрипел, по створам снова ударили его когти...

Руггеры легко дробят камень и бьют железо, но бичи рвут с трудом... Стикк хлестнул бичом... и разрядил его... Но зверь лишь метнул ему под ноги осколок, сорванный с еще большей силой... Стикк уже готов был замкнуть его обоими бичами, но осколки короткой очередью врезались в стену прямо у него над плечом... Я стиснул зубы и сжал руку на спуске. Только Влад перебил луч

бичом. По стене над головой зверя разошлись трещины... Влад бросил излучатель и со всей силы ударил рукоятью хлыста по креплению исходного блока защитного поля – незримой преграды, запирающей “нору”. Он почти вышиб блок из треснувшей стены... До нас дошло, что он собирается сделать, но поздно... “Защитник”, до этого неподвижно стоящий в тени, активировал излучатели... Ему плевать, что Ульвэр нас на растерзание этим зверюгам бросит! “Защитнику” плевать, что мы не имеем права эту тварь без позволения Ульвэра покалечить! Нет, мы подчиним этих тварей! Мы не должны погибнуть такой уродливой смертью еще до того, как получим подтверждение переводу в Хантэрхайм! Но против этой машины оружие поднять мы не можем...

Стикк замкнул бичи – зверь накрыл нас ревом... Огромная черная тень с грохотом заметалась по стенам вслед за громадной звериной тушей, но ее заволок дым от паленой шерсти... Влад сорвал со стены блок, подключил его... Есть – щит установлен, зверь закрыт мерцающим полем... “Защитник” замер – исчез в тени, будто его и не было... А Влад взял зверюгу за горло мертвой хваткой...

Контакт – щитовое поле мерцает разрядами и меркнет. Зверь в отчаянии бросается на него грудью... Он еще раз налетел на щит, еще раз отлетел от него... Но не отступил – встал в стойку... Перебил собранными когтями разряд бича и рванул через щитовое поле... Влад блок не удержал... Я бросил излучатель вслед за остальными... Мирослав хлестнул Другого под колено – зверь отбил, но я тоже пустил ему под колено разряд, а Стикк схлестнул хлыст у него на шее, у горла... Другого мы держим, но еще один зверь налетел на меня, и я отвел бичи... Искры, когти, зубы... Я принял удар рукоятью бича, но кровь с звериных когтей брызнула мне в глаза... Эта тварь рассекла мне левое плечо... Это ничего еще – если б не разломанные пластины защиты, удар отбросил бы мою руку дальше, чем мой бич... Плохо, что правой рукой... Я ей даже схватить ничего уже не могу – плетью висит зараза! Я метнул нож левой, целясь зверю в коленный сустав... Холодный пот окатил меня, когда я понял, что не промахнулся и заклинил ему колено... Следующий бросок повалит его... Зверь упал на колени, только и я... Тяжесть его туши прижимает меня к стене... У меня перед глазами открытая пасть, но я не могу... Ничего не могу... Даже дышать не могу... И этот чудовищный звук – он просто раздирает голову... он все раздирает...

Все затихло. Больше ничего нет... Зверь замер и пустил слюну мне в глаза... Его шерсть еще тлеет от удара бичом или еще чем-то таким, а он и не шелохнется... Нет, он не трупом свалился – он просто замер... Влад подошел ко мне и постарался оттащить неподвижную тушу, но только потратил последние силы и рухнул рядом со мной... Общими усилиями удалось приподнять тушу, и я выкарабкался из-под нее, цепляясь за все, что под руку ни попадет... Я свалился ничком на холку этой сваленной тут мясной глыбы... Но Стикк молча указал мне на мои ножи... Зверь, считай, отключен – боли он не чувствует... Я попытался выдернуть из его сустава нож, только ничего не вышло... Стикк отбросил мою ослабшую руку и вынул ножи сам... Ульвэр, конечно, уже здесь... Но его суровые приказы предназначены не нам – теперь пришло время техники. Чинить нас “защитники” будут... Посторонних людей он сюда не допустит – бойня тут ужасная, хоть вроде и все живы... Зверюги получили шоковый удар... Они замерли на месте, нагнув головы и упершись в пол ногами... Но скоро их начнет бить озноб, они очнутся и поковыляют прочь от “защитников”... Нашу технику они боятся больше, чем нас...

Меня только поставили на ноги с еще не отошедшей жуткой болью и сразу заковали в новый доспех... И зверюг не завели, не заперли... Им только удавки на шеях стянули... О нет... Ульвэр скомандовал “в седло”...

Отмахиваясь от клочков обгоревшей шерсти, я начал карабкаться на эту неприступную скалу... Заря вздрагивает каждый раз, когда я цепляюсь за ее шкуру, и стряхивает мою руку, которая совсем, как чужая... Как только я взобрался в седло, ноги у нее подогнулись... От изнеможения я свалился ей на холку, и она тут же припала на колени... Жалкое зрелище...

Мы построились на плацу одновременно с пешими ротами, переведенными сюда, видно, с какой-то западной окраины Штрауба... Эти бойцы не только что с конвейера сошли, но похоже, что не многие из них первый год жизни отметили. И уж точно никто из них этих тварей на реальном поле еще не видел. Смотря на нас и наших зверюг, они на глазах бледнеют и спадают с лица – прям, как мы после порядочной кровопотери... Вид у нас, конечно, уже более внушительный, чем

при выезде из разгромленного сектора, но... От нас разит обугленной шерстью, и следы жестокой схватки налицо.

Смотрю, сколько их здесь... Ульвэр отдаст Хантэрхайму почти весь полк... Хантэрхайм... Сейчас рассчитаемся, проведем передачу – и все...

По команде спешиваемся, передаем зверюг... Теперь у них будут другие всадники. И у нас теперь будет другой командир... Теперь мы стоим пешие, положив руку на плечо, и смотрим, как Ульвэр отдает короткие распоряжения уже не нам. И зверь, который стоит под ним, замерев, уже не мой. Ульвэр держит его без помощи удавки, без... А я до сих пор не знаю, как он с ним без всего этого управляется...

Вот и все – мрачную тишину прорубили отрывистые команды, мерный рокот шагов и лязг когтей... Ульвэр со всадниками скрылся в мгlistом тоннеле, ведущем на базу, мы – в еще более темном, ведущем к стоянке “стрел”.

Пустоту в моей голове заняли приказы и горы указаний... Полет, разгон, торможение и снижение... Переходы, коридоры... Я уже готов замертво свалиться от усталости, но иду по схеме, по каким-то темным тоннелям... Я шел в строю, после – один... Теперь я один, но не понимаю, где я... А в голове все скрежещут когти и сухой посаженный голос – Ульвэр еще отдает нам приказы, и наши зверюги еще крушат все вокруг...

Запись №7 00 00 000 00:00

Как же все это мрачно...

– Крысы, что вы мне подсунули?! Руггеры бродят где-то неподалеку!..

Крысы молчат... И невеста моя, похоже, меня поддерживать не собирается...

– Кот, крысы здесь при чем?

– Они знают, что я их... Нет, не боюсь, конечно... Но не нравятся они мне!

– Ты слышал, что эти солдаты про коррекцию говорили? Они что-то про генетиков знают.

– Это ничего не значит – люди всегда все беды от всего живого на генетиков велят.

– Нам нужно искать в том же направлении.

– Да что нам их генетики? Мы ищем имена героев.

– Крысы может и имена ищут, а мы – записи врачей и генетиков. Продолжай.

– А вдруг руггеры сейчас где-то здесь?

– Их здесь нет – они ушли.

– А вдруг?..

Крысы разбежались, в радиусе восприятия осталась только одна, которая встала на задние лапы с очень серьезным видом... Я настроился на ее передачу...

– Полковник Ульвэр – Герой Великой Победы. Все люди, которые помогли выжить созданиям *полусвета*, – герои.

– Руггеры – злые и страшные!

– Они объединены с миром. Они нужны миру. Полковник Ульвэр знал об этом. Он сохранил их. Он не был забран *тьмой*.

– Я не понял... Вы всегда так говорите, что я ничего не понимаю!

Невеста всем видом показывает нетерпение – чуть ли ни когти выпустила.

– Кот, эти ваши вечные пререкания! Это невыносимо! Ульвэр был одним из тех людей, которые *все понимали*.

– А я не понял... Айнер говорил, что все люди все понимали – у них просто не получилось ничего исправить.

– У них не вышло, но Ульвэр делал все, что было в его силах.

Крыса важно подняла лапу.

– Сейчас нам нужно узнать, можно ли причислить к Героям Великой Победы полковника Борга.

От возмущения когти чешутся...

– Зачем это вы его к нам приписать хотите?

– Он не считал людей высшими существами.

– Вы что-то совсем переусердствовали со своей идеологией... Смотрите, чтобы у вас, как у людей, ум за разум не зашел.

Крыса вперила в меня умудренные жизнью глазки-бусинки... Я и так не понимаю ничего, а когда крысы дебаты устраивают, только хуже.

– Таких людей можно считать героями. Нас бы не было, если бы не такие люди, как генерал Роттер.

– Да, все это произошло благодаря генералу Роттеру... Понятно – Роттер Великий Герой Великой Победы, и все мы очень ценим то, что он сделал. Только он о нас не особо думал. Мы бы не уцелели, если бы не...

– Его цель была больше, чем мы. Он не открыл *тьме* другой мир – остановил ее распространение.

– Для нас другие миры слишком далеки. Айнер нас всех спас.

Крыса сразу выпрямилась – они всегда так делают, когда о нем речь заходит. В Ночь Памяти они устроили бдение и шествие. Мы тоже все участвовали, но не так активно. Память – это хорошо, но долго не спать – кошмар...

– Бессмертный Завершил Задачу. Но мы не должны забывать и тех, кто открыл ему путь к Великой Победе. О тех, кто помог по нему пройти Бессмертному.

– Если вы имеете в виду Айнера...

– Люди оставили этот мир, уйдя вслед за *тьмой*. Теперь должны уйти тени, которые оставила *тьмы*.

А... Крысы...

– Это вы про *изменения*?.. Да? А что это вообще такое – *изменения*? Что происходит?

– Тени не ушли.

– Очень понятно.

– Дыхание *тьмы* остановилось слишком резко. Разогнать тень может только ее последний выдох.

– Да, у людей всегда так... Так и пошло все с самого начала одно за другое цепляться, что бы они ни делали. Жалко мне их – таких, как эти солдаты...

Невеста оскалила зубки...

– Это люди нам на память эти беды оставили. Отключайся от крысы – сейчас остальные передатчики в радиус восприятия войдут, сеть связи восстановят...

Да от их ментальных помех даже Центральный компьютер вырубился. Только так Айнер и смог в его систему без идентификации войти и остановить весь этот кошмар... Крысы могут одновременно поддерживать связь с тысячами себе подобных. Если я настроюсь на восприятие крысиных передач – будет информационный передоз. Мне кажется, что дело не только в помехах, – и одной крысы достаточно...

– Стойте, крысы, а у нас ужин будет?

– Кот, перестань, а то они нас прогонят...

– Думаешь, они юмора не понимают – видишь, как смеются?..

– Крысы не смеются.

– А ну вас всех...

Крысы действительно не смеются... Никогда не видел, чтобы они смеялись. Просто у них что-то недоразвито. Правда, у нас тоже что-то недоразвито – мы тоже не смеемся. Разве что – мысленно. Но так и крысы могут... А насчет ужина – это я, конечно, не очень тактично выразился... Пока они спокойно относятся к тому, что мы их едим, охотимся – понимают, что это закон всего... Верно, это – закон. Но мало ли что, передумают еще? Лучше судьбу не испытывать... А вообще крысы считают, что все просто перестраивается – не просто строится и разрушается, именно – перестраивается... Съеденные мной крысы становятся мной, достраивая меня, – вот так. Я строю себя из крыс! И крысы думают, что это – истинное бессмертие. А я так не думаю... Не хочу такого бессмертия – хочу другого... Еще им не важно – станут они живым существом или не живым и не существом вообще. А мне... Мне тоже не важно, кем или чем я стану... Никакой разницы – крысой, червем или перегноем... или просто – углеродной пылью. Это буду уже не я. А

мне нужно быть только мной. И мне очень нужно быть. Точно... Но лучше об этом вообще не думать. Когда не думаешь о плохом... Нет, плохое никуда не девается, но зато кажется, что оно куда-то делось. Но я знаю, что все, что только кажется, всегда опасно – ведь это только кажется. Надо набраться смелости и посмотреть правде в глаза – это безопаснее. А раз правде в глаза смотреть не так опасно, как неправде, – это не должно быть так страшно. Страшнее смотреть в глаза более страшной опасности. Точно... Но все равно сделать это сложно. Крысы – они философы... А я... Я не философ – я кот.

Ну ладно – они не довольны, что я отвлекаюсь... А то я так могу все подряд записывать. Нравится мне это...

Запись №8 00 00 000 00:00

10. 04. 205 год Новой Техно-Эры 17:10

Похоже на карательные части DIS... О темных подземельях я знаю лишь понаслышке, но и этого хватает, чтобы озноб пробегал по позвоночнику при одной мысли о них... Только здесь светло – хорошо видно то, что каратели обычно скрывают тьмой... От этого до костей пробирает.

Никак не могу сообразить, что предпринять, чтобы убраться с этого объекта поскорее и уйти от него подальше. А про то, что мне нужно это стремление побороть или хоть подавить, – вообще ни одной здоровой мысли нет. Стараюсь собрать педантично разделенные по фракциям и разложенные по секциям офицером-S1 фрагменты моих мыслей, чтобы получилось что-то похожее с чем-то прежним... Но только смешиваю осадок с конденсатом до полной мути и сбиваю каждый номер до нуля. А память уже яснее над этим завалом, как солнце над горой мусора. От этого озноб бьет еще сильнее. Страшно подумать, что сделали со мной, и, что сделал я... Я – боец, который участвует в сражениях только с четким принципом открытого честного боя...

Теперь блуждаю по медцентру – по тоннелям и переходам, коридорам и линиям меж корпусами и блоками. Пытаюсь сократить путь, но только путаюсь в бесчисленных коридорах... А мой пропуск то и дело не размыкает нужных мне дверей. И сейчас ходу нет... Стою у сомкнутых створ, и руки дрожат пуще прежнего. Центр подготовки еще слишком близко... На деле я оставил его уже достаточно далеко за спиной, только он все равно – еще близко... И еще... Он у меня за спиной... А я не выношу ничего, что враждебно смотрит мне в затылок...

Покинул этот кошмар чуть ли не при помощи силы, но мои мысли застряли под испытующим взглядом офицера первой категории и излучением его киберстанции. Офицер-S1 – вернее, его беззлобное равнодушие с применением жестокости, которую боевые офицеры и во сне не видели, – загнал в тупик каждый сигнал, пущенный моим убитым мозгом. И теперь мой загнанный в угол разум принуждает налетать на углы и мое тело, но уже на этом – реальном – поле.

Резкий сигнал ментальной реанимации еще стучит в висках. Надо собрать волю и сообразить уже, что никакой я больше не мертвый. И хватит, замерши и затаив дыхание, стоять у запертых дверей. Опоздать мне никак нельзя. Если я на месте буду позже положенного, то и объяснять причины этой задержки будет поздно.

Нет, путь мне не сократить... Делать нечего – теперь от схемы ни шагу. И хорошо бы шаг ускорить... Почти бегу по помеченному маршруту к ближайшему переходу. Хотел избежать прохода по этому участку, но никак – схемы идут через этот сектор... Мне надо пройти преддверье смерти – вернее, корпуса тяжелой обратимой смерти... А за двери, где над ней чинят расправу, мне ходу нет...

Здесь столкновение с ужасной гибелью реальное – никакое это уже не виртуальное поле. Это восстановительный корпус тяжелой условной смерти. Я никогда раньше здесь не был. Сюда направляют мертвых офицеров и бойцов с наиболее сложными повреждениями – по большей части из Хантэрхайма. Их доставляют на закрытых и затемненных платформах. И я жалею, что стал свидетелем отключения затемнителей... Хоть я немало насмотрелся изуродованных тел, но от таких увечий что-то и мне жутко стало... Сложно понять, что это люди... Но еще сложнее – что это люди еще живые... Нет, не живые, но те, которых еще возможно спасти, – вернее, вернуть... Я

стараясь не глядеть по сторонам и обходить белую технику, сопровождающую обожженные и обмороженные трупы... Только мои старания держаться подальше от этих эшелонов смерти прахом идут... Их не обойти... А еще хуже, что мне с ними по пути, – блоки реально и виртуально убитых рядов, корпус один. От этого просто трясет... И от этого, и от очередной проверки моей устойчивости к стрессу – тупому и безысходному...

Дойти до того, что мой разум на растерзание не глубокому смыслу – плоскому тупику – отдали, я до сих пор не могу. Ищу хоть какое-то значение, хоть какой-то порядок... Но ничего доступного моему пониманию не вижу – ничего, кроме глухой стены непрошибаемой жестокости со всех сторон. Это даже не беспощадность – это просто запредельное зверство, кроме которого здесь ничего не требовалось ни от моих действий, ни от загруженной мне ситуации. Пусть я и считаюсь не тупым, числюсь устойчивым и стабильным, но это испытание... Оно, просто, дух вышибло! С этим точно лишку дали... Найти здесь хоть какой-то смысл, хоть какое-то объяснение, я никак не смог. От этого я не смог найти и выход – это с моим отличным показателем по скорости реакций... По-моему, отыскать его было вообще невозможно. Скорее, его просто не было – ничего, кроме жестокой бесцельной расправы и гибели, не было! А я уверен, что бессмысленной смерти нет, и быть не должно! Поэтому и не знаю – прошел я испытание или нет. Но главное – не знаю, на предмет чего надо мной эту проверку учинили... К чему-то подготовку провели... К Хантэрхайму... К Хантэрхайму!

Если судить по этим штабелям изувеченных трупов – на севере бушуют не только штурмы, но и штормы... А если по программе испытаний судить – бойцов на севере ждет бой со всем, что черт под луч подставит и командир целью пометит. И не факт, что я буду знать точно – кто такой или что такое мой противник и как его сразить. И не факт, что мой враг будет повержен мной – враг, о котором я и понятия иметь не буду... Но у нас один враг. И мы его знаем. А пустынный ледник... Он пуст – только мы и техника... И никаких хищных чудищ... Никого и ничего другого – только мы и техника... Ничего не ясно... Ясно только то, что гибель от руки этого скрытого врага будет суровой – это точно...

Отметился. Теперь, борясь с ознобом, иду в нужное отделение, номер которого мне ничего не разъяснил... Сложно белым машинам будет последствия смерти из моей головы выбить и конечную диагностику четкости мышления провести... Мои показатели будут прыгать, как бешенные скингеры...

К медицинским частям приписаны не только “спутники”, но и “защитники”. Правда, они служат только корпусам “мертвых”. Здесь, в корпусе тяжелой обратимой смерти, их много. Андроид с тем же холодным взглядом, что и тот офицер-S1, подключил ко мне аппаратуру и ушел. Без него сразу спокойней стало. “Защитники” – слишком сложные технические единицы. Их приближение – показатель серьезности ситуации. От этого я и собираю нервы в кулак, когда они рядом. Теперь здесь, среди светлых просторов, остались лишь лейтенант-S4 и медбрат-N1. Это Говорухин – знаю я его хорошо, не единожды нас мои убойные повреждения сводили. Почти каждый раз, когда я в сознание приходил, – он был первым, кого я видел. И это не всегда значило, что я был убит, – просто, он всегда был там, где шли бои и не хватало людей. Сейчас он здесь... Деловито сложив на груди руки, впери́л мне в лицо весело прищуренный взгляд – следы от когтей рассматривает и с профессиональным видом головой качает...

– Герф, это кто ж над тобой учинил такое?

– Зверюги...

– Да я уж понял, что не люди. Кто тебе шрамы такие грубые без правки оставил?

– “Защитники”.

– И скрепы они поставили?

– Нет, до них еще...

– Мы такие шрамы шлифуем... И они должны были...

– Времени не было красоту наводить...

– Какая тут красота? Ты людей пугаешь.

– Это которых?

– Всех. И наших, и ваших.

- Мы все привычные...
 - Не скажи. Ты репутацию портишь.
 - Нашей славе шрамы помехой не станут.
 - Ты нам репутацию портишь.
 - Ну так это ваша забота. Исправляй.
 - Сразу надо было к нам...
 - А эти претензии к командиру... Только не советую...
 - С Ульвэром что-то не то случилось?
 - Что-то не то случилось со всеми нами.
 - Ты, как я посмотрю, нервный какой-то...
 - Я не нервный.
 - Ну хорошо... Нет, так нет... Только я ж вижу, что ты...
 - Слав, хватит уже.
 - Но я ж вижу...
 - Слав, хватит!
- Говорухин успокоительным жестом поднял руки и отступил на шаг...
- Ничего, Герф. Ты поспокойней только...
 - Давай работай. Я не укушу.
 - Просто предосторожность... Не помешает. Мы от вас еще и не такое получали... У вас же чуть что, так сразу за оружие – расправа короткая... А с больной головы – еще короче.
 - Слав, ну ты что? Не было ж никогда такого...
 - Это вы не помните ничего... А я вот, Герф, все помню... Вам стоит по голове получить, и вы прямо, как зверушки дикие...
 - Зверушки?..
 - А ты что думал? Это вы друг перед другом в форме и при оружии выдержкой железной хвастаете... А перед нами вы...
 - Хватит уже...
 - Ну вот, прямо, как вредные зверушки, – слабые и дохлые, но зубы все скалите, огрызаетесь... К вам не с той стороны подойдешь, и все... Глазом моргнуть не успеешь – уже на соседней койке.
 - Значит, не такие слабые, чтоб не с той стороны подходить можно было.
 - А вы не предупреждаете, с какой стороны можно, с какой – нельзя...
 - Так вы предупреждайте, что бой окончен...
 - Тут дело такое... Это мы думаем быстрее, чем действуем... А вы действуете быстрее, чем думаете...
 - Чуть это. Мы все быстрее делаем.
 - Ну, Герф, если ты от чего и умрешь, то не от скромности.
 - Точно – от ранений.
 - Думаю, ты прав. Но сути это не меняет. Бойцы А2 – пациенты опасные и несообразительные. Хоть ты, Герф... К тебе так вообще ни с какой стороны, ни с какими предупреждениями не подступишь – хоть вовсе не подходи...
 - Только попробуй не подойти...
 - А что, мне хуже не будет... Но я себе таких вещей и как пробу позволить не могу – я клятву давал...
 - Вот и исполняй. Я тебе не мешаю.
 - Нет, конечно. Ты не буйный, ты просто – воинственный.
 - Чего ты хочешь?! Мне что, прощение просить?! Но за что?! За то, чего я не помню?!
 - Ты полегче...
 - Я что, виноват, что мне мозги постоянно выносят?! Сначала они, потом вы!
 - Мы их тебе вправляем...
 - Вот и вправляйте! Молча и терпеливо! А то тут и не разберешь – кто лечит, кто калечит!
 - Герф, полегче... Спокойно... Смотри как высоко показатели агрессии подскочили...
 - Ты что, мне проверку учинил?!

- А как же?
 - Подло, Слав!
 - Это моя работа. Мне нужно знать, как ты испытание прошел.
 - Нормально! Я в порядке!
 - Нет, Герф. Ты был убит, ты не можешь быть в порядке.
 - Черт... Я что, тест завалил, что ли?
 - Тест ты прошел. Контроль не потерял – значит, порядок.
 - Слав, ты это про нас правду сказал?..
 - Нет, Герф... Вы у нас тихие – привязанные и прикованные к полному покою. Не злись. Это что-то вроде врачебной шутки...
 - Знаю я ваши шутки – вы правду так называете...
 - Ну прям... У нас шутки все ж пострашнее правды. Это специально – страшное перестает пугать, когда рядом есть что-то пострашнее. Ну что, стало веселее?
 - Станет тут...
 - А нам все это очень бывает забавно...
- Это у него, видимо, с нервами не все в порядке... Но я ему доверяю – специалист он отличный. Этот рядовой не меньше офицера какого-нибудь только что загруженного знает. Его постоянные перемены мест работы даром не пропали. Он и в стационарах, и в полевых условиях большой опыт собрал. А то, что после всего этого у него крышу перекосило, – это понятно. Привык я вообще к нему... Раздражает он, порой, суетой, но что тут... Ему ни времени, ни сил, ни обезболивающих на нас не жалко, как бы мы его от боли не изводили. И сейчас – маячит перед глазами... То к одному монитору, то к другому – графики сверяет, программы подгружает, коды пишет... Ни разу не видел, чтобы он сел хоть на минуту... А лейтенант его экраны и не видит – то и дело что-то за окном тоскливым взглядом провожает... Сейчас встанет и уйдет... Точно – и мониторы не свернул, никакой у них тут секретности...
- Слав, что это он?..
 - Не дошло еще? А... Тебе ж, Герф, только что мозги вышибли... Ну, он перевод получил – не верит еще. Целый день на те колонны смотрит и считает, через сколько транспорты к пункту назначения придут...
 - К какому пункту?
 - Теперь все дороги идут к Хантэрхайму.
 - Пополнение?
 - Ну... Ты видел, что здесь у нас... А у них еще хуже.
 - А что здесь?
 - Одни мертвецы... Но их смерти еще обратимы... А гибель тех, кого Хантэрхайм оставил на леднике под снегом... Северным войскам трудностей теперь не избежать – их командиры большие потери понесли... Они и рабочих, и солдат забирают – и людей, и технику...
 - А где бои идут?
 - Я уже и не помню – где-то на границе... В Хантэрхайме постоянно где-нибудь бои идут... Но сейчас с этим что-то дело плохо... Не удержат контроль над пограничными базами – под угрозой большие укрепления будут. Тогда... Стой смирно. Будешь головой дергать – глаз долой. Я все ж человек – могу дать промах.
 - Что тогда?
 - Новые швы...
 - Я про границы...
 - Бойня, Герф... А у нас и без этого работы – просто не продохнуть... Еще и излучение это перебойное...
- Я начал думать о бойне, и показатели сразу подскочили – только не знаю, какие именно... Надо думать о чем-то другом...
- Излучение? Перебойные лучи?

– Точно, Герф. Общий фон у них и без этого высокий... А их офицеры еще не учли что-то... При штурме систему защиты где-то поблизости от границы повредили, теперь что-то сбоят... То перекрыты лучи, то...

– А что, излучение мощное?

– Еще бы. Герф, Хантэрхайм среди жестких лучей стоит. И одни других хуже... Их блокируют... Но это до поры... Сломает что-то блокировку – и жжет нещадно...

– А что жжет-то?

– Северное сияние... солнце... И то, и другое... И Хантэрхайм... Одно его сияние чего стоит...

– Ты постой... А от чего его сияние исходит?

– От него... Хантэрхайм светит, как проклятый, – и днем, и ночью. И слепит он полным спектром – от тех низин, что до мрака, и до тех высот, что после света. Это отражатели все – без них никак... Небо сияет, сияет и снег... и Хантэрхайм – сияет. Среди этих отражений сложно не ослепнуть, но иначе это излучение не побороть...

– Я считал, что к Хантэрхайму мощную засветку применили – что это специально...

– Врагу от его лучей слепоты не миновать, но и не только врагу... Генерал Штольт “медведей” темнотой бы слепил, если бы мог... Но с Хантэрхаймом не поспоришь... И вообще – это еще не худшее... Атмосферу, просто, загубили... и ничего до сих пор с этим толком не сделали...

– Постой, но город же и поглотителями оснащен... И это, кстати, энергию дает...

– Ничего Хантэрхайм не дает... А что дает, то забирает. Ту энергию для борьбы с другим излучением применяют – только и хватает... Кругом одни фильтры и блоки... Но его сияние – это еще не худшее...

– А что, есть что-то хуже?

– Ну... Есть. Что-то нейтрализуют, конечно, но... Эти мерзлые территории – место пустынное, гиблое...

– Не темни.

– Могильники...

– Их везде много осталось – дезактивированных.

– Есть еще активные... И есть те, на полную деактивацию которых, думаю, энергии у системы, хоть солнце положи, не хватит.

– Я про это ничего не знаю...

– А тебе и не положено. С захоронениями тут уж очень секретно, чтоб мы что-то знали. Только мы здесь такое видим, что надо полным идиотом быть, чтобы хоть что-то не сообразить.

– Я ничего не видел...

– Отсветы Хантэрхайма здесь только до нас и долетают...

– У них там что, кроме сияний и отражений, могильники кругом?

– И бои эти еще... И секретность... Ничего мы про Хантэрхайм толком не знаем, кроме того, что у нас нет ничего ужаснее и нужнее него...

Я перестал смотреть на скачущие показатели – нечего теперь попусту душу травить... Мне как-то резко стало все равно, каким там сигналом мой мозг в монитор плюет... Говорухин еще что-то тихонько пел под нос, но умолк, как только полковник медслужбы S6 перешагнул порог... Офицер замотанный, как и все здесь, но глаза у него светлые (с каким-то внутренним светом – проницательным, но не жестким)...

– Вячеслав, заканчивай с ним. Переключи его на конечный контроль.

– Так точно, командир. А что, по его поводу особые распоряжения поступили?

– Помолчи сейчас, голова болит... Посмотрим, что тут...

– Лед, может быть?

– Неси. Будем привыкать...

– Что, перевод пришел?

– Обратись по форме.

– Разрешите вопрос?

– Разрешаю.

– Перевод пришел?

– Нет, только что запрос отправил... Что мы здесь сделать можем, если источники не видим?..

– Это вы про жесткие лучи – про реликты излученные? Это точно. Чужое излучение, мы про него почти не знаем ничего. Подтвердили запрос?

– Подтвердят – никуда не денутся. Чей это боец такой?

– Ульвэр его полковым командиром был.

– Боец Ульвэра... Ну тогда ясно, отчего “северные волки” чуть не драку устроили, чтобы его получить. А ты, боец, куда бы силы приложил по собственной воле, если бы я тебе выбор дал?

Мне еще таких вопросов не отдавали (не задавали, вернее) – только приказы получал. Один раз распределение проходил – и сразу к Ульвэру, как к данности...

– Никак не знаю, полковник. Куда прикажут.

– Тебе подумать стоит. Ты двум боевым офицерам из двух разных, но равных по силе, боевых подразделений системы нужен.

Мониторы оскалились острыми зубами – мой мозг чертит перегруженный и резкий график. Полковой командир мои фоновые коды перепроверяет – с техникой спорит что-то. Похоже, он обо мне думает иначе, чем эти машины, – перечеркивает почти каждый мой минус, забывая его в базу данных плюсом. Этот офицер явно оценивает мои способности по другой шкале, чем его аппаратура, – здесь оценки мои выше. Не знаю, насколько это правомерно... Но с правилом не поспоришь – электронные мозги всегда правы, но офицеру всегда видней, и решение его верней. Неподвластны этому правилу одни “защитники”. Но их здесь сейчас нет, и я не знаю – рад этому завышению или напуган им. Мне это как-то непривычно и непонятно... А от этого я обычно начинаю думать, что где-нибудь ошибусь или пропущу чужую ошибку. К тому, вдобавок, моя голова по инерции продолжает лихорадочно искать выход из только что устроенной мне угрожающей и не решенной ситуации. Я думаю, где дал маху, и мог ли вообще что-то сделать... Похоже, что нет. Задание не исполнил, потому что не получил его, с врагом в бой не вступил, потому что его и близко от зоны действий не было, и жизнь не сохранил, потому что... погиб. А смерть в киберпространстве ничем не уступает реальной... И если учесть, что это довольно мучительная смерть... Нет, раньше меня таким пыткам не подвергали... Но, похоже, еще подвергнут...

Хантэрхайм перекрыл мою смерть лучом, Ларс Стикк обрушил целый мир ядовитыми усмешками, и Лесовский проводил меня угрюмым взглядом... Мой мозг выдал длинную очередь и, перегретый, как огнестрельное оружие былого, стал вяло плевать “пули” мне под ноги. Враг везде, но ни оружия, ни патронов больше нет – все пропало... и я – пропал...

– Смотри на свет, боец. Концентрируй мысли на нем.

Я вырубаясь, хоть и стараюсь держать сосредоточенность. И в глазах темнеет, несмотря на яркий свет и мои усилия...

– Командир, его разум его убивает... Но он больше не получает этот обманый сигнал кибербазы... Ему сейчас нечего с действительностью путать... Что делать?..

– Помолчи пока... Он еще путает действительность с киберпространством. Это его память...

– Он что, память о прошлом в текущем времени загрузил, командир?

– Похоже... Но не только... Он прогнозирует будущее – тоже в текущем времени... Он связал прошлое с будущим... Сообразительный.

– Только он это все в текущее время проецирует – от настоящего ничего этого не отделяет.

– Мы ему поможем. Подключи его, Вячеслав... А ты, боец... Перестань думать об этом. Ты создаешь виртуальное поле. Ты смотришь в свои мысли. Смотри – в мои. Концентрируй внимание на моем сигнале, на моем фоне.

– Я погиб... И я – погибну...

– Не сейчас. Сейчас ты гибнешь только по приказу своего разума. Но ты еще можешь пресечь это. Пресеки.

– Это будет неподчинение приказу...

– Ты подчиняешься только тем приказам разума, которые приказывают подчиняться старшему по званию.

– Так точно.

– Ты подчиняешься только тем инстинктам, которые приказывают подчиняться старшему по званию. Инстинктов много, командир – один. Ты исполнишь мой приказ.

– Так точно.

– Не отключай сознание. Ты прошел по виртуальному полю, как по реальному. Ты погиб на виртуальном поле, но был возвращен к жизни на реальном. Ты ушел с виртуального поля со смертью, но пришел на реальное поле с жизнью. Не возвращайся в виртуальный предел прошлого и будущего. Ты покинул его. Ты здесь и сейчас. Остайся здесь и сейчас – живым.

– Хантэрхайм...

– Это не Хантэрхайм. Ты в Штраубе. Ты видел его проекцию. Контролируй разум. Смотри на свет. Переключи память и прогноз на обычный режим работы.

Что-то еще путает мысли, но память уже отпускает прошлое, переходит к обработке текущего времени. Киберпространство уступает место реальности. До меня доходит, что я дал сбой. Что теперь со мной сделают? Спишут... Меня спишут. И ни в какую-нибудь заброшенную часть на леднике – вообще спишут... Нет, я докажу им, что еще годен. Но эти подсвеченные зубцы – это мои мысли. Они не лгут – я почти мертв. Но я не мертв. Нужно просто отключить мониторы. И я докажу... Только эти врачи... Они мешают... Нет, я им не позволю... Им мне не помешать – ни в этом, ни в другом пространстве. Офицер... его – вырубить. Медбрат... с него и “лицом в пол” хватит – под прицелом не дернется... А что дальше? Ульвэр... Мне нужно к нему. Нужно объяснить ему, что я еще мертв, но выживу и... Зову “стрелу”, вырубаю обоих, выхожу спокойно и лечу к Ульвэру с предельной скоростью... Точно, я рвану сразу к Ульвэру.

– Командир! Командир! Это что ж опять такое?!

– Ничего он не сделает. Спокойно.

– “Спокойно” ему не поможет. Он таких приказов не понимает – не доходит до него. Ему нужно по голове командой дать – тогда он сразу “руки по швам”.

– Нет, не нужно нам здесь грубости строевой. Он – человек. Поймет. Боец, я знаю, что ты намерен делать. Не делай этого.

Он видит мои реакции... Нужно отключить мониторы. Или он видит без них – по одному фону? О чем я вообще думаю?

– Старший по званию... Я руки не подниму... Я не должен...

– Тем более и причин нет. Поэтому перестань об этом думать – мне по ментальному сигналу эти мысли хорошо видны.

Нет, ничего со мной этот офицер не сделает – он не S1... Просто, мозги вправит – строго и беспристрастно – и больше ничего... Здесь люди другие... И офицер этот... Он так вдруг не спишет... и пространство чужое без предупреждений не загрузит.

– Обещаю, без предупреждений я с тобой ничего не сделаю. От нас тебе жестокости терпеть не придется, и нам преждевременными ответными ударами угрожать не нужно.

Я сфокусировал взгляд на серьезном лице офицера... Разглядел смеющиеся глаза Славы, стоящего чуть поодаль под прикрытием мониторов вместо щитов... Офицер, видно, не врет и правду не скрывает... И Говорухин смеется... Просто, он нас считает чуть не последними задирами... И, наверное, есть за что – одни мы со своими правилами всюду прем, как с тараном... До меня начало доходить, что мне не то на ум идет, и стыдно стало... Тех, кто наши поломки устраняет, есть за что уважать – опасное это дело...

– Герфрид, ты в первый раз таким образом погиб...

– Да, полковник. Таким образом – в первый.

Смерть на турнире, на стандартной тренировке, – совсем другое. Если ты погибнешь, от темы будешь отключен без промедлений. Даже ментальную реанимацию редко проводят – нужды особой нет. Это, по большей части, как бы не полная смерть... А тут...

– И с врагами ты таким образом тоже боролся впервые...

– Так точно. Но врагов в зоне действий не было – были неизвестные противники.

– Это и были враги.

– Никак нет. Указаний, что это был враг, не было. И к технике такое уничтожение неприменимо.

– Верно, сейчас мы воюем только с техникой. Но все, что ты должен уничтожить по приказу, – это враг.

– Никак нет. Это – цель.

– Понимаешь разницу...

– Понимаю.

– Ты исполнил приказ без промедлений... Бил ты только по помеченной командиром цели... И ты знал, что могло быть этой целью...

– Никак нет. Не знал.

– Это не столь важно. Ты допускал мысли о том, чем эти цели могли быть.

– Так точно. Был уверен, что это не машины и не киборги. Был почти уверен, что сражение произошло с чем-то подобным человеку или с людьми.

Доктор кивнул головой, но как-то потускнел при этом...

– Что ж... Не знаю, чем ты технику не устроил... Задание ты исполнил хорошо...

– Его не было. Его не обозначили. Были только простые схемы. Были прописаны только цели – одни прицельные точки.

– Задачей стояло – уничтожить указанные объекты.

– Так точно. Но общей задачи поставлено не было. А без четко поставленной командиром общей задачи, боец действует только по схеме прямых определений. Это упрощенное прямое управление бойцом, который точно не знает, что от него потребуют прямо сейчас.

Офицер потускнел еще сильнее и как-то отрешенно склонил голову, будто соглашаясь с какими-то скрытыми мыслями...

– Эту схему применяют при слишком быстрых изменениях ситуации... Так поступают, когда кругом не только враги, но и те, кто угрожает стать врагом.

– Я еще не работал по этому методу на реальном поле. Его применяют редко. При потере связи с командиром боец остается стоять без дела – он не знает, что делать. Для эффективного исполнения задачи должны быть проставлены условия и даны ориентиры.

– Если просто не будет времени дать бойцу ориентиры, ему придется искать их. Простой боец должен быть способным исполнить и сложную задачу даже с неточными обозначениями. Хороший боец обязан найти ориентиры, выявить среди них верные и не потерять их. И ты был готов взять контроль над ситуацией...

– Всегда готов.

– Я знаю, ты вычислил систему действий...

– Так точно. Передо мной были поставлены цели, объединенные одной четкой задачей.

– Разъясни мне ход мыслей, Герфрид.

– Целью было уничтожить объекты со схожим мысленным фоном. Но общую задачу это точнее не определило. Я не терял сосредоточенности – эту систему не обозначили задачей и могли изменить без обозначений задачи другой.

– Все верно, Герфрид... Ты беспрекословно исполнил долг под прямым командованием... Ты точно определил задачу, поставленную перед тобой без четких установок... Был готов перейти к определенной тобой схеме действий при потере связи с командиром... И был готов к переключению целей по команде... Ты справился со всем и везде. Это редкий случай. Но кое-что ты не учел.

Я перестал понимать, и по моему ментальному фону пошли помехи...

– Я исполнил боевой приказ.

– Это верно. Но ситуацию ты оценил не полностью... Подошел не бездумно, но и не осмысленно.

– Прошу объяснить.

– Ты не предположил, кем могли быть жестоко убитые тобой люди, и – по какой причине ты должен был их убить.

– Этого обусловлено не было.

– Пусть – не обусловлено, но – предусмотрено... Ты не учел того, что на реальном поле при похожих условиях ты можешь получить цель, которую будешь видеть иначе, чем на поле виртуальном.

– Я знаю об этом.

– Но не понимаешь... Не понимаешь, кого могут поставить тебе под луч без объяснений причин.

Доктор еще внимательнее всмотрелся в мои фоновые графики... Но и мне видно, что изменений почти нет... Что-то тут не то... Я вдруг вспомнил, отчего Лесовский турнир напрямик к черту отправил. Противником может быть и твой друг, и, чтобы победить, ты должен будешь его... Но это только турнир... А здесь... Лесовский встал перед глазами... Мои показатели дернулись к пику... И доктор одарил меня грустной улыбкой...

– Эту проверку ты прошел частично. Ты способен исполнить суровый долг перед системой без уточнений. Об этом мы знаем точно. Но у этой способности есть предел, перед которым ты будешь требовать объяснений. И только ты решишь, перешагнуть его или нет. Точно этого мы не знаем, но допустить можем. Допущение это основано на твоих мысленных показателях, которые достаточно четки. А поскольку еще одну проверку проводить поздно, эти данные будут учтены.

– Так точно. Так и есть. Боевой приказ снимает с исполнителей системную ответственность, но не личную.

– Ты простой боец, ты не должен ставить личную ответственность выше, чем положено тебе по рангу.

– Так точно. Но я – человек. И я несу ответ перед системой не только как ее боец. Я уверен, что мы отвечаем не только перед системой и не только перед собой – каждый поступок под ответом и у того, и у другого. Мы объединены системой. А систему объединили мы. AVRГ – это мы. А мы и есть – AVRГ.

– Ты верно мыслишь, Герфрид... Но понимаешь не полностью... Ты еще не долго воюешь. И воевал ты еще только за Штрауб. За его пределами идет другой бой, где нет времени считать пульс – просто ты еще жив или уже мертв... Ты должен не только быть способным думать с той же скоростью, с которой можешь спустить луч, но и способным – подчиняться слепо.

– Я знаю об этом.

– Мне нужно знать точно, что ты выберешь, если нужно будет сделать выбор.

– То, что решит командир, и то, что решу я, – то, с чем я соглашусь.

– Этот принцип хорош, только если есть время для объяснений.

– Если у системы не будет времени отчета, отчего друг должен быть убит другом, соратник – уничтожен соратником... Тогда не будет людей, не будет системы.

– Время идет плечом к плечу с действием – с одной с ним скоростью. Систему мы строим из наших общих действий. И время системы идет вровень с нашей общей скоростью действий. Но каждый из нас действует по-разному и с разной скоростью. Поэтому распределение мы проводим не только первичное – по программе и установке, но и последующее – уточняющее. Мы должны быть способными без ошибок достроить или перестроить организацию. Человек и его место должны подходить друг другу, как можно точнее.

– Я понимаю.

– Время всегда идет к концу. Плохой он или хороший – решаем мы. Оно просто идет. Но мы способны разогнать или замедлить его относительно других объектов при прохождении других пространственных участков. Мы способны управлять им – в определенных пределах. Одно решительное действие одного бойца вынудит отстать всех остальных – оно ускорит ход общего времени, отнесенного к системе. Это произойдет – будет его действие правильным или ошибочным. Стоит ему допустить ошибку – время системы получит ускорение по неправильному направлению, исправить которое станет сложнее, чем задать. Для того, чтобы устранить эту ошибку одного бойца, скорость действий нужно будет превысить всем остальным. Иначе нельзя переменить направление, ведущее к разрушению. Иначе нельзя понизить скорость системного времени, идущего к крушению.

– Допустил ошибку – и понеслось по цепной реакции, прервать которую сложнее, чем запустить.

– Все верно. Поэтому не следует ее запускать и усугублять... Если у системы нет времени на передачу информации сейчас, боец должен перейти к действию без этого, чтобы время на это появилось у системы после его действий.

– Так точно. Это похоже на модель приостановки прогресса...

– Верно. При помощи этой модели мы обогнали общее время системы, идущее к разрушению, и частично перестроили его – приостановили. Сделали это как бы через прошлое... Смогли пресечь отклики прошлых ошибок и полностью перекрыть им путь к будущему... Но процесс разрушения системы только замедлен – он еще не остановлен, не обращен вспять. Мы еще не исправили всех ошибок нашего прошлого. Для этого мы действуем с еще недостаточной скоростью.

– Нам мешает война.

– Не только это... Одной ошибкой здесь не обошлось... Прежде мы думали, что обгоним все, что нас окружает, и замедлим этим наше отнесенное ко всему остальному время, ведущее нас к концу... Думали, что наши технологии отсрочат наш конец и продлят нашу жизнь. Но не учли, что все, что окружает нас, крепко скованно с нами. Мы, с нашим пространственным ускорением, ускорили и все остальное – во времени. Нам удалось замедлить наше время, обретя вечную молодость, но сделали мы это, ускорив время всего остального, обретшего краткосрочную старость, приближающую к скорой гибели все вокруг – и нас в том числе.

– Мы этим ничего не добились... Одно просто погасило другое...

– Добились, но не того, к чему стремились. Конечный срок не остался неизменным. Мы не старели вместе со всем окружающим нас – все старело вместо нас. Этим мы приблизили досрочный конец всего вокруг и приблизились к досрочному концу.

– Безвременный конец... Мы двигались слишком быстро, чтоб не ускорить его, не ускорив времени всего, что нас окружает... Но слишком медленно, чтоб замедлить его, замедлив время всего, что окружает нас... Его было не остановить, не обернуть вспять... Нас тормозила наша тяжесть – сила нашего покоя. Нам не хватило сил преодолеть этот барьер... Но мы подошли к нему очень близко...

– И частично преодолели – остановили фрагменты этого разрушительного времени.

– Только его торможение почти ничего не исправило...

– Просто мы двигались по неправильному направлению – мы строили расчет с неверной отсчетной точки. Думали, что замедление нашего времени, – это равное ускорение времени всего, что окружает нас... Но не думали, что это равенство перекроет все наши старания и ускорит нашу гибель.

– Не учли, что нам не хватит сил переступить этот порог – решающий рубеж обратимости времени.

– И еще не учли, что весь мир, ускоренный нами во времени, вместе с нами, ускоренными в пространстве, будет подобен только изношенному стимуляторами телу, неуклонно приближающемуся к гибели, ускоренной в пространстве и времени. Нам нужно было скорее понять, что разгон этой системы обернется нам следом разгоном системы другой – внешней. Но теперь мы молоды, когда наш мир – стар. И умерев от старости, он погубит и нас – вечно молодых. А остановить его старение сейчас мы не можем – сейчас мы не можем остановиться, дать ему покой... Встанем мы сейчас – обрушим весь груз смертоносной старости – всего, что мы обогнали, что догонит нас при нашей остановке... Но хватит об этом. Теперь мы поняли, что у всех и всего одно общее пространство и время, и все должно быть иначе...

– Вы правы...

– Тыходишь обеим организациям. Ты сильный боец, Герфрид, ты быстро берешь ориентиры и способен мыслить. Но ты не готов применить эти силы с предельной мощностью.

– Я должен пройти подготовку.

– На это времени уже нет. Сейчас твои показатели занижены техникой. И я их сильно не подниму... Хоть ты и способен на большее... Но не сейчас. А вообще действуешь ты точно... Герфрид, я знаю, ты сразу понял, что что-то наносит вред и тебе, и твоему противнику...

- Понял.
- И ты не знал, что это.
- Не знал.
- Но решил установить причину...
- Мне нужно было узнать, что наносит вред мне, чтобы я мог бороться с этим. Я понял, что с этим ничего сделать не смогу. Смог выяснить, что это наносит вред и мне, и моему противнику. Решил, что это должно было уничтожить не только мою способность к действию, – это должно было уничтожить и способность к действию противостоящих мне сил. По скорости разрушений определил, что время до моей гибели равно времени до гибели противостоящих мне сил.
- Но продолжил уничтожение указанных целей.
- Мне нужно было исполнить приказ. Гибнущий противник – это не погибший противник.
- Ты получил серьезные травмы – ты не мог сражаться с прежней силой. Но ты сражался с прежним высоким результатом – результат снижен не был. Ты добился этого, отойдя от строгих указаний, – ты перешел к применению других методов уничтожения.
- Я решил, что конечный результат имеет большее значение, чем средства его достижения. И перешел к более действенным методам уничтожения.
- Ты не учел, что мог быть послан на операцию карательную. Здесь конечный результат – не уничтожение, а метод уничтожения.
- Цели операции точно задано не было. Это не уклонение от инструкции. Выбор был за мной.
- Тебе необходимо знать, что бойцы А2 несут службу, где им прикажут. Каждый боец может быть причислен к другому подразделению. Без специальной подготовки этого не сделают, но...
- Но я не каратель.
- Ты – боец подземных штурмовых отрядов – служишь там, куда пошлют.
- Так точно. Но сейчас... Мое право на выбор еще в силе?
- Конечно. Я твой выбор учту. Но, думаю, ты знаешь, что сделать его между службой Боргу или Скару – трудно.
- Скийел Скар?..
- Именно он.
- Борг.
- Ты уверен?
- Так точно. Уверен. Я выбираю не командира, а подразделение.
- Я бы устроил тебе еще одну проверку, но времени уже нет... Допустим, что ты прошел это испытание здесь... Службе безопасности ты, конечно, подходишь хуже. А другие показатели хороши... Очень неплохо. Мыслил правильно. Решил, что если общей цели нет, – нужно установить. Если противник есть – должен быть уничтожен. Действовал, думал, стоял до последнего. Провел проверку территории кибертемы и делом, и мыслью. Ты искал решение задачи...
- Но ничего не нашел.
- Ты должен был погибнуть. И погиб достойно. Ты искал скрытые, не заданные при запуске темы, инструкции...
- Но ничего не было.
- Ничего и не должно было быть. Если бы ты извлек их из пустоты – был бы списан как негодный к службе на крайнем севере. Ты прошел проверку не из простых, боец.
- Провел бессмысленное испытание и мучительную гибель.
- Это испытание не было бесцельно – виртуальное поле отражает реальное. Ситуации и поступки имеют равное значение на обоих полях. Ты не утратил ориентации – это главное. Был убежден, что жесткое излучение превосходит силу защиты, но не тратил на ожоги времени больше необходимого. Над помутненным рассудком контроль полностью не утратил. Ошибок не совершил – не вышел из объективной реальности виртуального поля. Лучом висок пробил только перед полным помутнением. Очень неплохо, боец. И ментальная реанимация сознания всего четыре секунды. Это хорошо. Можешь быть спокоен – высший уровень ты прошел. И уйми озноб – это только проверки. Мы через это все проходили, и поверь, мне как офицеру больше досталось.

– Так точно, полковник.

Доктор улыбнулся – и не криво и ехидно, а по-настоящему. Хоть он и соответствует уровню развития боевых офицеров S9, но у него добрые лучистые глаза... Все они такие – врачи.

– Ну что ж, Герфрид, будем считать, что все показатели в норме. Подождешь здесь еще. График на мониторе станет ровнее – тебе это не повредит.

– Так точно.

Полковник вышел из отсека – проследил по монитору его проход по коридору, проводил его взглядом, пока не потерял среди людей и андроидов в светлом тоннеле... Здесь загружены все мониторы, никакой секретности... Лесовский прав, у них просто другой мир с другими законами: субординация тут не жесткая, дисциплиной сурово никого не мучают. Но все вокруг напоминает пыточную камеру, несмотря на то, что атмосфера дружеская...

– Тебя, Герф, к Боргу зачислили?

– Да. Все мы к Боргу пойдем – в подземный полк.

Говорухину заняться, видимо, совершенно нечем, раз уж он решил со мной пообщаться. Хоть он и Говорухин – со штурмовиками не разговорчивее андроида. Плохие мы для него собеседники. Он всегда что-то делает, а сейчас вдруг для него работы не осталось... Впрочем, и мне делать нечего – только, в отличие от него, меня просматривают и просвечивают...

– У тебя последняя проверка, Герф, и...

Говорухин всегда смеется и всегда смеется только глазами...

– Лучше скажи, что с Лесовским? Видел его?

– Видел.

– И что?..

– А что вам, штурмовикам, делается?..

– Куда его послали?..

– Ему, как тебе, выбор дали. И он, как ты, решил не командира, а подразделение выбирать... Будто вы с ним прямо...

– Мы с ним с одного завода, и выпуск у нас один... И программист, и создатель у нас общий – только технические базы разные.

– Оно и видно, братья не только по духу, но и по сборке.

– Мы с ним и служили, и воевали вместе всегда... Мы всегда все вместе делали.

– Вот и будете вместе... Вас к десятой роте приписали. Завтра сбор...

По лицу медбрата проскользнула какая-то еле заметная тень, и он снова засмеялся. Обращается ко мне по выделенной линии – этого закон не запрещает, хотя ментальными передачами нужно пользоваться осторожно, – не поощряется... Раз так – информация не для всех...

– К десятой?.. Кто капитан? Это не Норвальд?..

– Он самый.

– Капитан Борга...

– Именно.

– Что ж, героическая смерть – не так уж это и плохо.

– Замечательный у тебя настрой, Герф. Погиб – и никаких проблем, еще и награды посмертные грудь проткнут по количеству дырок от вражеских лучей. И расщепление под тремя штандартами обеспечено.

– Совсем не плохо. Только Борг от бойцов требует больше, чем просто героическую смерть, – ему и жизнь героическую под ноги положи.

– Точно. С этим ты ему подойдешь. Но только, если погибнешь скоро. А если нет... Ты столько штрафных получишь, что только героической гибелью их с памяти и спишешь.

– Хоть что-то...

– Не бесславный конец – это точно. Но Хантэрхайм тут гарантии дает не надежные.

– Думал, что смерть в бою – единственный исход жизни бойцов северных армий.

– Это на свету... Но есть и тени... Север светит ярко, но и мрак среди льдов непроглядный, порой, стоит...

– Ты темнишь что-то...

– Поймешь еще... Не один Борг полку страшен... У него тень есть – Скар...

– И он поблизости будет?

– Кому еще Борг подконтролен? Но ты будь спокоен – у них по поводу тебя еще жестких указаний нет. А твоим особым старанием – и не будет. Главное, что Норвальд – лучший капитан Борга. Он людей бережет. Да, кстати, не так там на севере все и ужасно... Боевых операций по горло, но и затишья бывают. А лишних тренировок нет. Продохнуть дают. И на сон лишний час, порой, выпадает. Сил хватит – и на “стреле” над ледником пролетишь, и на упряжке... Никогда потом не забудешь...

– Скингеровы упряжки... Это точно никто не забудет.

– Был у нас тут один такой наездник... Одни шрамы и ожоги – кошмар... А гордился он ими... Оставить хотел – память о тяжелом походе по снежной пустыне... Но по мне – простые излучатели эти скингеры, лохматые только. Не дело это – жуткими шрамами чужие нервы и собственную гордость пытаться. Мы обычно шрамы убираем... Взять хоть Айнера – постоянно его правим... Если бы мы не постарались, ему бы облик человеческий не придали – никто бы за ним в бой не пошел... Так уж мы устроены – жизнь в бою положить готовы, но если видим, каким образом это нужно сделать...

– Это вы так устроены. А нам такие вещи параллельны...

– Значит, вы не видели ни одного бойца со сплошным огневым, лучевым и химическим ожогом одновременно – еще и с тяжелым обморожением и осколочными ранениями. Уверен, ты такого мертвеца еще не встречал, – в Штраубе таких нет. А в Хантэрхайме это не редкость. Опять же Айнер этот... На него одного по приказу столько энергии спустили... И не только на то, чтоб он жил – чтоб не пугал никого... Но он и без этого, кого угодно...

– Доблестный боец он, похоже.

– Этого у него не отнимешь... Только и другое тоже – не отнимешь... Доблесть – это хорошо, не спорю, но не до одержимости же... А, точно! Герф, забыл совсем! Он же твой командир теперь! Мы его, наконец, с восстановления снимаем... Он пополнение и заберет...

– Мой командир? Кто по званию?

– Тут сложно сказать... Формально – лейтенант, но... Сложный он... И с ним сложно – если ты не простой. Но к такому делу он подходит... Его дороги идут к Хантэрхайму... как дороги его бойцов...

И снова еле заметная тень... теперь весь его оптимизм, излучаемый глазами, стал казаться фальшивым.

– Ты говоришь о нем так, будто он на труповозке работает.

– Ну... Он служит Хантэрхайму...

– Скоро Штольт наступление начнет.

– Еще бы.

Говорухин вложил в мысль весь скепсис, на который был способен...

– Зря ты так...

– Сейчас там вообще всем Снегов управляет – под прямой контроль север взял.

– Тем быстрее вышибем их с наших территорий. Хантэрхайм отбили – укрепленные базы восстанавливают...

– Снова отбили... Герф, ни в коем случае не слушай эти бесконечные, внушающие уверенность, речи высшего состава, если хочешь знать *всю* правду.

– Офицеры не могут давать ложную информацию.

– Нет, не могут... Просто не говорят то, о чем можно умолчать. Три базы Хантэрхайма – руины. Там только командные пункты и стоянки истребителей. Их и не думают восстанавливать – средств не хватает. И еще... Мы никогда не теряли и не создавали столько людей... От этого и не спокойно...

– Не спокойно? Да что это значит?..

– Это здесь тишь и гладь, а на севере... Знаешь, вас уже начинают бояться. Вы же с оружием и в столовую, и в постель...

– Что? Нас бояться? Не верят? *Нам?*

– Герф, а кого еще бояться? Охранное подразделение? Службу безопасности? У них там все жестко – вам и не снилось.

– Ты с ними работал?..

– Где я только не работал...

– Что это вас так раскидывают?

– Я сам раскидываюсь – добровольцем.

– Чем мы недоверие заслужили?

– Да здесь проблем нет... а вот в Хантэрхайме...

– Говорухин!

– Тем, что штурмовики отрядов А2 лучше всех остальных понимают, что творится, – и все на своей шкуре. Люди силу теряют, уверенность – веру в победу. И к командирам доверие падает. Бойцы считают, что с этой войной скорей покончить нужно. По большому счету, они, конечно, правы. Но им теперь только кратчайший путь нужен – ничего иного. Его они и требуют с опасной настойчивостью. А к чему он ведет – им уже, похоже, ровно параллельно. Не доходит до них, что от него осложнение будет похуже, чем от войны затяжной.

– Это ты про Ивартэн?

– Его не сотрут. Но требуют этого уперто – и осложнение, скорей, от этого будет. А такие вещи сейчас недопустимы...

– О чем ты?..

– Да что ты, будто только с конвейера... Война давно идет – люди гибнут постоянно. Почти все мы – новые. Здесь и про бессмертие забыть нетрудно. А от этого и до отчаянья рукой подать. Если бы не офицеры... Только у них и без нас дел по горло. Им теперь особенно тщательно нужно общее время системы ровнять. У них время по-другому идет, чем у нас...

– Что ты имеешь в виду?

Что-то не то у этих медработников с головой – может, так надо, специфика работы...

– Знаешь, Герф, есть такая тонкость... Чем выше по рангу офицер, тем выше его скорость действий – мысленных или других. И время их по отношению к окружающему идет не так быстро, как наше. Ты понимаешь, они могут точно видеть будущее нашей системы и нашей планеты. А раз могут четко видеть дорогу, могут идти четко по ней, не сбиться. Они способны дойти до будущего, довести до него и систему, и порядок. Конечно, если мы помехи им чинить не станем. Но у системы время одно – общее. Это время и офицеров, и рядовых. И чтобы систему не разбить, офицеры ускоряют наши действия, замедляя наше время. А мы их этим тормозим, ускоряя их время...

– Что-то мне это не...

– Так мы время системы регулируем. Кто-то ведет, кто-то следует. Офицеры подобны локомотиву. Но им нужно тянуть целый тяжелый инертный состав – они частично управление утратить могут, когда участки сложные проходить придется. Мы и теперь чуть не под откос идем... Нам только устоять нужно... Но сложно это – во времени устоять. Нужны в пространстве рывки сильные... Без этого нас к обрыву снесет – к обрыву времени. А двигателю мощности не хватает, рывки перебойными стали... Колея у нас прямая сейчас... Но стоит стрелки перевести, мы с этой колеи сойдем – опять к обрыву... И не будет иного пути, как только к концу. Сотрем Ивартэн – потеряем действующую модель будущего, оставим прогресс без тормоза.

– С чего ты взял, что пути иного не будет?

– С того, что уже ничего не будет.

– Помолчи лучше...

– Ты Хантэрхайм не знаешь еще. Но ты должен знать... Офицеры скоростной рывок скоро дадут – смогут замедлить общее время людей по отношению к войне, к этой планете и другому пространству... Не следует сейчас нам их тормозить... Нам от них отстать никак нельзя. Им сил не хватит, если мы сейчас не отдадим им все наши силы. А если мы им мешать будем – запустим временное ускорение – общее для всех нас и нашей системы...

– Черт! Да что это значит?!

– То, что время пойдет быстрее, – наше время. То, что мы, медленнее соображая и медленнее действуя, быстрее разнесем не только чужую технику, но и нашу, не только чужие ледники, но и наши земли... Мы разнесем систему! Не оставим ничего! Ничего, что было у нас! Ни одной жизни!

– Это что, ты мне показатели поднимаешь?

– Нет, Герф... Это – предупреждение. Не делай ничего, что не прогнозируешь точно. Ничего не делай бездумно, без указаний, – Хантэрхайм не простит. Совершишь действие – блокируешь другое действие. Приложишь силу – получишь отдачу. А сделаешь ты это не верно... Пойми... Только офицеры способны верно поступить здесь и сейчас. Их расчеты точны – они четко определяют цели, бьют четко по целям точечными ударами. Они четко определяют ударные точки высшего достижения при низшей силе удара и низшей ударной отдаче. И этот расчет действий и противодействий оптимален – эффект достигим простым методом и почти без потерь. Только мы подо льдом и пламенем ждать их схем, считай, не способны. И чем больше мы им ключья пламени с ледяными осколками в глаза бросать будем, тем больше будем их тормозить. Одно влечет за собой другое... Мы ускоряем ход времени – и набираем обороты.

– Пусть офицеры идут быстрее всего, что вокруг нас. Но мы ж от того, что кругом, не отстаем – идем в ногу.

– Нет, медленнее. Это общую систему мы еще ровно держим. И будем, если офицеры замедление не получают.

– Что ж, выходит, что мы без них?..

– Мы друг с другом сцеплены – их нет без нас, нас без них.

– Верно. Системы нет. А без этой системы нет и никого, и ничего.

– Может, что-то и есть, но что-то другое.

– Прежде люди почти погибли под силой пассивности к окружающему, после – под силой агрессивности к нему. А сейчас у нас что-то среднее – и эту систему сохранить мы обязаны.

– Главное – не разрушить ее ни тем, ни другим...

– При чем здесь это?

– Чем активнее мы во что-то вмешиваемся или не вмешиваемся, тем чаще случаются осложнения. У нас здесь все так же – без лечения больные погибают, но многие препараты становятся ядом при увеличении дозы, проявляются побочные действия... Уверен, что все, о чем мы знаем устроено по одному принципу. Думаю, и все, о чем мы не знаем, подобно тому, что мы знаем. А вообще, думаю, главное, что когда процесс идет, тогда он идет – и с объединением, и с распадом... Конец должен быть, но только конец фрагментарный. Этот общий бесконечный процесс собирает и разъединяет элементы и их фрагменты времени – это проход от одного к одному... От Пустоты к Пустоте. Ты что, Герф?

– Ничего.

– А показатели что-то не очень...

– Нормальные.

– Будь спокойней – не повредит. Мы еще в процессе, так что показатели скоро проверять будут.

Мои показатели запрыгали невпопад... Кажется, начинаю понимать...

– Говорухин, это продолжение испытаний?

– С чего вдруг? Лучше подумай о том, что происходило в древности – до третьей мировой войны. Люди апробировали новые “лекарства”, помогающие им выживать, но не отменяли их при проявлении побочных эффектов, как это делают грамотные специалисты, – вот и вымерли от осложнений. Это произошло даже раньше, чем могло бы произойти от “болезни”, так скажем. Знаешь же, весь наш прогресс – не что иное, как средство подавления иммунитета планеты, – это чтобы она нас не отторгала. С такими средствами всегда нужно быть настороже, осложнения уже доводили Землю, можно считать, до полного некроза тканей.

– Ты чего добиваешься? Думаешь, меня отбракуют после этого? Нет – я стабильный.

Говорухин распахнул глаза...

– Я только помочь хотел.

– Не понимаю, почему мне сегодня все пытаются помочь! И еще такими сомнительными способами!

– Герф, ты боец – ты должен быстро соображать. И, между прочим, вас ничто не должно из себя выводить, так что...

– Кончай с этим, если это не обязательно.

Понимаю я все эти сравнения с некрозами – кому, как не нам, это понимать. Мы-то операции за сутки проводим, а врачи... Если на полное восстановление расщедятся – любого за пару часов по кусочкам соберут и на ноги поставят. Но кто ж столько энергии изводить будет? Бывало и неделю здесь отдыхаешь, про некрозы всякие слушаешь, пока с частичным восстановлением в порядок не придешь... Все у нас просто – тренировки, посты, бои, разведвылазки – все кончается здесь, в медчасти...

Говорухин уселся на край стола и как бы завис в воздухе – почти исчез... В белой одежде в белом помещении медработников можно и не заметить – только если по движению... Поэтому и чувствуешь себя с ними всегда так напряженно – привычка стрелка – выискивать все невидимое, следить за движением и быстро реагировать.

– Герф, да сейчас происходит ничто иное, как... Наш мир сейчас почти стерт из-за войны, а война и началась из-за того, что он был почти стерт. И с войной этой так же дело обстоит... Каким бы наше оружие ни было – оно имеет огромную разрушительную силу. А сейчас мы не можем ждать, не можем думать – начинаем метаться от мощных лучевых пушек к недоработанным пространственным переходам... Слишком быстро отчаиваемся, находим новую надежду – время теперь пойдет быстрее... Оно уже пошло быстрее.

– Лучше не продолжай – толку не будет.

– А мы ведь еще так и не восстановили отторгнутые ткани планеты – только сдерживаем распространение этой коррозии коррекциями...

– Нельзя было просто сказать, что ты против применения лучевых пушек такой мощности?

– Я не сказал, что против... Просто нужно уметь ждать. Если все без разбору начнут бросаться сгоряча на лучевые пушки первого порядка, так недолго и планету уничтожить. Нужно ждать. Мне это ночью спать не дает – все ветер в ушах воет, но нужно ждать.

– Ты на севере служил?

– Ледяные пустыни Хантэрхайма выбора не дают – если они не убили наповал, значит заставили подумать над этим. Правда, Хантэрхайм особо не дает времени на раздумья. Но, чтобы там выжить, приходится постоянно думать о том, как это сделать. Хантэрхайм провоцирует, требует отдать зажатое в зубах терпение, но если не выдержишь – покарает.

– Ты там был?

Похоже, что был, и на него это оказало соответствующее влияние.

– Я там пять лет прослужил.

– И как?

– Холодно. Это кажется, что Ивартэн и Альвэнхайм далеко. Хантэрхайм зажат льдами, стоит посреди снежной пустыни. Ночью мороз опускает нас на минус семьдесят градусов даже сейчас, когда зима позади. Там себя чужим чувствуешь – будто тебя сам город прогоняет.

– Вряд ли – Хантэрхайм один из самых больших и древних городов AVRГ...

– Там всегда снег – снег чистый, колючий, искристый и лучистый... А когда воздух не застывает в оглушающей тиши, стылый ветер воет пуще сигнала воздушной тревоги. Он поднимает метели, вихри и вьюги на ледниках, по наледи, насту ползает поземка... Все сносит, заносит, скрывает белой мглой налетевший буран...

– Достаточно.

– А больше ничего... Все сияет и днем, и ночью. Те, кто там воет, называют это светом единым с тьмой.

– Слышал... Слепит так, что ничего не видно...

– Видел я это – теней нет, нет неба, земли нет – все белое. Хантэрхайм – ледяные пустыни. У нас не было ни одного города, ни одной базы, которая была бы под ударом столько лет. Хантэрхайм наша опора и их основная цель. Там все свои и одновременно чужие, там – в этой мертвой пустоте – ощущаешь себя особенно живым и так же мертвым. Но после того, как там побываешь, очень сложно не искать обратной дороги. Хантэрхайм не отпускает, и завтра я вернусь.

– С пополнением Борга?

– Да, я с вами... Прямо в бездну с головой...

Говорухин продолжает смеяться глазами – с его рассказом это не вяжется. Что-то доктора давно нет...

– Ты про нашего лейтенанта говорил... Что за человек?..

– Не знаешь? Айнер – S9.

– S9 – лейтенант? Дефектный?

– Нестабильный. Но я даже не представляю ситуацию, в которой такие люди могут дать сбой.

– Что ж его списали?

– Им там виднее... Характер у него скверный очень – это точно... Держись поближе в бою и подальше после боя – не прогадаешь. Зато Айнер настоящий стрелок – без наводок такую скорость выдает, как машина. Много споров – везучий он или нет... Он у нас частый гость – по кусочкам собираем, но жив еще, а он сколько живет, столько и воюет – в Хантэрхайме.

– Слышал, кого за месяц не срезали, тот так долго может тянуть – главное к скорости приспособиться.

– Всякое бывает... От командира много зависит, от нас... Не для людей там работа. А ведь пока Пересмотр Задач не расколол AVRГ, люди только присматривали за всем. Теперь снова в бою – машинам так, как раньше, никто не доверяет. Теперь ничего нельзя из рук выпускать... Из-за D40 все...

– Совершенные машины?..

– Да, только мы всегда начеку должны быть. С подвохом наши “защитники”.

– Да ладно. Я с ними уже сколько воюю и не в курсе.

– В Штраубе быть в курсе нужды нет. D40 защищают нас не только от внешней угрозы, но и от наших ошибок. Такие машины никогда не исполнят приказ, не обдумав его, не просчитав последствия, а исходят они только из цели базовой программы – ограничений в условиях задачи у них не много. “Защитники” слишком умны, чтобы по мелочам размениваться, – они ситуацию в целом рассматривают. Это избавляет нас от возможности пересмотра задачи на нижних ступенях осмысленности, но никто не знает, когда они до чего додумаются. Они-то могут учесть и то, до чего не дойдем мы. Это хорошо, конечно... с одной стороны.

– Я, может, тонкостей и не знаю, но программы “защитников” совершенны.

– Да, только “защитники” могут уничтожать людей без подтверждения командования или центра – наших людей.

– Ну да – прикончить раненных – тех, кому вы заведомо в восстановлении откажете.

– Не начинай... Они могут ликвидировать человека, если сочтут опасным для системы – и ни у кого нет неприкосновенности – это тебе не “спутники”.

– Слушай, Говорухин, это крайняя мера, применяемая при серьезной угрозе. А кому, как не “защитникам”, решение таких проблем доверять? Сам же говорил, что они умнее нас – им виднее.

– В этом все и дело... им многое *виднее*. И защищают они нас, пока имеют такую возможность. Задачу-то они исполнить должны, а в программных условиях могут и обходные пути найти. Если нет перспективы для “защитников” – нет “защитников”.

– Разумная техника всегда стирает системы, когда задача исполнена или неисполнима.

– “Защитники” могут смотреть дальше – исходить не только из очевидного. На них можно рассчитывать, но все зависит от того, насколько ситуацию спрогнозируешь ты.

– Никогда не слышал ничего подобного.

– Об этом знают только те, кто работает с ними в провокационных условиях. А вообще, знания – привилегия офицеров, а мы так, по крупичкам собираем.

Столько времени с этими машинами провел и ничего подозрительного не заметил. Либо у Говорухина фантазия разыгралась, либо наши командиры сотворили еще более страшных техночудовищ и скрывают... Я уже привык *слушать*, что говорят. И все это мне совсем не нравится – знаю я, что из себя “защитники” представляют, на что способны. И так воздух уже позвякивает напряжением – пока разреженным, но очень четким.

– Герф, ты надеюсь, понимаешь, что это гласности не придается, и я не должен тебе этого говорить?..

– Да, конечно, но почему?..

– Чтобы людей не пугать.

– Почему ты мне это говоришь?

– Потому, что тебе нужно это знать.

На деле система не совсем такая, какой мы ее видим. Она для каждого из нас иная – только главнокомандующие и генералы Совета знают ее в лицо, потому что создают ее в большей степени, чем мы.

Говорухин задумался...

– Герф... Я дам тебе координаты места явки.

– Что?

– Следи, чтобы мозг объекта особого внимания не обратил...

– Не продолжай. Я в такие дела не полезу.

– Можешь их чему-нибудь научить – они быстро учатся. Многие знают азы строевой подготовки...

– Кто – они?

– Крысы. В Хантэрхайме больше никого нет – там ничего нет – только мы да крысы.

У Говорухина проблемы... Вообще в этом секторе работают только люди на высших ступенях устойчивости, но все, что он про “защитников”, про крыс говорит...

– Но что с ними делать?

Медбрат оживился...

– Крысы умные – потом тебя везде узнают, запомнят. Они неприхотливые. Можешь давать все, что есть. Сахар любят и мясо.

– Я тоже.

– С ними пищу надо будет делить, но они много не возьмут.

Мой браслет уже принял информацию...

– Это обычай такой?

– Можно и так сказать. Крысы – это как бы наши души.

– Знал, что вы нас недолюбливаете, хотя мы головы за вас кладем.

– Да я не имел в виду... Крысы напоминают нам о том, что еще где-то есть жизнь, что мы еще живы...

– Знаешь, мне об этом напоминать не нужно.

– Недели в Хантэрхайме хватит, чтобы забыть...

– Ну... Это легальный обычай или нарушение?

– Не то и не другое. В сводах закона это не учтено. Чтобы крысы подпали под статью ликвидации, должно случиться настоящие крысиное засилье. Но лучше, чтобы офицерам наши обычаи под руку не попадали. А компьютерам до крыс дела нет.

– Ясно...

– Только лейтенанту вашему на глаза с крысами... да и без крыс – вообще на глаза ему не попадайся.

– Неужто совсем изверг?

– Характер у него скверный, но не стоит забывать, что он по уровню развития выше вашего капитана. Ты просто не нарывайся, и все нормально будет. А вот и он... Только не это... Герф, ты не говори, что я здесь, пока командир не придет...

– Он твой фон засечет.

Говорухин покраснел до оттопыренных ушей – ушам больше всего досталось, они аж засветились багровым заревом.

– Нет, он не заметит – просчитается на пару метров...

– Да ты что? Прячешься от него? Что вы натворили?

– Да ничего. Я вообще ни при чем, только объяснять не хочу. Его здесь восстановили – проверяют сейчас. Старались, конечно, но с такими повреждениями... В Хантэрхайме не

справились и сразу в Штрауб... Правда, там после боев условий никаких. Но и у нас восстановительный корпус битком забит – не могут командиры одного человека на аппаратах больше получаса держать...

Он замолчал, оборвал передачу и снова засуетился... Я посмотрел на монитор – действительно, на входе высокий худой человек S9. Новая форма лейтенанта подразделений A2 ни о чем не говорит, а его сапоги начищены не хуже, чем у нашего ядовитого Стикка. За ним идет груженный оружием “спутник” – его личный, судя по потрепанному виду, – по нему сразу видно, сколько боев позади. Прямо у двери их нагнал и остановил патруль DIS – похоже, тут и до применения силы недалеко... Лейтенант нервный – не зря Говорухин решил срочно наводить порядок... Но это свидетельствует о том, что он не стал тупой машиной. Есть такая закономерность – если офицер, прошедший черт знает что, не стал машиной, значит, стал человеком... или настоящим чудовищем. Это иногда выяснить не так просто... но совершенно необходимо – этому человеку подчинено мое будущее... мое очень сомнительного будущее... Ничего, если он что-то вроде Стикка, – я привык уже...

Медбрат пошел загружать врачебно-диагностическую пыточную систему, как мне показалось, со слишком деловитым видом. Патруль, хоть и с трудом, но выпроводил “спутника” из корпуса, а лейтенант повернулся к двери – идентификацию проходит... Когда объект его пропустил, он так и остался в дверях стоять, расставив ноги и сжав кулаки.

– Где доктор, Говорухин?!

– Вышел.

– Прячется?!

– Где же здесь спрятаться?

– Прав, ваша маскировочная окраска перед нами бессильна!

– Лейтенант, подождите в приемной.

– Ждать не буду и останусь здесь.

– Полковник будет ровно через три минуты.

– Засаею.

Но вместо часов лейтенант посмотрел на меня, зато так же пронизательно, как на часы.

– Где это вы такого раздобыли?

– Это ваш...

Лейтенант шагнул ко мне с довольной усмешкой...

– Даже так... Он, похоже, не из тех везучих, которые даже понять не успевают, что умерли.

– Мы тут с ним достоинства героической смерти обсуждали.

– Уверен, что инициатором темы был не ты. Хватит меня заговаривать, Говорухин!

– Счел должным доложить, что боец настроен на героическую смерть.

– Героями чаще становятся те, кто мечтает о посмертной славе, – главное, чтобы выжил кто-то, кто будет героев помнить.

– Хорошая мысль.

– Это у вас на двери написано.

– Не замечал как-то...

– Иди посмотри.

– Вы намереваетесь устранить меня с рабочего места?

– Вижу, на этот раз не выйдет.

– Да, ваше восстановление завершено, лейтенант.

– И что вы опять натворили?

– Это неизбежное последствие вмешательств.

– Я не могу всю жизнь на обезболивающих сидеть!

– К сожалению, после таких повреждений...

– Чем ты здесь вообще занимаешься, Говорухин?!

– Исполняю прямые обязанности.

– Тебя за это уже награждать можно! Хватит говорить – просто делай!

– Вам поможет только время.

– Время поможет мне получить новые повреждения! Сколько можно?! Хоть раз что-то нормально сделали бы!

– Ваш позвоночник в порядке – все дело...

– Мне плевать, в чем дело – исправьте!

Айнер говорит, как бьет – и не просто так – до ссадин. Я уже, как и медбрат, рад бы убраться подальше, но вижу, как озабоченный доктор быстро идет по коридору... Он уже сошел с мониторных полей и ступил в дверной проем, но замедлил шаг и вошел не сразу... Не зря Говорухин так оживился, радуется, что не придется больше удар держать – доктор уже попал к Айнеру на прицел...

– Айнер?

– Да, я.

– Это прямо захват!

– Ну так...

– Думаю, ваше оружие в диагностике не нуждается... Положите его здесь, мы не возьмем. И освободите заложника.

– Заложника придержу пока, поэтому оружие со мной.

– Ну, право, не знаю... Португеею с зарядами тоже не отдадите?

– Нет, конечно.

Доктор кивнул медбрату в мою сторону – тот снова принял деловой вид, засуетился... Снова меня подключил...

– Сейчас мозг еще проверим. Ты не думай, мы нейроны не тронем – ни их коды, ни устойчивые связи... И “жесткую” память смотреть не будем – нам и фоновой хватит...

– Это что, сканер?

– Нет... Тут дело не исключительное, чтобы стандартные запреты нарушать. Просто еще одну проверку функций устроим – после смерти еще могут сбои быть. Только учти, что это серьезно, – будь спокоен и сосредоточен.

Легко сказать – не нервничай... Я не понимаю, что со мной делают сейчас, что сделают потом... Не могу сообразить, как можно быть спокойным после того, как умер, еще и мучительно... А после того, как увидел моего бракованного командира, и еще хуже стало... Шутки шутками, а оружие он так и не сдал. Чуть заметное поле закрыло его вместе с излучателями XF500... И ничего... Доктор смиренно проводит обработку информации, наблюдает за тускнеющим монитором и сходящим полем... А лейтенант, похоже, спит, припав плечом к стене и запрокинув голову...

– Айнер!

– Ну как?

– Оружие ваше в порядке.

– Просто замечательно. Знал, что вы не только человеку диагностику провести способны.

– Техцентр здесь не слишком далеко. И его служащие, я думаю, с оружием разобрались бы точнее.

– Они бы не разобрались и с ним, и со мной одновременно. А времени я терять не могу.

– Как и я.

– К сведенью, вы его уже потеряли. И если не считаете нужным продолжить его терять, сообщите о моем состоянии.

– Нервное у вас состояние.

– Ошиблись – целеустремленное.

– Я ошибку не допустил, Айнер. Ледяные клинки мечете не точно – не по цели бьете.

– Тут тепло траекторию меняет. Теперь поправку учту.

– Можете не учитывать – скоро мы оба на холоде будем от ваших ран страдать.

– Не думайте, что на холоде работать проще будет.

– Холод нам хороший помощник.

– При том морозе не только кровь боевых единиц быстро мерзнет.

– Хоть кровотечений избежать сможем. И болеутоляющих от этой заморозки израсходуем меньше.

– Хантэрхайм – последнее место, где их экономить следует. От боли до привычных действий путь короткий.

– Можно и без угроз. У нас ведь и транквилизаторы есть.

– Не поможет – мы под стимуляторами круглые сутки. Со мной как дело обстоит?

– Как обычно.

– Как обычно, это значит – хреново. Значит, и спокоен от этого я должен быть, как обычно.

– Мы от вас так просто не отделаемся, как я вижу.

– А то как же.

– Мы не имеем возможности провести вторичное восстановление – нет показаний.

– Отправьте меня в бой с повреждениями – пеняйте на собственную непредусмотрительность. Если я ваши жизни не смогу спасти из-за того, что меня заклинит...

– У вас нет повреждений, так что вы можете продолжать сражаться за наши жизни, не опасаясь проблем с позвоночником.

– Так, между прочим – боль сигнализирует о повреждениях.

– Айнер, ваш организм функционирует нормально.

– Нормально?! Это как приглушенный сигнал тревоги, который можно терпеть, но который никогда не выходит из головы, вытесняя более актуальные мысли! Думаете, если так всегда, это нормально?!

– Не многим удастся выживать, регулярно получая такие раны. Вас собирали по частям слишком много раз.

– Я думаю, что заслужил свою долю нытья, и вы могли бы послушать из вежливости.

– Только герои могут себе позволить такую роскошь. Что ж, я в вашем распоряжении, Айнер, – можете продолжать. Но без угроз.

– Раз уж вы мой героизм при жизни признаете, выдайте карту на обезболивающие.

– С этого и надо было начинать.

– Не получилось бы поговорить по душам.

– Что сказать? Берите. Глушите проводимость болевых сигналов. К сожалению, на данный момент мы для вас больше ничего сделать не можем. Да, кстати, Айнер, это ваш боец.

– Говорухин уже проговорился – вы с ним поосторожнее.

– У нас, Айнер, секретов нет.

– Правильно, никому теперь врачебные тайны не нужны.

– Это не тайны – только ограничения.

– Не ходить вам в разведку...

– Пока это входит в ваши обязанности, но и мы готовы – пластыри и скрепки у нас есть.

Айнер остался доволен ответом доктора, вышел из мути расходящегося поля и направился ко мне. Говорухин сказал не дергаться, так что я позволил себе никак не реагировать на пристальный взгляд лейтенанта...

– Что-то он слишком хорошо сохранился. Откуда перевели?

– Из полка Ульвэра.

– Ульвэр... Вот перевели бы его к нам вместе с Ульвэром...

– Этот боец мог перейти к DIS...

– Скар его забрать решил... Но заберем его мы... Точно... Этот им не подошел и не подойдет. Ему до последней смерти не дойти до того, что порой людей убирают по очень сложным причинам. А нам именно такие нужны, которые только по прямой дороге ходить и могут.

Лейтенант изучает мои прыгающие показатели...

– Он посередине, Айнер.

– У него почти десятый уровень.

– Почти девятый уровень.

– Можно поспорить – те, кто посередине, всегда вызывают активное обсуждение. Поднять планку – это перспектива, но опасная, опустить и резерв оставить – тогда стабильность, но ничего больше.

– Он в первый раз *так* погиб.

– Вообще замечательно.

Приходится терпеть... Вижу на мониторе потрепанного “спутника” не менее потрепанного лейтенанта. Вижу, что он идет к двери... Дежурные его не пускают...

– Айнер, что в корпусе медчасти делает этот оружейный склад?

– Ждет меня.

– Что вы с таким количеством энергоблоков делать собираетесь?

– Съем – чистая энергия.

– Я серьезно. Такая концентрация энергоблоков позволительна только в специально подготовленных местах для хранения.

Лейтенант, наконец, перевел взгляд с моих прыгающих показателей на доктора.

– Я и есть такое специально подготовленное место для хранения!

Уже начал проникаться сочувствием к нашему лейтенанту, хоть характер у него действительно скверный. Медики ждут раненных после штурмовых операций А2 в своих светлых хоробах. Они не бегают по расплавленному металлу под свист осколков – они не знают, что это – штурмовая операция А2...

– Уберите “спутника” из медчасти.

– Уберу! И если вы дадите мне еще один день, сделаю это быстро.

– Айнер, вы получите еще сутки, только не появляйтесь здесь больше.

– Надеюсь, вы мне не смерти желаете?

– Нет, Айнер... Наоборот.

– А что, неплохо было бы. Но, боюсь, скоро увидимся.

Они улыбнулись друг другу, пожали руки... Улыбка доктора похожа на улыбку, а Айнер, видимо, куда более ядовитый, чем наш сержант...

– Удачи, Айнер.

– Отдайте мне бойца – мне человек нужен, помогать будет.

Я не при оружии – сдал излучатель андроиду на входе, так что отдал лейтенанту честь, как только скинул незримые путы – непривычно как-то...

– Рядовой N2-8090...

– Твои данные уже у меня, Герфрид. Пошли, и не отставай.

Иду за лейтенантом – не ожидал от него такой прыти – почти бежим... Вопросов не задаю, по совету медбрата, лучше не нарываться, пока не соображу, как в Хантэрхайме с субординацией... Четкую закономерность мне еще вывести не удалось, но она есть: чем ближе к штабам, тем все точнее и правильнее по мелочам, а в самом коловороте – упрощено до предела. Мы да бойцы службы безопасности – элита вооруженных сил. У нас с правилами жестко, просто, когда совсем тяжело – условностей меньше. А вообще о нашей элитарности разговоров много... Кому еще выпадает такая сложная, тяжелая, грязная и опасная работа? Настоящая элита вооруженных сил – штурмовые отряды А1. Это люди S12 да защитники-D40 – мы их не видим и не слышим – таких берегут на самый крайний случай...

Запись №9 00 00 000 00:00

10. 04. 205 год Новой Техно-Эры 17:55

Патрули службы внутренней безопасности тормозили нас на каждом переходе... Дошли, наконец, до стоянки транспортов. Лейтенант, не подключив меня к линии, продиктовал машине маршрут и откинулся в кресле... правда, только с третьей попытки... Что-то с ним не в порядке – он и в транспорт вошел с трудом. Боль, видно, сильно его движения ограничивает... И его такого в бой...

– Черт, спину клинит... Что смотришь? С тобой скоро и не такое сделают. Надо будет, будешь делать, что надо, и без огрех, что бы с тобой ни было. Понял?

– Так точно.

– Тебе еще не успели позвончик перешибить?

– Никак нет, командир, – только пару осколков под лопатку поймал.

– Делай все, чтобы этого избежать. И голову береги. Если тебе мозги плохо починят – и мне, и тебе от твоей головы проблем будет больше, чем проку. Руки тоже – штуки нужные, хоть одну сберечь обязан.

У него либо ненормальные шутки, либо все остальное ненормальное... Скорей тут и то, и другое... Подвернулся же я ему под руку...

– Я понял, командир.

– По твоему виду видно, что понял. Ну что, Герф?..

– Готов.

Транспорт резко тронулся...

– Если ты серьезно насчет героической смерти, боец, – это хорошо. Нам такие пригодятся, только не торопись. Запомни, что мне виднее, когда твоя смерть принесет больше пользы.

– Так точно. Запомню.

– Теперь все будет не так...

– Я уже понял.

– Редко кто понимает, но раз ты такой сообразительный – мне же легче. Вопросы?

– Есть, лейтенант.

– Это и был вопрос?

– Куда летим?

– Сейчас на склады заглянем – и спать. Потом времени не будет.

– Да, лейтенант.

– Айнер.

– Что?

– Это я – Фридрих Айнер. Айнер – короче, чем по званию. А по рангу – S9 – обращаться дозволено одной технике. Нет времени – нет никаких “командир”, есть только “Айнер”. А времени не будет. Сразу предупреждаю, Герф, завтра будет хреново. Но сегодня еще выспаться можно.

Денек... Хороший темп Стикк утречком задал...

– Так точно.

– Знаю, что тебе про наши привилегии Говорухин наговорил, – они действительно есть, но пользоваться ими некогда. По глазам вижу – тебя продовольственный вопрос волнует. Он не тебя одного волнует, и это пожизненно. А вообще – хорошо, когда тебя еще что-то волнует, – верный признак того, что ты жив. Привык, что AVRГ тебя и кормит, и поит, и думает за тебя – мы тоже привыкли. Но твое выживание зависит не только от системы. Законы на севере жесткие при серьезных нарушениях и гибкие – при мелких. Разбираться просто некогда. Первая штрафная единица – выговор, вторая – строгий выговор с лишением привилегий, третья – первый разговор с карателями, а вот четвертая – последний разговор с карателями. Видишь, как просто?.. Да, есть еще одна вещь, которую ты должен усвоить, – у нас все на пределе. Избегай провокаций, не наводи смуты – в Хантэрхайме это статья ликвидации, и никаких смягчающих или чего-то подобного. Порядок наводить труднее, чем поддерживать, – не нарушай его.

– Так точно.

– Еще про Хантэрхайм... Здесь не ты откроешь свои потенциалы, а они – тебя. И в обязательном порядке, хоть бы и со смертельным исходом.

– Понял.

– При хороших условиях человек дуреет, с жиру бесится – искать начинает доказательств тому, что еще жив. А при запредельно плохих условиях ему уже не нужны ни доказательства того, что он еще жив, ни жизнь вообще. Чтоб ты всегда знал, жив ты или мертв, и не исходил дурью вдоль и поперек себя и других, – условия должны быть едва пригодными для жизни. Подчеркну – для жизни. Там, где нужно только выживать, не только человек перестает быть человеком, но и боец –

бойцом. И тот, и другой становится – волком. Не в смысле – зверем, подохшим под тяжестью прошлых лет, – хищником. Иначе он просто –дохнет. Штрауб дает все, чтобы ты мог жить, Хантэрхайм – только то, чтобы ты мог выжить. И то – выжить с большим трудом... и не каждый раз. Он тебе и жизнь, и смерть кусками швырять будет – тогда и посмотрим, кто ты есть – боец армии AVRГ или обычный голодный до добычи хищник. Но учти, что если полк со стаей спутаешь, – я тебя заставлю так хвост поджать, что не подынешь. А надо будет – все хвостовые позвонки перешибу.

– Ясно.

– Инструктаж завершен.

Айнер человек жесткий... И слова он выбирает пожестче... Если на них упадешь – кости об них переломаешь, как об острые камни. А если оттолкнешься от них с усилием – полетишь в далекий и высокий полет. Он не злой... Нет, не злой – и если жестокий, то по нужде. А Хантэрхайм?... И он такой же?... Не знаю, что и думать, – уставился на монитор: тоннели перекрыты (на север уже идут транспорты с боеприпасами и строительной техникой). Мы по земле поедем...

Транспорт поднялся по шахте подъемника и вышел на поверхность – лейтенант спит... Летим над городом. Уже весна, скоро снег здесь стает – с оконечности ледника потекут талые ручьи, зацветут мхи, скингеры будут пастись на прогалинах... А в Хантэрхайме... Там кое-где тоже есть лужайки этих лохматых тварей – они протапливают их на окраинах ледяных массивов этим жутким излучением, выращивают собственный корм. Не так давно мы еще катались на скингеровских упряжках, а теперь судьба этих мохнатых зверюг так же неопределенна, как и тварей Ульвэра...

Пролетели над белой башней Совета – в центре площади стоит монумент, который я не перестаю замечать каждый раз, хоть и стоит он здесь, сколько помню... На внешне активной проекции отображен состав Совета AVRГ первого периода войны – командующие S12. Офицеры поднимаются по лестнице, уходящей вверх и в перспективу... Генерал Роттер – наш прежний верховный главнокомандующий – застыл в решительном шаге на самом острие, на оборванном пропастью пике этого подъема... И кажется, что он либо пойдет дальше по воздуху... либо сорвется в бездну... А остальные последуют за ним, куда бы он ни шагнул. Только генерала Снегова здесь на лестнице нет – он стоит в стороне. Тогда он входил в Совет как главнокомандующий союзной армией – и тут на нем одном его прежний черный мундир RSSR, в котором он, правда, был таким же безжизненным, как и в белой форме главы Совета AVRГ теперь. Может, как раз из-за этого он и остался один из всего состава. Кто бы еще мог так быстро решить кинуть на наши территории армии востока еще до того, как Пересмотр Задач долетел до Ясного, как не тот, кто почти перестал быть человеком. Если бы Снегов не поднял те армии, мы бы не отбили ни Хантэрхайм, ни Альвэнхайм... ни Штрауб. Да и вообще никого из нас давно бы не было. Он заслуженно возглавляет Совет, но в последнее время... Похоже, все на грани того, что высший состав объявит ему “недоверие”... Только сменить его некому. И Снегов молчаливо подтверждает это, взирая на нас застывшими глазами проекции с площади Центрального штаба и сжимая в одной руке “пространство”, а в другой – “время”...

Не хочется об этом думать, но я прощаюсь со Штраубом. У всех нас есть город, который становится домом, и думаешь о нем, вспоминаешь его, где бы ты ни был... Хорошо, когда можешь защитить дом за его стенами, – Штрауб не будет падать осколками у меня на глазах. Правда, Стикк не раз говорил, что человек, которому есть что терять, сильнее рядом с тем, что он потерять боится, – только человек, которому терять нечего, одинаково силен всегда и везде. Но уверен, что таких не много – нечего и некого терять лишь мертвецам среди мертвецов... Правда, Хантэрхайм с его бойцами не так далеко от этого...

Транспорт опустился на четвертый уровень наземного корпуса центрального склада Штрауба. Айнер спит.

– Лейтенант, мы прибыли...

– Что, уже приехали?

– Так точно.

– На выход, боец. И кончай ты с этой героикой – и из Хантэрхайма иногда удается что-то вернуть.

Я не стал уточнять, что именно оттуда удастся вернуть, – и без этого тоска заедает – и пошел за ним. Но его “спутник” неподвижно встал перед командиром, преградил ему путь и устремил на него неживой светлый взгляд машины Е31...

– S9, на тебе уже шесть предупреждений по досрочным вычетам.

– Их спишут после первого же штурма – пару дней подождать можно.

– До штрафной единицы тебе осталось...

– Знаю.

– Напоминаю по приказу.

– Не так часто. Не то в техцентр сдам на прочистку процессора! Сойди с пути! Иди за мной, и никаких пререканий по поводу моих действий!

– Так точно, S9.

Айнер, убедившись, что “спутник” согласен, пошел вперед через пустую погрузочную площадку. Хотелось бы знать, на что Е31 дал согласие с таким скрипом... Андроиды со всеми нами на “ты” – они со всеми равны и вне подобных условностей... Им можно доверить и тайну, и дело. Но они верны, пока доверенное не выходит за грани прописанной программы...

Мы уже подходим к воротам этого огромного склада... Объект уже загрузил схемы проходов, блоков и секций, но лейтенант резко затормозил, обернувшись ко мне. Он смотрит в упор широко открытыми глазами...

– Иди за мной. Когда я активирую синюю карту – зайдешь вперед и встанешь лицом ко мне. Дальше действуй по приказу. Мне нужны будут реакции бойца А1. И следи, чтоб мысленный фон чистым был, – никаких лишних сигналов в голове быть не должно. Пошли.

Он использует ментальные передачи... ничего хорошего в этом нет. И схему действий он мне не передал... Что-то тут не то... Я жду... и он ждет...

– Что стоишь?! Исполни!

– Это не боевой приказ – если вы не дадите подтверждение, я его исполнить не смогу.

С трудом выдержал его взгляд, но ни шагу не ступил. Твердо решил стоять на уставе – без подтверждения этому приказу ходу нет.

– Пошли.

– Приказ не подтвержден.

Лейтенант растянул рот в ядовитой улыбке не хуже сержанта Стикка...

– Это неподчинение командиру.

– Это подчинение высшему командованию, прописавшему уставное правило.

– Теперь тебе приказывает Хантэрхайм – там на такие правила времени нет.

– Мы еще в Штраубе.

– Ты тупой, Герфрид. Мы уже одной ногой в Хантэрхайме!

– Я не тупой, лейтенант.

– Наглый ты! А наглость – признак глупости! Это следствие переоценки собственных сил по причине собственной тупости. Подобное бывает при нарушении связей причин и следствий. Отсутствие логики – это отсутствие мозгов!

– Это не так, лейтенант.

– Что не так?! Если ты используешь наглость как прикрытие – это ничего не меняет. А отрицать наглость – это уже нахальство!

Я открыл рот, только не понял – для согласий или возражений. Айнер скривил губы – он доволен, что мое выражение лица подтверждает его слова о моей тупости. И сказать нечего... Мою уверенность он задвинул в строй. В голову лезет только одна мысль – Айнер должен быть противником в Бою с Победой на Полуночном турнире. Этот бой не выиграет никто... кроме Айнера, конечно... Он, похоже, способен доказать или опровергнуть все – все, что есть, и все, чего нет...

– Так точно.

– А ты прямо то, что надо. Вот только спесь лучше из головы выбей, а то к профессионалам угодишь. Подтверждение не дам из принципа, а разъяснений ты заслужил, сколько хочешь. Думаешь, это карта незарегистрированного покойника? Что она перекодирована с временным

смещением? Что это обычная расшитая карточка? Так вот – это не уплотненный аналог из киберпространства и не сложный электронный объект, дающий перебойные помехи. Это обычная карта, выданная мне со всем положенным официозом. Синюю карту *невозможно* подделать так, чтобы это не обнаружилось мгновенно. Теперь пошли.

С идентификацией и пропусками покончено – врата открылись... Иду за лейтенантом... Хотя я уже сообразил, что мою уверенность в том или ином он рубит чуть не под корень специально, уровень этой моей уверенности и в том, и в другом продолжает снижаться. Я перестал понимать, что к чему... А что к чему с картами – особенно не ясно. Про карты мне ничего такого даже в голову не приходило... Никогда не думал, что существует столько способов подделок, пусть даже неспособных обмануть наши всеведущие компьютеры. Но то, что лейтенант о таких вещах думает, еще больше наталкивает на мысли... Не будет же мой лейтенант – человек S9 – обворовывать систему. По статье – расстрел. Но судили по этой статье так редко, что уже и не помнит никто, когда был вынесен последний приговор за такое преступление. И дело даже не в постоянном контроле – обкрадывать систему ничто иное, как обворовывать себя. Мы никогда не противопоставляем наши интересы интересам AVRГ – мы и есть AVRГ. Система организует наше выживание. Мы просто уничтожим наш мир, совершая подобные действия. Но, видимо, не всех бессмертие научило думать о будущем – о том, что его не так сложно лишиться... Как бы то ни было, Айнер мне подтверждение так и не дал, а я покорно иду за ним...

– У Ульвэра все такие задумчивые?.. Есть хочешь?..

– Да.

– Синяя карта открыта, значит – есть, что есть. Имею в виду продовольствие, а не что-то из ряда “будь, что будет”. А главное – это сахар. Готов?

– Так точно...

Лейтенант среагировал на мое промедление и снова смерил меня быстрым взглядом – за широко открытыми серьезными глазами затаились издевки.

– Соображаешь плохо?.. Значит, сахар тебе просто необходим.

Идем между стеллажей с контейнерами: на складе пусто – ни машин, ни людей... Склад кажется дезактивированным – техника стоит на ждущем режиме. Лейтенант не запрашивает машины, то и дело загружает карточку и берет контейнеры. Айнер уже нагрузил и меня, и “спутника”, но синей картой так еще и не воспользовался... Тому, что он не взял в помощь машины, есть объяснение – грузы легкие, мы их и так утащим и энергии меньше потратим. Но именно поэтому меня мучает подозрение о нелегальности его действий – с техникой такое просто не пройдет.

Ничего особенного здесь нет. Все это – стандартные продовольственные пайки боевых офицеров – им положены некоторые привилегии. Иногда это здорово раздражает, но стоит вспомнить, что мы и так уравнины настолько, насколько это возможно в обществе с разделением обязанностей, сразу отпускает. Ответственность куда прожорливее других тягот. Если мне кусок сахара перед боем поперек горла встает, высшему составу и мед в горло не лезет. Офицеры знают, когда погибнут и сколько бойцов в бою положат, а мы нет. Недаром наш высший состав вконец отощал за последний год...

А есть вообще хочется ужасно... Стикк сегодня так разошелся, что до столовой я так и не дошел...

“Спутник” ушел – замер у врат склада и ждет нас... Пока мы дошли до секции с синими полосами, Айнер нагрузил меня до предела... Когда он затормозил, я сделал шаг вперед и развернулся, как он велел... Стараюсь уловить каждое его движение... Он загрузил карту...

– Бросай!

Айнер просто ударил мысленным приказом – мои руки разжались, и контейнеры рассыпалась с таким грохотом, что он чуть не выронил карту. Это запрещенный прием передачи!..

– Что стоишь?! Собирай!

Айнер закрыл ментальную линию и перешел на обычную речь. Он достал последний контейнер – теперь помогает мне собрать остальной груз. Не знаю, что он сделал, но мне уже спокойней – больше ничего не осталось, как уйти прочь...

Синюю карту за особые заслуги выдают на месяц, но существует ограничение на получение такой привилегии – недельный лимит. Теперь он окончен, карту сейчас заблокируют. На загрузочной панели уже появилась пометка – блок установлен.

– Кончай, уходим.

– Лейтенант, здесь что-то не правильно...

– Правильно – охота на сахар прошла успешно.

– Охота?

– На сахар.

Черт... Что он сделал? У нас все четко рассчитано – все продовольствие... Если кто-то возьмет то, что ему не положено, – это скажется на всех... и на нем самом. Какой в этом смысл? Объект нас видел – слепых зон здесь нет. Он нас идентифицировал, он знает... Расстрел... Как я мог?! Мое первое нарушение – и сразу после перевода! Жду сигнала тревоги, но тихо – пустынный склад залит ровным белым светом, значит угрозы безопасности нет.

– Лейтенант, это должны обнаружить.

– Ерунда. Центральной регистрации не было.

– Объект проведет регистрацию при разборе.

Лейтенант остановился и обернулся ко мне... Нарываюсь я...

– Боец, разбор проходит, по крайней мере, при подозрении, что было нарушение. Ты думал, что на преступление идешь... И пошел...

Мне сказать нечего – Айнер этим очень доволен.

– Что ж... Ты пошел за мной. Правильно. Сомнений в командире быть не должно – не дело это. Но и мозги ты не отключил. И это правильно. Соображать, что делаешь, ты тоже должен.

– По вашему совету, командир, стоит думать без расчета, что это сделает система, но не нарушать порядок. Это значит – быть в строю и при этом быть готовым исполнить задачу одному.

Айнер то ли улыбнулся, то ли просто скривил рот...

– Так решительно ты далеко пойдешь, но так отчаянно просто не дойдешь. Стремление куда-то вперед придерживать надо. Это, как упряжка со скингерами, – разнесет, так не остановишь.

– Остановить можно даже диких зверюг Ульвэра – всадники всегда при оружии.

– Ничего не скажешь, считай уже сработались. Тебе осталось усвоить, что нужно делать, чтобы не сойти с грани.

– С какой грани?..

– Мы стоим на ней сейчас. Ты на нее ступил, как только получил перевод, но больше ты с нее не сойдешь, если не оступишься. Теперь слушай. Я беру то, что мне причитается, – только беру раньше, чем положено. Получается – беру немного больше, чем полагается сейчас. Если дожидаться того, что ты точно получишь через неделю, можно не успеть этим воспользоваться до очередного налета. Понял?

– Да, лейтенант...

– Все просто, Герф. На меня есть продрасчет на месяц – столько мои карты действуют. Как и когда я этим расчетом пользуюсь – мое дело. Мой расчет с меня спишут, если я погибну, поэтому и вперед забегать не следует. Но это, в общем, мелочи. Если не зарегистрируют нарушение сразу, то это не будет считаться нарушением, стоит мне дожить до следующей недели. С моей карты просто вычтут то, что я забрал раньше. Так что если я заберу сейчас слишком много, – ничего не получу в следующий раз. Логично – мы не можем заранее взять слишком много потому, что не знаем, сколько еще проживем. Я считаю, что лучше перебиться потом, чем не использовать то, что пока точно можешь использовать. Это что-то вроде границы между легальными действиями и нарушением.

– Но это незаконный поступок, раз такой выбор не предоставлен в официальном порядке.

– Ладно, Герф, будем считать эту беседу неформальной – никак по-другому у нас в такой ситуации и не получится. Такой выбор не общедоступен, и на то есть веские причины, но наказание за это нигде не предусмотрено. Значит, этот выбор предоставлен тем, кто может его сделать.

– Данные прописаны и на пустых отсеках, и на карте – объект учтет их.

– При плановой проверке секции он вычислит подвох, но не раньше. Давай, пошли!

Значит, Айнер ворует только у себя самого, если он выживет, а если погибнет в этом месяце, то у нас всех... Если лейтенант доживет до плановой проверки, то получит вычет пайка, а если не доживет... мертвых не штрафуют. Я даже не подозревал о существовании такой границы. Нет, Айнер не стоит на этой грани – он бежит по ней... И мне предстоит бежать за ним...

Его списали на понижение – тем и ограничили... Но он – S9... Меня постигло горькое разочарование – у нас далеко не все учтено. Как Лесовский не твердил мне об этом, я неколебимо не верил ему и твердо настаивал на обратном – теперь есть прямое доказательство его правоте. Хуже того, что если действительно не все продумано, не все под контролем, под охраной... то наш порядок не так незыблем, как я думал... пусть и не многие способны его нарушить. Уверен, что это не применимо к чему-то посерьезнее обмана склада. Ну а вдруг?..

Айнер вышел на закрытую стоянку и нашел наш транспорт.

– Садись, боец, – обедать будем.

– Лейтенант, есть вопрос – неформальный.

– Задавай. Только быстро.

– Мозг объекта возможно обмануть?

– Любой мозг можно обмануть, даже электронный, – если знать, на чем основана его логика и как построены связи. Задачи различны, как и точки отсчета, – из этого и нужно исходить. Электронные мозги к нам довольно снисходительны, но только касательно мелочей. Чем проще манипуляции, чем больше похожи на случайность, – тем легче обмануть машину. Но такие вещи нужно делать очень быстро.

– Что вы сделали?

Лейтенант снова растянул рот...

– Не заметил?

– Нет, я ничего не увидел, лейтенант.

– Замечательно. Объект тоже увидел, но не заметил. Он не сосредоточил внимание на том, что ты уронил груз и карта выпала у меня из рук. Для него такие вещи не значимы. Без крайней нужды электронный мозг проверок не проводит. А контейнеры прошли регистрацию. Отсеки были закрыты, карты были заблокированы, значит и лишку никто никому не дал...

– Но ведь так и было...

Айнер сунул мне бутерброд и развел прямо во фляге холодный сладкий кофе...

– Почти так. Электронный мозг отмечает процесс установки блока по сигналу с карты. Мой браслет при контакте с картой пустил слабую перебойную помеху – это замедлило процесс установки блока. Я загрузил карту, когда код блока уже частично прошел и код нормы выдачи был уже закрыт, поэтому карта еще работала на размыкание. На этом острое сигнал о блокировке карты до объекта еще не доходит. Сначала объект фиксирует размыкание, номер карты, считывает коды, после – ставит блок. А досрочные проверки данных он не проводит, когда нет ничего подозрительного и ничто не сбоят.

– Так просто?..

– А ты что думал? Чем проще, тем надежнее. Сложностью расчета никогда компьютер не обманешь. Основная цель – действовать по правилам, но делать это так, чтобы он не обратил внимание, что ты делаешь это по-другому. Герф, бардак помогает нам жить не меньше, чем мешает. Запомни – пригодится.

– Так точно...

Я знаю, что компьютеры перегружены – у них под контролем огромные объекты, но никогда не слышал, что их можно обмануть, особенно так примитивно... А лейтенант и вправду не плохо ориентируется. Он же – S9... Такие люди могут провести даже электронный мозг – и такие люди никогда этого не делают. Теперь понятно, почему его так списали, – человек с такими способностями опасен, если у него проблемы с ограничителями сознания. Но нам, можно считать, повезло – S9 редко принимают непосредственное участие в боевых действиях, а в бою они не многим уступают машинам, но при этом они – люди. И видно, как лейтенант к своим бойцам

относится, несмотря на скверный характер... Для S9 – это редкость. Хотя чего ждать от человека, побывавшего там же, где мы...

– Держи, Герф...

Айнер открыл контейнер, вкладывает блоки сахара мне в руку. Он заряжает сахаром пустую португую. Я без вопросов делаю то же.

Обед обещает быть замечательным, но, похоже, это только обещание. Забыл предупредить Айнера, что сегодня мне не судьба что-то съесть.

– “Защитник”, лейтенант...

– А?.. Да, – наш красавец.

Андроид стоит в тени – окружающее его поле слегка светится. У меня и так присутствие защитников-D40 крепко связано с самыми сложными операциями, а после того, как Говорухин разговорился... Лейтенанта его появление тоже не обрадовало.

– D40, что у тебя? Докладывай. Что там со связью?

– Тебя призывают, S9.

– Все официально. У меня еще сутки.

– Тебя отзывают с восстановления.

– Норвальд не справляется?

– S9, сбор. В Хантэрхайме синий свет.

Прямая угроза налета... “Защитник” светит холодными глазами... Я прямо чувствую, как в голове лейтенанта со скоростью электронов бегают мысли, раскладывают по полочкам дальнейшие действия.

– Хреново...

– Движение остановлено – открыли прямую полосу.

Айнер вышел из машины. Он перешел на ментальные передачи – меня, естественно, не подключил. Наблюдаю за D40. Ничего подобного этой модели “защитников” еще не было – они с земли могут истребитель С499 сбить. И у них не всегда получается, но если учесть, что никто другой этого сделать вообще не может... Наземная техника на воздух не посягает. Истребители – невидимки. Они быстрые и летают очень высоко. На них навестись слишком сложно – сложно распознать, успеть сделать это первым. Трудно их обнаружить – по ментальной активности навестись можно только с километра, а по-другому как – даже и не знаю. Иногда разведчики наводки дают, но время теряется. У нас почти все решает воздух...

– Что стоишь, боец? Садись. Летим.

Транспорт активировал ремни – и не зря – поднялись очень резко, меня прямо вдавило в кресло. Похоже, началось... Только знать бы, что именно... Сейчас мы с *ними* уравнились в технологиях – война застыла. Мы только наблюдаем и рассчитываем... Но базы Хантэрхайма *они* атакуют постоянно – удержать не могут – изматывают нас, пользуются тем, что мы – люди. Скорей всего, и сейчас так – очередной налет, который скоро отобьют. Просто все должны быть на местах.

– D40, что *они* там надумали? Прощупывают ведь что-то...

– Идет анализ действий.

Точно – началось... Этот еле различимый, впивающийся в сознание, свист рассекаемого воздуха ни с чем не спутаешь – с девятой базы Валсхайм сорвались истребители двадцатой армии.

“Защитник” только наклонил голову... Айнер коротко врезал приборной панели транспорта...

– Давай быстрее! Черт! Вот тебе и синий свет!..

Транспорт выставил лейтенанту предупреждение, но рванул вперед так, что чуть дух из меня не вышиб...

– S9, *они* взяли воздух шестой базы, прорвали воздух седьмой и восьмой.

– Весь север территорий Хантэрхайма!..

– Командные пункты подземных укреплений и центры системных управлений уничтожены.

Переходы стерты. Все по схеме.

– Связь еще есть?

– Сетевая – с автономных объектов третьего порядка.

– Это ненадолго...

- Подземная часть шестой базы блокирована.
- Плохо дело... Отступление мы с воздуха не прикроем – никто не уйдет. Базы отрезаны – по земле вряд ли кто-то отойти сможет.
- Никто не прорвется, S9. *Они* уже перебрасывают подземные штурмовые отряды.
- Перспектива у нас... Базы сдадим – считай, Хантэрхайм сдали. Отбивать будем. Что там с воздухом?
- Варианты действий рассчитаны, но в лучшем случае воздух будет наш через три часа.
- Три часа! Восьмая укрепленная база может и продержится, остальные – нет. Три часа – штурм, а дальше – зачистка!.. Черт! Отбивать будем! И все базы на генерале Гарте!
- Борг уже на шестой – она на нас.
- Три миллиона человек – рабочие! А техники там сколько – служебной!.. Илд там один долго подземную часть не удержит. Ничего, периметр сдадут – секторы заблокируют. Часа два точно есть...
- Заходить будем с пустой зоны за границей нашего воздуха. Уровень сложности А1.
- И где они – отряды А1 шестой армии? Не управимся же...
- Гарт оставил их в Хантэрхайме на случай осложнений.
- При себе оставил... Да... Быстро *они* нам отходы рубить стали... Разведка с воздуха?..
- Нет.
- Боец, давай энергоблоки!
- Айнер выбрасывает на пол упаковки с сахаром, заряжает португую зарядами.
- Заряжай все!
- Выкидываю сахар не без сожаления – понимаю, что всю шестую армию подняли, но сахар бросить не так просто... Даже не буду думать о том, что теперь придется таскать на себе вместо сахарных блоков столько зарядов.
- D40, следи за передачами. Хантэрхайм за горло взяли...
- Девятая база под лучевым ударом.
- Сигнал тревоги режет воздух на высокой частоте... От этого сердце колотится сильнее, чем от стимуляторов... Нет на свете более мерзкого звука, который моментально прогоняет все чувства и мысли. Он даже заглушает свист взлетающих истребителей.
- На мониторе транспорта координаты сборных пунктов...
- Грэн с Штрауба истребители снимает – все северные территории откроет... Что там?..
- Ждем, S9.
- Ком к горлу подступает. Боевой дух – это хорошо, но мы профессионалы. Идеи служат нам так же, как мы им – на равных, но не больше. Лесовский уже утром с жизнью распрощался – умный он, предусмотрительный, а мне впопыхах придется... Айнер сказал, что я не из тех везучих, которые даже понять не успеют, что умерли, – он прав. На это у меня опыта хватит, а вот на операцию А1... Такую операцию только люди S12 проведут. Мы не можем так быстро действовать на сознательном уровне – только на рефлекторном, на коротких связях. Вот лейтенант и покажет, на что способен, – он поведет. А если мы без командира останемся, без “защитников”, если связи не будет, – секунд за двадцать всех положат.
- Даже понять ничего толком не успел – только приказ о переводе пришел, и Штрауб скрыт за пеленой застывшего в безветрии снега – последнего снега. Транспорт тормозит, спускается под землю – ремни давят на плечи перегрузкой... Подземелья везде одинаковые, а дальше вечный ледник... Нет, Хантэрхайм не сдадут, но если проблему скоро не решат, долго он не простоит. А тогда шансов на победу у нас будет еще меньше...
- Это уже не война за земли – это война за жизни. Именно поэтому мы продержались так долго и еще держимся до сих пор. Стикк как-то сказал, что мы сцепили руки, чтобы обхватить наши крепости, наши жизни, – даже смерть не разомкнет их, не даст проходу врагу, потому что мы не отпустим и мертвых, не разожмем их рук. Сейчас сигнал тревоги разгоняет звенящий напряжением воздух, прокладывает нам путь ярким светом...
- S9, периметр сдали – блокируют секторы.
- Что с воздухом?

– Ничего. Ждем.

Ждем... Наземные части шестой армии под командованием генерала Гарта и непосредственно Центра *ждут* – нужно прикрытие с воздуха. Под *их* воздухом никто не перейдет границы укрепленной базы и никто их не покинет. У *них* данные воздушной разведки, *они* знают все о нашем расположении и блокируют все варианты перемещений. Если подземную часть базы захватят до того, как мы прорвем *их* воздух, – всех уничтожат... Штурм – это так, а зачистка – тотальная ликвидация. Зачистки только к сопротивлению применяются, но для *них* мы теперь все – повстанцы.

На Штрауб редко так налетают. Когда мы на *их* территориях воюем – это совсем другое. *Они* все с воздуха держат. Посты ставят лишь на особо важных объектах – больше контролируют сетями связи... А сейчас... только ком в горле...

Остановились на стоянке. На огромной подземной площади перед двумя параллельными открытыми тоннелями выстроились сотни легких транспортов. Они подходят, забирают пополнение – людей и технику наземных штурмовых отрядов АЗ... Прямые тоннели сияют от их огней...

Айнер выскочил из тормозящей машины и кинулся бегом в самый кашеворот. В голове уже прорисовались схемы расположения – бегу на второй пункт десятой роты. “Защитник” со мной пошел...

Лесовский уже здесь. Подошел к нему, он только молча на Стикка указал – Стикк снова взвод получил...

– Радуйся – ему теперь не до нас будет.

– Герф, а ты знаешь, кто у нас будет сержантом?

– Пока нет.

– Один из них...

– Из каких “них”?..

– Знаешь.

Посмотрел информацию на браслете – второе отделение первого взвода десятой роты...

– Унхай... Для него и я, и ты тоже – одни из “них”. Он давно с нами воюет – тут написано, что пару лет назад он за роту командование принимал... Подумай, что тогда было... Уверен, ему можно и жизнь, и долг доверить.

– “Золотому дракону”?..

– Да все мы воевали друг с другом когда-то. Правда, давно это было – не помнит никто уже, а тут...

– Они без запрещенных приемов под контроль нас брать могут.

– Это еще не известно.

– Да, потому что мы о них не знаем ничего.

– Хватит мозги мучить.

– А лейтенанта видел?..

– Идет вперед и напролом, но между путей.

– Как Стикк...

– Нет, Стикк идет обходными и перекрытыми... и не напролом – по скрытым проходам.

– Герф, Айнер S9 – он дефектный.

– Нашел время дерготне! Через пару минут и так нервы выдерут и к командиру напрямую подключат!

Редко меня Лесовский злит, а сейчас даже про ком в горле забыл! Андроид медслужбы уже перехватил мое запястье – стимуляторы колет...

– Да ты что?! Под такой дозой и руггер летать будет!

– Приказ – колоть предельную дозу.

От этой дряни сутками будем бегать – живыми или мертвыми... Уже начинаю чувствовать пульсирующую энергию, которая с каждым толчком сердца разливается по венам чуть ли ни сиянием. Тяжело ее сдерживать, но я проверяю оружие, заряды, схемы растяжек, карты... креплю защиту от мелких осколков и скользящих лучей... Теперь ждать... Нам не привыкать. Несмотря на

стимуляторы, сели с Лесовским у стены, чтобы энергию побережь. Знакомых людей и машин рядом нет. Тихо – только ровный гул шагов и транспорты гудят, расправляя крылья перед набором скорости и сводя их при выходе на скоростной полет...

С виду – порядок, вот только... взгляд невольно останавливает человек в черной шинели. Из подошедшей машины вышел полковник Скар. Переглянулись с Лесовским – угодили мы... Скар среди серых штурмовиков и светлых “защитников” в своей черной шинели, как обелиск, к которому не то из почтения, не то из страха никто и близко не подходит. Славу Скийела Скара, возглавляющего третий отдел шестого управления DIS Хантэрхайма, не перешибить никому. Центральное управление DIS после Пересмотра Задач возглавил генерал Верштект, но он так и не вышел из тени. Тишинский и есть – затемняющая его тень, правящая на севере... и не только на севере... А Скар – человек Тишинского... Скар – его офицер. Скар – олицетворение службы безопасности – холодное и жестокое. Этот человек S9 – машина. Лицо маска – слишком идеальное, слишком неживое. И глаза – пустые. Он не смотрит ни на что, рассматривая все, – не останавливает взгляда ни на чем в отдельности, видя все одновременно... Он наблюдает за нами, за нашими мыслями, за нашим оружием, за отходящими транспортами, виртуальными проекциями, светлыми коридорами и темными углами – даже за крысами, прячущимися где-то за панелями... При нем двое “защитников” и “спутник” – он всегда с эскортом ходит. Оно и понятно – он и сейчас был ранен... Никого еще не пытались убить так настойчиво, как его. Но похоже, что его восстановление еще не завершено, – его сняли. Если его отозвали, значит командование обеспокоено не только внешней угрозой – есть угроза внутренней безопасности. Сейчас трудно представить что-то страшнее... А Хантэрхайм в списках обозначен первым фактором риска.

Я как-то неосознанно не выпускаю Скара из поля зрения, как и все здесь... даже офицеров его присутствие напрягает. На севере с этим жестко. Недаром генерал Тишинский – правая рука Штольта. Но на деле над ним только верховный главнокомандующий системы и Центральный компьютер – даже в Центральном управлении DIS его власть неоспорима.

Стимуляторы берут верх над стойкой сдержанностью, сердце стучит, гоняя кровь вхолостую... Это от не примененной энергии мысли пошли не туда... Не обращаю внимания на развернутое киберпространство, активированные мониторы и информацию о продвижении шестой и седьмой армии... Даже Стикк забыл про его ядовитый задор – он серьезный и осунувшийся до того, что жуть нагоняет... Он Скара хорошо знает... И наш лейтенант, похоже, тоже... Айнер скривил рот, когда Скар наклонил голову, отметив его присутствие...

- С той стороны и сразу в бой, Айнер.
- А то как же? Долг зовет, времени нет!
- Стремительно вы из когтей смерти вырвались.
- Как и вы, Скар! Так стремительно, что следы этих когтей остались кровоточить ранами!
- Один такой тоннель пройден и оставлен позади. Но тот свет не померк за спиной – он опять слепит глаза с полной силой.
- Этот свет – Хантэрхайм. Он – конец этих тоннелей!
- Нам с вами воевать – не шутки шутить.
- И то верно! Еще и на двух фронтах!
- Но по одну сторону.
- Уже хорошо. Бывает бойцам враг поперек горла костью встает. И если уж мы эту кость без вашей помощи вышибить не сможем, постарайтесь там не доводить до тяжелой операции.
- Если будут применимы другие методы.
- Если нет, то извлечь эту кость нужно с хирургической точностью.
- Один враг – один спуск. Один спуск – один труп. Это правило действует и у нас, Айнер.
- Стрелок бьет по одной цели! Только по одной!
- По цели с его схемы.
- Нет ничего, кроме одной цели! И у нас, и у вас, Скар!
- У нас с вами один враг, но разные методы борьбы с ним. Вы уничтожаете его, мы – то, что ему помогает.

– Скар, летальный исход определен курсом полета, но обозначен только на посадочной площадке.

– Хорошо, векторы отклонений будут учтены. Но определенное направление всегда ведет к определенному пункту назначения.

– Истребитель не спишет до его крушения – до столкновения с землей он еще может выйти из пике.

– Договорились. Я буду помнить об этом.

– Теперь пора идти.

– Вижу, вы по мне еще не соскучились.

– Как же, Скар, больше суток вам отчеты не писал.

– Не торопитесь с этим, Айнер.

– Учту, но ждите страшной истории на ночь под моей подписью.

– Так скоро?

– Не так – этой ночи у нас не будет.

Как не подслушать, когда кто-то говорит вслух?.. И как это можно понимать?.. Друг или враг?.. Лесовский уставился в пол – думает... А я сразу понял, что не разберусь в том, что это значит. От шинели Айнера, метнувшейся за ним, рванул ветер, но он не тронул неподвижно стоящего черного офицера... Айнер встал перед ним без шлема, без защиты, в его задержанной ветром серой шинели, как перед плитой имен погибших... но на обоих его излучателях загружен ждущий режим, чтобы сбить намеченные надписи. И энергии ему на это хватит – на его плечах пристегнуты заряженные энергоблоками ремни и на портупее нет пустых отсеков. Он явно превышает нормы, но здесь этого никто не замечает...

– Стройся!

В голову лезут еще какие-то мысли – очень навязчивые, они стучат вместе с сердцем, проталкивающим по венам чистую энергию. Я очень хочу есть... Да, я ужасно хочу есть. От этого яркий свет, разливающийся по моему сознанию, притухает. Подошли наши транспорты... заходим, запускаем ремни. Вижу впереди огни другой машины... Огни... На переходе они цепью вышли в тоннель на шестую базу – свет сейчас летит только по одному направлению. В атмосфере зашкаливает напряжение. Я опять вижу огни впереди, сзади... Меня переполняет этот свет, как будто я его источник. Из-за перегрузки весь мир сжимается вокруг меня, и я не двигаюсь, чтобы не оттолкнуть его, чтобы он не разлетелся на куски от моей силы. То, что фиксирует взгляд, прочерчивается с ненормальной четкостью, а то, что остается в стороне, притирается какой-то блеклой смутностью. Это все стимуляторы – мне еще не кололи такие дозы...

Переход шестой базы открыт. Транспорт рванул вверх по шахте подъемника, притормозил – теперь он развел крылья, идет не быстро, в полуметре над плацем. Прыгаем вниз, на гладкие плиты, а он уже разворачивается... Пригибаясь под крылом, бежим на сборный пункт – машина поднимается, уходит, обдает нас холодным потоком и светом в спину... На подземном переходе мы перегруппируемся, а заходить с земли будем. Здесь командный пункт Борга, и его капитаны тоже здесь. Они останутся в бункере координаторами, как всегда при таких сложных операциях. Капитаны в нашей системе управления, как бы компьютеры третьего порядка, а мы – исполнители – что-то вроде контролируемой техники. Только техноотряды не имеют ведущих – они постоянно связаны друг с другом напрямую. Мы тоже на связи, но, скорее, в одностороннем порядке – ориентируется, думает и приказывает тот, кто ведет. Норвальда мы перед боем не увидим – на поднимающие дух речи времени нет.

Объявился наш новый сержант – сразу видно, что он сделан не на нашей технической базе (больше о нем узнать ничего не смог из-за защиты и полностью скрывающих лицо маски и шлема) ... Рассчитались, но все еще ждем... На этом огромном плаце мы замерли, как отключенная техника... Уже свернулись мониторы и киберпространство... Сержант смотрит на браслет...

– Слушай боевой приказ! Берем подземные части базы на высокой скорости – уровень сложности А1. Задача – пробить линии постов, освободить наших людей из заблокированных секторов и защищать до подхода основных сил. Заходить будем с земли – не с границы нашего

воздуха – с пустой зоны. Территории там зачищены. *Они* снимают стрелков с позиций, будут отводить наземную технику. Дестроеры откроют переход, отряды АЗ – минус второй уровень.

Сержант наклонил голову – время пошло – наше время. Подходят транспорты... Мир уже собирается в точку – стрелок, цель... Полетим очень быстро – мы на границе шестой базы, до пункта высадки три километра, и готовиться нужно заранее. Активировал маску и закрыл шлем – они сокращают обзор, но есть много вариантов зрения и поле для схем расположения. Мы обычно пользуемся ментальными схемами, но мало ли – пригодится... А главное – там наверху страшный мороз...

Я уже чувствую скорость, которую нам задавали только на тренировках, – ориентацию пока не теряю, но до этого недалеко. Если не успею сообразить, что надо делать, перейду под прямой контроль. Не терплю, когда мой разум в кулак берут, – трудно волю сдать, даже под запрещенными приемами. Сержант только передатчик. Айнер – ведущий. У него одного есть подтвержденный приказ на применение запрещенных приемов при сбое. При штурмах офицерам дают на то власть – это правило. Но его могут сменить “защитники” или взводные командиры... Машины полномочий не превышают. А Стикк мне хорошо знаком... Нет, не бывать этому – нужно действовать быстрее...

Транспорт резко затормозил, и сияние ударило по затемнителю – оно бьет по глазам, как будто на них нет защиты... Прыгаем на расчищенную площадку. Мороз зверский – с головой обдало сухим холодом. На долгое пребывание на мерзлой земле наша форма не рассчитана, и цепенею от холода. Чуть поодаль высадились бойцы восьмой и девятой роты Борга. Пока еще нас прикрывают – здесь граница нашего воздуха. Дальше – километр пустой зоны, незримой линии небесного фронта, – и мы в *их* радиус войдем. Маршрут уже прописан и зафиксирован на поле периферийного зрения... На нас – минус третий уровень – подземный город...

Рассчитались по отделениям. Теперь бегом... по широкой улице до площади. Наземная часть базы пострадала не сильно. На окраине зданий не так много, и они разрежены. Идем по зачищенной земле. *Их* стрелков в зоне фона нет, огневые точки за пределами зоны закрыты – наши дестроеры поставили блоки отражателей. Здесь нет *их* “разведчиков” – если есть ментальный сигнал, наши “защитники” уничтожают даже пыль. Растяжки на пути уже сняли. Наст крепкий – держит, только трудно на него выбраться, если провалишься. Осколки панелей не сильно отличаются от осколков разбитого ими льда... Под снегом, на снежном насте – везде обожженные трупы и корпуса машин, обломки сорвавшихся истребителей. Трудно с первого взгляда понять *наши* они или *чужие* – на всех эмблемы AVRГ. Изуродованная тяжелая техника сломана серых скал прорывается из-под растрескавшегося льда. Сейчас *они* отходят под прикрытие их воздуха, снимают стрелков. Наши наземные штурмовые отряды продвигаются на север...

Перешли границу пустой зоны – мы на ничьей земле. Прорывы будут совершены здесь. Над городом синее зарево. Уже смеркает, но шестая база Хантэрхайма блистает и переливается хрупким неживым светом... Воздух звенит, наполненный опадающими льдинками. Звук раздражает, но шлем подключает звукоизоляцию только при сильных шумовых помехах. Небо засвечено дневными звездами – там невидимые истребители Хантэрхайма, не бросающие на землю даже теней... Основную битву приняло это холодное небо... Его озарило северное сияние... или что-то похожее на него...

Запись №10 00 00 000 00:00

10. 04. 205 год Новой Техно-Эры 19:30

Проходим последние посты наземных подразделений армии Гарта. Дальше – только техника под командованием Центра. *Их* стрелки уже в радиусе фона, но блоки нас по-прежнему прикрывают. Уже виден переход – с него мы должны под землю уйти.

Как только зашли на наземную часть, остановились перехватить воздуху – тут его забирает мороз, нам не хватает, и дыхание перехватывает. Сержант схему скинул... От простого графика сердце сжалось – колотит, будто его свинцом заливают... Нас первыми бросают. Будем

продвигаться не параллельно с воздушной границей – по пустой зоне. Пройдем вперед по полосе столкновений и прорвем *их* линии. *Они* будут отходить, но нам предстоит... Сейчас сойдем в чертову бездну – трудно будет не пропасть на обрыве этой пропасти. Здесь бои не то, что на земле, – нет прикритий, нет пространства – одни бесконечные прямые коридоры... Вдохнул поглубже и посмотрел на Лесовского – он готов. Нам надлежит быть полностью настроенными друг на друга, чтобы действовать совершенно синхронно. Третье отделение подошло... Стикк ждет остальных.

– Первый взвод – на спуск!

Сокрытые врата разомкнуты, плиты перекрытий разобраны, щиты разбиты... Подъемники стоят, лестницы оплавлены – перебиты даже аварийные связи... Наши “разрушители” разблокировали закрытый нами перед осадой и загражденный врагом после осады переход. Спустились по нему до площадки технических секций. Здесь пусто – панели снесены, кабели свисают безвольными червями, и трубопровод разворотило на клыкастые обрубки. Оставили позади черные глыбы “разрушителей” на посту. Не остановились и на следующей площадке, где так же неподвижно встали дестроеры наших техноармий. Переход они взяли, и сделали это быстро, но теперь их силы замкнуты покоем – дальше, чтобы не разнести базу, действовать будем мы. На минус втором уровне одни штурмовики Борга. Они еще на периметр не вышли – там тихо, редкие удары белых огней почти не видны. Разрывы между уровнями большие – бегом – все вниз, и вниз по узкой шахте...

Перелезаем покореженные поручни – лестничные крепежи вздрагивают под нашими шагами. Пришлось пролететь пару пролетов без опоры... и снова поврежденный участок. Прыгаем в темноту... Под нами “поле замедлений”, нужно пройти по нему – управление движением требует крайней точности. Прорвать этот силовой барьер еще сложнее – ступени под ногами, но мы и шагу сделать не можем, хоть сопротивление и ослабело... Это “золотым драконам” – что прочная опора, что воздух и силовой барьер – все одно, они везде “летают”... Там просветление – значит платформа близко...

Мы уже в проеме обгорелых дверей – за разорванными мощным ударом и обглоданными синим огнем створами, за скрытыми во мгле глыбами “разрушителей”, загружающих пушки... Стикк с первым отделением ждет на площадке перед темной шахтой, уходящей ниже в подземку... Айнер с “защитниками” на плацу перехода – оттуда столбом рвется белый свет – они подход к вратам на периметр отбивают. Я чувствую ту энергию, которую скрывают офицеры подобных категорий и которую Айнер так щедро раздает нам. Подземный город уже открыли, но на третий уровень зайти сложно – он продуман под оборону, но если его захватили, туда так просто не попадешь...

Белый слепой мрак померк, последний лучевой разряд притух, рассыпавшись искрами... Схемы расположений четко проявились в сознании – теперь бегом по холодному переходному тоннелю... Объект полностью отключен. Свет перебивается, но еще есть. У срезанных врат подземного города стоят “защитники”. Айнер уже дезактивировал и снял маску – его мокрые волосы замерзают колючими иглами. Он мечется по пустой стоянке, бросает распоряжение за распоряжением... Сейчас периметр брать будем... Похоже, нет никакой разведки с воздуха – ориентироваться придется по ходу. Мы за километр знаем, где *их* стрелки, где посты, но широкие прямые тоннели отбить сложно – открыты огневые точки за пределами восприятия. Если у нас наводок с воздуха не будет...

– Берем периметр! Первый взвод – угловой отрезок! Ларс, на тебе западный коридор! Расчистишь – технику на посты, и на объект! Второй взвод – крайний сектор! Третий взвод – этот сектор! Йохан, первым пройдешь! Четвертый взвод – прикрытие! Владимир, людей на позиции! На точки выводы, как только от командира девятой роты наводки получишь! Они с центра на базу зайдут – слепых зон не будет! От схем не отклоняться! Из связи не выпадать! Продвижение до площади Власти!

Без вопросов... Владимир, командир четвертого взвода, бойцов ставит – на них сейчас огонь падет. Дальше третий взвод – его командир уже солдат строит... А за ними мы... Голова очищается, стимуляторы стучат в висках с удвоенной силой. Приказ Айнера пролетел по ментальной линии, как искра по запалу. Коротко вспыхнули лучевые потоки, затрещали разряды и затихло...

– Заходим!

Теперь наш черед. Бегом по гулкому плацу... *Они* в зоне фона – мы *их* “видим”... Подходим к воротам. Этот участок периметра зачищен, с угла огневые точки закрыты. Уже выставлены посты, “защитники” режут отражатели, закрывающие входы пограничных объектов... Третий взвод перегруппирован – сейчас бойцы в сектор зайдут...

Отражатель искрит за спиной – следующий, крайний, сектор открыт... Пошел второй взвод – бойцы ринулись во мрак за белым светом... Опустевший тоннель стал считать наши шаги отчетливей... Еще бы, нам выпал западный коридор – часть периметра со слепыми огневыми точками, с целой цепью... У *них* на нас наводки есть с ближайшего поста в зоне нашего фона, у нас – нет. Периметр брать – гиблое дело. Если уж *им* удалось его занять... Здесь у нас нет возможности поставить стрелков за пределами *их* восприятия – точки закрыты, так что Айнер ставит по три стрелка на цель – “защитники” прикрывают... Схемы простые, четкие... и убойные...

Бойцы вышли на огневые позиции – на несколько секунд и их, и весь коридор стер яркий свет. Короткий луч разбил первый блок. *Их* пост исчез со схемы... как и наши бойцы. Айнер переставил стрелков... Цель срезали – продвинулись... Дело пошло. Только пока мы *их* так вслепую бить будем, потеряем столько, что... *Они* поставили блоки так, что если откроют точки за пределами радиуса фона огнем, смогут незаметно перейти. На таком расстоянии на *них* излучатели по ментальной активности не навести – без наводки взять такую цель могут только “защитники”...

Здесь ни о каких раненных и речи нет – слишком высока скорость. Мертвых сразу накрывает зыбкое мерцание расщепителей. Командир сменил схемы... Стикк ими не доволен. Он зол на то, что Айнер людей ставит, когда можно – одни машины. Стикк сцепил за спиной руки и предстал перед Айнером со всей решимостью...

– Пора ставить технику, лейтенант.

– Не сейчас, Стикк!

По голове как ударило – мы люди Борга. Он подставил под удар нас – технику он использует только тогда, когда точно знает, что мы на задание не годны. При штурме это правильно. Боргу видней, что делать, но Стикк смотрит на ситуацию не только его глазами – он не отступит...

– Отдайте приказ, Айнер...

– Не сейчас! Мы должны стереть следующий пост – там *они* нас “видеть” не смогут!

– Они перейдут.

– Мы не дадим.

– Лейтенант, надо стереть не только этот пост – еще следующий...

– Нет, Стикк, мы технику в расход не пустим!

– Лейтенант, если не поставит технику, без разведки нам периметр не отбить!

– Отобьем! Здесь разведку провести невозможно!

– Над уровнем есть технический ход.

– Энергосистему перебьют и на периметре, и на подходе к секторам!

– Нужно идти не по ходу энергосистемы – по перекрытию, изолирующему базу. Эти пути защищены. И сигнал связи будет, хоть и с помехой.

– Они не учтены! Их не открыть! По ним никто не пройдет! Перекрытие отделено сплошной стеной короба базы и мощным излучением, разделено бездонной шахтой! Там, за стенами, одни распорки!

– К нему должны быть подходы – должно быть соединение! Мосты!

Айнер изменил схемы – мы замерли на месте... “защитники” отошли...

– Нам откроют ремонтные карты! Сделаешь?

– Так точно.

– А черт!.. Ломай стены, если надо! Мне нужны передатчики! Ставь каждые сто метров – тогда их разом уничтожить не смогут!

– Мне нужны бойцы! Один в поле не воин!

– Если он не воин!

– Один не справлюсь!

– Бери двух бойцов! Лучших бери! Унхай с тобой пойдет! Хорна забирай! Торопись! Мы ждать не можем!

– Не они! Герф, Влад! Со мной!

– Бери их! Но смотри, Стикк, ты мне и оттуда будешь виден!

Двинулись без промедлений – куда и зачем – думать некогда. Понеслись за командиром обратно на переход. Стикк на ходу сбрасывает защиту... Лесовский тоже решил, что это необходимо, и мне колебаться не пришлось... Бежим через плац к шахтам – вверх по той же лестнице... Дестроер с поста уже ждет на пролете, надрезанный и вырванный из стены люк лежит у его ног... Лесовский рванул в темноту за командиром... бегу следом по затянутому инеем переходному тоннелю... Дестроер вышиб двери – мы на периметре базы, над третьим уровнем, среди черных и желтых полос разметки и гаснущих пометок, предупреждающих, что энергообеспечение приостановлено из-за повреждений... Где-то здесь должен быть замурованный за стеной панелью люк – он обозначен на схеме. Лесовский уже активировал резак, но Стикк поднял руку...

– Стой, здесь не пройдем! Системные преобразователи и накопители слишком близко – рвануть могут, если без разбору резать станем!

Прикинул удаление и уже начал рассчитывать допустимую мощность лучей, но командир отменил...

– Нет, не здесь. Расчет времени на исходе – над бездной между стен такое расстояние не пройти.

Стикк думает – положил руку на пристегнутые к портуе блоки с “разведчиками”, но так и не разомкнул их. Эту технику запускать не следует... Проку здесь от нее не будет. И за стенами разведчикам-Н6 не пролететь – силовое поле распорок их задержит. Стикк посмотрел на карту и покачал головой...

– Надо двигать по ходу энергосистемы, пока сможем. За мной!

Сердце упало и затаилось где-то за ребрами, уцепившись за них холодными когтями... но отцеплять, поднимать и разгонять его некогда – бросился за командиром. Мое доверие – в таких ситуациях – он заслужил... Владу решимость далась трудней, скрип его зубов отчетливо слышен даже за нарастающим рокотом... Пробираюсь за Стикком по умолкшим трансформаторам, между обесточенными нервами, опавшими венами и остывшими артериями базы... стараюсь не слышать уже близкие раскаты... Стикк поднял руку – остановил нас...

– Стой! Мы в *их* зоне – они могут нас “видеть”. Просто так *им* коридор не пробить. Двигайтесь быстрее. Если кого-то снимут, не отходить. Живыми, мертвыми – мы должны эти передатчики поставить.

Точно, Стикк способен сделать это и мертвым – нашими руками, так что нам пора подтянуть нервы и собрать силы, чтобы опередить сигналы боли и вражеские расчеты наших передвижений. Нам предстоит поставить больше тридцати передатчиков, и большую часть из них сожгут... Низкие потолки и сжатые застенки тормозят... Здесь можно встать во весь рост, но постоянно приходится пригибаться под соединениями толстых кабелей... Свет фонарей дрожит, искрами под ногами ползут трещины – панели разошлись, осколки опадают куда-то вниз с проседающими плитами... Обратного пути нет. Третий передатчик прервал сигнал, шестой... и дальше по цепи – они пропадают... Но мы оставили позади и работающие блоки – связь уже не оборвать...

Скоро “увидим” второй пост... А трещины ползут за нами обрываясь провалами... Удары редкие... *Они* не разнесут энергосистемы целиком и сразу – просто не смогут. Но нас загнали: слева – стена короба, справа – закрытые секторы базы и *их* посты – уходить некуда. *Они* под нами, над нами... Нас разделяют какие-то шесть метров перекрытий и несколько секунд задержки... Это ненадолго – впереди горит синий свет, он плавит трубы нам под ноги. Ход обрублен. Кровь закипает – не то от дрожащего перед нами марева, не то от того, что этот палящий жар вплотную приближает бой... Бой с гиблым огнем – врага мы и не увидим... Но Стикк и не думает остановить нас!..

– Это здесь!

У наших сапог зашипел, изогнувшись, обугленный кабель... Мы стоим и смотрим на Стикка, потому что идти некуда... А он, надев его обычную издевательскую усмешку, стряхивает пепел с обгорелых ресниц... Что ж, прощай, командир... Но он, хоть уже едва различим за заревом пожара, прощать и не мыслит... Нет, он сжимает руки на раскаленном креплении упавшей трубы, отрывает

его и бьет по рухнувшей панели... Панель, расколовшись под ударом, открывает стенные плиты... Зарево не меркнет, жжет шею, расплзшись по ошейнику... А Стикк целенаправленно добивает эти осколки...

– Подключай резаки! Люки вышибай! Быстреей!

Никаких дверей здесь нет – только глухая стена, как и везде... Ничего похожего на люк не вижу – резак бьет коротким лучом по указанному шву наглухо запечатанной и запаянной стенной плиты... Мы стоим на месте, а пол уже искрит, рассыпаясь горячей пылью, расплавленными брызгами... волосы на затылке потрескивают... Готовлюсь прыгнуть в пробитую под ногами шахту или сгореть в пламени... Глупо это, но что еще делать?.. Стикк, похоже, решил поступить так же... он уже настроил оружие на предельную мощность... Мы примем бой...

Нет! Упали с Лесовским, как стояли, на раскаленное покрытие – нас накрыл свет, свист сорванных крепежей... разряд обдал грохотом и обломками стен... Люк выпал в черную пропасть, на грани которой замер наш командир... Это действительно двери – и они открыты... Стикк шагнул в глухой мрак – в свете фонарей только зыбкая дорожка моста над пустотой меж коробом и перекрытием базы – опорой, сдерживающей ледники... Лесовский уставился на покореженные шлюзы, как на двери карцера, – я схватил его за плечо и потащил в темноту...

Мы за стеной – за границей базы... Что-то гудит. Звук стал сильнее... Он уже нестерпим... За ним, за этим гулом, еще что-то – неслышное... Темнота бросает нас вверх и вниз, по сторонам... с огромной скоростью и резкими замедлениями... Пригнулись к мосту, чтобы не потерять ориентацию от мощных перебойных полей... Ползу к перекрытию на ощупь, с закрытыми глазами... Но Стикк мне ходу не дает – так и стоит на этом летающем мосту с зажженным прожектором, режет световым потоком ничто... Дернул его вниз, как только пальцы сцепились на его зеркальных сапогах... Мы полетели куда-то вверх, но мост еще где-то здесь, под коленом... Что-то накрыло нас светом, что-то блеснуло и зависло перед глазами – осколки... они не падают... А мы...

Лесовский... Он где-то рядом... Он спустил энергоблок – снес последнюю преграду... Проход открыт... Перекрытие – открыто. Я вижу узкое ущелье тьмы меж его стенами, скрепленное мощными распорками и полями. Оно впереди... оно близко. Это последняя ступень защиты базы – дальше только мороз, прессующий льды... Но что-то держит нас меж коробом и перекрытием, по которому нам так нужно пройти... Что-то давит извне и изнутри, не дает ступить... И что-то мутит разум... Это все из-за силовых полей, нарушающих проводимость сигналов... Здесь, меж коробом и перекрытием, именно такое поле – это не просто распор, но еще и изолятор...

Стикк должен был брать не нас – здесь ему нужны “драконы”, они пройдут... Нет, они были и могут быть... врагами... А мы... должны быть сильней. Я поднимаюсь... с невероятным усилием... Но это усилие отзывается резкостью – будто все сопротивление исчезает так же быстро, как появляется... Плечи насаживают застывшие, как блеклые маяки, осколки... От того, что я встал так резко, они с силой впились мне в руки. Отдвигаю их руками – они почти не отлетают. Это поле будто держит их... Это действуют полярные излучения – здесь идет постоянное переключение полярностей... Навожусь, сбиваю осколки короткими разрядами один за другим... но лучи не раскалывают – только разбрасывают их... Надо целить центральной...

Я спускаю луч и... Каленая, обожженная, выстуженная ненависть, просто ко всему, заполняет черные дыры, рвущие сознание... Но что-то... Что-то бьет по голове – зло и с напором... Черные дыры съезжились и сжались в кулаках офицера S9... Айнер... Он нас “видит”!.. Нет, это не позор – это хуже!.. Схватил Стикка за ворот и дернул изо всех сил... но он так и не сошел с места, не остановил на мне блуждающий взгляд. Ему нужно врезать, чтоб он... Лесовский перебил мою, занесенную для удара, руку... Он перехватил мою руку, занесенную и для следующего удара... Я вскинул на него взгляд...

– Отпусти! Влад!

– Идем! Просто идем!

– Я его не оставлю!

– Времени нет! Аварийные блокировки подключены!

Влад... Не понравилось мне, как его глаза разгорелись... С ним тоже что-то не то...

– Так он быстро вспомнит, что надо делать – тогда пойдем! Отпусти!

– Объект нас здесь запрет! Брось его!

– Нет! Нет, Влад!

– Он приказал!

– Нет! Не мешай мне! Я все равно не оставлю его! Не мешай мне!

Отчаянье расплозлось по моему фону... Я едва сопротивляюсь той тупой ненависти ко всему и страху перед всем... А Стикк все стоит, блуждая выгоревшим под жесткими лучами взглядом по пустой темноте... Нет... Стикк с трудом включил мозги – с таким же трудом он сдержал порыв, но не врезал мне за мои мысленные побои упором излучателя... Поступок достойный командира... Теперь Лесовский... Что-то не то с ним – совсем не то... Где-то за его глазами горит синий огонь – то лазурный, то... это, прям, ультрамарин... яркий... ненормально яркий и горячий... Будто что-то выжигает его глаза – что-то, дающее свету ненормальное отражение и преломление...

– Закрой глаза!.. Не смотри!.. Защищай глаза! Это излучение!

Стикк зажал ему глаза ладонью и потащил к темному проему дверей, у которых мерцают осколочные звезды. Здесь нет наших созвездий... Не нашел ни одной знакомой звезды... это моя ошибка... Обломки расположены не правильно. Рассчитываю их траектории, спускаю луч – теперь надо переставить осколки, и будет Большая Медведица. А полярных звезд не должно быть так много... А это вообще не звезды – это скингеры глядят... Нет, просто, помехи путают мысли...

Айнер устроил нам ментальную порку – разогнал всю муть... Бежим от него, от врага, от окружающей нас скверной мути – просто бежим... Уже щелкают переключатели в голове – мозг проводит стыковку координат пространства и времени... Объект сводит стены – он поврежден и не видит нас – сейчас затворы намертво замкнут вход... Последний рывок!.. И мы вырвались из полей – прошли мост между коробом и перекрытием!.. Полюсы будто переместились... Мы больше не парим – стоим на ногах... Непроницаемый мрак лязгнул где-то за спиной – это сошлись распорки перекрытия... Мы меж его стенами – мы заперты меж ними...

Бежим за командиром среди распорок, по тонкому мосту без поручней. Опоры редкие, и мост вздрагивает с каждым тяжелым шагом. Только на нем останавливается свет – больше ничего не видно. Ставим передатчики прямо на мостовых перекладинах, в полной темноте, в немой тишине... Только сейчас понял, что здесь нет звуков – никаких... Нас оглушил взрывной грохот, но не так, чтобы не услышать этой поглощающей тишины иных силовых полей... Это похоже на снежные вершины западных укреплений Штрауба – до вольной одури просторно, высоко и нечем дышать... Стикк был прав – здесь мы не достигаемы для *их* лучей. *Их* штурмовики остались где-то там, так далеко... *Они* в эту пустоту не полезут – лишь мы без мощной защиты способны преодолеть и подземную, и небесную бездну... Стикк остановился посреди этой лунной дорожки и вперился мне в душу светлыми глазами...

– *Они* не здесь только потому, что на это у них нет времени. И у нас его больше нет. Нас отзывают. Айнер не может ждать – будет силой брать.

– Без разведки...

– Стони одурь!

– Но мы почти дошли до...

– Это приказ! Мы прошли зону первого сектора – ему этого достаточно.

– Одного сектора.

– Уходим!

Больше нет времени... А мост уходит в темноту впереди так же, как и его невидимые пока перекрестки... Нет времени, чтобы пройти по ним... Мы должны исполнить боевой приказ – не бездумно, с пониманием, но и без лишних раздумий. Стикк перехватил мой взгляд...

– Не смотри, боец, – пути есть даже здесь, но идти по ним некуда. Промедление спишет сотни жизней. А сколько спасет – мы не знаем. На третий уровень!

Минуты спрессовались обратно из вечности. Когда мы вышли из силовых полей, и они перестали действовать заморозкой, ожоги врезались в мысли каленым железом. Но это прошло, как только на засвеченном периметре сгнули павшие бойцы и обозначились наши цели.

Пост впереди так просто мы не снимем – под таким натиском *их* штурмовики бьют с закрытых позиций. Айнер продвинул технику. “Защитники” установили и подключили щиты на месте разбитых. Теперь и у нас есть невидимые врагу огневые точки. Позиции мы укрепили, точно определили расстановку сил и усилили напор... Но мерцание расщепителей продолжает накрывать тех, кто даже не успел упасть...

Тоннель частично перекрыт, нас с Лесовским прикрывают его опоры – пробираемся к первому блоку первого огневого рубежа... Мы уже “видимы” врагу. Мысли уже вытеснены предельной концентрацией – готовлюсь стать машиной, выйти на линию огня, на огневую точку...

Не успели занять позиции, как что-то сбилось... Схемы меняют... Стикк отключил шлем и затемнители, открыл искаженное судорогой лицо – защитные пластины сошлись тонкой линией на челюсти, подчеркнули эту ломку... с ним такое бывает, когда хуже некуда.

– Командир! Нет подтверждений!

– К черту! Времени нет! Отводи!

Стикк стрелков снимает... Он дал нам отмашку и побежал следом... Бросаем блоки... “Защитники” идут за нами... Но одного из них Айнер оставил...

– Быстро! Отходим!

Лейтенант бросил излучатель, сорвал энергоблок... Да что он делает!? Лесовский толкнул меня – лицом в пол... Белый свет... Срываются панели, по перекрытиям расплзается сухой треск... Где-то далеко рушится тоннель. Нас на пределе слышимости накрывает звон разрывающейся обшивки... Вырвавшийся из-за угла раскаленный воздух обдаёт жаром, осколки бьются о стены...

– Чисто! Встали! Пошли!

У меня руки дрожат... Нам повезло, что тоннель выдержал. Это запрещено... Дестроеры под землей мощные пушки не применяют... А это... И это – запрещено... Нас убьет наш же лейтенант... Я слышу, как колотит сердце... Поднимаюсь из тучи пыли... Мы взяли периметр... Пусть просто завалили его часть, но отрезок наш!.. Так быстро!..

– Пошли!

На периметре оставили посты, дестроеры поставили тяжелые щиты и лучевые барьеры – на полу растянулись их тонкие подсвеченные полосы... Под резаком искрит отражатель... Сейчас зайдем на объект. *Они* обычно с двух рук огонь ведут... Мы их холодному разуму не соперники – офицеры могут управлять столькими потоками на такой скорости – мы – нет. Айнер ставит по два стрелка на цель – это дает нам определенное преимущество. Но я открыт, если Влад лучи не перебьет. “Защитники” за нами – на них посты второй огневой линии...

Расколотый отражатель распался – за воротами сектора проявились прямые широкие улицы с высокими сводами. Беру наводку, выхожу на точку – спуск... Свет ударил по затемнителю еще до того, как с гулким звоном упали на пол зеркальные обломки... Цель срезали.

С такой концентрацией я могу действовать очень быстро только полностью отключаясь от всего остального – есть сигналы, схемы, цели, и больше ничего. Рад, что нас ставят с Владом. Лесовскому я доверяю целиком и полностью – он еще ни разу не подводил. Хорошо мы с ним сработались – у нас в распоряжении доли секунды, и от синхронности наших действий зависят не только *наши* жизни.

На схемах идет перемещение – *они* меняют позиции. Пропускают нас... *Они* отошли на границы зоны ментальной активности – теперь сигнал сбит... “Защитники” продвинулись первыми... стерли светом и улицы, и постройки...

– Пошли! Точки закрыты! Проскочим объект, пока *они* не перешли!

Испарина, успевшая высохнуть, снова проступила на висках. Заходим в сектор – и бегом... После остановки светового потока стало еще темнее... Но по схеме и скану удалось четко различить дорогу... Этого достаточно, чтобы уяснить, как плохо наше дело обстоит... Не понимаю, что Айнер задумал. Если мы прорвем линии обороны таким образом – если просто пролетим по ним, не расчистим пути... Мы оставим врага за спиной!..

Дошли до перекрестка, заходим на объект. Сержант ведет – за сканами мы следить уже не успеваем. Есть ментальный сигнал... Переходим по схеме. Меня прикрывает сколотый блок. Ошейник скидывает координаты ментальной активности – навожусь, выхожу на точку, спускаю

луч – и снова бегом... Айнер прописал на схеме посты – ставит технику, чтобы нас прикрыть. Это здание – центральный корпус. Обыскиваем его быстро – двери оплавлены, оборудование снесено – людей здесь нет, никого. *Они* даже трупы расщепить успели.

Те точки, которые сейчас закрыты, не зачищаем – просто убираем те, с которых нам мешают пройти. Думаю, мы продвинулись так далеко и быстро только потому, что сопротивление было низким. Но объекты нам не сдают – нас бьют по одному и пропускают. Рисуем – *они* могут перейти и заблокировать нас, ударить сзади, со всех сторон. Скорость перемещений и предполагаемые огневые позиции учтены, но... Я вообще не ориентируюсь.

Мы прошли уже достаточно далеко, но не нашли даже мертвецов. Похоже, здесь все объекты зачищены. У нас времени все меньше... А впереди сложный участок – периметр площади. Подходы преграждены подпирающими потолки корпусами техцентра... Они просели, как подорванные скалы. Каркасы частично оголены, но крепкие стены еще смотрят на нас потухшими узкими бойницами – скоро из них полыхнет огонь. Площадь Власти нам не отдадут.

Берем техцентр – первый корпус. Бьем по фронту... “Защитники” уже вышли на дорогу... Они стерли открытые огневые точки вне зоны фона и остались на позициях. Они ждут очередной схватки – столкновение неизбежно. Иначе взводу не пройти. *Их* штурмовики скоро перейдут и возьмут под контроль улицу, если мы не оставим технику. Первое отделение пошло. Теперь мы. Перебегаем дорогу под огнем...

Краем глаза увидел далекое синее зарево орудий наших “разрушителей” – они идут за нами, берут объекты, через которые мы пробилась по-черному. Мы совершили такие стремительные прорывы, что не убрали вражескую технику из покинутых нами проходных зданий... Сейчас враг штурмует расчищенные нами пути, которые теперь только наши дестроеры и держат. Это у них там надолго...

Заходим в техцентр... Никто не успевает прописывать на схемах векторы. Мы с Лесовским полностью сосредоточились на скане, чтобы не пропустить огневую точку. Пробрались по заваленному аппаратурой отделу квантовой сборки... Темный коридор пуст... Надо быть осторожней – за сколом стены мы будем открыты с двух позиций.

К нам примкнул наш стрелок – Нор. Пока он хищнически крадется за нами – потом сделает резкий бросок вперед. Эту его замашку я уже давно заметил. Нелегко под него скорость подстроить, но бьет он без промаху... Цели закрыты... Считаю шаги – здесь. Нор рванул на огневую точку, отбросил нас на перехват лучей... На исходе полыхнул свет, луч прорезал его слепящей чертой... Но те потоки, что невидимы нам, уже врезались распадом в систему их жертвы...

Ответный огонь оборвало тишиной. Было касание – прошло по плечу... Неживое потрескивание долетело чуть позже. Это ерунда – огонь уже позади... Мы припали к стене, отпустили затаенное дыхание... Ментальной активности нет... но...

– Стой! Нор! Еще есть слабый сигнал!

Черт!.. Нор!.. Это промах!.. Он оставил машину подключенной!.. Андроид проведет перезагрузку!..

– Герф, ты мне помешал!

Нор зашипел, как обугленный кабель, изогнувшись, словно бешеный зверь... будто и не человек... Он невменяем – ему “медвежья шкура” в пору...

– Нор, да какого черта ты делаешь?! Этот мой был!

– За схемой следи! Так Айнер решил – он мне обоих отдал.

– Не было этого!

– Он быстро графики перестраивает! Здесь приостановок нет! Пошли! Проверить надо!

Лесовский устремил на меня тревожный взгляд его ненормально синих глаз. Началось – мы отстаем. А дальше – хуже... Похоже, мы схватили жесткие лучи где-то между полей за стенами. Это не так страшно, потому что проявилось не сразу – облучились не сильно. Плохо, что нам все тяжелее дышать. Здесь вентиляции почти нет – оборудование, нагнетающее воздух, сломано. Нужны стимуляторы... но теперь нам их колоть не будут.

Нор прожег корпус машины белым лучом – это серьезное повреждение. Андроид стоит, опустив руки – систему он уже точно стер.

– Порядок. Он не работает.

Лесовский уже направился к выходу... Но Нор оттеснил его... Подобравшись ближе, он резанул коротким разрядом этой вырубленной машине по голове, по шее...

– Этих нельзя бросать так, с целыми мозгами.

Напоследок он прицельно пробил центры связи и ориентации...

– Нор, это еще зачем? Без системы они ничего не могут.

– Могут.

Сощуренные глаза Нора блеснули за поблекшим затемнителем. Влад держит оборону, но уже скалит душу – скоро в наступление перейдет. Не дело это. Таких не клинком – щитом – отбрасывать надо. Так сильнейший поступает. Не то Нор соперника почует. С ним все ясно – Айнер его на лучи не просто так кидает, есть за что.

– Центр не берет подбитую технику под прямое управление.

– Никто точно не знает. Айнер голову снимет, если мы *их* “защитника” так оставим.

Пока мы бродили кругом у изуродованного корпуса технической боевой единицы первого порядка, проявились новые схемы – на огневые точки не выходим... Дестроеры продвинулись – сейчас идут за нами. Они способны прикрыть нам тылы, но люди занимают позиции... чтобы придержать захваченный корпус... Похоже, будем стоять здесь – в руинах одного из зеркально расположенных зданий, выходящих на постройки внешнего периметра площади, и ждать. А времени нет... Что дальше – не знаю... Техцентр еще не наш. Мы заняли его западную часть, но восточную отбить будет трудно – на это уйдет не меньше тридцати минут... А впереди площадь и огромный машиностроительный завод – с воздуха по нему не били – там люди, они еще удерживают этот объект. А за ним центры разработок высших технологий. Там остались ценные специалисты – командиры не обрекут их на погибель...

Айнер призвал нас... К нему уже стянулись “защитники”... Напряжение зашкалило... Связь с командными пунктами вроде есть, но идут помехи – передатчики слишком далеко.

– *Их* стрелки по всему периметру. Но площадь нужно пройти как можно быстрее!

Стикк отключил шлем – сейчас покажет ядовитые зубы... как бы Айнер ему их не выбил...

– Лейтенант, скоро третий взвод подойдет – правый фланг расчистит.

– Ждать не будем!

– Мы не сможем зачистить второй корпус.

– Кто сказал, что мы его зачищать будем?!

– Так на схеме прописано.

– Стикк, смотри на мои схемы!

– Это невозможно. Нам дорогу не пробить.

– Сделаем.

– Если мы уберем *их* технику с внутренних границ, но оставим на внешних, – нас кольцом замкнут, как только мы на плац выйдем.

– Не смогут! Этот отрезок наш – с него мы эти железки вышибем.

– Противник с тыла ударит.

– Мы его опередим! Перебьем *их* машины, как только внутренний периметр площади захватим, – через постройки пройдем. И объект взят!

– На три минуты.

– И этого хватит. Держать объект с *их* точек будем. На завод зайдем до того, как *они* перейдут.

– *Они* нас заблокируют.

– Нет, Стикк, – не смогут.

Стикк побледнел до предела – он прекрасно понимает то, чего не понимаю я. В голове прорисовались схемы – теперь и до меня дошло. Айнер нас под удар подставит!.. Он поставил весь взвод на свои простые до идиотизма расчеты! “Защитники” думают. Значит, они не считают план неприемлемым. Обычно машины рассчитывают проходящие через сознание бесчисленными призраками виртуальные бои. Но так поступают не только наши машины. “Защитники” не будут

применять сложные тактические ходы – их учет и противник... Да и нам теперь не до этого. Они примут решение Айнера... Единственный расчет тут на прямолинейную наглость. Но если сработает... Бывает так, что подвох действует лишь из-за его примитивности. О том, что мы заведомо пойдем на промах, бросим наши жизни на клинки просто так, враги будут думать последним делом. Но и наш командир должен думать об этом последним!..

Айнер всматривается нам в глаза, оценивает наше чертово отделение – то, что от него осталось...

– Алексей! Владислав! Герфрид! Норглан! Соргфйел! Хорнкйенг! Цзан! Ко мне!

Названные, мы подходим к Айнеру...

– Унхай, вместо погибших технику бери!..

Уже троих стрелков из нашего отделения срезали... Они пришли с пополнением, как и мы... Но те, кто здесь уже годами воюет, – остались в строю... Это доказывает, что и к этой скорости можно привыкнуть. Схемы расположения теперь вполне оформлены – тем и ужасны. Главное, если врагом будут учтены ходы за пределами этой плоскости, – их не будет. Из-за этого мы выиграем по времени, но... мы проиграем бой...

– Берем объект! Бьем по фронту – по западному участку! Первое отделение – на позиции! На огневые точки не выходить – ждать приказа!

Не одному Айнеру покой неведом – Стикку так же порой крышу сносит. Тогда они оба поступают как знают. Только Айнер бросает нас черт знает на что, а Стикк делает все, чтобы он нас к этому черту не послал.

– Мы потеряем людей, лейтенант.

– На технике подходы! Части внешних и внутренних заграждающих строений разделены замкнутыми коридорами. На внутренний периметр не через здание – с дороги заходить будем. Дорогу “защитники” расчищают! Ударом по внешнему периметру – снимают угловую точку восточной части! На другом расположении стирают угловую точку второго корпуса техцентра! С перекрестка – берут две точки на внутреннем периметре! И держат позиции! Противник переходить будет!

– Если мы не пустим в ход резервную технику, при штурме погибнут бойцы.

– “Защитники” на плац посланы – они первыми на прорыв пойдут.

– Но остальные машины простаивают.

– Стикк!.. Если их уничтожат сейчас, сменить их после будет нечем!

– Так точно.

– “Защитники” зачищают фронт внутренних строений и открытые боковые зоны! Мы с тобой за ними идем! На тех, кого назвал, – боковые закрытые зоны площади. Унхай, Алексей, Хорн, Цзан – восток. Влад, Герф, Нор, Сорг – запад. Идете за техникой! Путь под перекрестным огнем проложите! Тыл внутреннего периметра на машинах. “Защитники” берут пересекающие площадь дороги. Бойцам с позиций не сходить, пока мы на объект не зайдем! Первое отделение – на прикрытии! Бросать позиции по приказу – как только остальные пройдут, займут объект! После зачистки ставить посты! Держать объект! Отведем технику – *они* нас зажмут! Но без команды в бой не вступать! Действуем по схеме! На прорыв!

Стикк больше ни слова не скажет – он получил приказ. За бойницами окон уже полыхнул свет... Наш сержант выглядит спокойным, но я вижу, как он сжат, подобран. Он ничего не говорит – он давно с Айнером воюет, не спорит. Это Стикк без этого жить не может. А Унхай с выдержкой машины перезаряжает излучатель... Прорисовалась новая схема: сложнее начальной, с векторами движений – это схема Норвальда. Он одобряет действия Айнера... даже Борг коррективы не внес. Сейчас время дороже наших жизней. Площадь мы больше трех минут не удержим, но цель не держать ее, а как можно скорее пробиться на завод. А там и третий взвод подойдет...

– D40 – двое на позиции. Пошли!

“Защитники” вышли из прикрытий... С дороги запад-восток резко рванул синий свет... Теперь тихо... За ними еще двое – и снова свет... Нас заливают сияние... С ним пропадают угловые огневые точки – и те, что на северной дороге, и на внутреннем периметре... Значит наши машины уже на перекрестке... Не знаю, как они оружием с такой скоростью управляют... Слышу, как

падают откуда-то с высоты стенные плиты... Можно считать, передние стороны зданий внутреннего периметра площади зачищены... Теперь пора и нам...

– Пошли!

Разделились на две группы. Перебегаем улицу – здесь нас прикрывают углы зданий по периметру площади. Айнер с нами – он впереди с “защитниками”. Не могу проследить их стремительные выпады... Они режут с двух рук – с одной руки перебивают лучи... D40 берут и по две цели сразу. Их стрелки исчезают со схем.

Площадь – вытянутый прямоугольник... Здесь мы и подставлены... D40 перевели огонь на боковые зоны. Выходим на огневые линии – точки открыты...

Навожусь на центр ментальной активности – луч – снимаю цель. Двигаюсь очень быстро, но лучевые кресты зажимают меня со всех сторон. Мощные разряды дробят стены... Нас посыпает осколками... Есть сигнал... Айнер проводит перестановку... Что-то бьет мне в грудь с твердым железным лязгом... Под ударом трещит “доспех” – падаю на спину... Свет бьет в глаза!.. Шлем рассекло...

– Чисто! Перезаряжай!

Кто-то держит мое плечо... Захват ослаб – Айнер отпустил мою руку, больше не прижимает к полу... Он отразил разряд... уничтожил моего противника... Было перемещение... Но я не смог его проследить... понять, что произошло...

– Перезаряжай.

Мы на местах. “Защитники” зачищают строения по внутреннему периметру... Те, которые остались на подходах к площади, открыли огонь... И затихло... Бойцы прошли площадь... вышли на точки, расположенные по внешнему периметру, через корпуса – иногда за оконными проемами – тускло мерцает блуждающий в коридорах и на их стыках свет. Там их стрелков не так много – дело на несколько секунд. Но Айнеру нужно составить и перестроить схемы по новым данным – это задержит нас здесь дольше. Да и третий взвод к сборному пункту подходит...

– Три минуты отдышаться! Здесь воздух наш! Есть наводки разведчиков! А там – рывок по пустой зоне!

Лейтенант закрыл нашу ментальную линию – он собирает “защитников”... В моей голове пронеслись и зафиксировались схемы наших постов... Нас с Лесовским на них пока еще нет. Влад стоит, прислонившись к стене... Присоединяюсь к нему. Его еще озноб колотит – перед боем Айнер нам устроил мощный выброс энергии.

– Ранен?

– Нет, Герф... Похоже, что нет. Только в голове плывет после ускорений.

– Это все стимуляторы и жесткое излучение...

– Да разберешь теперь...

Начинаю понимать, что мы еще живы, только сейчас, когда появилось время осмотреть площадь... Андроиды стягивают регенераторами тяжелые раны – тем бойцам, которые еще смогут встать в строй... Тех, кто едва дышит, добивают сержанты... Мы на этой операции не один раз подставлены были – уцелели лишь по воле судьбы, вернее – Айнера. На этом поле битвы нет мест ни случайности, ни неизбежности – стечение обстоятельств расчерчено на чертежах, на них рассчитаны и погрешности. Айнер решает нашу участь наряду с врагом – так же ломает через колено, только его перелом по другую сторону. И планы противника, и наши промахи были им учтены. Он знал, что делать, если мы с Лесовским скорость сбросим при резком перебое... Он отвел удар – и не переложил схватку на плечи нашей несокрушимой техники... Этот офицер контролирует бой на каждой ступени. И пока еще наши потери не так велики – у нас остались “защитники”. По ходу сложной операции мы не пустили в расход нашу технику. Но мы в ловушке – скоро нас в кольцо возьмут. Чтобы не думать об этом, перезаряжаю энергоблок – он почти пустой... Буду считать, что Айнер знает, что делать и на этот раз.

– Нам недалеко было под расщепители лечь...

– Не успел заметить, что там случилось... А ты, Герф, видел?..

– Нет. Пропустил схему. У них посты были – там, где обычно коридоры стыкуют. Они перешли. Мою цель Айнер сбил. Он нас, как крыс, с огневой линии отбросил и лучи отбил.

– Точно, но и с толку сбил нас он – этой схемой. Он S9... Не должен офицер S9 так близко с нами воевать. Никогда мы его не догоним.

– При крайнем старании хоть не отстанем. Не вровень, так за ним пойдем.

– Делать нечего...

– По мне он – лучший командир из тех, что у нас были. Он постоянно думает – и о системе, и о войне, и о нас – о каждом бойце, машине. Таких больше нет.

– Герф, что-то холодает здесь быстро, и воздух будто перекрыт...

– Ничего в этом чертовом подземелье не работает.

– Ночью такая морозилка будет.

– Мы еще не на поверхности...

Влад отстегнул флягу... Пить хочется ужасно... и есть. Краем глаза уже вижу поджаренную корочку бифштекса, чувствую аромат подливки, пусть синтетического, рассыпчатого риса, ощущаю еще теплую мягкую булочку, сжатую в примерзшей к излучателю руке, и вместо пыли на зубах хрустит салат из свежих клубней... Но про столовую нам здесь и думать не дадут... Айнер идет к нам...

– На пост! Схему пропустили! Запрещено ментальный канал в личных целях во время проведения боевых операций использовать! У вас штрафные вычеты будут! Обоим выговор впишу!

– Так точно.

Лейтенант указал нам дулом излучателя на угол здания, ограничивающего площадь с севера, северо-запада. Там на контроле трое наших – Нор, Сорг и Хорн... Вот и все, что от отделения осталось... Да и то, Нор, вроде, уже за предел зашел – каждое его движение ненормальной быстротой и резкостью выпадает, будто его на бой бросает что-то, что сильнее него. А Сорг и вовсе на последнем издыхании – еще один шаг его замертво свалит. Сменили их, но они не ушли – припали к стене тут же на месте, не разжимая заостренных рук на остывшем оружии. Хорнкйенг пост Унхаю сдал и отошел подальше – он единственный здесь спокоен до того, что его улыбку не дергают судороги. Ясно, почему его из роты лучшим считают...

Айнер поставил нас на охрану тупиковой дороги и вернулся в центр площади – сел на пьедестал вместо дезактивированного постамент. Призрак генерала Веровского на крыле поверженного С499 еще мерцает у него за спиной на остатках резервной энергии. Рядом с Айнером застыл его “спутник”... Все как-то намертво затихло. Влад всматривается в пустые бойницы зданий, в тяжелый сумрак, нависший над улицей, упирающейся в щит заблокированных секторных врат. Отсюда не открываются огневые точки за пределами восприятия, и “защитники” наготове... А Влад все равно вглядывается в пустые окна...

– Ни бой, ни стимуляторы – ничто этот чертов голод не отбивает... Есть хочу ужасно – не могу больше.

– Не судьба тебе... За это, Герф, Стикка благодари.

– Да он тоже голодный... У него на завтрак одни насмешки надо мной были. Не уверен, что он их ест...

– Он питается духовной пищей.

Мы посылаем короткие мысли, чтобы не утратить сосредоточенность и не пропустить схемы командира. Но эти сигналы необходимы – слишком жесткий стимул нам задали последней дозой. Если не бежать, можно просто отрубиться – заснуть с открытыми глазами от того, что сердце попусту гонит кровь на высоких оборотах.

– Как думаешь, почему *они* еще не отошли? Понятно, что это уже наше поле – *они* уже все просчитали.

– Постараются перебить всех, кого смогут, и отойдут. Рано еще.

Влад так и не повернулся... смотрит на улицу. На нас давит тяжелое ожидание. Это застойное время растянулось от считанных секунд до бесконечности... Хоть я ужасно вымотался, и ноги уже ноют от нагрузки, мне трудно выдержать бездейственное напряжение. Уже мерещится яркий свет на периферии зрения. Скоро *они* перейдут...

Нас не сменили – только усилили пост. Но даже после минутного отдыха, выпавшего каждому, соображаем мы лучше. *Они* приблизились, обозначились на схемах за пределами зоны фона, но нас

на этих графиках еще не переставили. Ко мне подошел “спутник” Айнера – отозвал и вручил мне целый шлем. На шлеме еще высвечен номер убитого... Одеваю и активирую его – теперь он мой.

Айнер встал за спиной машины... Не может он на месте сидеть – у него просто спина болит...

– Помни, боец, что личное – это еще не собственное.

– Так точно.

Не привыкать – я и личный номер получил от убитого бойца, на место которого меня распределили. У нас нет ничего собственного... Имена – характеристики и только... Личное оружие, снаряжение – это принадлежит системе, как и мы... То, что принадлежит всем, не принадлежит никому – так говорит Стикк. А я уверен, что общее – это общее. А общее принадлежит всем вместе и каждому отдельно, но только – отчасти. Айнер подтвердил мои мысли кивком и скривил тонкий рот...

– Да, Герф, и жизнь тебе дали в личное пользование – право на собственность закреплено за вооруженными силами AVRГ, за армией. Это правило системы. Мы бы слишком берегли жизнь, если бы она принадлежала только нам, и совсем не дорожили бы ей, если бы она была полностью чужой.

Мороз пробежал по коже – так каждый раз, когда кто-то из офицеров мне в голову проникает. Они к этому привыкают и уже не замечают, что читают – закрытые мысли. Но у Айнера, похоже, привычки под контролем – уж очень ехидно он рот кривит...

– Не читаю я твои мысли. Ты мне и без них насквозь виден. Понял?

– Так точно.

Правда это, но поверить трудно... Из-за этого Лесовский высших офицеров стороной обходит...

– Унхай, как они тебе?..

– Скоро привыкнут. А пока я им плечо подставляю.

– Другого от тебя и не ждал. Присмотри за ними. Из них толк выйдет.

Лейтенант вернулся на пьедестал – сидит как изваяние... Унхай сканирует объект с должной четкостью – сейчас в счет идут и пробоины стен этих зданий, и сорванные панели, и разбитые блоки – все, что у нас на пути станет... Нор вперил в нас с Лесовским буровой взгляд... Он хищник, сразу видно... Затаивается и нападает – каждое редкое движение – резкий, стремительный выпад...

– Герфрид, Владислав – подходящие характеристики. Таким здесь и место. Мы с вами еще после битвы попируем. Ради такого дела пару скингеров к ужину точно забьют.

– Очень кстати бы.

– Да, только с этим нас торопить будут.

– С чего так?

– Здесь счетчики времени всех погоняют.

– Не бичами же они нас гнать будут.

– Больше нечем. Их, Герф, слушать следует.

Нор мысли спешно излагает, чтобы сигнал не пропустить – ему просто приперло сказать что-то, как можно быстрее. Он отключил затемнители – за ними его пронзительные глаза берут информацию отраженного света, как сканеры машины, хватают, как узкие зрачки хищной твари, и скрывают, как бледные пленки на глазах мертвеца, которые ничто не отсекают от ровного потока с его уже ничего не значащей информацией. Влад тоже почувствовал, что с Нормом не так что-то, и на секунду перевел на него синие глаза – прямо световые сигналы воздушной тревоги...

– Так уяснил, что тут со временем что-то не то происходит...

– Правильно, Лесовский.

– Командир взвода наш тоже тут воевал, тоже про счетчики времени говорил... Несут они нас черт знает куда, не разбирая пути... хорошо, что мы его еще разбираем.

– Об этом за сутки узнаем – не дольше.

– Мы на острие...

Нор коротко кивнул...

– Острие – это пока еще взлетная площадка, но все знают, что с него и сорваться можно. От него отходит полоса разгона. Сложить полосу на короткий разгон или раздвинуть – это выбор. И, похоже, это уже наш общий выбор.

– Он возложен на плечи наших командиров – не на наши.

– Нет, Герф. Он сошел на всех нас. Значит, решение может стать продиктованным нашей силой – оружием.

– По приказу верховного главнокомандующего мы и кипящей воде пузыриться надрывами не позволим.

– Он передал силу нам. Мы применим эту силу. Надо будет – против него.

– Кончай с этим. Снегов контроль не утратил – он эту силу сдержит.

– Здесь что с конвейера бойцы, что из чертовой бездны – все одно. Не много у нас сражений впереди.

– Значит, надо так.

– Не за что эти бои.

– Бои всегда за победу.

– Еще не поняли, что здесь происходит? К вечеру поймете. Мы ждем неизвестно чего, а если так дальше пойдет, Хантэрхайм и до Полночного турнира не простоит. А там “белых медведей” ничто не удержит.

Унхай взял Нора за предплечье – это почти что арест. Но Нор сержанту дублированной линии не открывал...

– Ты на посту.

– Унхай, мы за сигналом следим. Нам в кровь въедливую дрянь пустили – свалит нас, если просто стоять будем. Если еще и молчать – не выдержим напор этой дозы.

– Нор, считай, что я твои мысли читаю.

– Они должны знать. Это из-за того, что Снегов заledenел от прожитых лет и забыл, что он – человек.

– Мы под присягой.

– Мы присягали человеку!

– Верховному главнокомандующему.

– Но человеку!

– Тому, кто верен долгу.

– Долг не для всех един.

– Молчи, Норглан, не то спишут.

– Да плевать. Хоть сейчас расстреляйте. Кого тогда вперед бросать будете – на лучи?

– Ты не настолько нам нужен, Нор. Посмотри на руки и вспомни про шрамы.

– О шрамах я помню – за этим их и оставили. Потеряли они значение. Думать скорее надо – скоро поздно будет. Сколько мы еще так город продержим?

– Сколько будет нужно. Нам необходимо время.

– Унхай, мертвецам время не нужно. Пора стереть Ивартэн.

Эхом пронеслось одно слово “недоверие” – его никто не произнес, но оно словно связало нас на пару секунд. Оно связывает и наших командиров – и тех, кто за, и тех, кто против... На мгновение зависла тишина.

– Капитан узнает об этом.

– Он должен, Унхай. Да он уже знает. Норвальд не может допустить того, чтобы и мы разделились.

– Он не допустит.

– Но он молчит. Унхай, пора действовать – все к этому ведет, все к этому готовы! И держит нас только страх перед людьми Скара! Смерть от их рук сегодня пугает нас больше, чем от их лучей завтра.

– Нет, Нор, не этот страх нас держит. Не так страшны “тени” Скара и враги, как наше оружие, примененное против нас... Больше этого быть не должно.

Унхай направил оружие по координатам, данным контрольной схемой, и перевел взгляд на Айнера, взошедшего на постамент, чтобы лучше видеть далекое, отраженное битым стеклом, зарево. Счетчики времени уже жестко ограничили нас, но вопреки им Айнер застыл там неподвижно, как “защитник”, – он третий взвод к объекту подводит...

– Наше оружие уже обращено против нас. И разбить его можно только другим, более мощным, – оружием.

Сорг тоже отключил затемнители – показал запавшие, блеклые, окруженные теменью, глаза на мертвенно бледном лице.

– Наше оружие – разум.

– Но теперь оно обоюдоострое.

– Нор, заблокируй сигнал к черту.

– Мы способны достигнуть цели. И к этому стоит приложить силы.

– Уничтожить планету – это не наша цель. А перебить друг друга – не средство нашей цели достигнуть.

– Есть риск, но есть и разум – постигнуть его неизбежность.

– Не время сейчас.

Сорг так и стоит на своей точке, не шелохнувшись, но его мысли прессуют запрещенными приемами...

– Когда еще, как не сейчас?!

– Заткнись!

– Сорг, пока еще не поздно...

– Да пошел ты к Скару!

– Не далека дорога, если дойти успею, до того как “медведи”, управление DIS разнесут!

Теперь мы с Лесовским знаем, что Нора больше службы безопасности пугает, – это выпады со спины того, кто быстрее него.

– Нор, слышу речи безмолвные! Ментальный канал занимаешь! Штраф получишь!

– Лейтенант...

– Что дергаешься?.. Я твой фон насквозь вижу. Учти – от прозрения до помутнения один укол. Говори!

– Мы упускаем время!

– Не мы, время нас упускает!

Айнер положил руку на плечо Нора... Он разорвал наэлектризованный звенящий воздух, разметал его ветром. Если Нор – хищник, Айнер – короткое замыкание в неисправной проводке (если что-то неисправно, он эту неисправность за пару секунд искрами сожжет)...

– Один удар – и кончен бой!..

– Один бой – он войне конец не положит!

– Если так, Хантэрхайму конец!

– Нор, твоих соображений никто не спрашивает – запрячь их подальше и держи покрепче! Не давай силе волю! Мы этого не потеряем!

– Так точно.

– Нор, дорого тебе поломка головы станет! Каратели уже устали тебе мозги вправлять. Не наводи смуту – ты уже угодил в списки, дальше – только на ликвидацию. Скар неподалеку – он следит за тобой.

– Так точно.

– Думаешь, мы таких за горло не возьмем?! Думаешь, Снегов решение под давлением переменит?! Нет! Ничего Чжан Лун такими выпадами не добьется – его армию под контроль Штольт берет. И Тишинский в его сторону смотрит. Бунты будут на корню подавлены. Тот, кто бежит от карателей, будет сожжен. Дезертиры обречены – за ними посланы отряды ликвидаторов DIS. Ясный их не укроет!

– Мне это известно.

– Помни об этом – и забудь о другом. Шестой армии надлом не грозит!

– Нам жить осталось не дольше, чем Хантэрхайму. Я отдаю ему мою жизнь за другие жизни! Если решение будет неизменно, должно быть объявлено “недоверие”.

– Если твою больную голову от таких мыслей не избавит твой разум, есть и чужой! Не помогает страх! Есть более убедительные способы!

– Мы привыкли к смерти – нас это не страшит.

– Сильнее страха смерти – страх мучительной смерти! Уже начинают гайки закручивать!

– Так недолго резьбу сорвать.

– Сорвут! Из-за таких, как ты! Нарвешься ты, Нор!

– Я не нарушил ни одного боевого приказа! Я иду на смерть с каждым столкновением! Я служу системе, чтобы сохранить наш мир – на моей крови!

– За героизм этого не спишут! У всего предел есть. Не говорил бы тебе, если бы ты с нами столько лет в этих руинах не бился как проклятый. Исполняй долг.

– Есть.

– Штраф получишь! После битвы сдашь мне память, и если я найду...

Сорг подключил затемнитель, скрыл глаза... сделал шаг к Айнеру...

– Лейтенант, он не!..

– На пост!

Айнер скинул с плеча излучатель... Сержант остановил его...

– Ему три дозы кололи. После этого он стоять не должен. Но он стоит на боевом посту.

– Унхай, смотри за ними! С Норглана глаз не своди! А там его карцер ждет, если он ничего похуже не выкинет. Ему больше не колоть!

– Так точно.

Шинель Айнера метнулась за ним... Но и тогда Сорг не открыл глаз...

– Унхай, ты знаешь, что Нор...

– Сорг, закрой линию. И не думай его выгораживать. А ты, Нор, думай о том, что думаешь, – особенно прежде того, как сигнал открыть.

Унхай замолчал и, видимо, больше говорить не намерен. Самообладания ему не занимать... Он достойный командир. С первого его слова мне стало ясно, что он соответствует имени и умен не по категории. Он похож на стандарт N4, только есть какое-то отличие. Трудно сделать выводы о человеке в закрытом шлеме, но что-то выдает в нем “чужое”. Уверен, что его создали не на наших заводах, – если так, он живет уже очень давно.

Лейтенант весь извелся – меряет шагами площадь. Я не все понимаю, но, кажется, его старые надежные бойцы сбои дают... Ему эти заботы не ко времени – у него третий взвод в горле клином стоит. Йохан никак последний разделяющий нас рубеж преодолеть не может. Но он прорвется...

Очень холодно. Высокие своды отображают небо – это реальное изображение – сумрак разгрызают только синие вспышки... Даже днем здесь солнце холодное, блеклое, но снег отражает и усиливает свет до рези в глазах.

Я еще не видел Хантэрхайм, но и окраин наземной части шестой укрепленной базы достаточно, чтобы понять, как сияет этот город... Острые иглы Хантэрхайма блистают на солнце, как чистый лед... И кругом только великие ледники. На южных базах растянулись мерцающие долины кислородных блоков и луга, согретых скингерами, фиолетовых мхов... Хочу увидеть все это, но для этого нужно пережить этот наредкость скверный день.

Очень тихо – ненормально тихо. Айнер, наконец, остановился... От напряжения костенеют пальцы... Сейчас начнется...

Завод – один объект, управляемый одним мозгом, но общая площадь наземных и подземных уровней огромна. Он неприступен. Его стены встают сплошной преградой – только наверху в них врезаны узкие щели бойниц. Без труда нам к нему не подступиться – нужно будет спуститься еще ниже, в подземку... Переход здесь, на площади. Его части соединены постаментом призрачного генерала Веровского... Этот постамент и есть – переход. Высокие, почти прозрачные, ступени ведут с четырех сторон к подножью монумента, и в них с четырех сторон вгрызаются широкие ворота. Наши – северные. А за ними подъемники и люк на лестницу. Лейтенант послал

“защитников” ко входу на объект – они занимают позиции. Из темной разверстой пасти срезанных врат перехода уже рвется холодный свет...

Свет ударил по затемнителю... обрывками теней из него вырвались люди. Это люди Йохана!.. Они на площади!.. Командир третьего взвода – этот мощный напористый человек – уже бросил технику нам на помощь. Его бойцы встают с нами плечом к плечу... Огонь полыхает и за спиной командира второго взвода... За ним стоит и Владимир... А Стикк с Айнером – у разомкнутых врат...

– Первый взвод! Пошел!

Айнер сбрасывает нас со схем... Свет стирает площадь, лучится с внешнего периметра...

– Уходим! Быстро – пошли!

Бежим вниз по лестнице... “Защитники” идут впереди... Сзади белая вспышка... гул и грохот... Лестница зазвенела, низко загудела шахта, заскрежетали металлические конструкции... Пальцы заледенели до бесчувствия, скованные на поручне, выдираемом из стены этим колотящим землю воем, – вот как мы будем вход удерживать! Просто подорвем! Завалим! Теперь только вперед... по переходному тоннелю...

Запись №11 00 00 000 00:00

10. 04. 205 год Новой Техно-Эры 21:00

Они поставили блоки незримых полей, но мы увидим их по едва подсвеченным полосам на полу... *Они* поставили отражатели, но короткий луч разобьет их – как и наши щиты, и все вообще... Только луч должен быть пущен под строго определенным углом по точному расчету преломлений – не то он, отразившись, разломает к черту опоры тоннелей, нашу технику... и нас... И от лучей защита есть, но ни люди, ни машины носить это мощное поле не могут, и энергии оно слишком много берет. А блоки эти – просто кража времени. Лучевые растяжки куда как хуже...

Перед нами открыт переход – сжатые этой бездонной шахтой, мы сходим на последний уровень, километры подземных укреплений прибывают к этой глубине. Двери оплавлены. Сплав, растекшись по полу белой дорогой, уже почти застыл на морозе. Похоже, эти земли выстужены и изнутри... Древних путей, забирающих энергию недр, у нас больше нет – они давно замурованы, ядро перекрыто, но тлеющий реактор планеты почти остыл. Наш удел – холод ледяных и выжженных пустынь...

Тьму сменило сияние, где-то впереди, и снова воцарилась мгла... Заходим на последний подземный уровень. Андроиды идут первыми – исчезают за бесчисленными дверями бесконечных прямых тоннелей... Мы бежим дальше по коридору – по ртутной озерной глади, забрызгивающей сапоги стальной пылью... По ходу крепим на стенах ментальные передатчики. Другой связи здесь нет – все сетевые кабели перебиты.

Есть ментальный сигнал – еще далекий... Но сейчас впереди идущие “защитники” оборвут его – сейчас рванутся всполохи синего пламени. Теперь наверх...

Снова дверь открыла пасть в темноту, снова простерла в свечение фонарей гладкий язык стекшего сплава... Трещит сухой, иссушенный огнем и морозом, воздух – *они* близко... “Защитники” первыми переступили эту зеркальную черту – растворились в тишине, в тусклом ореоле их щитовых полей... Это разделяющий нас барьер – за ним вражеские штурмовики... и наши люди.

– Первый взвод – пошел!

Этот сектор объекта *они* еще не взяли – не зачистили... Кровь убитых еще шипит на раскаленных плитах, кипит и пузырится блеклой водой над черным осадком... Струйки мутных испарений еще цепляют за голенища сапог, на остывших опорах росой выпадает багровый конденсат... При тусклом освещении бледной кожей отсвечивают лишь лица мертвецов... Под потолком завис туман – фильтры маски подключены, и я не могу разобрать, гарь это или пар... Никого *живого*... Сердце оборвалось – мы опоздали, опоздали на несколько секунд...

Почти ничего не вижу – в белом свете люди подобны машинам. Ошейник скидывает координаты ментальной активности, огневые позиции помечены на схемах расположений. Карты четкие, графики точные – местность просканирована и просмотрена... Есть наводки с воздуха... Обозначены и огневые точки, и векторы передвижений, и блоки прикрытий... Но мне нужно и обычное зрение – не то ошибка на схеме станет и моей ошибкой... Повторяю единственное – не терять контроль.

Как не силюсь, сообразить ничего не могу. Я перестал понимать, куда мы идем, только стараюсь Лесовского из поля зрения не выпускать. Ведет Айнер – скармливает нашим мозгам бесчисленные данные. Стимуляторы берут нас в руки – мы сконцентрированы до предела. Координаты ментальной активности – цель... Навожусь... спускаю луч. Я стал машиной, и вокруг падают такие же машины... Тихо – никто не кричит...

С такой скоростью могу действовать только на автомате, полностью отключившись от анализа действий. Я не вижу ничего, что происходит за пределами боевых рубежей, но здесь мне видны и пути лучей. Мы стараемся бить коротко и прямо – так луч и по цели с силой бьет, и отражение сильно гасит. Непрерывным потоком управлять сложнее. Если по одной точке бить – луч отражение частично погасит. Будет столкновение – пущенный поток перекроет отраженный. А разбитые потоки нам не слишком страшны. Но перемещенный непрерывный поток – это уже серьезно... Луч будет отражен почти с мощностью спущенного заряда. Тут одной ошибки при расчете преломлений хватит... и уничтожен будет не один враг...

Айнер, как и “защитники”, спускает короткие точные разряды с двух рук или режет крестом. А Унхай обращает луч, будто и не бьющий по цели, куда-то за пределы наших установок. Хоть этот проблеск не менее смертоносный, чем мои грубые рубящие рассеки, он вызывает замирание сердца. Сорг сечет по диагонали непрерывным потоком. Под таким ударом ничто не устоит, но это редкая сложная техника. Офицеры ее не часто применяют, чтобы не тратить лишнюю энергию... А мы – просто не можем. Нужна по-настоящему железная рука и разогнанный до предела разум. Сорг не похож на такого человека – тощий он, дохлый какой-то, – кажется, вот-вот свалится. Вся его сила только на самоотверженности – даже самоотречении – и держится... Сейчас он с нами в связке – его к нам на точку поставили. Жду подвоха – стараюсь следить за ним, чтобы успеть перебить луч, если он ошибется или просто вырубится.

Что-то переключилось... мы вдруг выбились из ритмичного шага, сорвались с места. Здесь люди... Айнер рванул вперед... Сорг, пригнувшись, ринулся за ним во мрак. Бегу следом, ориентируюсь только по схеме. Огонь!..

Сияние оборвалось полной темнотой. Сигнала нет – ни от врага, ни от командира... Кто-то упал мне на руки – подхватил его рефлекторно, но не удержал... Его прожженный доспех залил мои руки кипящими пузырями. Перчатки жгут и каменеют... Руки стянуты железной коркой – лихорадочно сдираю ее вместе со спяянными с ней кусками перчаток, вместе с кожей, пока боль еще не начала стучать в висках... Я ничего не вижу, ничего не понимаю... Пробираюсь к стене – она должна быть где-то здесь. Дотрагиваюсь до вертикальной плоскости – она стекает под руками... Это что-то жидкое и холодное – сплавы так не текут, значит – кровь... Я не понимаю, где я... кто и что вокруг меня... На схемах посты, но меня там нет – нигде нет... Не знаю, где я.

– Чисто! Три минуты стоим! “Защитники” берут раненных! Прижженные раны не трогать!

Железные руки взяли мои запястья, но тут же бросили. Призрачный “защитник” отходит куда-то за пределы видимости... Но он должен мне помочь!.. Кожа на ладонях слезает полосами!.. Я так даже на спуск не нажму!.. Протягиваю руки пустоте... Под ногами что-то хлопает – что-то, в чем вязнут сапоги. Опускаюсь на колено – нет опоры... Плиты хрустнули, как тонкий лед, и просели. Это не плиты... Излучатель не стукнул об пол – под упором что-то зыбкое... Оно тянет вниз – отчаянно, настойчиво – и я поддаюсь... Что-то впилось в мои обожженные руки, разодрало связки, рассекло сухожилия... И что-то внутри, где-то за грудной клеткой, теперь немо воет от боли...

– Герф!

– Черт... Влад, ты здесь!..

Лесовский взял меня за плечи... Я вцепился в него, будто он единственный человек, который остался со мной во всем этом проваливающемся мире... Оттуда, снизу, вместе со мной поднялись

чьи-то руки... обхватили голенища сапог, но тут же соскользнули, разжались, упали к другим... Зажглись прожекторы... и все поплыло... Влад, просто, выдернул меня из этого мрака... Мы стоим посреди...

Люди, машины – корпуса и трупы... Куски и ключья, обломки и осколки... И на всех, на всем знаки AVRГ... Эти знаки въелись в память четким оттиском... А кроме них, никаких других теперь нет... Больше ничего нет.

Айнер ищет ментальный сигнал... Кто-то еще жив... но не похоже, что кто-то доживет до... Если смерть захватит тело и блокирует разум, борьба уже не поможет. А мы не выведем умирающее сознание за это оцепление – у нас нет времени. Бойцы из полка Илда знают об этом – они не хватают уходящее дыхание за горло, как рабочие с завода (их хрипы еще режут слух на куски)... Унхай со скрытыми затемнителем глазами обрывает их страх... и D40 не останавливают на них холодных глаз... Стикк обследует поврежденную технику – нашу и вражескую. Андроиды, словно статуи, стоят вдоль стен – их слабое свечение погасло. Они стерли системы – это их смерть. Стикк сцепил за спиной руки, вглядываясь в коды подразделений... Их “защитники” похожи на наших – они почти неотличимы...

Наши бои идут на большом расстоянии. Мы переходим по схемам, бьем по точкам – и больше мы ничего не видим. Штурм режет их технику лучами, исходящими из наших рук, зачистки – стирают потоками расщепителей... Да, именно так: штурм – какая-то неподвластная нам сила, объединяющая нас не только с командирами, но и с объектами, и – с ними. Мы редко их видим – нас редко останавливает что-то, что дает увидеть. Знаем, что они – враги, и привыкли не думать, не вспоминать о том, что это – мы.

– Смотришь на них?.. А это не они сделали, Герф... Их ведет наша цель.

– Да знаю я. Сколько повторять можно?

– Столько, чтобы не забыть.

– Тоже верно. Такими операциями память легко отшибает – налетели, сшиблись встречные потоки – и конец делу. Что тут помнить, кто это дело начал?..

Влад поддел сапогом распавшийся корпус андроида. На глухо ударившейся об пол “руке” еще высвечен номер...

– В их руках те же силы, что и в наших, Герф. Это наши силы, которые были так велики, что мы не удержали их. Что-то должно было их разъединить...

– Ядерный распад – раскол системы. Энергия распада – война...

– Так ты тоже об этом думаешь?..

– Хотел спросить, думаю ли я вообще?.. Думаю.

Разрушения... С осознанием, с ознобом меня покидает уверенность не только в моих, но и в силах нашей системы – исход войны predetermined... Тогда с чего я так уверен, что победа за нами?.. Да с того, что другой победы и быть не может... Кроме нашей победы, тут нет никакой другой... И поражение тут есть только наше... Лесовский сказал, что у них наши цели – так оно и есть. Они воюют за нас... с нами... против нас... Они без нас просто не существуют... А мы без них... Мы существуем и без них – они только часть нас, но не мы. И черт с ними. Мы будем воевать до конца. Тени пораженческих мыслей закрались в голову по следам этой разрухи. Но теперь я обнаружил их потайные ходы и могу расставить блокпосты, закрыть их пути.

– Черт... Влад, это бред...

– Такое нашей энергии задали направление...

– От стимуляторов крышу рвет.

От них, от гонимой ими кипящей крови, боль ожогов начинает вгрызаться в сознание, когда мы стоим... Тяжело ждать, собирать силы на рывок по кромешной темени, когда в твоих обожженных руках столько жизней, пусть не бесценных – имеющих высокую цену... “Защитник” что-то вколлот мне прямо через открытый напульсник... Правильно, сейчас на уныние нет ни секунды.

– Пошли!

Идем по следам штурма, нагоняя его... Приближаемся к закрытым секторам... Мы перешагиваем через изуродованные трупы – просто горы трупов... Люди, части машин – все запаяны в единую массу расплавленным металлом... Сержанты еще добивают умирающих –

слепят смертоносными лучами чьи-то еще блестящие за наползающей пеленой раскаленного морока газа... Мар подымается откуда-то снизу, встает над половыми плитами все выше – вступаем в него, не оглядываясь... Разбиваем прожекторами клубы тьмы по углам – и дым, и пар за масками бойцов не различимы... Под сапогами хруст битой заводской аппаратуры и рвущиеся пузыри докипающей крови рабочих... На нас еще поднято оружие прибитых осколками к стенам, уже слепых, бойцов полковника Илда... Теперь наш черед вступать в бой. Но это только кажется более сложным этапом операции – пустые прямые улицы забирают больше жизней, чем эти загроможденные объекты...

Есть ментальный сигнал. Здесь люди, машины – вражеские штурмовики – наших нет. Айнер перестроил схемы. Штурм перебил шаг на бег – это настоящий шторм, теперь нами движут его приказы. Напор энергии раздирает грудную клетку, натиск синего пламени крушит стены... Осколки разметаны взрывной волной – шквальным ветром... Воздух разрезан разрядами молний – рассечен и расколот пересечениями лучей, разрублен клинками и засвечен “мертвым инеем” расщепителей.

Погибших скрыли всполохи хрупкого белого потока – и мы не видим их... Нет боли. Нет страха. Нет жалости. Нет мыслей. Нет ничего. Один долг.

Промерзшие стены пускают трещины под огнем... Огонь шипит под инеем... Иней выкипает под ним паром... Пар оседает колючими кристаллами под этим морозом... И так объект за объектом... Бежать вперед – не помня про ожоги, про дыхание... про светлые тени освобожденных людей, отходящих к нашим постам и ждущих под охраной машин. Их отведут темные дестроеры, когда объекты будут взяты нами. А сейчас я не вижу этих людей. Но от них исходит сигнал – их фоны излучают благодарность... Сигнал доходит с огромной скоростью и гонит волю вперед, как удар бичом. Он дает силу, отбирает боль и усталость. Оставляет один долг, одну гордость.

К нам присоединились держащие оборону офицеры и бойцы Илда с их техникой. Мы продвинулись. Но впереди другой объект, на котором еще идут бои, – другой штурмовой отряд чужих сил... и потери сил наших. Пред нами чужие “защитники” – слепят глаза чужим светом, опадающим “мертвым инеем” от расщепителей, поднимающим мерцание “не падшего духа” погибших солдат.

Огневые точки прожигают сознание! Перед глазами пролетают схемы, координаты – мне надо идти по ним... Но потоки моей энергии ринулись в бой так стремительно, так целеустремленно, что забыли обо мне – о моем разуме... Приказы минуют мой разум... по голове долбит только сердце... Стою неподвижно – я направил на врага эту высшую мощь с высшей волей и полной сосредоточенностью, но не могу двинуть рукой... Андроид застыл на секунду под принятым ударом этой незримой силы – и спустил луч. Белое сияние шипит и плавит... Что-то ударило по сознанию болью – это не оно, нет. Холодные руки бьют о стену, срывают мою маску... холодные глаза сжимают мой взгляд в кулак... Перед глазами только сапоги Айнера, и в них отражаюсь я... и пол... Поверх отражений на меня трупом падает Сорг, но Унхай отбрасывает его, и он, шатаясь, встает на ноги... Унхай резко выламывает мне руки, подымая из отражений, отрывая от этих уходящих сапог... Координаты цели... Пытаюсь вдохнуть холодный воздух... “мертвый иней” скрипит на сжатых зубах – это прах наших павших воинов... Смотрю на машины – это “защитники”, наши... нет, не наши. Не могу сопоставить их расположение с координатами ментальной активности врага. Еще удар – от него воем разошлись острые шрамы, но сознание бьет лишь тупой болью. Мой разум зажат в замерзших руках ротного командира... Координаты, наводки, лучи... И тишина... У меня под ногами капитан S7 четвертого полка шестой армии Хантэрхайма – полка Илда... Он распростерт на груди чужой технической боевой единицы первого порядка... Это точно не наш “защитник”, вернее наш, но... Смотрю в пустые глаза машины и ничего не вижу – только неживой свет... Опускаю обожженные веки на пересохшие глаза – перед ними тот же неживой свет...

Рука друга легла на плечо... Жив Лесовский... Мы лежим на трупах, но мы еще живы... и мы еще вместе... Где-то далеко Айнер “метаает ножи” по взводным командирам – “ледяные ножи”, он зол... А мы просто лежим на трупах, такие же дохлые, как они...

– Сбой! Борг их этой отравой накачал! Он им мозги на хрен сожжет так! Приказ взводным командирам – не колоть больше! Ничего не колоть!

От нападков Айнера у Стикка лицо перекошило, он теперь и челюсти разжать не сможет...

– Бойцы под контролем, лейтенант. Сбой устранен.

– Устранен!? У них не мозги сейчас – расплавленный свинец! Его мороз студит! Работай Стикк! До нужной скорости нам так разум не разогнать – не выйдет! Сознание взвода в твоих руках! Бери!

– Так точно, командир.

Стикк передал мое сознание из судорожно сжатых пальцев в ледяные руки машины – D40 устремил на меня взгляд, сцепляющий волю таким вечным холодом, что я перестал замечать подмерзшие ожоги, и мысли стали послушны... Сияние моей высшей силы исходит теперь ровным фоном – его больше не прорывают острия лучей. Ишошедшей энергии не вернуть, но собранные нервами остатки этой мощи еще аккумулируют заряд, и он с готовностью бродит по облезшим ладоням. Мне осталось лишь ждать приказа – “сжать руку на спуске”.

Мое сознание больше не выгорает под стимулятором – начинаю что-то соображать... Ориентироваться я точно перестал из-за этой дряни. Мой мозг просто отключился от систем... И, кажется, это не только со мной случилось. Почти что смерть... Почти то же самое, что и смерть на моем последнем испытании, – еще сегодня...

Порядок наводят, как могут, быстро. Только из-за сбоя мы потеряли много людей и техники... Не понял, кто так жестко применил запрещенные приемы ментальных передач, чтобы нас подключить – Айнер или “защитники”... Скорей, Айнер. Я помню его глаза... и его сапоги... И D40, что бы о них ни думали, не могут применять запрещенные приемы... А Айнер, похоже, делает это часто... Нужно сосредоточиться...

Лейтенант крайне спокоен и предельно собран, но вид у него страшно усталый... А у нас впереди еще долгий бой. И он должен следить за всем – за нашим расположением, за *их* перемещениями... Наша связь не так совершенна, как у машин, – поэтому у нас больше автономности от Центра. Наши офицеры не могут с такой скоростью отдавать и принимать ментальные приказы. Норвальду поступают данные разведки с воздуха и земли, он скидывает схему Айнеру, а тот, исходя из возможностей, расставляет нас через взводных и сержантов, как через передатчиков, уже на месте. Система удобна, но трудно представить, сколько всего обязаны уместить в головах наши офицеры... Мы-то особо не думаем – занимаем оптимальные позиции и стреляем по наводкам. Начинаю понимать, насколько мы выигрываем из-за того, что наш прямой командир – S9. Особенно важно это здесь – на севере.

Широкая вырезанная дверь выпала из проема. Как только я на нее ступил, открылась огневая точка... Цель, спуск – удар в ключицу... Мне не больно – еще не больно... Это тонкий луч – он прижжет рану... и ожог вроде дальше не ползет... Я еще не успел толком осмотреть рану, как в голове вместо мыслей снова заметались пометки координат... Меня снова забирает ускорение... Здесь люди... Этот сектор уже разблокирован врагом, но его еще держат...

– Сектор наш! *Они* отходят!

Я рад... Как никогда рад... К тому ж и Стикк объявился – подключился к нашим контактам! Он еще жив! А я уж думал... Просто я его потерял... Теперь как-то спокойней стало... Правда, вид у него... Но с этим ясно – Айнер его в оборот взял. Айнер не тот офицер, который чьи-то способности, пусть и сомнительные, будет в бездеятельности гноить. Стикк под его бдительным надзором все потайные ходы этой чертовой бездны обойдет... А главное – если не по доброй воле, то по принуждению это сделает... Стикк его командиром признал, хоть и не очень-то безропотно. Они оба друг другу покоя не дадут... и нам с ними обоими скуки не видать...

Этот перекрытый по отсекам склад – огромное помещение, идеальное для обороны. Из-под синего зарева к нам бегут люди – ослепленные, бледные и замерзшие... Они при оружии, но не способны применить его с должной эффективностью – они рабочие. Поэтому нас снова прищипывают их фоновые сигналы – это уверенное, окончательное утверждение жизни после безнадежной готовности к смерти. Они не бойцы, они не знают, что бою еще не конец... но их вера в нас поднимает дух над этим временем, над этим чертовым днем.

Хоть мы и готовы упасть на месте от усталости – чувствуем подъем новых сил. Дело не только в едва уловимой благодарности этих людей – “защитники” отпустили наши мысли, и стимуляторы опять берут свое... Правда, уже не так агрессивно – им уже почти нечего брать.

Объекты, по которым мы прорывались по-черному, уже взяты. По ним уже прошли бойцы третьей роты... Сейчас, можно считать, небо над базой наше – *они* отходят... Осталось несколько рывков – еще один сектор базы... А там подземке конец – там мы встретимся с шестой ротой, перешедшей с минус четвертого на минус третий уровень. Те объекты мы с ними вместе отбивать будем.

– Берем сектор!

Приказы отдают четкие, но они обходят нас стороной, каким-то эхом – “техническое подразделение к бою”, “берем угловые отрезки”... “Защитники” вышли в широкий тоннель, разделяющий секторы, – засветили поджидающую нас тьму... Пошли “разрушители” – напролом и со всей мощи... Теперь они отправят на слом отходящие отряды вражеской техники – напрямик на свалку...

Идем в тоннель... У нас под сапогами только звонкая пыль отражателей, закрывающих разбитые ворота сектора... Четвертый взвод уже зашел на объект... Йохан с “защитниками” уже заходит... И второй взвод уже на входе... К ним бегут люди... Их белая форма обглодана черной копотью и их белоснежные халаты развеваются за ними прожженными лохмотьями... Эти призраки прошли черт знает что и черт знает как оттуда вышли. Они прорвались через мороз, через огонь этой бездны, вырвались из этой тьмы... Они, считай, проломил стены неприступной крепости – неминуемой гибели... Пропускаем их, с уважением расступаясь, но простаивать нам никак... Западную часть периметра базы мы так и не взяли – лейтенант просто подорвал участок тоннеля, который мы теперь обошли. А там еще есть *их* посты. Периметр мы берем – снова...

Дестроеры поставили щиты... Стикк с первым отделением и тяжелыми андроидами подходит к углу секторных заграждений, к перекрестку тоннелей... Расчистить западный коридор предстоит ему. Мы заходим на объект – Айнер ведет... Люди, машины, вспышки света в крошечном мраке, яркие прожекторы, бьющие по глазам, резко срывающие тени с изуродованной, оплавленной техники... Дорогу боем прокладываем – Центр отводит *их* штурмовые отряды на север, но нам еще не так просто продираться брешу среди их четко выстроенных схем...

Еле на ногах держусь... Влад тоже при каждой возможности подпорки ищет... Даже Нор спотыкаться начал – делает рывок и чуть не падает... И Унхай оказался не таким неутомимым... Только Сорг не живее и не мертвее, чем был... А Айнер еще как-то успевает пополнять запасы сахара с дезактивированных складов – собирает трофеи. Опустевшие энергоблоки на его португее занимают блоки сахарные. Практичный человек. Я в такой ситуации о еде думать не могу. И про то, что было на последний ужин, уже забыл, хоть есть хочу ужасно...

Резко стало тише... Стоим... Ждем чего-то. Сползаю по стене и падаю на пол рядом с Хорном и Нором... Влад присоединился к нам – снял шлем, оперся об излучатель, упертый костылем в треснутую панель. Можно перевести дух... Стараюсь поправить загнанное дыхание... Только сейчас появилось время, чтобы осознать масштабы разрушений... Мы пролетели сквозь всю эту разруху, почти ее не коснувшись. Так бывает, когда бежишь очень быстро, – с землей тебя связывает только доля секунды очередного толчка. Прикрываю глаза, разъеденные... даже и не знаю, что и когда их успело разесть. Отдыхаем... Где-то на окраине мыслей бродит запах гари, он смешан с мясной подливой, как обугленный мрак – с чернотой на дне чашки крепкого кофе... Но перед глазами уже мечутся полы распахнутой шинели Айнера...

– Что валяетесь тут, у подножья стены, как отрубленные конечности?! А ну встали, оба!

С трудом, но решительно, стоим перед ним, как положено, не опуская глаз...

– Лесовский! Откуда эту штуку взял?!

Я только сейчас заметил... Эта чертова трубка, обвитая драконом, студит Лесовскому обожженные руки – она зараза всегда холодна, как снег...

– С захваченного объекта, лейтенант.

– Это не из Небесного города трофей?!

– Так точно, лейтенант. Забрал ее, когда мы покидали Небесный город.

- Забрал?! Подобные штуки так просто на дороге не бросают!
 - Так точно. Нашел ее в звездном зале.
 - Подобные штуки мне отпуск под звездами здорово попортили, Лесовский. Они должны были быть заперты!
 - Никак нет. Запоров не было.
 - Думал, они уже до последней найдены... и деактивированные тоже. Командиры проверили?
 - Да, лейтенант.
 - Не трогай эту штуку больше! Положи и не трогай. Чтобы после операции она у меня была!
- Исполняй, боец!

Влад засунул трубку за голенище сапога – губы поджал... Хотел бы я посмотреть, как ее у него отнимать будут...

- Влад, но эту штуку еще не проверял никто...
- А должен был?.. “Спутник” Ульвэра ее не забрал – значит, ничего опасного нет...
- Слушай, Влад, отдай ее Айнеру – так лучше будет.
- Ни за что. Герфф, это просто музыкальный инструмент.
- Нет, не просто. “Спутник” Ульвэра из этой трубки музыку выжал.
- Значит, он сделал так, что больше от нее вреда не будет, если даже мог быть...
- У тебя на ее ношение разрешения ни от него, ни от командира нет... И вообще, ты по большей части ее вполне сознательно скрываешь.
- Не прятал я ее ни от кого. Стижку она не нравилась, но забыл же он про нее. И Айнер забудет.
- Ты заметил, что в Штраубе никто про эту трубку ничего не спрашивал? И никто ничего не говорил, если спрашивали мы? А Айнер не спросил – что это, ему надо было знать – откуда ты эту трубку взял.

– Слушай, Герфф, забудь об этом.

И действительно, забыл об этой штуке, как только Унхай привел врача в белоснежной униформе... Где он такого здесь раздобыл?..

– Герфф, пошли. Ты ранен и будешь подвергнут обработке.

Звучит угрожающе... Я еще не настолько бесчувственен, чтобы не видеть разницы между притупленной усталостью болью от прижженных ран и острым клином боли от техники, стягивающей эти раны в шрамы. А применение регенераторов, перестраивающих поврежденные ткани, еще хлеще будет... Это – почти как удар током по оголенным нервам – только хуже...

– Со мной все в порядке, сержант.

– Посмотри на руку... Пошли. Это приказ.

Черт... Он прав – ключица вроде не задета, но ожог огромный... И защиту прожгло... Пробегал с такой концентрацией внимания, что даже не чувствовал боль – только сейчас ожог о себе знать дает. Так рука вроде подвижна, но никуда не денешься – это ненадолго. Доктор заряжает регенератор – сейчас подключит, настроит... Черт...

Только когда рану обкололи, и в плечо засветил не регенератор тканей – обычный аппарат стяжки, стало спокойней. Дурею от боли и скрежета собственных зубов, но все равно благодарен доктору за то, что он проверил показатели на облучение... Я и забыл, что получил дозу, и регенератор ко мне неприменим. Он копирует ДНК – восстанавливает поврежденные участки и замещает пораженные ткани только по этому коду... Если ему под луч попадут коды, дефектные от высокой дозы радиации, на место просто разрушенных он поставит их – этих чудовищ. Эту штуку вроде можно перенастроить и на поиск правильных кодов, и на починку дефектных... Но этого никто не делает. Есть риск ошибок – пустой траты энергии... А тут такие затраты энергии... Медики идут на это только при крайней необходимости. С тяжелыми травмами у нас воюют в стационарах. Там аппаратура хранит системную информацию о верных кодах всех нас...

Доведя меня до границ болевого шока, доктор вколлот мне из жалости что-то сильнодействующее и в большой дозировке... Не всегда их жалость нам на руку... Теперь вообще ничего не чувствую, вернее – почти ничего: осталось одно онемение. Холодный корпус XF больше не холодит руки, но силу подчинить еще как-то выходит – хоть и похоже, что на спуск мою руку кладет и сжимает один мой разум... Мне-то хорошо – опасно это только... Крепче лишь глубокий

химический наркоз – лапы искусственной комы... или замороженный сон. Нет, есть еще какие-то блокаторы – их применить способны только высшие офицеры... Эти препараты будто могут разделить разум и тело с полным его оцепенением... или сделать что-то подобное – зависимо от степени тяжести... При этом рефлекторные функции угнетены, и управление телом осуществимо лишь нетронутым рассудком... Сложно представить, как это – когда мозг не принимает сигналы от той же руки... Когда он только посылает, передает приказы без подтверждений... и не получает ответы... Стараюсь не смотреть, что со мной делают, и не давать мозгам идти на поводу у этого неживого покоя. Но оказалось, что делают что-то уже не со мной... Добрый доктор напоследок починил и мою рассеченную защиту... Пора собирать из шрамов волю к победе...

На схемах видно, как враг переставляет посты по периметру – по северной его части. Тишина напомнила о звенящих на холоде нервах. Вдруг все замерло – даже Айнер встал, как стоял... Стикк с отделением подошел – он расчистил западный коридор и оставил там часть техники... Теперь он остановился рядом с ротным командиром, смотря куда-то в пустоту в том же направлении...

– Переходим на вторую фазу?

– Да, Стикк. Сейчас начнем...

Прижмем *их*... Первая фаза – штурм, вторая – зачистка с полной ликвидацией, третья – контрольная зачистка. В голове уже новые схемы – воздух наш. *Они* отрезаны. Но *они* будут продолжать уничтожать нас – врагов системы – до последнего, и, возможно, с применением мощного оружия. *Их* задачи рассчитаны так, что такое усиление ограничено – запрещено. Но и поправок к этому запрету много. *Они* сотрут системы, только если в расчетах не останется никакой допустимой возможности продолжать операцию по ликвидации сопротивления. Вторая фаза не легче первой. А третья – обыск, зачистка передатчиков, сетей связи... До нее еще дотянуть надо...

Айнер отключил шлем, открыл худое бледное лицо, искривленное чем-то, подобным злорадной усмешке... Его мокрые волосы на глазах смерзлись иглами. Отопление так и не работает, и мы продрогли... Дыхание людей больше не клубится паром в холодном воздухе... Я замерзаю от усталости... Лейтенант обернулся к нам, стоит посреди тоннеля и улыбается...

– Центр перешел в наступление – прорван воздух Анлагена! Штольт готовит армии к штурму города! Есть хорошие новости – значит есть и лучшие! Мы в Анлаген больше не поспремся! Теперь эту ношу тянет Чжан Лун! Пора и пятой армии на северное сияние с замерзших руин посмотреть! Вторая фаза! Последний рывок – и отдыхаем!

То, что мы больше не поспремся в Анлаген, для меня не может стать по-настоящему хорошей новостью – я там не был. Но то, что этот город будет взят хоть на какое-то время, – это наше спасение. Анлаген станет на *их* пути, прикроет Хантэрхайм и снимет с него удар – Анлаген примет бесконечные налеты “медведей”. Плохо то, что нам поддержки ждать теперь не от кого... Ко мне подошел “защитник” – с приказом Борга и молчанием Айнера... Укола я не почувствовал, только волна энергии вновь растеклась по венам, но сердце уже колотит с аритмией... Сколько времени прошло здесь, под землей?.. Уже рассвет?.. Нет... Мы быстро сработали – бледное солнце еще не взошло... Но рассвет уже скоро... Надо продержаться до рассвета, правда, здесь его не будет видно...

Нет, что-то здесь не правильно... Мы вышли из обороны... Это из последних сил... Не ко времени... Это – рывок на Ивартэн... Рывок за счет Хантэрхайма... Снегов откроет воздух Хантэрхайма?! Значит, если “медведи” пробьют путь скоростному полету сквозь бушующее над Анлагином небо, нас накроет жестокий шторм... Ивартэн стоит того... стоит...

Но теперь не до этого. Мысли запутались и начинают вязать узлы... Пришлось опереться о стену – от этой дозы особенно плохо. Я уже перестал замечать, что мне колют – стимуляторы, нейтрализаторы, обезболивающие... А Айнеру “спутник” точно колет не одни ускорители... Он вколол командиру дозу болевого блокатора шестой степени – это опасное, запрещенное, средство, почти полностью отключающее каждое ощущение... Обезболивающие разлиты и по моим венам, текут и в моей крови, остужают и мои накаленные нервы... Это помогает быть ближе к машинам – реагировать быстрее, не чувствовать боль... Но те блокаторы – они действуют сильнее, и с ними сложнее справиться...

Я не знаю, что происходит, что Борг задумал, но понятно – наш последний рывок не простым будет. Открыли ворота сектора, ведущие к северному коридору... Дестроеры поставили тяжелые блоки... Полыхнул свет... Выходим в тоннель, занимаем периметр...

Враг еще держит объекты базы – северные части. Его отходные пути отрезаны, северный отрезок по периметру наш, но участки тоннелей, разделяющих секторы, еще у него. Их взять будет трудно. Истребители призваны на штурм Анлагена. И вообще воздушную технику с границ укреплений территорий Хантэрхайма забрали – нас здесь бросили, как только мы людей отбили и захватили базу. Будто вторую фазу провести – раз плюнуть, и разведка с воздуха уже не нужна...

Они еще могут нанести нам ущерб, и не стирают системы... Перестрелка затянулась... Не от того, что у нас позиции не выгодные... Просто *они* методично сдают объекты и через пересекающие их тоннели переходят к периметру... Долбят те участки, которые выпало держать нам – долбят, как скингеры лед.

Разбить *их* отряды – перебить *их* технику поодиночке, мы не можем. *Они* теснят нас. Без воздушной разведки мы с *ними* оказались в равных условиях – теперь слепые зоны есть и у нас, и у *них*. Мы больше не способны проследить ментальный сигнал и не “видим” всех *их* перемещений... Третий взвод обеспечил нам прикрытие за пределами зоны *их* восприятия... Но второй – затянуло в это болото следом за нами. Мы вязнем в этой трясине с каждой вспышкой обманных болотных огней... А четвертый взвод... от него нам ни поддержки, ни наводок нет... Я его вообще потерял...

Я действую рефлекторно – ничего уже не понимаю, но начинаю уставать и терять скорость. Если *они* спускают луч – ты должен принять его без уклонений... *Они* не тратят энергию впустую – каждый спуск рассчитан на точное попадание в цель, и одно промедление стоит нам нескольких жизней. Вот и сейчас что-то сбилось – почти неразличимое свечение коснулось нас с Лесовским. Тяжелый блок треснул, отходим к следующему... Но что-то отрубил брошенный нам Стикком щит – сжало защитное поле до бледно мерцающей полосы под ногами... Теперь под лучом искрят опоры тоннеля – последнее наше прикрытие... Только сейчас увидел расплывшийся по плечу ожог – боли я вообще не чувствую... Заметил, что осколки клинят суставы где-то в локтях и...

Нас с Лесовским сняли со схемы... Бежим под огнем к тяжелому блоку... Он разбит. Мы снова отходим. Приказом Борга тяжелой технике запрещено применять мощное оружие, чтобы сберечь медицинскую и заводскую технику. Прямой командой он “обезвредил” и нас. Теперь база наша – противник повержен, его только добить осталось... А под землей размещено самое дорогое оборудование... Мы, видимо, его не стоим...

Дестроер с грохотом рухнул перед нами... Его корпус рассекли крестом... Блок искрит – сейчас отключит поле и будет разбит...

– Отходим!

Мы бежим... бежим к следующему прикрытию... От синей вспышки треснул и блок, и секторное перекрытие – через черную дыру объект выпускает столбы серой пыли... Отражатели рассыпаны мерцанием, опоры тоннеля оплавлены... *Они* спустили синий луч... А могут применить и более мощное оружие... Черт...

Занимаем уже худшие позиции... Сосредоточенность падает, и ничего с этим сделать уже не выходит. Да и обезболивание отходит... Но лучше думать о боли, о том, что еще жив, чем о том, что скоро смертоносный проблеск, который даже не проследить, прошибет голову.

– Отходим! Первый, второй взвод – очистить северную часть периметра! Быстро! Стикк, веди!

Бежим по тоннелю сломя голову и не оглядываясь... Что-то заставило меня остановить дыхание, что-то перехватило его прямо на вдохе... Айнер с “защитниками” там – они остались... Но “защитники”... Они покидают его!.. Что Айнер делает?! Он кинул в пол пустой энергоблок... Нет, не пустой!.. Где-то впереди взорвалось белое зарево – оно отозвалось громом... Но командир... Что он делает?! Он снимает блокировку! Это заряженный энергоблок! Он бросит и его! Метнет не в пол – под потолок! Он подорвет тоннель! Нас всех!

Грохот и жар дошли позже света, ударив нас в спины осколками... Мое сердце зашло хрипами, как и все вокруг... Но Айнер... Он так и стоит во весь рост за сбитым дестроером, как за щитом... Стоит, заводя руку... для нового броска... Остановить его, перехватить его руку... Разворачиваюсь и бегу к нему... Огонь... Под белым лучом что-то расколото – что-то прямо у

моего горла... Мелкие осколки звенят, разлетаясь от моего ошейника... Они клацают об пол где-то сзади – за спиной, за мной – где-то далеко... А Айнер – он близко... Что он делает?!

– Стой, командир!

– Уходи, боец! Не то бой для нас прахом пойдет!

– Мы выстоим!..

Он разжал руку, дернув мою, сцепленную на его запястье... с такой силой, что отбросил меня, как паршивую крысу... Лечу куда-то вперед, на лучи врага... Надо мной коротко пульсирует замедлитель... Счетчик времени подключен... Сердце подстроилось под этот пульс... Энергоблок запущен – уносит мощный разряд дальше во мрак тоннелей... Поздно! Айнер подключил и метнул энергоблок! И я не помешал ему! Верней, помешал, но не так, как было надо! Это слишком мощный носитель! И теперь не ясно, где он испустит энергию! Один черт знает! К черту! Встаю под огнем и бегу к командиру... Его “спутник” разнесен по частям... Бросаюсь на позицию разбитой машины...

Не знаю как, но успел перебить луч, направленный Айнеру поперек глотки...

– Уходи, боец!

Ментальный сигнал оборвало рывком на бег... Нас с головой накрыло сиянием... И вспыхнул свет!.. Нет, Айнер не сможет!.. Мы не пройдем!.. Не успеем!.. Срезанный дестроер... Через нашу слепоту он черной каменной глыбой заграждает тоннель за побитыми блоками отражателей... Он прикроет!

Сбиваю Айнера с ног... бросаю его за корпус черной машины... Блок отражателей не выдержит, но погасит удар!.. Дестроер нас прикроет!..

Секунды, и сознание заливают Свет... За ним зудит тонкий звон... Он идет по кристаллической решетке перекрытий едва различимым колебанием на грани слышимости – идет к нам... Гул нарастает, становясь ревом... Нас захлестнул раскаленный воздух, надвигающий дерганную стену пламени... Оно рушит тоннель, и обломки засыпают его пылью и грохотом... Полетели осколки... Лейтенант хватается за плечо...

– Пошли!..

Бежим по осколкам... Что-то шипит... Это мои тлеющие волосы и ресницы... Нет... Это поле защиты или оплавленный доспех... Айнер падает на колени... А стены стекают ему под ноги... Хватаю его под руки и тащу во мрак где-то там – за Светом... А металл с перекрытий тяжелыми струями течет нам на плечи... Айнера вырубил напроць – он ранен, его кровь кипит у меня на руках, чернеет на моих опаленных перчатках... “Защитник”!.. “Защитник” его возьмет... Потолок проседает... Прогнулись опоры... Трещины панелей бегут над нами далеко вперед, сыплют пыль нам на залитые раскаленным железом плечи... Меня просто сшибает какой-то мощный человек, кидает в темную пасть врат, тащит к пыльному свету... Ничего не вижу – только свет фонарей расплывается в мути теней...

– Живой?!

– Так точно...

Йохан – командир третьего взвода – сорвал с меня накаленный шлем. Я закашлялся от пыли, свет ударил по глазам, привыкшим к затемнителю шлема, с интенсивностью световой волны.

– Найдите технику медслужбы! Живо! Он обожжен!

Пытаюсь отдышаться. Айнер зажал затянутой обгорелой перчаткой рукой, докипающий ожег, уже покрытый коркой, и сел у стены – но “улыбается”...

– А что, мощно рвануло.

– Так точно...

– Ну ты даешь, боец... Герфрид, да?

– Так точно.

– И что ты туда попер?..

Вопреки желанию отвести глаза, я принял его испытующий взгляд.

– Не мог так командира оставить.

– Похвально. Если б ты мне еще мешать не стал... Но зато теперь, можно считать, – конец бою. Теперь противнику ничего не выгорит – разве что мозги выжжет. Норвальд уже здесь. Сейчас он

нашу технику расставит, разгонит вражьи программы по тупикам. Мы с ним ничего их штурмовикам не оставим – никакого выбора не дадим, кроме как системы стереть. А третью фазу “защитники” проведут.

Лейтенант занялся рукой, оцетиненной осколками... Они так накалились, что должны были приречь раны... Но он не все выдирает сразу, часть – оставляет, стараясь избежать большой кровопотери. Похоже, это занятие ему по душе – он сосредоточен на нем не меньше, чем Стикк на полировке сапог. “Спутник” уже притащил ему новую шинель взамен опаленной до черноты... В этой черной шинели его издали можно принять за офицера службы внутренней безопасности... Но ни у него, ни у нашего взводного командира при ближайшем рассмотрении нет ничего общего с офицерами DIS, которые начищают сапоги и ремни так же бережно, как крысы – шкурки. Это совсем не то. Есть педантизм от привычки, от холодной головы, но есть и – подобный жгутам на ранах. Стикк так вообще этой тупой процедурой затыкает дыры в душе – это я уже давно понял. Думаю, и с Айнером примерно так дело обстоит.

– Лейтенант, они... наши “защитники”... Они не остались, не прикрыли...

– Меня что ли?

– Так точно.

– Они умные – знают, кого и когда защищать нужней. У них расчеты перспективности действий жесткие. Не было такого, чтоб эти машины “мертвецов” защищали.

– Но они не могут всегда знать точно... знать – кто “мертвец”...

– Не всегда точно знают. Но всегда делают выбор. И выбирают “живых” – тех, кого смогут защитить. А потом выбирают тех “живых”, от чьей защиты системе проку больше будет. У них все по расчету. Но есть тут еще...

– Погрешности...

– Учет погрешности входит в расчет. Просто... Расчеты все с разных отсчетных точек ведут – пусть по одной системе, но все ж с разных точек. Это – точки личной тупизны. А вообще учти, Герф, и хорошенько вбей в мозги этот гвоздь – у всех есть какая-то тупость, – у всех.

Это крепкий гвоздь... Теперь мне его из головы не выбить. Но определить, где границы этой личной тупости – моей, моего командира и нашей техники – этого я сделать никак не могу... А если я не смогу, то... Чувствую, как начинают дрожать руки... Методы Айнера, безусловно, действенны... Но работают они только за пределами обычной критической ситуации – где-то у рубежей запредельно критических ситуаций... Здесь многих могли перебить... Но он поставил под угрозу – всех. Правда, только так мы и уцелели...

И кто тут прав?.. Айнер – если исходить из того, что победителей не судят, по крайней мере, – строго. А если из того, что его решение не было основано на приказе высшего командования, как мое... Но “защитники”... Они думают за всех нас и параллельно со всеми нами. Они согласились с его действиями – ведь молчание своего рода согласие. Они просчитывают вероятности побед, учитывают и риски поражений... и, когда надо, – пресекают действие силой. Если смотреть так, то получилось, что его решение было оптимальным...

– Пошли, боец... Кончай голову ломать – гвоздь теперь оттуда не вытащить. Если он за пару недель в твоей голове не проржавеет – сделаю бойцом первой категории. Одного буду на сложные операции посылать – и в бой, и в разведку. Готов?

– Никак нет.

– Не дошел сигнал!

– Так точно, командир. Готов.

– Бодрее!

– Готов!

D40 подал Айнеру руку... Лейтенант напоследок наградил меня ехидной усмешкой и пошел за гордой машиной... Йохан последовал за ними... А мне осталось только терпеть – выскребать копать из легких и цеплять крюками надежды клочки времени, оставленного мне на жизнь... Одному, с одним гвоздем в голове, мне из этой паутины лучей не выйти. Айнеру нужен человек на смену Нору – штрафному бойцу. Нор способен на многое, но Айнер не способен ему доверять.

Теперь мне предстоит стать чем-то бесстрашнее, но не страшнее, его. О том, что предстоит Нору, лучше и не думать...

Стикк пришел за мной – ничего не сказал – повел куда-то через черноту разрушенных стен... Наши расположились на продскладе – наконец, можно позавтракать, возместив обед и ужин. *Они* не успели уничтожить продовольствие – это на третьей фазе делают. Айнер пошел искать сахар и сигареты на всех. Склад дезактивирован – командир использует эту возможность, как и все другие возможности такого рода... Это не нарушение, после штурма мы можем брать, что захотим.

Ищу Лесовского с неясной тревогой... Он жив и сильно не покалечен – сложил покрытые пузырями руки на холодный корпус XF, но так, чтобы они почти не касались его... Сел рядом с ним и тоже отдал безжизненные руки на поддержку прохладному воздуху. Влад облегченно кивнул мне и опустил голову – уставил напряженный взгляд в какую-то особо значимую точку на полу. Его глаза запали и от этого горят синим пламенем пуще прежнего. На его куртке растрескавшаяся и шелушащаяся корка ссохшейся крови – значит, раны уже закрыты...

– Герф!.. Как те блоки световой волной накрыло, я думал, что ты... труп...

– Да мне тоже такие мысли приходили, но это потом уже. А сначала в голову дало, как ударило – остановить его надо... Айнера...

– Это глупо – его не остановить.

– Теперь и мне ясно.

– Что тогда не ушел?

– Не мог же я его там одного бросить...

– Приказ был такой...

– Не мог я его бросить. Не мог.

– Мы бросили... Я только за тобой под тот свет пошел... Но под заревом потерял... и деру дал с остальными. Знаешь, у всех тогда страх в висках стучал, что Айнер нас вместе с *ними* подорвет к черту.

– Не подорвал же...

– Нет... И ты его вытащил... Теперь жди суда или награды...

– А только так и бывает всегда – иначе и не может.

– Это Айнер так думает, Герф. Это его понимание дел – не твое. Будь с ним осторожней.

– Не выходит как-то.

– Ты на коротком поводке у чести. Следуешь этому уставу без отклонений от самых простеньких правил. И тебе их исполнение мешает не нарушать более значимые порядки – те, которые в основе всего. Ты с обочины не сходишь, не выходишь из колеи – значит и отойти не способен от того, что тебя с дороги снесет и с колеи собьет... в канаву придорожную вышвырнет. А сделает это Айнер, сговорившись с твоей несговорчивой честью. Ты ж видел, что он с Нором сделал и делает...

– К черту... Смотрю, ты осколков насобиравал...

– Как и ты, Герф...

– Их еще и раскаленным железом залило...

– Сколько медчасти на нас за сутки энергии спустили... Шрамов прибавилось... А раны так и открыты.

– Это тебе не стационарное восстановление. Подумаешь – ожоги остались... Сейчас машины разгребут завалы, и медцентры пришлют специальную технику.

– Целый день ждали – и еще подождем... Этот день... Герф, он был худшим во всей моей жизни – и он был длиннее всей моей жизни.

– К черту его. Похоже, что этому паршивому дню все-таки пришел конец.

– Этому, да...

– Новый – не такой паршивый...

– Проживи его, Герф, – потом судить будешь...

– Потом так потом. Если пару недель продержим жизнь за решеткой воли – привыкнем.

– Герф, к чему бы мы ни привыкли – к нам никогда не привыкнет Хантэрхайм.

– Эти незримые силы его холодной воли – слабость воли нашей, и только. Ты спи лучше...

– Здесь и семь дней – большой срок... дольше наших прежних лет... Может быть, и дольше наших жизней... Здесь страшно спать – терять это последнее время...

– Не будешь спать – точно потеряешь его... скоро и вместе с жизнью.

Лесовский заснул – с мрачным ментальным сигналом на исходе мысли, но слабой улыбкой на треснутых губах... Да, это и есть – счастье... без прошлого и будущего, как ему и положено... И не важно, что несгибаемый мороз протянул холодные тросы среди скрученных огнем в жгуты сухожилий, – я жив, и жив Лесовский...

Распечатал сухой паек – он дерет пересохшее горло углем, застревает комом копоты и пеплом хрустит на зубах... Бросил его в угол – пусть крысы грызут наши универсальные составные питательные блоки. Но сейчас мне тошно и от одной мысли о поджаренной мясной нарезке, о копченой колбасе... Уж очень мы теперь, после битвы, на подгорелую и подмороженную строганину похожи... Единственное, что требует срочных, безотлагательных мер, – прием чистой воды. Это, как возвращающее силы пополнение, перебитых под огнем войск.

Обогрев уже подключили. Быстро здесь наши техники системы налаживают. Свежий воздух, нагнетенный откуда-то сверху, очищает легкие. Робкое тепло ползет к нам по стенам... Чувствую, как эти теплые потоки, крадучись, пробралась под стылую защиту и разбрелись по спине – притаились, тихонько положили мне на шею покрытые мягким мехом лапы и спустили пушистые хвосты по позвоночнику... Без этого мы бы долго не продержались. Наверное, к вечеру базу в порядок приведут. На всех захваченных объектах компьютеры и носители памяти уничтожают – *они* или мы сами. Но это наши рабочие быстро уладят. На примитивном уровне подземный город уже функционирует.

Действие стимуляторов кончается. Сердце замедляет ритм. Тепло, тихо... Я засыпаю...

Сержант слегка хромает, в его черных волосах блестит пыль от разбитых отражателей... Я его без закрытого шлема с затемнителем и без глухой маски еще не видел... Как ни странно, у него оказалось очень жестокое и холодное лицо... Не подходит это как-то к его характеру... Но кто знает, что таят старые “драконы” и как прячут... Мы плохо их знаем... Порой, нам только кажется, что они жестоки, из-за того, что они просто другие... И я не знаю, какой он – Унхай... Я не могу извлечь достаточно информации из его раскосых узких и черных глаз. Даже понять не могу – стены это, в которые ты упираешься, или пропасти, в которые проваливаешься... Ничего не говорят о нем и его поджатые тонкие губы... По нему не скажешь даже – устал он или нет...

– База зачищена – третья фаза завершена! Капитан здесь!

Построились быстро, хоть и в полузабытьи. Кладу руку на плечо, блокируя оружейный ремень – жалко, что пузыри на почерневшей коже никак не сойдут за перчатки. Серая форма нашего офицера расплылась перед опаленными ресницами... Норвальду, похоже, тоже жалко, что так не парадно вышло... Нет, это не так... Когда получилось сфокусировать взгляд, оказалось, что капитан смотрит на нас, пусть со сдержанной, но глубокой добротой...

– Вольно, бойцы. Хорошо поработали. Отдыхайте.

Он не стал нас долго мучить, и мы с Лесовским снова сползли на пол. Сквозь сон рассматриваем командира – мы его еще не видели ни разу. Александр Норвальд то размыт тенями, то собран моими стараниями... Он S7 и ниже Айнера. Плотный, крепкий человек... совсем не впечатляющий. У него простое лицо, уверенный, но не жесткий взгляд... В нем нет той холодности, которая присуща людям с высшими категориями.

Капитана характеризует и то, что к Айнеру, с трудом подпирающему плечом стену, он подошел первым...

– А вы, Айнер, герой, как всегда...

– Давайте забудем про сарказм, капитан.

– С вами еще не было такого, чтобы так промахнулись...

– Это вы про опору? Признаться честно – выше метил и правее. Нашелся тут боец один – остановить надумал. А как до него дошло, что не сможет, – решил прикрыть от вражьих лучей собственной жизнью.

– Мне дали информацию, что вас рядовой спас.

– Так точно. Герфрид Штэндштайн. Он и вытащил из пламени мою, почти пожертвованную системе, шкуру. Новый боец – боец Ульвэра. Он и есть – герой... И прямую установку Борга исполнил, и командира не бросил. Ему дашь приказ – “живым или мертвым – сделать” – так и мертвым сделает.

– Сообразительный значит...

– Он ситуацию дальше жизни прогнозирует – по большей части довольно точно. При этом быстро и решительно.

– Ульвэр только таких и терпит.

– Упертый он, правда, на прописном порядке, но ерунда это – сдору с него три шкуры, и дурь сойдет.

– Знаю я ваши методы, Айнер. Нам не нужны перегибы до ломки.

– Нам не нужны солдаты, которых сможем сломать мы – офицеры штурмовых подразделений и других служб системной безопасности. Они должны стойко выдержать натиск севера – не дать ему сломить их дух льдом оцепленных скалами пустынь.

– Да, Хантэрхайм верная проверка на прочность. Согласитесь, Айнер, и мы промерзли здесь до трещин.

– Трещины скованы тем же льдом, капитан. Так даете добро?

– Даю. Похоже у вас большие планы на этого рядового.

– Так точно, капитан. Нам такой боец позарез нужен. Нор на слом идет шаг за шагом – только как подконтрольный штрафной стрелок годен. А других таких нет.

– Тогда готовьте его, как знаете. Но и я присмотрю. А что с вами делать... это еще вопрос не решенный.

– Нечего тут решать. На седьмой базе еще бои идут. А мы операцию почти без потерь завершили.

– Эффективно, Айнер, работаете, но рискуете на пределе. Разрушений после ваших...

– Зато люди живы.

– Знаю, что плохо дело было, но командир эту битву разбирать будет.

– Боргу тоже кому-то отчет на стол класть предстоит. А первые показатели – скорость захвата и потери боевых единиц.

– Спишем урон, как сможем. Но и короб, и перекрытие базы повреждены после вашей разведки.

– Это ничего. Проломы перекрыты. Аварийные затворы сработали.

– Есть четкий запрет. Подобное вскрытие – под строгим воспрещением. Слишком велик риск утечки с тех... Излучение с тех объектов, что бы ни было с базой, во внешнюю среду уходить не должно. Перекрытие – единственное, что защищает от этого.

– Те шахты замурованы так, что их не повредить, не стерев базы. А тогда не будут работать никакие системы защиты.

– Я повторю, Айнер. “Хранилище” ставит под угрозу весь наш мир. Перекрытие – единственная надежная защита.

– Я учел это.

– А этот Ларс Стикк...

– Не тупой он человек, капитан. Ядом исходит, но если дозы регулировать, то из этого выходит неплохое лекарство.

– Согласен... у всех свои недостатки, граничащие с достоинствами.

– Можете не продолжать.

– Вы, Айнер, дело Стикка видели?

– Так точно. Не беспокойтесь – задам ему верное направление. Но иногда его завороты как обходные пути работают – пути, пригодные для нас всех. Он у меня смотреть будет – куда вздумает, всматриваться – куда укажу и идти – куда прикажу.

– Работайте, Айнер, – это по вашей части. Если что, его разработает Скар.

– Его... нет. Скар делу не поможет. Стикк уже не раз прошел через “царство теней”.

– Ну, вдвоем-то вы со Скармом точно справитесь. А этому бойцу – мою личную благодарность за спасение Фридриха Айнера передайте.

– Так и передать?.. Не поленюсь, разбужу его по такому случаю. Но вы ему лучше передадите, капитан.

– Потом. Пусть спит... герой...

Их разговор вслух очень тих, но разобрать его еще как-то можно... Я слышу почти каждое слово, хоть и приглух от взрывной волны... Хорошо, что звукоизоляторы сократили шумы, пусть лишь особо убойные...

И наш измученный лейтенант с изможденным, но упорно устремленным куда-то ввысь взглядом, и думающий над чем-то, с низко опущенной головой, капитан – они устали, но спокойны... Только все равно что-то не так... и с их словами, и с суровыми лицами спящих вповалку на полу у стен солдат, больше похожих на сваленных где попало мертвецов... Спокойным все кажется только после боя – после боя так всегда... Но воздух продолжает давить напряженным ожиданием чего-то...

Командиры стали говорить совсем тихо, и я потерял за монотонным гулом голосов ритм разборчивой речи... Мои глаза почти закрылись... А Лесовский безвольно уронил голову мне на плечо...

– Влад... Ожоги не трогай...

– Не говори со мной. Мне руггеры приснились, а ты тут...

– Да, после этой беготни на пределе концентрации, это не худший сон... Уверен, что скоро эти чудовища будут вычеркнуты из моих кошмаров... и приписаны к моим светлым снам...

– Я знаю, что их в кошмарах заменит... Борг.

– Борг рискует и поощряет риск. Я уже понял, как он работает, – все просто, никаких сложных схем. Нас здорово подставляют, но зато мы в скорости выигрываем.

– У Ульвэра другой подход... Но, правда, у нас в Штраубе было время сложные схемы применять...

– Тут его нет... Ни Ульвэра, ни времени... А Борг бой ведет... Главное, что действительно. Борг с машинами по оборотному принципу воюет...

– Хочешь сказать, что он – оборотень?..

– Что-то вроде... Он мыслит так же, как они, но может и иначе... Они везде порядок строят, а он их постоянно с толку сбивает... И выходит, что он под них расчет подстроить может, а они под него нет...

– Верно, порядок не разрушить, не определив его системы... А беспорядок... его систему вообще определить нельзя – ее просто нет...

– Есть... Только переменная... Беспорядок – это очень скоростной порядок. Такой скоростной, что никто его заметить не способен... А скорость как раз у простоты брать нужно... Я это сегодня понял... Мне Айнер объяснил... делом. Айнер для таких перебойных предприятий хорошо подходит – у него мышление нестандартное...

– Тем и опасное. Он тоже – оборотень. И его разум имеет не одно обличье...

– Скорей, не одну сторону...

– Хотелось бы так думать... Герф, а воздух здесь звенит даже сильнее, чем в Штраубе...

– Думаешь, рванет?

– Не знаю... Понятно, что, кроме Снегова, не справится никто, и ясно, что его решение твердо. Значит, если что и будет – будут силу применять... Страшную силу, Герф...

– О смене власти и бунтах здесь и речи быть не может.

– Как раз здесь и может...

– А, попали мы...

– Теперь, Герф, начинаешь понимать, куда мы попали?..

– К черту... Как мы не стремились избежать внутренних конфликтов...

– Так уж мы старались.

– Не в полную силу...

– Зато воюем в полную...

– А все, что нам нужно, Влад – выжить. И все у нас для этого вроде бы есть... Уже избавились от всех нестабильных факторов... Ну война – это понятно, Пересмотр Задач – понятно. А сейчас что?..

– Мы снова в тупике – хотим жить, только не можем определить, как дальше действовать, чтобы из этой заварухи выйти.

– А ты что думаешь?

– Ничего, Герф... Завтра узнаем, что здесь происходит... А сейчас мысли не идут – вырубаюсь, просто...

Влад снова уронил голову мне на плечо... Ничего, пусть спит и видит, как оскаленные морды чудовищ даруют ему целительные улыбки... А я потерплю... От тупой боли спать не могу и вяло прислушиваюсь к ровному дыханию Лесовского... к тихому разговору Айнера с Норвальдом... Айнера, подпирающего стену из последних сил, – похоже, что опору стене теперь дает именно он – с Норвальдом, прикуривающим одну сигарету от другой...

– ...Дальше Анлагена не пробьются... Но город удержат...

– И то хорошо. Только ненадолго это.

– Кто знает, Айнер, кто знает... Штольт в Анлаген после штурма полетит – прямое управление над пятой армией примет.

– Это точно?

– Пока еще нет, но многие офицеры высшего состава объявили “недоверие” генералу Луну – его под контроль берут. Тишинский его дело на стол положил и документы забрал.

– Чжан Лун того заслуживает...

– Многие поддерживают его радикальную позицию...

– Раз так – Штольт будет принужден всю пятую армию раскидать.

– Надо будет, и пятую армию расформируют...

– Опасно это только. Как заразу по ветру пустить... как очаги заражений расширить... Но что ж, подмешают нам в общий котел отравы, так мы ее силовыми методами вытянем – хороший это адсорбент.

– Рано об этом... Грубой силой под конец брать будем. Пока генералы Совета ограничились ссылкой в Анлаген. До тех пор, как воздух не затихнет, Луну будет не до политики.

– Он и под обстрелом не оставит те безумные мысли. Не забросит их и тогда, когда Анлаген рухнет, обрушив его расчеты. Ему нужно сокрушить Ивартэн во что бы то ни стало. Иначе ему не получить власти. И он не посмотрит, что сможет обречь этим риском всех... Он только ради этого берет и держит эти мерзлые руины – ради близости к его личной цели, к Ивартэну и к власти...

– Он нам не враг...

– Мы не знаем точно. Он – “дракон”. И у него есть причины не терпеть власти нашей.

– Он воюет по нашу сторону и идет к нашей общей цели – одной общей цели.

– Идет с нами, только пока ему с нами по пути – ему и обеим его целям. При первой возможности он пойдет против нас и обе цели выдвинет штыками. Ему нужно убрать всех врагов. А его враги – все, кто правит под штандартом AVRГ, будь то мы или *они*.

– Сейчас Снегов один этим вопросом ведает. Из штаба он теперь не выходит...

– Да это он давно уже... разгребает наши нагроможденные планы.

– Он знает, что и когда делать.

– Только мы не знаем, какие цели он первым порядком ставит.

– Это вы зря так, Айнер...

– Мы вообще про него ничего не знаем. И с каждым годом этот разрыв познаний все больше.

– Довольно об этом. Завтра нас Хантэрхайму вернут. Шестую базу на Илде оставят – его люди и без нас порядок наведут. А вы мне лучше расскажите, что за сбой у вас тут был?

– Люди сдают – вот и все. Из-за стимуляторов это.

– Теперь передохнут. Выбил им четырехразовое питание.

– Замечательно. Что Совет решил?

– Ничего. Снегова в Штрауб отзывают на пересмотр.

– Действительно так серьезно?

– Да. Ночью последнее виртуальное заседание прошло – это их больше не устраивает.
 – Что ж... посмотрят друг другу в глаза. Уверен, ни Снегов, ни Грэн, ни Штольт не уступят, и Центр их поддержит... А Верштект против не пойдет.

– Ивартэн не сотрут.

– Все бы так думали, капитан...

– Сложный случай, но пока срывов нет...

– Так хоть время есть, чтобы там ни было. К тому же варианты уже намечены – с ними только работать.

– Время мы еще потянем. Ничего – это еще не предел наших сил.

Они перешли на ментальные передачи с хромым и одиноким стуком сапог сержанта – Унхай вышел из полумглы длинного коридора...

– Отделение направлено в расположение части... Герф, Влад... Пошли. Сорг! Поднимите его, кто-нибудь...

С трудом разбудил Лесовского... Рад, что он проснулся, а то мне тут совсем одиноко стало... и не по себе как-то очень... Нор подхватил, то ли конченного, то ли беспробудно спящего, Сорга... Он перекинул тощую руку друга через плечо, но тот безвольно уронил ее... Странно, почему он еще не в медчасти?.. Ему давно там место... Одни запавшие глаза на обтянутом тонкой кожей лице, зато глубокие глаза... Это тебе не хищные прищурные огоньки за чем-то вроде мутного стекла... Но сейчас и Нор, хоть и горбит спину, как злобная крыса, еле плетется. Хорн, спотыкаясь, бредет за нами... Но время от времени он еще с каким-то веселым задором пинает осколки и обломки, рассыпанные штурмом у нас на пути... Хорну беды ни по чем...

На земле каждому полагается отдельный отсек – под землей нас размещают в казармах на взвод. Влад свалился на нижнюю койку... мне пришлось лезть наверх...

Запись №12 00 00 000 00:00

Мы с невестой уже давно сидим под столом. Жалко только, что место здесь почти открытое. Но лучшего убежища нет. На стенах растут подсвеченные загадочным компьютерным светом тени – они окрысились вширь и ощерились ввысь: до потолка и, кажется, выше... Что же нам делать?.. Нет, я не выдержу!..

– Моим сигналом говорит правда! Эй вы, крысы! Пощады!

Крысы молчат и растут, растут... Их шерсть вздымается на вздыбленных и сторбленных загрявках... Их когти собраны в цепи... А хвосты приподняты плетьюми...

– Сжальтесь! Мы тоже прошли через ад вместе с ним! Нам нужен отдых!..

Нет ответа... Крысы напולзают и надвигаются стенами, неприступными крепостями теней и клоков шерсти. Их зубы поблескивают в полутьме, но глаз не видно – они черны, как крысиные норы... Нам ничего не осталось, как принять условия капитуляции. Теперь мы их рабы...

– Довольно! Мы продолжим! Мы будем работать изо всех сил и днем, и ночью! Последние надписи на плите с именами Героев будут завершены еще до того, как почернеет лес и иссохнут мхи! Только не подходите ближе со своими оскаленными тенями!

Запись №13 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 05:00

Что-то касается моего разума... Это не сигнал тревоги, не “подъем”... Что, на пост уже?.. Только сдал вроде... Стимуляторы забрали последнюю каплю энергии, и еще колоть... Через озноб начинаю различать, что упор XF прижат к моему плечу...

– Герф, буди Лесовского!

Открыл глаза, но они среди подземной темени еще почти ничего не различают – только едва мерцающие графики на моем браслете видны...

– Хорн... Не наш дозор. И до “подъема” еще целый час...

- Разбуди его!
- Тебе надо, ты и буди...
- Мне его и по тревоге не растолкать! Иди! Быстрее!

Хорн с силой бросил клинок в ножнах мне на грудь. Что-то с ним не так... Видел я его и в бою и после боя – он из таких, что и на смерть с улыбкой пойдут, но сейчас от его вечной, беспредельной, бескрайней обреченной “радости” и следа не осталось...

- Да что?..
 - Лесовского разбуди!
- Хорн сорвал с моей португалии бич и до боли сжал мою руку на его рукояти...
- Хорн, ты что делаешь?! Он заряжен!
 - Тише... Норглан с другими ушел.
 - Ушел?..
 - Через слепую зону. Мы с Соргом пост сдали! Его Варг и Ивар пропустили! И пост бросили!..
 - Третье отделение...
 - С ними Остромир – сержант их. И этот его “дракон” – Хун.
 - Это тот, который без наводок запросто собьет все, что черт под луч бросит?..
 - Он. Запомни, ему что человек, что бешенный скингер, – пристрелит и глазом не поведет...

Герф! Поднимай Лесовского!

- Но это ж... Они – дезертиры!.. Я доложу!..
- Нет! Стой! Подожди!.. Сорг за ними пошел – он их на объекте задержит! Нужно его догнать!

Если поторопитесь – успеете ему плечо подставить!

- Не доходит что-то...
- Границу части они еще не перешли! Их нужно задержать! По ту сторону правит Скар и его “тени”! Это его территории. Пересечение их границы – смертный приговор без рассмотрений! По нашу сторону такой без рассмотрения точно не вынесут! А карательные меры последуют жесткие и у нас! Это еще точнее!

– С места не сдвинусь, пока не объяснишь.

– Нельзя допустить ни того, ни другого! Не звери они, чтоб с них шкуру драть! Их вернуть нужно!

– Хорн, я не понимаю ничего... Сорг их что, остановить решил?..

– Точно. И воротить... кого сможет. Но вернуть их он один не сможет точно! По приказу он о попытке к дезертирству доложить должен сразу! А при сопротивлении задержанию – огонь на поражение открыть! Без подтверждений! Они знают об этом! Прикажет он им: “Стой!” – встанут, как замерзшие! Скажет: “Не поздно повернуть!” – убьют его! Он не доложит, он луч не спустит, до тех пор, пока Нор с ними будет! Встанет Сорг у них на пути один – положат его! И Нору меж двух огней не выстоять, что бы он ни делал! Ни Сорг, ни Нор по старой дружбе не противники – на смерть друг другу оружие не подымут! А “дракон” сожжет их обоих и не посмотрит!..

Я резко вскочил, еще не понимая, о чем это Хорн толкует так дерзко...

– Сержант здесь?

– Нет! Никто ничего знать не должен! Никто! Понял?!

Хорн с лихорадочной поспешностью толкает и тормозит мои измученные мозги, но не запрещенными приемами – так как-то... Мысли совсем сбились за его беспорядочными фоновыми сигналами...

– Это что значит?!

– Да пойми ж ты!.. Это наши бойцы! Просто сбои дают! Мы их должны воротить, кого сможем! Кого – не сможем, то их удел!

– Ты что несешь?! Мы сообщить обязаны! Им доверять нельзя больше!

– Нет! Это пройдет! Это стимуляторы все! Герф, не теряй времени!

– Перекрыть им путь – еще можно... Но вернуть их – нет.

– Герф! Там правит Скар! Здесь решает Айнер!

– Ясное дело... И он по порядку дело разберет.

– Герф, у него разбор суровый! Сорвет его коротким замыканием – и вообще по высшей мере прогонит!

– Сорг... Мы его без поддержки не оставим. Но доложить надо.

– Не вправим мы Нору мозги – отдаст его Айнер карателям третьего отдела! Безвозвратно!

– Значит так и...

– Нору по плану еще есть путь, обходящий “тень”! Но он Айнеру поперек глотки клином стоит!

– Командир-S9 справедливость не переступит и уставной порядок не нарушит...

– Он дефектный! Ты знаешь об этом – знаешь, что он по границам ходит! Он и каждого из нас может на грань поставить!

– Верно... было такое...

– Было и сейчас есть. А будет – “последний разговор” с бойцами подземелий! Хватит время терять! Их вернуть надо! Не звери они – ни Сорг, ни Нор! Стимуляторы им ограничители снесли!.. Пройдет это!..

– Черт... Куда они рванули?..

– К секторным вратам!

– Их бойцы DIS заберут – это расстрел на месте.

– Перейдут грань – так и будет! Нору Сорг точно ходу не даст – на объекте задержит. Здесь охрана Борга – технику на посты не ставили, мозг еще не полностью подключили. Но если он его не удержит – расположение части не покидайте, за ними ни шагу. Идите!

– Сколько их там черт собрал?..

– Не знаю! Только троих “вижу” – другие уже вне зоны...

– Если их больше, надо будет лучевое оружие применить...

– Не лучевое! Унхай сигнал поймает! Никто сейчас лучи не спустит! На простых ножах решат! Может быть – на разрядниках! Если до этого дойдет – обезоружите обоих разом и делу конец. Остальных, так точно, по рукам бейте – потом скрутите, кого черт позволит! А Хун выбирать не даст – вырубайте его сразу! Ясно тебе?! И слышишь – Норглан еще не зверь! Заберите его оттуда!..

– Да куда они ночью поперлись?! Под прикрытие руин Ясного?!

– Не спрашивай! Сорг – наш боец! А Нор – он точно не с остальными! Он всегда – не с остальными. Верните их!

– Идешь?..

– Останусь. Больше пост доверить некому. Приду, если не справитесь! Только сигнал дай! Торопись! Смене скоро конец! А с Йонаром и Хансом разговор короткий!..

– Черт!.. Влад, вставай, пошли! Бери бичи! Зверей с растяжек сорвало! Стикк головы оторвет!

Лесовский, наконец, продрал глаза – вскочил будто ему снова дозу вкололи. На оружии засветились загрузочные панели... Затрещал синими искрами бич-разрядник...

Бежим по темному коридору, хоть еще толком не сообразили, что делаем... Бесстрашие Сорга – его преданность этой, пусть дурной, дружбе, его неколебимое, какое-то мертвецкое, понятие о чести, возвышающее знамена над приземленными границами недозволенного – кувалдой ударило по рассудку Лесовскому... Но и на мою, вроде холодную, голову нашло что-то подобное долгу перед нашей боевой командой... Сорг встал под удар один – за порядок по правоте. Чтоб установить его не доносом – правой силой. Бросить его одного на произвол, после этого и на ум не приходит. Думаю, один он стоит того, чтобы нарушить, вроде не такие жесткие, уставные запреты. Правда, просчитать, сколько мы их сейчас переступим, у меня еще не получилось. Это не то, что бы пугает – студит как-то... Так и надо, не то Лесовский очередным порывом мне окончательно мозги снесет... А затаяет он меня следом за собой в далекую от суровой реальности пучину благородных намерений, некому его оттуда вытянуть будет. Ему только дай поступить, как он считает нужным, проблем не оберешься...

Свет перебил полный мрак сумраком, каким-то слабым утром... Прикрытые глаза привыкают... Но сигнал ментальной активности уже достаточно силен – теперь он наш ориентир. Бойцы здесь. Трое – близко, остальные – дальше. Есть еще кто-то – у грани зоны активности, почти стертый...

Их фоны прорваны подавленным отчаянием и сдержанной злобой. Звериное чутье и реакции машины... Такого быть не должно. У них определенно поломки, задевшие сознание и его ограничители. Значит, дело серьезно... и его нельзя скрыть тишиной... Но здесь и что-то другое – длительное химическое ускорение... Этот эффект может быть вызван им... Если это от него... Это проходит. Только мне про последствия тех химикатов, которые нам кололи, почти ничего не известно... И думать теперь об этом поздно. От этого мою голову пробирает подступивший вплотную холод. Но Лесовского этим никак не остановить...

Мы еще не ввязались в бой... Я еще могу доложить... Нет, не сейчас. Потом будем подставлены мы, но сдать кого-то кому-то, без хоть какой-то уверенности, – нет. К черту! Командиры всегда с нас шкуры спустить сумеют!

Я не замедлил шаг, но Влад по привычке метнул мне в глаза укоризненный взгляд. Он переключил бич на полную мощность. Я сжал зубы покрепче и пошел вперед. Фонари мы не зажгли. Нам светит только угрожающе накаленный проводник, ждущий разрядки. Контакт испепелит цель за считанные секунды – Лесовский всегда готов к худшему... Похоже, что он к этому не только подготовлен – порой он будто к этому “худшему” и устремлен. Мне необходимо быть осмотрительнее. Не навlech бы нам беды...

– Есть перемещение!

– Стой, Влад! Наши здесь!

– Остальные уйдут!

– Черт с ними!.. Мы их не догоним! Сорг под ударом! Его Хун сожжет!..

– Теперь не сожжет!.. Он нас “увидел”! Хун один! Нор не с ним!

– Да стой ты!.. Подожди! И так не подумали – бросились на бой черт знает с кем!..

Слышим, как заискрило что-то вроде наших бичей – и затихло. Сорг и Нор на объекте, с ними “дракон” – он действительно один. Но что-то там у них с расстановкой не то... Дальше мы не пошли. Других не преследуем, пусть бегут к постам “теней” DIS. Теперь надо спешить, но и одновременно быть осторожней – нас притормозили эти трескучие разряды... Бичи на северных укрепленных базах не используют, тут даже скингеров нет... А со “шнурками” как с оружием штурмовики А2 работают редко, и особой сноровки в этом деле мы с Лесовским не имеем...

Заходим на платформу... Пустое темное помещение – что-то похожее на переход уровней или тоннелей... Площадки подъемников стоят вровень с полом, дверей нет: еще не поставили... Поодаль под мерцающим сумраком остановились три фигуры – смутные, как на виртуальном поле. Они замерли готовые к бою, но так и не сошлись. Чтобы убить или покалечить друг друга, им хватит и доли секунды – это борьба на холодный расчет действий. Нор, без сомнений, противник Соргу, но он блокирует и каждый предполагаемый выпад “дракона”. “Шнур”, зашкаленный напряжением, искрит под его рукой. Ему нужно нейтрализовать помеху, но убить друга он “дракону” не позволит. Соргу, ясное дело, необходимо вырубить их обоих. А Хуну, похоже, уже – убить обоих. Они противники – по двое на одного...

Остальные бросили их троих – это точно. Но и их троих – равных по силе солдат северных армий – обезоружить нам будет не просто... Особенно трудно будет сделать это с “драконом”... Только он один не ослабил контроль над ситуацией в ущерб времени. Он не может оставить Нору шанс перейти на нашу сторону – один Нор сдерживает нас от того, чтобы доложить, от того, чтобы преследовать, от того, чтобы убить. Поэтому “дракон” оставит его напоследок и будет жечь всех, кто попытается ему помешать. С него мы, думаю, и начнем... С Норм проще будет – с ним после...

Застыли с Лесовским на подсвеченном, будто приклеенном к полу, листе дверного проема. Тишина оковала нас нерушимой преградой. Не стали ждать удара по голове – отключили линии передач, блокировали сознание. “Дракон” отошел к стене, пригасил “шнур” – почти исчез, скрытый полумглой, только загрузочные панели на его излучателе разгорелись. Нор растянул “шнур” линейной плетью с двумя контактными концами... Синий огонек пробегает по полу за его рукой – то ко мне, то к Соргу, то к “дракону”... Он брошен так близко, что сыплет искрами, но еще не подсекает. Сорг перехватил ножи на лезвие – его клинки под коротким замедлением нацелены на исходные блоки плетей, стоит ему пустить их, удар будет усилен высоким разрядным потоком. Он правильно мыслит – сейчас нет смысла выводить из строя более серьезное оружие. Это трудно –

поразить мозговой центр ХФ. Нашему оружию он “виден” только при его секундной обработке данных – при определении им его цели. Нам он “виден”, можно считать, прямо при спуске. Иначе, в этой темени, мы его точных координат определить не способны – только по этому сигналу... Но не знай мы с Лесовским, что Хун без наводок бьет, – постарались бы ударом через загрузочную панель вырубить его излучатель. Да только не применит “дракон” сейчас это оружие – что-то другое у него на уме, хоть и времени, подходящего к какой-то задержке, у него нет... Стоим и ждем, кто что придумает. Решаем, у кого нервы крепче. Штурм не оставил сил никому из нас, но уже ясно, что бросать оружие никто не будет. Что теперь?.. Стараюсь незаметно подключить бич на удар покрепче... Верное дело, Влад с его “худшим” в точку попал.

– Сорг! Наши линии тебе открыты! Отходи!

– Убирайтесь, пока не поздно!

– Никуда мы не уйдем!

– Это Хорн мне подмогу послал! Он команду подставил! Разберу его принципы по кусочкам, когда с этим закончу!

– Хорн подставил?! Не знаю, что у вас тут происходит, но проблемы у нас общие!

– Убирайтесь подальше – не то нарветесь на патрули “теней”! Командные посты DIS близко к зоне восприятия – нас от них только створы сломанных врат отделяют!

– Не на каждом шагу их посты! И до патрулей времени уйти хватит! Но если будете тут плетью махать, дождетесь их!

– Поэтому и убирайтесь подальше! Наше отделение и так уже при штурме перебили!

– Да, перебили – враги! Мы не позволим сделать это нашим бойцам!

Белый свет ударил по глазам, хлынул из коридора, разогнал кусок мрака, налетел на наши спины, бросил тени на пол... И перепад энергии обрушил на нас еще более непроглядную темень. Дохлые прожекторы окончательно задохнулись – тени исчезли с блекнувшим квадратом пустых дверей. Заметались слепые разряды, низко загудели бичи, затрещали плети, но не зазвенели ножи – железо не загремело об пол... По панели платформы пошла вибрация – и смолкло...

Мы разом перестроились... Нор с Соргом замкнулись друг на друге, будто отошли к сумраку где-то за нами. Нору старый товарищ каждый шаг обрубают. Только Нор переходит от нападения к обороне так скоро, что, окруженный столпами искр, уходит от его блеклых, так и не пущенных, ножей. “Дракон” наш. Лесовский ему блок поставил, но не удержал – мне пришлось перебить разряд, который он пропустил. Под огнем разбросанных плетей разжались мои руки, но мой брошенный бич не погас. Я подобрал его еще до того, как Хун пустил к нему клинки с портупей... Я позволил ему собрать плети, но клинки его остались при мне. Хун пожертвовал ими, чтобы разбить мой бич... Значит ему это оружие известно плохо – учту это. Теперь у него лишь за голенищами сапог по ножу – нам это на руку, и Лесовский такого случая не упустит.

Огонь пролетел по моей руке... Я принял удар, закрывшись излучателем... Но Хун разогнал “шнур” почти до мощи наших бичей. Я чуть не бросил, погасший было, хлыст, но отвел его и, сквозь стиснутые болью зубы, ударил со всей силы, ориентируясь по ментальному сигналу. Рывок – и я вышиб из рук “дракона” исходный блок с плетью, направленными на Лесовского и отбитыми им... На пол упали одни осколки – удар был слишком мощным, из-за повреждений пошел дальнейший распад... Пришлось пресечь рефлекс невероятным усилием воли, чтоб не рухнуть наземь, не закрыть голову... Мы лишь пригнулись, уклоняясь от раздробленного пламени... Под конец, из разрубленных мной блочных составных частей плети, изошли зазубренные молнии – синие огоньки пробежали по стенам и потухли у нас под ногами. Блок плети испустил последний жесткий лучевой поток, о котором эти несколько секунд мы все только и могли думать...

Один Хун не потерял этого времени... И теперь клинки пристегнуты к его портупее, как и прежде. Не знаю, как он сделал это, – никаких движений с его стороны я не заметил... Но те клинки, что были брошены мне, он точно не вернул – это точно другие. Те клинки забрал я, и они при мне. Значит – это его последнее оружие, которое он может задействовать здесь... Я разогнал бич... Хун вскинул взведенный излучатель... И я отдернул, остановил бич, пресек контакт... Лесовский тоже отключил хлыст... Но он, скрытый мраком, бросил на пол бьющие по глазам засвеченные фонари... Одно движение – и “дракон” у него на прицеле...

Наше, будто дымное от мерзлости, дыханье перебилося – его перешибло напрочь... Холодный ошейник уже стянут инеем, опадает конденсат последнего выдоха, замерзший и застывший вместе с нами... С пересохшим горлом мы прикованы к месту. Но несмотря на судорожное напряжение, ни Хун, ни Влад так и не сжали руки на спуске...

Правильно... Бесплезное это оружие – до времени... Уверен, что на данное время, – лучи не спустит никто. Сейчас они оба этим просто нейтрализуют друг друга, перекроют друг другу все варианты действий. Вернее, один придержит другого до поры – до того, как кто-то первым ножи на лезвие не возьмет и не отобьет чужие клинки ненужным здесь излучателем. Но, готовое к спуску, это оружие мешает мне, ставит каждый выпад под угрозу, под срыв. Это создает промедление – ограничивает мою зону действий... Хорошо, что мне не приходится рассчитывать только на ножи Влада – к этому у Лесовского и хлыст к портупее пристегнут... Правда, мы не знаем, что еще может служить оружием “дракону” – у них часто есть “другие силы”.

Мне надо действовать быстрее... Но чтобы обезоружить такого бойца, как Хун, одного удара бичом не достаточно... Его фон не проникаем, и предугадать его маневры я не могу – мой мозг фиксирует сигнал одновременно с перемещением, не прогнозирует следующие. Как я не стараюсь сосредоточить внимание на исходящем сигнале, его переменные частоты только ударяют колебаниями по моему опоздавшему сознанию. Хун слишком быстро отходит, пытаюсь сбить с толку нас с Лесовским... Ему почти удалось подставить меня под пересечение еще не спущенных лучевых потоков – Влад успел перестроить их направление, но и только... Хун отошел еще дальше, не позволив ему даже прикинуть бросок... Кружу возле них, намечая удар... Не даю “дракону” отвести руку, чтоб он до ножей не достал... А воздух звенит напряжением, готовым к разряду... Сколько еще мы так протянем?... Ждать времени нет. Если Влад сейчас концентрацию в кулак не соберет и не перейдет на ножи, “дракон” сорвет его наводку и мне ничего не оставит, кроме как в оборону перейти и Лесовского прикрыть...

Хун не позволит мне разогнать бич до полной мощности, до парализующего разряда при касании... Он занимает такие позиции, чтобы нельзя было схлестнуть хлыст на его руках и не тронуть при этом спуск XF. Из-за того, что удар должен быть крайне точным и нанесенным с неудобной позиции, его сила падает...

Пошел на риск... Только тисками сжатые “драконьи” руки не дрогнули и под синим пламенем, несмотря на то, что при разряде над ними взвились светящиеся электронные “тропы”... “Дракон” не стал ждать моего следующего нападения и подвел руку к портупее – под его рукой блеснул заряженный клинок... Нет, руки ему не занести – до того, как Влад до предельной концентрации нервы не дотянет, я его сдержу... а тогда они оба снова уравниваются будут. Хун допустил ошибку – дал мне уяснить степень его контроля – и я без особого риска схлестнул хлыст у него на горле. Сцепленный с ошейником бич пустил мощный разряд, но его заблокировал тот же ошейник... Вырубить “дракона”, ясное дело, не вышло, но пару недостающих секунд Владу я обеспечил... Только, похоже, я скоро буду вынужден оставить их так – друг против друга под готовыми к спуску лучами и с готовыми к бою клинками. Другой попытки прикрыть Лесовского мне не дадут Нор с Соргом...

После долгого ментального противостояния, они перешли к другому оружию и схватились по-настоящему жестко. А бойцы, сошедшие с изначальной технической базы северных земель, друг другу не уступают – секунды обезоружили обоих, но не больше времени им понадобилось, чтобы только что выбитое из рук оружие снова было готово к бою...

– Сорг, за плетью следи!..

На его руке схлестнут трескучий “шнур”. Сорг его перехватил, но уже довольно глубокий ожог не дает ему держать этот тонкий проводник под мощным током. Исходный блок сбоит, заклиненный его поблекшим лезвием, но еще работает. Другой клинок Сорг уже метнуть не сможет. С едва заметным промедлением, плетью захвачены уже обе его руки, и Нор подбирает проводники короче. Сорг резко одернул эти искристые путы, но Нор подсек подсвеченные тросы, и Сорг упал на колени. А что мне теперь делать?... Перерублю бичом проводники – разобью их поле к черту, но таким потоком, что обоих бойцов бесследно сожжет. А вышибу исходный блок мощным

ударом – расколю его к черту, но он под бичом энергию испустит, опять же поразив их обоих. Крепко они связаны этой дружбой – не разорвать!

Я послал к черту все, что мог, и снизил разрядную силу, пригасил бич... “Дракон” и рукой не шелохнул... Он смотрит Лесовскому прямо в глаза – равнодушно, сосредоточенно – он ждет времени... Нас Хун “видит” лишь по фоновому сигналу... Но его никто из обзорных полей не выпускает. А Влад так вообще с него напряженных глаз не сводит...

– Герф, “дракон” мой – держу его крепко! Бери бичи! Мой бери!

А черт!.. Схватил второй бич!.. Если Сорг с его беспощадными ножами Нору ничего не сделал, так мне о клинках и думать нечего. Нор следит за мной, но так и не дает Соргу встать, держит блок “шнура” под высоким напряжением... Подхожу к нему, как к зверю, – медленно, тихо... Если делать выпад, то рассчитанный до предела... Я знаю, что стоит Нору потерять управление хоть над одним из линейных концов “шнура”, – Сорг вырвет из пут клинок... Но Нор блокирует мои удары, определяя их еще в корне мысленных действий... Исходный блок недосыгаем – с этим ничего не выйдет. Нужно вынудить его отвести один линейный конец плети для защиты – перевести хоть один трос ко мне... Нет, и это не выйдет – Сорг Нору более страшный соперник, чем я... Пока мои бичи синим огнем не пылают, Нор Соргу свободы не даст... А как бичи огнем запылают – им обоим конец... До этого не допущу, но сейчас посмотрим, кого Нор сочтет страшнее, – проверим, как он с этим прав... Осторожно захожу Нору за спину – сейчас Сорг ему отойти не позволит, но долго он его так не сдержит...

Обеими руками навожу потоки – Нор принимает удары плечом... Разряд – и он отлетает к стене, но не разжимает рук на исходном блоке... Он не бросил блок и после следующего удара по плечу... А погон на его расплавленной куртке уже рассыпал пеплом порядковые знаки по шипящей ожогом коже...

– Нор, брось блок!..

Он только резко вскинул голову, и я поймал вызывающий гневом взгляд – горящий, но не ясный – пламенный и испепеленный, осыпающий этим серым прахом... Теперь понятно, что в его голове тот же присыпанный пылью пожар... Отвожу бичи!.. Бью со всей силы!.. Нор принимает удары... Его озноб колотит от боли и злобы, но он не бросает блок. Зажимаю его плечи бичами с обеих сторон.

– Брось его!

Гул синих вспышек раскатами бродит по стенам. Исходный блок горит... Но Нор не разжимает рук... Нет, не может разжать... Это замыкание – обычное короткое замыкание... Нет, это шок – его сознание отключилось... Бичи рассчитаны на усмирение подземных чудовищ, похожих на осколки скал!.. А мы применили их!.. Отпускаю бойца!.. Развожу потоки!.. Браню себя за тупость, но уже поздно!.. А что теперь – все равно не знал, как его остановить иначе... Да, видно, и не вышло бы по-другому... Нор только сейчас упал на колени и опустил руки... Но он до сих пор держит пылающий блок, накрепко связавший его с Соргом невидимой дорожкой – держит так же судорожно и оцепенело. Огонь распустил всполохи по проводникам, подбираясь к Соргу, к его уже покалеченным рукам... А Нор, припав к стене, опустил притухшие глаза к этому огню и смотрит на него – тупо, неподвижно...

Я, не переставая ругать все, что на ум идет, стянул хлысты под рукояти, чтоб не мешали, чтоб не добить кого-нибудь ненароком. Пресек контакт, разрубив проводник клинком. Другим – вышиб, сыплющий молнии, блочный осколок из сцепленных пальцев упавшего бойца. Оставшуюся в его руках часть этой штуки пришлось схватить прямо так – рукой... Теперь и Сорг, и Нор свободны – вернее – брошены мной застывшими, как покойники... Пора разбираться с их оружием... Не придумав ничего лучше, запустил подальше, готовый рвануть с минуты на минуту, исходный блок – точнее, его осколок, ставший лучистым огненным шаром, зажатым в моей руке и разъедающим перчатки вместе с кожей...

Разрушенный блок врезал стене со всей моей отчаянной силой. Но никто и не подумал упасть лицом в пол, закрыть хоть голову... При ударе о стену исход энергии отбросил нас сухим ветром, но мы устояли, лишь слегка отклонившись, – получили еще дозу жестких лучей. Я закрыл грудь бичами – отвел осколки их перекрещенными держателями... И бичи замкнуло!.. Нор быстро

включил мозги – вскочил и сорвал было с плеча излучатель, но Сорг, только сбросивший путы, отключил его коротким ударом под ошейник. Он бил не рукой – клинком, его тыльной стороной, надстроенной тонкой изолирующей пластиной над обоюдоострым кинжальным лезвием. Это значит, что Сорг спрогнозировал его выпады и был готов к ответным, когда я уже списал со счетов их обоих... Нор рухнул на пол ничком. Сорг швырнул его оружие в угол, скрутил ему руки собственным, еще не примененным, “шнуром”... Он сделал это еще до того, как я подобрал выгоревшие хлысты... Да, Сорг хороший боец, хоть и почти мертвец с виду... А мне надо бы поосторожней быть и соображать быстрей...

Одного, считай, вырубил... Подключаю бичи – перебои есть, но они еще работают...

Свист раздирает воздух... Лесовский отбивает клинок упором, и тот с лязгом отпадает мне под ноги. У моих сапог падает и Сорг!.. Отраженный его ошейником удар, нацеленный ему поперек глотки, обходит нас столпами искр... “Дракону” этого достаточно – он не смог с нами совладать и больше ждать не может... Он идет на риск... И пусть идет к черту – пусть бежит к скрытому темнотой выходу... Мы почти готовы его отпустить, если бы не патрули – если бы этим риском не было столкновение с “тенями”... Они, должно быть, уже близко! А мы еще здесь! Лесовский вырывает из моей руки бич и бежит за ним вдогонку, пока я мысленно намечаю линии нарезки действий... Когда идет бой, мы с ним часто мыслим синхронно, будто читаем непередаваемые мысли – и теперь так... Собираюсь идти за ним, оборачиваюсь к Соргу... Нор разрывает поле не крепко стянутых проводных нитей – плети безвольно падают на пол... А он перехватывает мою руку... Опускаю бич... Отключаюсь...

Смутно вижу какие-то тени... Поднимаюсь с колен... Нор уже схватил излучатель и кинулся к двери – к тоннелю, ведущему к секторным воротам... Сорг подобрал мой бич и шибанул им по корпусу XF наотмашь. От удара на пол полетел и вырубленный бич, и излучатель. Лесовский вспорол тенью прорвавшийся к нам из тоннеля свет. Он встал на световом квадрате, который выпал из пустого проема, будто выломанная дверь, преградив Нору дорогу, – изо рта у него валит пар и шлещет кровь, его бич то горит до слепоты, то гаснет...

– Упустил... Улетел “дракон”... “Стрелу” со стоянки забрал – у самых ворот... Не пошел за ним дальше. Патрули там близко. Мало у нас времени осталось. Скоро тревогу поднимут.

Это точно. Но хорошего бойца проще убить, чем живым взять... Стоим и ждем... Нор меж нами, как загнанный зверь, глазами сверкает, но попусту воздух не рвет – соображает он быстро и четко... Лесовский бросил излучатель в коридор... Я тоже отшвырнул свой подальше... Что ж, теперь осталось одно – рукопашный бой... Хорошо, что сознание заблокировать успели, – ментальному сражению не бывать...

Нор бьет так, что короткий шок обеспечен, – вернее, старается бить. Мы с Владом по запрещенным приемам не специалисты, но предугадать их возможно и для нас, хоть удастся нам это не каждый раз... Нор собрал концентрацию, но... Один выпад, и готово – втроем быстро его положили... Но держим с трудом... Сорг с размаху врезал ему по челюсти и подключил “шнур” уже на большую мощность – скрутил Нору руки так, что при сопротивлении ожог до кости обеспечен...

– Нор! Бежишь раньше крыс!

– Пусти! Сорг!

– Ты бежал с ними!..

– Нет! Я не с ними, Сорг! Они только через посты пропустили и к выходу провели! Дальше наши пути разошлись! Я не с ними!..

– Да, забыл, ты никогда ни с кем – ты один! Решил по лезвию пробежать! Скар и от стен отчеты получает! Скоро Тишинский поднимет “темную армию”! Его ликвидаторы обыщут закрытые базы! Ясный, считай, блокирован и врагом, и нашими карательными взводами! Идти некуда! Никто не уйдет! Там ледник! Больше ничего!

– Там идет бой! Бой с врагом! И там я продолжу сражение! Я бегу к нашей цели – не от нее!

– Мне без разницы – ты бежишь!

– Пойми, я больше не могу сражаться здесь! Отпусти!..

– Это расстрел! Тебе пощады не будет!

- И так расстреляют! Скар уже смотрит мне в спину, а Айнер – в лицо!
- Терпи, Нор!
- Айнер избавится от меня! Он просто бросит меня на вражьи лучи! Бросит только потому, что ему нужно скорее убрать меня! Убрать с хоть какой-то пользой! Не то это сделает Скар! Сделает, поставив лицом к стене, а не к врагу! Я пропал, Сорг! Я, считай, убит – считай, убит без проку, без цели! Но попусту я погибну только здесь! Там я еще смогу что-то сделать! А здесь – уже ничего! Я уверен, что здесь мне уже вынесен заочный приговор!
- Приговор еще не оглашен!
- Оглашение – только формальность! Это сделают быстро! Поверь, до того, как его приведут в исполнение, ничего не осталось! Отпусти!
- Нор, подумай, что делаешь! Ты еще можешь этого избежать! Еще не поздно!
- Поздно, Сорг! Не сегодня, так завтра – спишут!
- Не спишут! Ты только молчи и встань обратно в строй!
- Не могу! Я поступаю, как должен! И не могу иначе!
- Этим ты ничего не достигнешь!
- Здесь – ничего! Но там я добьюсь всего! Там я обрету и жизнь, и смерть! Обрету цель!
- Думаешь примкнуть к “полку без командира”?!
- Нет! Но учти, Сорг, тем “полком” командует Верден!
- Он S7 – он не может быть полковым командиром!
- Сорг, если твои мозги заклинило, это еще ничего не значит!
- Он ни на что не способен! Он может только скрывать то, что он еще есть! “Тени” Скара уже ступили на его тень – там непроглядный мрак!
- Сорг, слышишь – не с ними я! Но и мне до чертовой бездны один шаг!
- Ты еще не там!
- Еще нет. Но этого не остановить, не избежать! Я не могу просто ждать, как все вы – поглощенные тишиной, молчанием! Дай мне уйти! Пойми, мой последний долг – погибнуть в Бою!
- С системной безопасностью?!
- Если не будет выбора! Но не к этому я стремлюсь! Мой путь идет к Анлагену!
- Анлаген?! Хочешь пропасть в этой пропасти?!
- Точно! Перед этой пропастью простирается Ивартэн! Там идет бой!
- Ивартэн неприступен! Его воздух закрыт для наших истребителей!
- Мы способны натравить на Ивартэн не одни истребители! И Анлаген способен стать опорой для становления нашей власти над этой войной! Плацдармом для установки мощнейшего оружия!
- Этого не допустят!
- Там закипает котел – и генерал Лун опрокинет его так, что кипящие пузыри подползут и к Штраубу!
- Котел выкипит паром – еще до того, как Лун приведет пятую армию к черту!
- Это оружие будет запущено! Не с тех территорий – значит, с других укреплений системы!
- Никто не посмеет сделать этого!
- Это мы еще посмотрим!
- Ты этого уже не увидишь!
- Пусть, но перед концом я буду знать, что сделал все, что было в моих силах!
- Ты ради этой тупой веры готов бросить все силы на копыя DIS!
- Я примкну к пятой армии! Сорг! Отпусти!
- Не рвись – не пушу!.. Не выйдет – только руки поломаешь! Ждешь поры, когда назад не повернуть?! Вернись, Нор! Скоро поздно будет!
- Давай, выруби – и тащи обратно! Если духу хватит! А толку не будет! Не позволит мне Хантэрхайм уйти, значит – просто заберет!
- Не сейчас!
- Что время тянуть?!
- Нор, опять взялся за собственное горло – об него когти рвешь!..

– Сорг, послушай!.. Чжан Лун в бой без лишних дознаний пошлет! Долечу – его офицеры меня прикроют!

– Не смогут, Нор!

– Пока бои не пройдут, разбор не устроит никто! Не до этого там! Отпусти!

– А если отпущу?! Если отпущу я?! Ты просто не уйдешь!.. От них не уйдешь! От “теней”!

– Пусть, но я не буду ждать! Сорг, все мы приговорены! Все мы с нашим бессмертием заведомо покойники – мертвецы еще заживо! Лун единственный, кто хоть что-то еще делает! И мне нужно быть с ним – воевать под его командованием!

– Ничего он не сделает! Его не поддержит высший генералитет – никто!

– Мне довольно и того, что мы с ним! И того, что он готов к решительным действиям!

– Ты веришь ему! Но “драконы” тоже совершают ошибки!

– Он убедит всех! Ему поверит и самый замерзший рассудок! Потому, что у нас теперь есть только этот риск! Потому, что никто ничего другого больше сделать не способен! Сорг! Он убедит и тебя, если ты пойдешь со мной!..

– Дальше я с тобой не пойду. А ты – не пройдешь!..

– Пусть так! Их штурмовые отряды, бойцы DIS – не важно, кто это делает! Мой долг – погибнуть в бою!

И Сорг, и Нор закручивают нас с Лесовским гнетущими уговорами, как винты – с такой силой духа, под таким давлением воли, что у нас никак не получается сорваться с этой резьбы... Мы давно пытаемся прорвать эту круговую нарезку их убеждений и установок... но продолжаем смотреть им в глаза... А время поджимает – это мы даже на мутные головы понимаем... но продолжаем ждать победы одного из них... Нору и теперь чуть не удалось разорвать мерцающее поле – Сорг затаил “шнур” туже и прибавил мощности...

– Погибнешь – когда Айнер прикажет.

– Сорг! Ты уже давно мертвец!

– Как и ты, судя по твоим словам. Как и все мы, по твоему мнению. А мертвые дней не считают – и время для них значения уже не имеет. Ты будешь ждать, как все мы. Ждать вместе с нами, Нор, стоя с нами плечом к плечу. А теперь... Уходить надо. Скар сегодня *не спит*.

До меня вдруг дошло – они оба смертники, преданные отчаянному бреду каких-то безграничных понятий о долге. Что-то добивает их обоих беспрекословным при сражении и искореженным при простое “суицидом” на благо системы. Этим они и похожи, хоть и стоят по разные стороны убеждений... Сейчас они еще не полностью поломаны жестоким ледником этих гиблых мест, но до этого уже явно недалеко и недолго... Мы с Лесовским нередко думаем и действуем синхронно, как один. Поэтому сейчас мы, обменявшись быстрыми взглядами, схватили их обоих крепче и потащили к выходу. Сорг только кивнул, и Влад его отпустил. А Нор собран, как зверь перед нападением, – мне его и дальше держать изо всех сил предстоит...

– Герф, Влад! Мы не можем ждать! Подумайте, какие силы у нас в руках!

– Нор, мы об этом и думаем! О том, чтобы не натворить ничего с этой силой!

Красный свет тревоги внутренней безопасности залил тоннель через открытый секторный проход... Надо от этого зарева убираться побыстрее и подальше, пока пожар не разгорелся ярче и к нам не метнулись “тени”... Только вот Нор...

– Сорг, как мы его такого заберем?.. Что-то не то с ним... Переклинило его... Доложить надо.

– Стой, Герф! Объясню! Ничего с ним не будет – пройдет это.

– Пусть командир решит. Если пройдет – ничего. А если переклинило...

– Постой! Не впервой нам! По-тихому его вырубим – утром порядок будет.

Сорг стер кровь с рассеченной брови... Я бросил ему аппарат для грубой стяжки ран... Нор почуял свободу – сжал кулаки, и “шнур” рассыпался искрами...

– Держи его! Сорг, держи!

Сорг скрутил его до того, как он достал клинок, припрятанный за голенищем... Влад подключил “шнур” на жестком режиме... но я захват не ослабил... И за Соргом мы с Владом следить стали пристальней... Они оба, похоже, опаснее, чем мы предполагали... Призадумались мы тут – пришлось...

– Сорг, он порвал зашкаленный “шнур”... Он знает приемы “теней”...

– Многие знают! Пора назад... Мы шуму тут наделали...

Нор больше руки не дергает – теперь сорвать “шнур” просто невозможно. Теперь никому этого сделать не под силу, даже зная приемы бойцов службы внутренней безопасности – войск Тишинского... Но Лесовский его все равно на прицел берет...

– Сорг, он опасен.

– Влад, мы здесь все опасны... А не бывает никого и ничего опасного только для чего-то или кого-то одного...

Сорг снова вытер подпаленной перчаткой кровь, заливающую глаз... и застыл, устремив выпетшие глаза куда-то нам за спины... Дуреет от боли, что не дает одуреть со страху... Нор, бледный как смерть, смотрит сержанту прямо в лицо... Унхай стоит в дверях, невозмутимо сложив на груди руки... Только невозмутимости этой нет – его руки сжаты уж слишком крепко... Его лицо – замершее зеркало без отражений... но уж слишком жестоко его невыразительное молчание. Черные узкие прорезы глаз – темные бойницы, за которыми не видно наставленное нам в лоб оружие...

– Нор, вижу, ты думаешь очередную паранойяльную мысль. И на этот раз ты дошел до того, что решил привести эту паранойю в действие за пределами мысленного поля. Что ты делаешь, Нор? Говори...

Сержант подошел к Нору вплотную... Нор растерзан нами и открыт перед этим закрытым затянутым в мундир и собранные руки унтер-офицером...

– Отпустите его...

Оставили его, отошли... но следим за его глазами, руками, хоть он и стоит с трудом, чуть не падает... От него надо ждать черт знает чего и без предупреждений...

– Нор, что бы здесь ни произошло – мне известно, что причиной этому был ты. И Сорг... Но что бы ты ни сделал – ты не покинул расположение части. И остальные границ не пересекли. Ты понимаешь, Нор. Сейчас мной к тебе не будут применены силовые методы. На данный момент ими истины не достичь...

– Ты прав, сержант. Это не поможет...

– Ты сопротивляешься, как зверь, Нор... Это оттого, что твое сознание угнетено действием препаратов – химических ускорителей. Приказы не действенны при таком помутнении... Но под прямое управление я твой разум не возьму. Мне нужно знать, как ты способен думать и управлять мыслями при таких условиях. Мной тебе будет дан выбор. Ты должен сделать его быстро – иначе он станет приказом, но не моим и не тебе. Его отдаст Айнер – карателям. Обстановка требует решительных мер. Поэтому мне пришлось решить так – ты немедленно подключишь сознание и встанешь в строй, либо с промедлением будешь стоять на допросе перед Айнером, и после – перед Скарком.

– А что со мной сделаешь ты, Унхай?!

– Узнаю правду и буду “смотреть” на твои мысли, где бы ты ни был.

– Знаю, что ты не из ленивых. Но ты спал... Пусть при застегнутом кителе и нетронутой портуpee, но спал. Полный боекомплект этого не изменит, Унхай.

– Нет, Нор, не изменит. Ты один не стоишь того, чтобы губить мой разум неполным отключением сознательных функций при сне. Сон – единственное, что восстанавливает нас здесь. Но я обяжу объекты и технику заменить мой надзор.

– Сейчас “спит” и объект, Унхай...

– Тебе не под силу надорвать мои нервы, Нор. Оглянись. Не спящие рядом. Не спящие повсюду. Но не всегда ими будут твои соратники, Нор. Мы на пределе. Ты должен терпеть, как и мы. Ты стойкий боец, Нор. Ты поборол “зверский” гнет не один раз. Но “зверь” должен быть убит – окончательно. Если сейчас с ним этого не сделаешь ты, ему больше не дадут скалить зубы другие.

– Ты же знаешь, что происходит!..

– Да, ты дал сбой. Такую реакцию спровоцировало применение химических средств ускорения. Когда человек измотан, стимуляторы могут вызывать снижение уровня устойчивости и, вследствие – дестабилизацию.

- Унхай, ты знаешь...
- Нор, все под контролем – и ты тоже.
- Не говори об этом. Никто ничего не делает. Скоро никто уже не сможет ничего сделать. Скоро будет уже поздно... Нужно действовать – прямо сейчас...
- Твой долг – стоять до последнего и защищать...
- Мертвецов?!
- “Защитники” еще не встали – не перечеркнули наше будущее расчетом, не закрыли задачи.
- Какое мне дело, что на уме у этих машин! Я – боец! Я больше не могу ждать!
- Подумай, о чем ты думаешь.
- Нор, кажется, начинает что-то соображать – его агрессии конец не пришел, но неестественный блеск глаз угас под тяжестью едва сдерживаемого отчаянья...
- Да, мои ограничители сорвало к черту... Но на сознание еще не свален бред. “Тени” Скара повсюду, но мы не принадлежим им, Унхай. Мы не принадлежим им.
- Ты бредишь.
- Думаешь? Нет. Все, что мы делаем сейчас – делаем с их разрешения и позволения. А все, что мы можем и что должны сейчас сделать, мы не делаем по их запрету... Но у них нет власти над нами...
- Довольно, Нор.
- Пусть они попробуют нашу кровь на вкус, пусть упьются ей до смерти, но власти над нами им не получить.
- Это паранойя...
- Они пробуют подключить к нам контроль, подавляющий волю “чужим разумом”. Но мы способны не поддаваться их воле...
- Офицеры службы безопасности не имеют права брать под прямое управление армейские подразделения.
- Не имеют права – только без подтверждения верховного главнокомандующего. А его подтверждение дает им право управлять всеми вооруженными силами системы...
- Как и нам... Но таких распоряжений не было и не будет, Нор. Разум неприкосновенен.
- Но технологи по коррекции...
- Эти технологии не применяют. Того, что под строгим запретом, не сделает никто. Никто не проведет жесткую коррекцию сознания и не исправит ни один не подошедший системе разум. Тяжелое воздействие на сознание – тяжкое преступление. Это наказуемо не простой смертью – приравнено к убийству и угрозе системной безопасности. Разум погибает нетронутым системой.
- Погибнет не перестроенным системой – значит, погибнет просто убитым системой. Не исправят – тогда просто ликвидируют...
- Если будет нужно.
- Мы не должны подчиняться этому порядку...
- Этот порядок установлен системой – нами, Нор. И системой закон нарушен не будет. А если он будет нарушен тобой или такими, как ты, – мы будем судить и карать по этому закону... Не нарушай наш порядок, Нор. Он служит нам всем. Служит так, как служим ему мы.
- Унхай... Мы должны противостоять этому... Ты забыл... Холодные руки Тишинского пишут здесь наши законы.
- Это не так.
- Да, его руками правит тот, который уже – не человек.
- Если будешь продолжать, превышение допустимой нормы химических ускорителей не свяжет мне рук, – я передам твое дело дальше с полным отчетом.
- Передашь “теням”... Отдашь на суд “теней”...
- Точно, Нор. Это будет суровый суд. Но Скар не преступит запреты – ни он, ни его “тени”.
- Пока им на то нужды нет... Просто спишут на прямую ликвидацию...
- Спишут – если будет нужно. И знай... Будешь “зверем” – будешь осужден, как “зверь”. Ты этого ждешь?
- Нет. Жду только другой войны, начало которой положит следующий бой.

– Мы не противостояем другой службе системной безопасности – все мы части одной системы и все мы служим безопасности этой системы.

– Эту систему разрушит противник, пока мы будем...

– Не продолжай. Если продолжить – так и будет. Теперь идем.

“Шнур” распался – Унхай отключил его, освободил Нору руки... Мы стоим возле них кругом, еще не вырубив бичи, и чего-то ждем... Унхай использует какие-то неизвестные мне приемы – не запрещенные – вообще неизвестные. Мои утомленные мозги сводит на этот оцепенелый круг каждый выделенный из его фона сигнал... Что-то в его передаче, словно подымает из глубокого омота одни мысли и топит другие...

– Постой, Унхай! Пусть так, пусть придут... Скоро и без них задохнусь в этих подземельях! Я не могу больше ждать!

– Мы не ждем – мы сражаемся. Мы делаем все, что в наших силах. А над нашими силами властна только судьба.

– Унхай, я не верю, что что-то предрешено и мы ничего не решаем, что не можем ничего изменить!

– Судьба, Нор, – это то, что мы не можем изменить, потому что это уже данность. Данность, сложенная из обстоятельств прошлого и влияющая на будущее. Данность, собранная и из наших действий, но до какого-то предела. Судьба – что-то большее, чем то, что мы делаем сейчас и сделаем в будущем. Это то, к чему нас приведет время, несмотря на наши действия.

– Мне без разницы, что есть что-то неизменное. Это ничего не значит, если это – неизменно. Но есть и наши силы, пускай лишь на каком-то отрезке того, что мощнее наших сил. И часть наших сил осталась не примененной. Мы способны применить большие силы... Мы способны применить...

– Молчи, боец.

– Боец... Унхай, не только наша участь определяет нашу причастность – это можем сделать и мы!

– До предела, Нор. А он и есть – наш удел.

– Но как обнаружить эти границы, если они не размечены?!

– Рубеж скрыт. Его нужно искать – обдуманно и спокойно. Не то перешагнешь его там, где он оборван пустотой. Только “защитники” могут рассчитать то, что будет, – то “неизменное”, которого еще нет за пределами расчетных полей. Генералы решают нашу судьбу по этому расчету. Определить исход наших действий, прописать схемы перемещений – это их задачи. Мы – бойцы, мы должны принимать наше положение на этих схемах, чтобы не ухудшить наше расположение до времени того “неизменного”. Теперь идем, Нор. Идем, времени больше нет.

Только Нор еще дает какое-то сопротивление “золотому дракону”, почти сомкнувшему нас усилием воли в этот мысленный круг... А мы так и стоим, не шелохнувшись. Стоим, так и не бросив оружие... Прямо, как застигнутые светом крысы, не успевшие спрятать в темноте добычу... Влад будто и вовсе ушел в непрошибаемую вечную тьму где-то за жестокими глазами нашего командира – синие всполохи его тревожного взгляда устремлены вглубь этих непробиваемых узких бойниц, поглощающих все немой чернотой. Начинаю туго соображать, кто он – Унхай... Откуда он пришел к нам... Он старый боец и разведчик... Он помнит другую войну... И он – чужой... У него есть “забытое знание”, что хранили прежние “драконы”... Он сильнее нас... но его силы скрыты. Нет, он просто – другой... и у него просто другие силы. Точно... Он и мыслит иначе... Мы избрали один речевой код – наш. Но это не изначальный код его мыслей – Унхай переключает его на нашу речь, многим чуждую его речи...

Нор окончательно вернулся к ясному осознанию и вроде спокоен... Правда, его нервы и теперь намертво сцеплены с чем-то, постоянно грызущим его изнутри. Но теперь это “что-то” подавлено просветленным рассудком. Нор подчинен, и сейчас он исполнит каждый приказ, хоть на расстрел его посылай. Унхай как стер с его глаз блестящую муть оголодавшего хищника, нападающего на всех подряд, без различий, – жертвы то, либо такие же охотники, как и он. Уходить нам, похоже, поздно... Но Унхай, по крайней мере, сумел сдержать этого хищного зверя – и поступил он

правильно... Он сделал, что мог... хоть и с промедлением. Это ко времени. Его стараниями и нашей силой – Нор стабилен. И наши задержки здесь – напрасно точно не пропадут...

Уже слышны шаги – там, за дверьми... Мои руки холодеют... Уже прошли сигналы от наших затаенных фоновых мыслей, от наших напряженных глаз, прикованных к перебойному свету там, за дверьми... Он идет – Айнер – скорее летит... Нор мертвец под его, еще не бьющим по нам, ровным шагом, под его, еще не врезанным в нас, светлым взором. Кровь заливает Соргу лицо, но он, запертый оцепенением, не препятствует багровой темноте, ползущей к его глазам. А Унхай стирает с лица последние отсветы отражений до полной непроницаемости. Допрос будет здесь и сразу – с натиском, с напором, не дающим нам думать, собрать ситуацию сговором. Он будет вышибать из нас только правду и выбьет... А какой стороной оборотит его решение истинный ход дел, никому не известно, – формальной штрафной единицей, карающим бичом... смертоносным лучом...

Айнер ворвался ветром – вздыбленный до обгорелых под огнем и замерзших льдом под конденсатным спадом волос... С распахнутой шинели спадают кривые португеи и на расстегнутом кителе едва мерцают посаженные погоны... Но сапоги сияют начищенной угрозой, как и прежде. Он с ходу накрыл нас недозволительной бранью – его уже закоротило...

Стикк вбежал за ним, бледный и заспанный, – никогда не видел его таким неприглаженным... И “спутник” Айнера встал у двери, преграждая и вход, и выход... Лесовский, при виде этой подавленной растрепанной сжатости взводного и лихой победоносной надменности Айнера, потупил, как-то прикрыл сумраком, этот его тревожный, разбрасывающий вызовы направо и налево, взгляд вместе со всей обычной решительной спесью. Он пригасил прожигающий проницанием огонь синих глаз перед наставленными на него бледными клинками, глазами офицера-S9, чем потеснил и мою неколебимую уверенность в нашей правой силе, не знаю уж теперь отчего и явленную... Теперь что-то сдавило эту “правую силу” где-то под ребрами до слабого пульсирующего биения и окончательно остановило мои мысли...

– Оружие бросить! Нор – к стене! Руки за голову! Смотреть прямо! Прямо мне в глаза! Унхай, португею его мне под ноги! Сорг, Герф, Влад – к стене! По стойке “смирно”! Смотреть прямо! Унхай, бичи их мне в руки! И три шага назад! К стене! Смотреть прямо! Одно неверное движение и не к стене – к стенке встанете! Где Хорн?! Ко мне его! Быстро!

Такой расстановкой Айнер разом обозначил положение каждого...

– Что тут за забой?! Кровищи напустили! Стикк! Зашиби твоих создателей!.. Третье отделение перебито на переходе! Эти – на границе части! А ты где был?! Отчет мне немедленно – и подробный! Со всеми снами, которые ты видел, когда тут рядом вооруженные стычки проходили!

– Так точно. Отчет будет – точный и подробный с приложением ментальных, визуальных и цифровых форматных дополнений.

Стикк так и не успел пригладить волосы и застегнуть мундир до того, как его челюсть, как обычно, свела судорога ущемленной гордости и перешедшей ему дорогу несправедливости. На нем перчаток нет, и страшные шрамы на тыльных сторонах ладоней бьют по глазам, как и его, изощденное синюшной бледностью, перекошенное лицо. Нет, никогда его таким “настоящим” не видел... И никогда мне его еще не было жаль – никогда не грызла перед ним совесть... Бывало злил он – да разное было... Но я всегда его с какой-то стороны да уважал. Это он по ерунде взъедался обычно, не иначе... Только сейчас понимаю, что он намерен сделать – нас выгородить... себе в ущерб... Он за нас ответственность возьмет, не переложит ни на кого – примет, как случилось уже, что на руках его карателями черным по белому писано. За что только, не знали мы – зато теперь ясно стало, и я борюсь с собой, чтобы перед ним глаз от стыда не опустить... Может, правда, еще что-то за этим стоит, но мне сейчас, честно, на то плевать... Тот, кто Айнеру противостоит открыто, – бесстрашный человек. И Унхай, верно, к таким “бесстрашным” принадлежит – он только зубы сжал крепче под остановленным на нем светлым и холодным взглядом офицера-S9...

– Унхай, докладывай обстановку!

– Произошел сбой по причине...

– Что сбился?!

– Причиной стали стимуляторы. Агрессию удалось пресечь быстро. Поломки боевых единиц выявлены и устранены.

– Устранены! Верно, устранены! Вместе с боевыми единицами! Третье отделение с их долбаным сержантом остывает у врат сектора под ногами патрульных Скара! А твои люди, Унхай, бродят ночью при оружии по кровавому хвосту этих дезертиров! Унхай, какого черта?!

– Бойцы обнаружили пропажу товарищей по оружию, пошли на перехват. Но задержать соратников на территории части не смогли.

– Задержать?! Почему не доложили?!

– Не хватило времени.

– Унхай! Они успели покалечить друг друга! Но не доложить!

– Их мысли замедлены после химических ускорений, заданных при штурме. Они действовали на рефлекторном уровне бойцов N2.

– Что ты несешь! Это тебе не примитивные машины! Это было умышленное действие!

Сержант не отступил, но, похоже, перешел в оборону. А Стикк собрал волю с духом, зажал их по кулакам и заступил дорогу налетевшему на нас Айнеру... Сейчас пустит в ход заточенные извечной грызней зубы – напрямую ими правду резать будет.

– Так точно, командир. Это было умышленное действие – с погрешностью по указанной сержантом причине. Бойцы не доложили о сбое. Они старались прекратить ошибку нейропрограммы, сорванных химическими ускорителями, товарищей по оружию. Старались остановить, поврежденных тяжелыми препаратами, соратников без чужой помощи, с целью избежать неточности следственного разбора ситуации командующими, удаленными от точки событий, и последующего непомерно сурового наказания, командир.

– Стикк, ты понимаешь, что это значит?! Остановить дезертиров, не доложив командующему о дезертирстве – значит укрыть опасных для системы военных преступников и скрыть информацию, ставшую под угрозу безопасность системы! Это преступление, караемое жестко, как дезертирство во время боевых действий! Это приговор к строгой высшей мере без рассмотрений!

– Никак нет. Нужно учесть, что в крови нарушителей был высок уровень ускорителей. Приговор не должен быть ограничен отягощенной высшей мерой. Наказание должно быть смягчено.

– Это сводит приговор к неотягощенной высшей мере! Но это неизбежно – казнь!

– С учетом прекращения ошибки нейропрограммы бойцов, сорванных химическими ускорителями, сбой был бы устранен их соратниками – они собирались прекратить ошибку. При неудачном перехвате, сбой был бы жестко устранен командующими, что происходит здесь, или бойцами службы безопасности – что произошло с третьим отделением у секторных врат. Таким образом эти бойцы не могли допустить ни одного серьезного нарушения, кроме неподчинения приказу – “доложить о нарушении без промедлений”. Это вообще переводит приговор с высшей меры к карательной – приговор тех, кто пошел на перехват, и тех, кого задержали и чьи нейропрограммы переключили.

– Не выйдет так, Стикк! Не выйдет так дать никаких послаблений ни тем, ни другим! Они не способны точно оценить состояние нейропрограммы! А единственный способ надежно пресечь серьезную ошибку нейропрограммы – перезагрузить нейросистему! Перезапуск системы проходит только через глубокую кому – через полное отключение! Другие методы не действуют! Они могли не полностью пресечь ошибку – могли вынудить встать обратно в строй бойцов с неисправными программами только силой! Поставить обратно в строй тех, кто не должен больше стоять в строю, – одной только грубой силой! Это первое! Второе – отягощающие факторы при исходе намеченных действий – при всех их вариантах! Это сокрытие важной информации с угрозой системной безопасности!

– Никак нет. Угрозы безопасности быть не могло. Данные о серьезных поломках боевых единиц, как и о сокрытии ими подобной информации, были бы получены нами при первой проверке показателей их фоновой ментальной активности.

Стикк на “карающей руке” зубы до кости сцепил – иначе он и не может. И захват его никто не сорвет, хоть бы этой рукой его до нижних подземелий дотащили, – он не отпустит... не отпустит эту свою старую судорогу... Только вот у Айнера и кости под током...

– Без пререканий, Стикк! Контроль с нашей стороны при разборе будет считан последним. А что-то доказать точно мы сможем только при рассмотрении отчетной памяти этих поломанных боевых единиц. Что покажет, было бы немедленно доложено командиру об осложненной попытке устранить сбой. Это и определит степень тяжести наказания – от карательной до высшей меры! А если будет обнаружен подтвержденный расчетом преступный умысел – до строгой высшей меры!

– Так точно, командир. Но учтите, что при осложнениях с устранением ошибки, мои бойцы не доложить не могли. И учтите, что наши бойцы не могли отдать товарищей, с помутненным от химических ускорителей и жестких лучей, сознанием на допрос ни нашим офицерам, ни офицерам полковника Скара. Только из-за этого они решили скрыть ошибку программы при не осложненном ее устранении.

– Скрыть не ошибку – предателей! С ошибкой работал их разум или без – это предатели!

– Еще не проведено расследование по всем данным фоновых показателей и отчетной памяти. Еще не определена точно степень их вины, как и – нашей.

– Достойно сказал – прямо и в лоб! Но про допущенные тобой ошибки, про пропущенные тобой фоновые сигналы – про это потом говорить будем! Степень вины тех павших бойцов Скар уже установил! Тем павшим воинам Скаром уже вынесен приговор! А перед нами проблемы еще стоят! Не лежат холодными трупами, как перед Скаром, – стоят перед нами во весь рост! Решение таких задач, свыше долгом на наши плечи возложено! Будем решать!

– Так точно.

– О них – об этих теперь речь идет! И главное – установить их вину! Неподчинение приказу – основной пункт!

– Никак нет. Непосредственных и прямых указаний тем временем им дано не было. Неподчинение приказу можно свести к нарушению пунктов обобщенной задачи боевых единиц. Что бы они ни сделали – ответ за это понесут не они одни. Они перегружены препаратами и не способны контролировать энергию – это наша задача. Мы поднимаем им скорость, и останавливать их должны мы.

– Без серьезной поломки на такой скорости управление отказать не может.

– Отказали не все системы.

– Если тормоза не работают – машине конец.

– Но если работает тормоз на прямом управлении – машину разбивает тот, кто ее ведет.

– Берешь полную ответственность?

– Беру. С учетом этих и дальнейших нарушений после применения ускорителей.

– Системный тормоз починить сложно.

– Сейчас заменить систему – еще сложнее.

– Верно. Нового бойца теперь получить не просто. С тобой, Стикк, потом говорить будем! Норглан!

Тишина повисла мертвая – даже не повисла, а упала на нас со всей тяжестью мертвого тела... Даже Стикк остановил выжидающий взгляд где-то на полу. Слишком мало он еще знает о том, что в Хантэрхайме на деле происходит... Мы же с Лесовским вообще ничего не знаем, и догадки у нас слабые, как теперь понимать начинаю по тому, как зол Айнер и подавлены остальные...

– Нор! Недолго ты нас позорить будешь! Гуляешь ночи напролет по слепым зонам да при оружии! Тащишь за собой остальных! И Герфрид в это дело по твоей вине втянут теперь! Этого не прощу!

– Не могу отвечать за чужие поступки, командир.

– За чужую честь! Это потому, что тебе не дано чести!

– Никак нет, командир. Я не предатель.

– Мне вот после зачистки пришлось отчеты писать – Норвальду, Боргу!.. Теперь и Скару отчет нужно будет составить!.. Я знаю, Нор, – ты был с ними!

Нор заскрежетал зубами, нервная дрожь пробежала по его обожженным плечам...

– Никак нет... офицер.

Айнер криво усмехнулся из-за того, что Нор не посмел назвать его – офицера-S9 – лейтенантом... Сейчас сели и погасли его погоны – погас порядковый, добавочный, ранговый номер – исчезли один за другим, и он стал просто офицером-S9...

– Знаю, что был!

– Нет! Шел за ними – не с ними!..

– Солжешь?! Мне солжешь?! Командиру?! Солжешь тому, кто твою шкуру, которую ты так запросто черт знает куда бросаешь, каждый раз обратно натягивает?!

– Это правда!

– Если ты считаешь, что ты – один! Но если ты думаешь, что никто тебе не нужен – это не значит, что ты ни к кому не причислен! Нор, ты шел с ними и был с ними! Мне об этом известно! Отвечай!

– Так точно. Шел с ними через посты, но не был с ними!

– Ты бежал с дезертирами!

– Но я не дезертир!

– То, что ты стоишь передо мной, а не свален с остальными там, за воротами, ничего не значит! Ты стоишь здесь, потому что был остановлен!

– Я здесь по собственной воле.

– Сорг – это по его воле ты здесь!

– Никак нет! Сорг стал у них на пути! И я преградил им путь! Они бы убили нас с ним, если бы ни Герф с Лесовским!

– Не смог отдать его им! Не смог замарать рук в крови честного бойца – в крови друга! Нор, ты всех подставил! Ты всех предал! Отвечай!

– Никого не предал.

– Систему, командиров, команду, друзей! Даже дезертиров, с которыми ты ушел! Ты предал всех!

– Нет! Я был один! Не с теми и не с другими! И ни одной клятвы, ни одного обещания, данного кому-то, я не нарушил!

– Ты присягал Снегову! Ты клялся в верности системе! И ты послал к черту эти клятвы, Нор! Ты предал!

– Я не нарушил ни одной клятвы! Я служу системе! Я остался здесь! Я никого и ничего не предал!

Нор зажат в костлявых кулаках Айнера. Он, как зверь, открывает шею, отводит глаза, но Айнер не отпускает его, уже затравленного, взгляда.

– А ты знал, что Ясный недоступен?! И что на пограничных базах облавы не переждать?! Что там теперь царит мертвый покой?!

Нор замолчал. Айнер не позволит Нору молчать ни секунды... Резким толчком командир повалил его на политый нашей кровью пол и, склонившись к нему, крепко прижал рукой его горло...

– Кто графики патрулей составил?! Отвечай!

– Мне не известны графики патрулей!..

– Кто составил?!

– Не знаю!

– Твоих создателей!.. Отвечай!

– Не знаю!.. Это правда! Пытайте!.. Но я не знаю!

– Надо будет – сделаю, что надо! Ты у карателей молчал! У меня заговоришь! Кто лидер группы?! Отвечай!

– Не знаю!

– Крылатский убит! Ты знаешь об этом, но ты не знаешь, что тебе от этого только хуже! Его память уже передали Скару! Подумай, что будет, если он узнает больше, чем я! Кто главный?! Отвечай!

Нор лихорадочно соображает, что он должен, что может, сказать и что Айнер без него знает... Но Айнер не сбрасывает обороты, не дает Нору времени.

– Лейтенант Хайскай – армейский штурмовик АЗ!

– Думаешь, до него нам не достать?! “Тени” Скара дотянулись и до него! Он уничтожен у границ Ясного! Кто над ним?!

– Полковник Верден!

– Он не может командовать полком!

– Да, он S7!..

– “Полк без командира”. Это призрак – ни на что не годный, существующий за пределами действий. Верден пал! “Полк” уничтожен! Перебит еще на рассвете! Не многие его бойцы смогут скрыть следы! Они гонимы страхом перед карательными отрядами DIS – и бегут от них на лучи вражеской техники! Кто обеспечил связь?!

– Не было связи!

– Не лги, Нор! Я твой ментальный фон насквозь вижу! Были использованы линии связи на закрытых пограничных базах!

– Были! Но эти линии под контролем DIS!

– А то как же! Были и передатчики с “оккупированных территорий”!

– Они действуют только там! Их не подключают – сигналы перехватывают вражеские разведчики! Хайскай не имел никакой надежной связи с “оккупированными территориями”! У его групп не было никакой действующей связи с Ясным! Они почти ничего не знали – только то, что доходило обрывками от других бойцов, от офицеров! Больше я ничего не знаю! У меня нет информации об их планах! С моей стороны не было никаких вторжений в их планы! Я не был против них, но не был и за них!

– Не признаешь вину! Отсекаешь от них свою дорогу! Не пройдет тебе это даром!

– Это правда, командир! С ними я прошел лишь посты!

– Куда бежал?!

– Анлаген! Там идут бои! Там на штурм ведет генерал Лун! И я должен погибнуть в бою – под его командованием! Там идет бой с врагом! И генерал Лун готов отдать этой битве все силы – все наши силы, все силы системы! Я должен погибнуть там, в сражении! Зная, что сражение это будет продолжено! Зная, что отдам всю силу и всю жизнь тому командиру, который не потеряет ни того, ни другого! Я не могу погибнуть здесь! Потому, что здесь я паду под плетью карателей! Потому, что я не могу больше ждать! Ждать следующей битвы! Я должен идти в бой сейчас! И погибнуть! Потому, что я погибну! Но я не должен пасть на допросах “теней” Скара!

– Анлаген?!

Нор зашатался, когда Айнер вздернул его на ноги и припер к стене, но устоял...

– Я мертвец! И системе уже все равно, где я погибну в эти сутки! Но я не должен умереть без цели! Умереть под рукой карателей!

– И у такой смерти есть цель – показать другим, чего делать не следует. Ты не мертвец, Нор – до тех пор, пока ты живой. А пока ты живой, ты – мой. Ты делаешь все, что нужно мне, я – все, что нужно тебе. Я не отдам тебя карателям, если ты не попросишь к ним сам в обход меня. Ты понял?

– Так точно...

– Сейчас ты сделал именно это...

– Я понял, что погибну сегодня и... Я знал, что мне не дадут допуск и... Я решил лететь так – и будь, что будет. Я должен продолжить бой! С врагом!

– Кем бы он ни был?! Ты знаешь, что Чжан Лун считает врагами не только *их*?!

– У нас один враг!

– У врага много имен, одно – только у нас! Черт... Тупой ты, Нор, как последний скингер... Не там правду ищешь! Смотри, найдет она тебя первой! Чжан Лун! Его враг – AVRГ! Сейчас – это неподконтрольные нам теперь машины! Потом – мы все!

– Он нам не враг.

– Он – опасный союзник. Чжан Лун под прямым контролем главнокомандующего – Штольт ему и шагу в сторону ступить не позволит. Ты о чем думал?! О чем ты вообще думал, Нор?! Ты был бы

расстрелян еще до того, как “стрелу” бы со стоянки поднял! Какой тут Чжан Лун?! Какой тут штурм?! С чего ты взял, что офицеры пятой армии черт знает кого с больной головы в бой бросят?! Тебе и там луч в голову пустили бы, хоть ты систему не покинул и в бой рвался, как бешеный скингер! Ты штрафной, Нор! Дошел до черты – дальше к черту только!.. Нор, выкинь все это из головы, и придумаем еще, что с тобой делать!

– Так точно.

– Умереть в бою – за этим и в Хантэрхайме дело не станет. А если ждать не можешь – ни на что ты тогда не годен, Нор. Куда б ты ни бежал, Нор, это низшая форма трусости!

Стикк уже застегнут до ошейника – он надел перчатки и фуражку, но еще держит судорогу за стиснутыми зубами, пытаюсь с ней совладать...

– Командир, трус не побежит от более далекой смерти к более близкой, понимая, что делает.

– Стикк! Трус бежит, не разбирая дороги! Но будет еще Нору шанс дан искупить дурь – еще посмотрим, каким образом, но дан он будет. Только будет он – последним!

Нору, наконец, было позволено опустить дрожащие от боли руки. Он сжал искусанные бледные губы в жесткую, пунктирную из-за этих ссадин, линию – наклонил голову... Это не согласие – повиновение сильнейшему. Но по-другому с ним и быть не может – это мы с Лесовским уже твердо усвоили.

Теперь Нор мертвым грузом висит на плечах наших командующих – вернее, нашего взводного... За нас с Владом Стикк без труда ответственность принял, мы не подведем. А Нор, и без того штрафной боец, ему покажет еще, как это – остро заточенный камень на шее таскать, к тому же и добровольно... Да что теперь, один другого стоит... К Стикку доверие тоже не безгранично... Унхай, пожалуй, способен по-настоящему Нору мозги вправить, но ему на это времени не жалеть... А времени, как раз, здесь ни у кого и нет. И выходит, что всех Айнер силой собирает и волей держит – его здесь власть.

Стикк Айнеру под контроль передан – значит и весь наш взвод по большей части под его надзором... вместе с Нором и его проступками... Нам всем от этого лихо будет. Ясно, что Нору, без заступнических атак нашего взводного, определенно свет белый не видеть бы – Айнер бы его действительно больше не терпел. Перешагнул Нор границы его офицерской выдержки, и больше ему – нестойкому бойцу – на его поддержку рассчитывать особо не приходится... И без того командиры и за него, и с ним бились довольно. А бой, каким бы он ни был, без потерь не проходит. Не стоит Нор теперь никаких потерь. По мне – он их и не стоил, но командирам всегда видней. Никуда не поперешь – Нор не простой солдат – он воин, пусть и “раненый”.

Унхай незаметно прочертил знак тишины – отходим... Полыхнул красный свет – тревогой внутренней безопасности накрыло и наш сектор. Нор не протестует против того, что Айнер сцепил пальцы на его предплечье и поволок к выходу. Не стал он противиться и тому, что Айнер толкнул его холодным светом нагруженных излучателей вперед, в темноту. Нор не способен вырваться из этой мертвой хватки, хоть и мог бы... Он достойно держит прямую спину, не опуская гордо поднятой головы, – никуда его выправку и стать не деть – только взгляд его полностью утратил отчаянный и больной блеск, потемнел от усталости и боли. Он безоговорочно сдал оружие, считай – бросил штандарты к ногам... высшему офицеру. Айнер не сломил его дух, но он победил – победил нас всех с настанным на нас дурманом... Он резко сорвал мутную поволоку, оставленную жесткими химикатами, – считанные секунды, и сознание пробудилось... к нашему возросшему ощущению какой-то безвыходности от не полного понимания нами содеянного...

– Идем! Развели тут кровяницу!

Конвойные “защитники” явились из темноты и замкнули нас сзади. Коридоры, переходы – незнакомые, мрачные и разрушенные – светит нам только оружие Айнера и мертвенное мерцание этих совершенных машин...

– Унхай, где Хорнкйенг?! Ко мне его!

– За ним посланы машины.

– Тогда найди пустые карцеры! Здесь – на этом объекте!

– На схемах объекта подобных помещений нет – только за пределами сектора.

– Исполнишь! Карцер нужен здесь – у нас! Сорг, Хорн, Герф и Влад сектор не покинут! Но чтоб под замком были! А ты, Нор!.. Ты по краю ходишь! Скучаешь по карателям?! А они по тебе – нет! Больше твои штрафы не снимут, что б ты ни делал! Не хотелось бы мне твою шкуру людям Скара на растерзание отдавать, но знаешь же, что отдам!

– Знаю, не раз подтверждали это действием, командир.

– Так вот этот раз будет последним, потому что меры ужесточают! И ограничений у Тишинского не будет – Хантэрхайм перейдет в его безраздельное властвование!

– Так точно.

Здесь проведут внутренние зачистки... Пальцы холодеют... В полумраке я так и вижу россыпи искр с замкнувших нервов Айнера. Как-то рефлекторно сжимаюсь под его напором. Обычно это вызывает сопротивление, но сейчас с трудом останавливаюсь, чтобы не отступить во тьму. Сейчас другой допрос будет – серьезный. Сейчас по всем данным дело будут разбирать. Даже на невозмутимом лице сержанта нерв дергает... А Нор уж совсем плох, хоть и напускает еще что-то, вроде остаточных усилий, удержать дерзость, но это не убедительно...

– Не дерзишь больше! Продолжай тише, чем снег, падать! Тебе другого теперь не положено! Нор, мы всех найдем! Всех, кто бежит, как крысы! Решай, с кем ты! И где тебе место! Середины тут нет! У нас к общей цели один путь! К общему построению – один плац! Одно у нас карательное лезвие – и заточено оно с одной стороны! Решай сейчас!

– Так точно. Готов исполнить долг. Жду указаний, командир.

– Будут тебе приказы! Думай, что делаешь! Не наводи смуты! Не исполнишь приказ – исполнишь последний долг! Понял?!

– Так точно.

– Тебе будет дан шанс – последний! Мной твоё дело первым рассмотрено будет, и отчет Скару написан будет мной! И запомни, Нор, тебе это нужно больше, чем мне!

– Да, командир.

– Сейчас разбор чинить будем... Твое счастье – ты при мутных обстоятельствах задержан! Но недолго им неизвестными быть! Мы их построим – каждому в лицо посмотрим! Выведем мы твои мысли “на чистую воду” в строевом порядке! И разьясим тебе, что к чему, как положено! По закону! По заслугам получишь! Как и остальные!

Через темный коридор к нам торопливо движется светлая фигура... Пришел наш врач... Он нерешительно остановился чуть поодаль, когда его оттеснил угрюмый, озабоченный, Норвальд...

– Айнер! Что здесь?!

– Ситуация под контролем. Бойцы вступили в схватку с дезертирами, пытаюсь их остановить. Дезертиры были удержаны ими до времени пересечения с патрулем службы безопасности и уничтожены патрулем службы безопасности. Бойцы задержаны – сопротивления при взятии и изъятии оружия не оказано. Причина ошибки нейропрограммы – стимуляторы. Химические ускорители вызвали дестабилизацию – рефлекторную агрессию и торможение мыслительных процессов с замедлением функций высшего контроля.

– Остановить?!

– Так точно – остановить. О происшедшем не доложили. Отпор получили, но огонь не открыли. Причиной послужило стремление пресечь ошибку нейропрограммы перед исполнением необходимых, указанных командиром, действий.

– Айнер...

– Смотрел ситуацию по их фоновым сигналам. Точнее – по данным электронных записей смотреть буду.

– Айнер, постойте...

– К этому их мог побудить только страх, усиленный остаточным ускорением нейропрограммы, капитан, – страх перед неточным установлением степени вины.

– Вины предателей...

– Так точно. Но с учетом длительных и жестких ускорений и последующих ошибок программы, неточности при разборе не исключены, капитан.

– Хотите сказать, что им виднее...

– Именно. Остаточные эффекты действия ускорителей были ослаблены сержантом и полностью истреблены мной – просто и без осложнений. А затруднений не возникло оттого, что сделано это было способом, неприменимым при допросах DIS – и не доводящим до осложнений при этих допросах. Что исключает более жесткие и определенные – необратимые – шаги следователей DIS.

– Айнер, мы не обсуждаем страховку и риски.

– По сигналу фоны почти чисты – серьезных нарушений работы нейросистем нет. Не требуется ни перезапуск нейросистемы, ни применение прямого контроля над разумом.

– Это ничего не изменит.

Айнер резко сдернул пронизательный взгляд с нас и перевел его на Норвальда – холодный и уверенный, требующий безоговорочного подчинения, взгляд офицера-S9...

– Ситуация под контролем.

Норвальд как-то с грустью покачал головой... Уже давно ясно, что на такой, особый, риск он идет с трудом, но что нередко уступает Айнеру... Норвальд думает о нашей участи со всем старанием, но понимает, что Айнер думает быстрее, хоть и опаснее. Тяжело ему руководить офицером выше него по уровню – знать об этом, подчиняться ему на свой страх и риск и нести ответ, хоть и формальный... Что Айнеру тут не место – ясно каждому. Этот человек, несмотря на производственный брак, уготован великим делам – ему здесь и пространство, и время тесно. Угодили мы с Лесовским черт знает куда, и, на кого надежду возложить, совсем не понимаем... А этот чертов день, будто и не окончен, – только начат... Мы голодны и обгорели... А Сорг еще поливает, никак не останавливаемой, кровью пол.

– Айнер, где Норглан?

– Он здесь.

– Был в сговоре?

– По данным первого допроса – не был. Бежал к Анлагену – воевать. Приперло ему. Был остановлен соратниками на границе части. Утверждает, что по собственной воле на месте остался. Следы насилия указывают обратное. Точнее, он был подвергнут переменному переключению мыслей и действий. Точно нарушение будет определено при расследовании – рассмотрении отчетной памяти всех застигнутых на месте произошедшего конфликта.

– Не так плохо... Он нам еще нужен, Айнер. Думаю, его следует придержать – к службе он пока еще годен, если стимуляторы не колоть.

Лейтенант закурил... Он скривил рот (скорей всего от мыслей о бессонной ночи) и окинул нас строгим взглядом, обещающим нам не просто бессонную, но и скверную, холодную – просто зубодробильную – ночь. Норвальд, похоже, полностью погружен в тяжкие думы, и на нас вовсе не смотрит. Размышляет он долго и решает осторожно. Он не зол – мы с Лесовским уже убедились, что в нем вообще злобы нет...

– Да, капитан, стимуляторы повинны... Они ускорители жизни. Ускоряют и разрушительные процессы, если они запущены. Будем считать, что мы заглянули в будущее...

– Посмотрим, можно ли его изменить.

– Не думаю. Приостановить – да, изменить – нет.

– Слишком мал фрагмент увиденного.

– По этому фрагменту можно определить общий принцип и построить на нем целую систему. И конструкции на таких заключениях могут быть довольно прочными. Но перестроить их, пусть с опорой на факты, очень сложно.

– Вижу, вы разработали новый метод... Что ж, можете его применить. Займитесь этим, Айнер.

– Так точно.

– Рядовой на наблюдении?

– Да. Теперь он, как и остальные, еще и под полной ответственностью командира первого взвода – и за совершенные, и за дальнейшие действия под препаратами ускорения.

– И это вами предусмотрено...

– Не мной – командиром первого взвода...

– Он поступил разумно...

– А то как же. За его проступки ответ держу я.

– Частично. Заботу о штрафном бойце высшей категории он вам облегчил.

Нор опустил глаза... и я тоже, когда они оба обернулись ко мне... Я только с натяжкой предположить могу, что с Нормом делали и к чему будут готовить меня...

– Айнер, составьте Боргу подробный отчет. И главе третьего отдела службы безопасности – у вас это хорошо получается...

Лейтенант напряженно кивнул головой...

– Сделаю.

– Где Унхай?

– Карцер ищет. Сейчас будет.

– Проблемы здесь с этим... Но ничего. Оставьте всех под замком, как сможете, – до выяснений. Им ничего уже не изменить. На пост DIS не докладывайте ничего, кроме доложенного мне сейчас. Остальным займетесь позже.

– Понял.

– Распоряжайтесь, Айнер... А Стикк... Ко мне его, как свободен будет.

– Так точно. Стикк! Берешь ответственность – берешь и бойца! “Спутник” с тобой пойдет! Остальные пойдут со мной! D40-709 замкнет!

Норвальд допустил к нам врача и поспешно повернул к сектору системных управлений... Грубо прошитые скобами раны перестали кровоточить. Доктор ушел, как только наскоро очистил и высушил наши ожоги – остались только чудовищные рубцы. Айнер затушил окурок в лужице жидкой крови...

– Ну что, давайте мне память... Герф, а ты что стоишь?..

– Я...

– Туго соображаешь! Сдай отчетную память!

Ничего. Это еще ничего... Я и правда соображаю сейчас туго... Как раз из-за этого Айнер не сильно пошатнул мою изначальную уверенность в том, что до высшей меры дело не дойдет. Знаю, что он на это способен, но не так – не с того, что его замыкает. Он по справедливости решит...

Нор под арестом. Он сгинул, ведомый Стикком, зажатый в спину холодным взглядом машины, – сгинул на переходе, где-то посреди покореженных лестниц, спускающих обломанные ступени глубоко под землю... Темная пустая дверь пожрала сначала Айнера, потом и каждого из нас... Соргу кровотечение вроде остановили, но грубо – и раны скоро открылись... Кровь хлещет ему на глаза из-под железных скоб, прошивших его бровь... Мне бы тоже не хотелось видеть эти темные коридоры... Никто из нас не знает, куда они нас приведут...

Запись №14 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 05:40

Айнер устроил нам настоящий конец света – в прямом смысле... Подходящий карцер в этой разгромленной части они с Унхаем так и не нашли, так что нас вчетвером заперли в просторной, пустой и темной, морозилке неизвестного назначения. Ничуть здесь не лучше – разве что вместе нам спокойней как-то. У нас забрали только оружие. Но мы так привыкли к способности жечь и резать все что под руку попадет, что без холодного железа и белых лучей под рукой стали быстро падать духом...

Темнота и холод способствуют резкому осознанию силы властей... Того хуже, что при применении конкретной офицерской силы власти, нас пробирает до костей закостенелость бездейственности... Айнер хорошо знает, как нас на место – в строй – задвинуть. Сорвал с нас заряженные энергоблоками портупей и излучатели – и никакие мы больше не всемогущие, не всемогущие. Нам вроде как теперь и правоту доказать нечем... И никакое тут сопротивление не поможет. И гордость, и решимость ничего особенного тебе тут не дадут. На это слишком рассчитывать не стоит... если тебе не на чужой стороне худо пришлось. Стойкость – единственное, что действительно нужно безоружному, замерзшему, поглощенному теменью, бойцу без врага... А

надменность... Надменность дух и поднимет, и опустит. Терзает нас со всех сторон клыками непримиримости. Нам признать вину почти так же сложно, как не признать...

Просто, нам осознать ошибку трудней, чем понять, что где-то мы ее допустили, – от этого мы и ершимся... А вообще наш норов противовесом оснащен. Так он и работает – поднимет нас кто-то или что-то не по заслуге выше должного, наша гордость без посторонней помощи обратно в строй нас поставит. И иное условие ничего не изменит – опустить нас ниже заслуженного – наша гордость тоже никому и ничему не позволит. Всегда ставит нас туда, где нам стоять следует. Так должно быть... если бы не сбои. Но и на них управа есть – темень, холод и... безоружность. Это офицеры придумали, чтобы дурь из нас вышибать проще было. На то нам и выдан час-другой – чтобы резко рухнуть духом об пол и потихоньку его поднимать при помощи гордости, оставленной нам как последнее оружие, до указанного ровного места – до плацдарма, до полигона, где нас снова строить и испытывать будут. В общем, зарвались мы... и получили... Но случай вниз опускает, гордый нрав – подымает наверх.

Наш единственный уцелевший прожектор то ли окончательно дохнет, то ли начинает потихоньку стабилизировать поток... Ему пуще нашего досталось – он слабо и перебойно мерцает и меркнет меж продолжением работы и отправлением на свалку... Зависает, как мы, – между жизнью и смертью.

– Сорг, подключи его нормально или отключи вовсе. От этих перебоев хуже только...

Сорг не реагирует. Его неживое лицо не дрогнуло, взгляд замер слабым просветом посреди окружающей нас мглы... Он сосредоточенно и терпеливо продолжает настройку. Хорн только рукой махнул и одарил нас, не покидающей его, открытой улыбкой. Он по привычке еще нашаривает клинок за голенищем, но его там уже нет – Унхай забрал... Теперь Хорну руки занять будет нечем... Скоро и он сцепит окоченелые отмороженные пальцы покрепче, как мы с Владом...

– Терпи, Герф... Нас с Соргом этот мрак грызет сильней.

– Не скажи... Похоже, излучатель – хранилище моей души.

– Да мы все будто с душами расстались. Но это не так уж и плохо, Герф.

– Если учесть, что временно...

– Если учесть, что наши души остались при нас. Знаешь, я как-то Айнеру торжественно заявил – “Мы – это наше оружие, наше оружие – это мы”. Он мне с ходу отрезал – “Нет, оно без нас не оружие, мы – оружие и без него”.

Влад еще стоит на ногах, но уже не твердо... Мы все старались простоять как можно дольше, чтоб уменьшить площадь соприкосновения с промерзшими плитами, только одним упорством долго не продержались. Теперь и Лесовский бросил искать блуждающим впотьмах взглядом стыки сомкнутых дверей, подошел к нам ближе – подальше от холодных стен – и припал на колено перед дохлым фонарем. Он замкнул наш тесный круг в центре этой пустоты...

– А что, Хорн, так и есть. Но привыкнуть к этому надо – и осознать.

– Ну, Лесовский, начинай сейчас – потом ни времени, ни возможности не будет. Этот навык полезен. Помнить о том, что наш разум сильнее, чем наши руки, следующие за ним, и чем наше оружие, вышедшее из него, должен каждый.

– Нужна поправка – разум, накаченный информацией...

– С этим ты пожалуй прав. От тупого ума проку не больше, чем от тупого клинка.

Хорну с руками делать нечего – он, чтоб вконец не продрогнуть, перекидывает свои посаженные фонари “с лезвия на рукоять”, как ножи. Наши – разбиты и брошены на побоище. Работает – один. Но Сорг что-то долго эту единственную надежду на свет мучает... Слишком долго...

– Сорг! Если ты живой – значит, твой чертов фонарь концы отдал...

Наконец хрупкий свет замерцал ровней... Сорг установил прожектор на полу, и мы расселись вокруг него, как у костра. Но этот огонь не греет – меркнет в углах, скрывает там скребущую стены опасность.

– Там есть что-то...

Сорг сцепил руками прижатые к груди колени и неподвижно застыл... как будто он уже давно замерз где-то на леднике. О том, что Сорг еще жив, говорит только неизреченно глубокая тоска в его запавших глазах...

– Это крысы, Герф, – “наши вечные спутники”. Если они не очень голодны, подпустим их ближе – так теплее будет.

– Ты как хочешь, но я их не подпущу.

– Еще звать будешь. Не то скоро инеем затянет. Здесь крысы – наша группа поддержки, дружинники из бригады попутной подмоги.

– Поэтому вы их кормите?..

– Если мы помогаем им – они помогают нам.

– Как?..

– Как обогреватели. За еду нам тепло дают. А убежище у нас с ними по жизни общее. Но ты смотри в оба. Следи за ними – если кто из них с голоду нападать решит, сшибай насмерть. Они твари смелые, быстро бегают и “летают” далеко – ты у них на прицеле.

Жалею, что ничего съедобного нет, что им дать можно... А в тишине все стучат когти и зубы, из углов поблескивают расширенные глаза... Я перестал думать о стычке – крысы теперь из головы не идут. Сожрут нас тут, безоружных, – нам против их орды и получасу не выстоять... Никогда не думал, что буду серьезно озабочен угрозой с их стороны. Понять не могу, откуда они лезут... Отовсюду... А кругом лишь стенные панели и сомкнутые двери – никаких щелей... Кажется, что эти крысы сквозь стены проходят – прибывают прямоком через перекрытия, через обшивку...

– После успешно проведенных операций мне приходилось получать хороший ужин и сон, но чтобы сидеть голодному с голодными крысами...

Хорн перевел лучистые глаза на теснящиеся по углам полчища крыс... Подставил руку подобравшемуся к нему зверю... И, признаться честно, оскал желтых крысиных зубов затмил его белоснежную улыбку...

– Так оно тут и бывает, Герф.

– А Нор того стоит?

– Не стоил бы, мы бы здесь не сидели. И Унхай ему бы мозги вправлять не стал, и Норвальд давно бы передал его, кому следует.

– Скару?..

– Ну... Скару... или Айнеру... Отдать кого-то Айнеру, считай – отдать Скару... Меж ними разницы почти нет. Им обоим ничего не стоит растерзать кого-то, переданного им в безраздельное владение, бесследно.

Сорг откинул склоненную голову... От засохшей и рассыпанной по ресницам крови его блеклые глаза затенены опавшей багровой пылью... Кровь, запекшись на бледном лице, подчеркивает чернотой его худобу сильнее обычных теней – сейчас его скулы очерчены резче, чем под силу сделать это слабому свету. Он зовет крыс – они, взъершись и щерясь, ставя торчком отливающую сталью гладкую шерсть, подходят к нему ближе... осторожно и тихо... Они, цепляясь за его ремни, начинают восхождение... Одна из этих тварей уже победоносно топорщит подшерсток, взобравшись ему на плечо по его сложенным и сжатым на груди обожженным рукам...

При виде этого меня как-то невольно передернуло... “Мертвец”... Хантэрхайм приложил к нему руку беспощадно, как смерть. Но Сорг смотрит на прожекторный свет так, словно берет его навсегда и никогда не отдаст...

– Зря ты так, Хорн... Айнер справедливо судит – разве что резко бывает. И Скар неповинным не страшен.

– Один другого стоит – недаром они старые товарищи. Нору нужно будет последние силы напрячь, чтоб к одному из них на клинки не налететь и не попасть следом под карающую руку к другому.

– Он уже попал под разбор к обоим. Общую задачу перед ними нарушением поставил. И тому, и другому дорогу перешел – и не по переходу – по принципу. Теперь оба его близко к стенке

поставили с холодным железом у глотки. И стоит он на лезвии – острое системной безопасности... Нору больше с него не сойти...

– Сорг, да не об этом речь... Пригрозить покрепче, так чтоб напрочь не добить – к тому ж полностью согласованно с двух сторон... Это их общий офицерский стандарт. И к бойцу по процессу у них одно общее стандартное требование – молчание. Точные вопросы – точные ответы. После – электронные отчеты, протоколы... И командиры, кем бы они ни были, ставят точку. А Нор ни одному офицеру ничего не оставит, кроме как поставить у него на деле крест.

– Нет. К Нору “крест” еще не применим – сейчас этого не сделают...

– Его у них на стольких допросах вконец переклинить может от какой-то брошенной ему напоследок жесткой формальности.

– Это может... А клин клином вышибают, знаю...

– Значит знаешь и то, что нарвет его скоро на клин строгих указаний.

– Это тоже может...

– Не жди его, Сорг.

– Этого не могу...

– Если не Скар, то Айнер его...

– Нет. Айнер его, скорей, отпустит – войне вернет... А решит вернуть – и у “теней” заберет...

– Неизвестно еще, кто ему жестче приговор пропишет... Скару Нор нервы без тщательных стараний не закортит. У него и коротить почти нечему...

– Этим он и опасен. Ему Нор ни живым, ни мертвым не нужен.

– Скар страшен. Только опасней – Айнер. То, что не будет разрушено морозом, будет уничтожено льдом и пламенем.

– Хорн, от перебойных систем еще есть чего ждать – от стабильных ждать нечего.

– Хоть трех шкур им обоим с него не спустить – и то хорошо.

– Третью шкуру Нор и без них обдерет...

– Сорг, не жди... Его участь решить предстоит тому, кого он разозлит сильнее. И решить предстоит – отпустить его со щитом или на щите. То, что один безразличен до беспощадности, – плохо. То, что другой реактивным злом страдает, – еще хуже. Нор дерзок – без реакции его выходки ни один офицер не оставит. Но кто-то по ним больней бить будет. А этому больше Айнер подвержен. Он точно вопросы жестко поставит и покарает сурово – и ошибки, и проступки... И никто ему не помешает... Борг... Он и на расстрел подтверждение даст, ждать не придется...

– Похоже, так и будет... Только, Хорн, Айнер – S9. Не от злобы он сурово карает... Он так страховку крепит бойцам, которых не намерен целиком и полностью под усмотрение “теней” передать – Скару поле действий сужает...

– Думаешь?

– Знаю. Айнер Нору когти обломает, и Скару не придется ему эти когти вместе с руками ломать. После этого Нор перед Скарком тихим, как снег, предстанет – при допросе от него ни Скар, ни его офицеры ничего лишнего не получают, как бы строго вопросы ни ставили. И после того, как Айнер Нору наказание назначит, ни Скар, ни его офицеры не пробьют его ни одной, применимой к нему, карой. После обратимой смерти, бойцу и пытки не страшны... Скар его не покалечит и не поломает. Айнер его защитит.

– Только дефектный он – от него ждешь чего-то, но не знаешь чего.

– Если точно знать цель, нетрудно с точностью определить и ход мыслей – без сторонних отклонений только. И тут дело так обстоит, что о ходе его можно не тихое предположение выдвинуть, а уверенное заявление... Он Нору страховку укрепил при Норвальде еще. И сорвет он эти крепежи только в крайнем случае. А Нор еще не настолько поврежден, чтоб эти крепежи у него из рук вырывать.

– Сорг, по крайней мере не жди его таким, как прежде. Один под щит поставит, другой – положит... Скару прорвы расширений открыты.

– Без нужды Скар ни одного серьезного расширения не применит. А Айнер постарается эту нужду... нет, не скрыть – устранить. Он выкинет все лишние данные из отчета и выбьет все лишние мысли из головы Нора. Скар не сочтет это дело чем-то особым – Айнер этого не допустит,

он пустит дело по обычному ходу. И он не позволит Скару получить подступ к Нору – к его страху. А от простых вопросов дознание только до простых ответов дойдет – без осложнений. Айнер позаботится о том, чтобы Скару при простом ходе дел не просто было забросить и зацепить крючья осложнений...

– Это он может... точно... Придержит Нор перед Айнером хищнические когти, может еще вернут его нашей роте... и может не одни его обломки...

Сорг помрачнел, как-то отгородил лицо от прожекторных лучей...

– Хорошо бы... Только дело, верно, обернется сложнее... И Нору, скорей, тяжкий ответ держать предстоит не перед Айнером, не перед Боргом – перед Скарком и его “тенями”...

– Конечно. У границ Айнеру приграничное дознание никак не сдержать – рубежи были пересечены, и Скар об этом знает. И о том, что Айнер считает территории с недостаточной охраной ничьей землей, которую с боем или с наглостью можно взять себе, ему тоже известно – он Айнеру ни с тем, ни с другим оружием владения “теней” штурмом брать не позволит. Айнеру к Скару подступиться трудно будет. Нору от его “теней” никуда не деться...

– Хорн, ясно, что Нор от них обоих получит... Я о другом. Айнер отчет в стену упрет... Он все к простому боевому рвению обычного бойца под химическим ускорением сведет. Борг... Он обязанности строго до скупости исполняет – просмотрит отчет и не различит того, что вроде в стороне встанет... Ему вообще безразличны чужие территории и переходы их границ – эти пределы под охраной “теней” системной безопасности. От него Айнеру добиться нужного не трудно будет – подпишет, что следует, и дело – параллельно... А Скару не только горизонты открыты – он и за их линии смотрит. И отчет он просмотрит так, что Чжан Лун с его преданными офицерами хорошо будет виден – как и другие бойцы, идущие с ними маршем по краю... Это значит, что Скар не станет беречь сил и терять времени – спросит жестко, с утяжелением...

– Он заточит Нору когти и зубы, сточенные Айнером... Раскалит остуженные угли, которыми Нор осыплет его холодный разум... Скар будет искать его паранойю, его скрытую цель, его страх... А если Скар что-то ищет – он находит всегда... Он находит и то, чего еще нет – что только будет...

– Что будет с Нормом, знает не только Скар... Тут не нужен точный расчет будущего – и без того с ним все ясно. Нор еще годен к службе только с учетом контроля над ним... А контроль офицеры учтут последним пунктом... Об окончательной ликвидации сейчас вроде твердый вопрос не стоит... Но Скар не упустит ничего и зачтет все... Нору конец – он не выдержит его вопросов... А неверные ответы ударят по нему так, что размолотят в прах...

– Это верно... Скар... Он тот, кто по плану, по ровному расчету следствие ведет – его с этой равнины не сбить... Он все увидит – все нестыковки отчетных данных и фоновых показателей... Только Айнер у нас такой, что данные, как конструктор, перестроить может. Он все подгонит стык в стык – было бы нужно. И ни одной части при этой перестройке не потеряет – соорудит такую схему, что каждый показатель место поменяет, но ни один не выпадет... Пойдет он на это – ему разбор чинить, как он вздумает...

– Хорн, этого он не сделает. Айнер – S9...

– Дефектный. Нору перед ним полным штилем предстать нужно – и пройдет он по лезвию... Тут, как не посмотришь, его судьбу то решит, что Айнер отчетом напишет. Только злой он стал – и штурм этот перед ним от одной его злобы отступил...

– Нет, Хорн... Какой был, такой и есть...

– Об этом молчи... Скар – он точно по правилам, не по злобе, разработку проводит. А Айнер прямиком по нервам током бьет...

– Бьет. Только, Хорн... Ты у Скара под разработкой не был.

Хорн уж очень резко сжал зубы и свел плечи под блеснувшим ему в глаза бликом от скобы, стягивающей опять начавшую кровоточить рану, на рассеченной брови Сорга... Сорг снова отвернулся от света...

– Лучше не вспоминай...

– Хорн, помнить нужно все – хоть для того, чтобы суметь обойти это впредь. Ты сказал – один другого стоит. По большому счету – так оно и есть. Если дело серьезно – одни у них обоих

результаты будут... и достигнутые по четкому порядку. Но к Скар угодить хуже, чем к черту... Он смотрит часами, хоть и секунды не пройдет, – и все через наши глаза, через мысли...

– Сорг, давай кончай с этим. Нору Скар не так опасен, как бы он не смотрел. Нор на движенье реагирует. Скар его без особых причин не защитит, но и лишние проступки без особых усилий у его скрепленной воли из зубов не вырвет.

– Да без разницы это вообще... Что Айнер, что Скар – оба, что нужно, узнают... Им темные углы осветить – только фонари зажечь. И утаить от них что-то только не при полном свете можно. И они не одних нас насквозь видят, но и друг друга... Им обоим точные координаты каждого обходного пути известны – и им обоим их только в точный расчет включить остается... Что бы тут Айнер ни решил, что бы Скар ни помыслил, что бы Нор ни сделал – он ответит по жесткой статье и пойдет он под разработку “теней”. А он уже к тому подошел, что ему без разницы – темней эти “тени” или светлей...

– Не уверен, что этого обойти нельзя... Нор сам по себе не стоит того, чтоб его отчетную память и мысленный фон с полной нагрузкой смотрели. Свет, считай, притушен... Для того, чтоб Айнер мог корректировку общих сведений провести, – будет достаточно. А внесет Айнер в данные поправку – станет достаточно темно, чтоб крысы до убежища беспрепятственно добрались. Стоил бы только Нор этой перестройки данных... Просто... Достал он уже всех, до кого достал...

– Хорн, Скар не позволит Нору много времени у более серьезных дел отнять, но... Он только и ждет обвинений, которыми Тишинский подпишет Чжану Луну смертный приговор. Ты посмотри вокруг – люди по большей части бегут не от нас, они бегут к нему... Чжан Лун набирает силу, разрушая нашу армию и собирая свое войско. Штольт еще контролирует его, но Тишинскому уже даны распоряжения...

– Думаешь, здесь дело серьезно?

– Конечно. Нору надежды почти не дано. Единственное, что способно его спасти – обретение Штольтом неколебимого контроля над генералом Луном... Тишинский отведет от него взгляд, отводя от него и взгляды “теней”. И я надеюсь, что Штольт сильнее проснувшегося “дракона”...

– Сорг, мы не сильнее “драконов”... Мы только думали, что победили их... Все, кто с ними воевал, всегда только думали, что победили их, когда они просто засыпали, ожидая возвращения сокрушительных сил...

– Заснет или будет повержен – сейчас это не столь важно... Он не будет отнимать силы у нас. Его сон даст покой и “теням”, и... Нет, Нор не успокоится... Отпустят его “тени” сейчас – заберут потом... и уже не вернут... И следующий разбор у него уже с высшим прокурором будет... уже очень далеко от нас...

– Далеко от нас офицеры S12 и “защитники”... Нет, не верховному суду его участь терзать предназначено – дело до того не дойдет...

– Нор не дойдет.

– Это точно. Верховный суд... Не нужно это никому... Нор никому не нужен. Весь его былой героизм уже стерт из памяти системы... Только здесь его подвиги еще кто-то помнит... но уже с готовностью забыть... Пошлет Нор еще рез системные власти – ему без рассмотрений обвинением лоб пробьют.

– И он это хорошо понимает... Нет, Хорн, Нору больше трибуналом не грозить. Он знает, что кто б его не судил, ему один приговор вынесут. Армейские офицеры будут разбор вести или офицеры службы системной безопасности, общими силами или порознь – ему одно осталось...

– С этим тебе видней...

– Уверен, что он кончит выжженными мозгами – и скорее без посторонней помощи...

– Да он с этого и начал...

– Начал с того, что стал забывать, кто он. А сейчас... Близок конец его борьбы с “чудовищем”, рвущим все оковы без разбору. С его страхом потерять волю – передать ее офицерам не частично на хранение, – а целиком и без возврата.

– Верно, Сорг. С потерей сил он долго не простоит. Скоро Нор будет брать в расчет лишь его упорное решение ускорить ход войны – не нашей общей, так его личной.

– Его мысли уже почти подчинены его “звериной” воле – он выходит из подчинения системы. Не сможет Нор разум подключить, не удержит эту цепную волю, спустит, не обрубит цепь – уволочит его этот “зверь” к черту... Этот “зверь” уже почти не дает Нору вспомнить о рассудке. Нор верит ему – он убежден, что правы его доводы. И верит ему он слепо, не так, как мы, – разуму и офицерам.

– С этим верно... Но, Сорг, никто еще не знает точно, какой конец будет положен войне...

– Это одному Снегову известно.

– Тогда, может, Нор не так далек от правды...

– Сотрут Ивартэн, не сотрут – Нору к этому руки не приложить. Эту задачу решить способен только холодный ум – человек, “защитник” – не важно. Такой стихийной “звериной” силе с ним не совладать. Не эти силы разделили Совет AVRГ, и не им убеждать верховных командующих изменить расчеты.

– А знаешь, прав ты, пожалуй. Снег под прессом льдом станет...

– Уверен, что так и будет. Снегов смотрит далеко вперед и решает единожды – он строит точный расчет и стоит на нем, как ледник на промерзших скалах. С ним “защитники”. Думаю, если он не убедит высший генералитет четкими данными, просто пресечет споры его неоспоримой властью, – и будет это очень скоро.

– Хорошо сказал, Сорг. Действительно, ведь “недоверие” – чушь это. Тот, кто посмел бы сорвать с него погоны, не посмеет забрать с ними и его ответственность.

– Согласен... Но Хорн... Что бы мы об этом ни думали – не наше это дело. И если мы перестанем понимать это, – будем воевать не с нашим общим врагом – друг с другом. Тогда, кто бы из нас ни победил, – нас победит враг.

– Лихой размах – нет, не дойдет до этого. К плану действий, утвержденному Центром, злоумышленнику пути нет. “Защитники” без труда блокируют и устраняют такие помехи. Грубой силой уберут, если иначе никак... Наш высший генералитет и Центральное управление DIS никому такого с рук не спустит...

– Точно, Хорн, не тот случай, чтоб его с рук спустить, чтоб без жестких мер обойтись... Но тут не допустить его... трудно. С этим не должно быть допущено ни одной ошибки, контроль нужен очень строгий... А обеспечить его сейчас крайне сложно... Хантэрхайм стоит на краю – он ставит на край и нас... А кого-то, скорее, уже сбрасывает с него... Может обстановку накалили, чтоб холодом обдать – закалить, как стальной клинок... Тогда прочней системе не быть. А может быть, сбоят что-то, и от температурных стычек трещины пойдут... Но что бы ни было – под огнем почернеет лед, и огонь подо льдом шипеть будет серым дымом...

– Да, верно все. Готов уже к этому.

Посмотрел на Лесовского – он вроде понимает, о чем речь... Мне тоже ясно, что “черный лед” и “серый дым” – это каратели DIS и армейские штурмовики... Но уяснить, почему здесь вещи своими именами не называют, хоть и заметил эту особенность, никак не могу... Запрет на это негласный, похоже... Тогда и спрашивать об этом ничего не стоит... Сорг заметил, как моя рука легла на крепежи портупей, где я обычно бич носил, – привычное движение, когда что-то не ясно...

– Хорн, к этому больше Герф с Владом готовы... Мы видели их бичи, сделанные в Штраубе. Это оружие служит тому, чтобы править зверьми с тех территорий. Здесь таких чудовищ нет и не было. Но взяв сегодня этот бич, я смог определить их силу – пусть приблизительно, только по оружию, применяемому против них. И я понял, что такой противник не каждому по зубам.

– “Зверь” всем нам по плечу.

– Если это не изувеченное человеком чудовище...

– Это ты о чем, Сорг?..

– О том, что нам предстоит столкновение с тем, что мы не понимаем... Ни тебе, ни мне никогда не доводилось видеть настоящих чудовищ за пределами виртуальных полей.

– Что одно поле, что другое – не велика разница... Сжечь их – и к черту...

– Нет, мы боролись не с ними – с их киберпроекцией... Но и с такими зверьми какую-то определенную тактику борьбы применить трудно. Нам сложно прогнозировать их поступки – мы плохо их знаем. Знаем, что ранить их проще, чем убить. Знаем, что их тяжело ранить, но убить их,

раненных, – еще тяжелей. Знаем, что если они обладают обычной тупой силой, разум способен их подчинить. Но с их безумием, искажающим исходные программы и расчеты, нашему разуму без специальной подготовки совладать будет непросто... А если они знают людей, если близки к человеку – к нему и его сознанию... если их сознание покорежено человеком...

– Сорг, сворачивай-ка ты эту тему...

– Нет, Хорн. Нам еще предстоит бой...

– Никакой это не бой...

– Хорн, зверей собирают в стаи лидеры... Только лидер может и не быть зверем... Тогда он соберет не стаю – свору, которой будет управлять с точным расчетом.

– Довольно, Сорг... Не будет такого. Тишинский никому не даст “зверей” объединить. А Штольт не допустит того, чтоб Чжан Лун объединил свои “своры”, – разобьет его армию на “стаи” и разгонит по ветру.

– Мы почти ничего не знаем... но что-то – видим. Мы – бойцы А2 – мы должны действовать эффективно при столкновении, хоть черт знает с чем, как одни, так и группой, как с командиром, так и без него. Мы должны составить прогноз действий, продумать бой, чтобы провести его без задержек на ориентацию. Над боем с “управляемой сворой” работать будут офицеры, но непосредственно борьбу с каждым отдельным “чудовищем” вести будем мы.

– Как с Нором...

– Нет, Хорн... Говорил же, не видели мы еще настоящих чудовищ... Нор еще не такой. Он еще ведет две войны на двух фронтах.

– И обе скоро проиграет.

– Если его хищный страх перед властной над ним чужой волей победит окончательно, он не исполнит воинский долг. “Зверь” не позволит ему сделать это как человеку, офицер не позволит – как “зверю”. Оборвет дикий “зверь” системную цепь – Нор погибнет, не достигши человеческой цели... Погибнет как “зверь”, убитый охотником... Но “хищник” еще не победил – Нор сражение с ним еще не окончил.

– Но Нор боится этого “зверя” – Нор утрачен им, этим неуправляемым страхом, до онемения мыслей... Сорг, он не сможет побороть один страх, не поборов другой, страх перед ним.

– Верно. Страх перед чужой властью над его волей – призовет “зверя”. Страх перед “зверем” – позволит “зверю” взять власть над его волей. Но пусть Нору у судьбы бесстрашие не отвоевать – он еще не окончил бой. Разум еще дает ему силы для этой борьбы – пусть и последние силы...

Хорн с пониманием кивнул. Мы с Лесовским переглянулись...

– Да вы о чем вообще?... Нор и нас, и командиров к черту послал...

Сорг обратился к нам скорбное истощенное лицо – он уже подозвал кучу крыс, и они столпились вокруг него, – жутковато от этого как-то... И это – сверхлюди, воины великих северных армий... По спине забегал когтистый холодок... будто и правда по мне крысы пробежали...

– Нет, Герф. Это мы... Мы не отпустили его. Нор уже один, без нас, – это мы еще с ним. А командиры с контролем не постарались... Объект не подключен, техники нет, патрули DIS разбросаны – наши офицеры не должны спать. Не наладили систему – вот и получили...

– Что получили?... Сорг, не должно быть такого.

– Так есть. Здесь, Герф, дисциплина строга, только и контроль над ней жесткий нужен.

– А мы на что? Не одни офицеры нас в руках держать обязаны.

– Хантэрхайм ничего не позволит держать тому, кто стал слабее него. Тех, кого он вырывает из собственных рук, офицеры за горло берут. Так у нас здесь с дисциплиной дело обстоит – не изнутри, так извне.

– Но одностороннюю дисциплину долго не продержат.

– Герф, на это порядок есть... Такие здесь у нас правила – берешь под ответ, то с захватом, если не на жизнь, так на смерть.

– Тогда выходит, что долго здесь офицеры эту руку на горле не сжимают...

– Держат руку на пульсе столько, сколько сил есть. А сжать – им не трудно. Но не делают они этого – не останавливают пульс без нужды.

– Без нужды... Это им видней. Только по мне, Сорг, Айнер Нору еще до этого кислород перекрыть должен был... По мне, его ментальную линию вообще блокировать нужно было. Что бы здесь ни происходило, высшее командование достойно нашей веры, нашего молчания. Один Снегов еще может сдерживать этот хаос – никто больше. Один он способен не пускать его за границы ледяных пустынь и быть здесь – посреди них, с нами. И он видит нашу силу в плену у наших страхов. И перспективы перед ним развернуты не только с врагом воевать, но и с нами – из-за того, что кто-то ждать не может, из засады на огонь бежит. То, что камень у него на душе, – наш позор.

– Нет у него никакой души. Разве что камень замерзший...

– Нет так нет. Пусть он одним разумом смотрит – видит он, что такие, как Нор, пустоте сдались из-за того, что враг пленных не берет.

– Это ему без разницы должно быть. Разум машины видит, что есть, делает, что нужно, – и ничего больше. Но уверен, что если бы здесь таких, как ты, Герф, больше было, – не было бы у нас никаких зачисток. Только про Хантэрхайм молчи – не знаешь ты еще ни его, ни тех, кто ему служит. Не бросит Нор оружие – он будет сражаться с врагом, не сдаваясь никому и ничему, до конца...

– Сорг, но его главный враг – это он сам и есть...

– Близко к правде ты подошел... Так подумай, что его собственным врагом делает.

– То, что эту войну у него сил терпеть больше нет. Оттого, что он ни жизни, ни смерти не терпит, если те ему хоть как-то неподотчетны. И оттого, что собственной воле он еще верит не полностью, а чужой – еще не до конца не верит.

– Продолжи...

– Отчаянье это. Не может он стыковать то, что должно стыковано быть, – швы у него разошлись от разрухи этой. Он один, без поддержки, на многое способен. Но он из тех, кому не даром это дано. Ему такой контроль надо всем нужен, что оспорить руки не подыметь. А кто и какими средствами его обеспечит – ему, по мне, разницы большой нет. И если этого не сделает кто-то другой – сделает он. Но единственно не ясно, что пошло не так, – где и кем этот порядок нарушен был...

Сорг словно смерил долгим мрачным взглядом мои мысли и будто нашел в них подтверждение чему-то, поставленному не как вопрос, скорей, как перепроверенный ответ какой-то задачи... Я не понял и прервал сигнал, замолчал...

– Не знаешь.

– Нет. Тут и мы, и офицеры повинны.

– Здесь есть и другое. Это Хантэрхайм. Он отбирает наши силы у этой войны, открывает нам другие фронты. Ты еще не знаешь... После поймешь... Ты не такой, как Нор, хоть и сменишь его. И не быть тебе таким, как он. Сколько бы ты с Хантэрхаймом не спорил – ты с ним бой не откроешь. Но знай сейчас, что Нор не бросит оружие – если не человеком, то “зверем”, с нашим врагом воевать будет до последнего вздоха. Только если он с Хантэрхаймом войну проиграет, будет им как человек убит, то и “зверю” Хантэрхайм дыханье перекроет офицерской удавкой.

Я надеюсь, что мой озноб можно спутать с тем, что от холода бывает. Только меня что-то другое колотит нещадно... Сорг просто разрывает мои, склеенные усталостью, мозги сигналами передачи... Хантэрхайм... Он теперь передо мной не простой грудой плит и перекрытий облик явит... Лесовский настойчиво упер взгляд в пол – пора и мне его примеру последовать... Только тишину пульсом не заглушить. Хорн Соргу отмашку дал на продолжение, но Сорг его и не заметил вовсе. Тогда Хорн метнул фонарь в крысу, зашипевшую на него из темноты, и снова озарил нас чуждой унынию улыбкой.

– Раньше Нор другим был...

Сорг с того, как замер, и теперь недвижим, только скрепы на его брови вслед за задержанным выдохом вдруг сверкнули...

– Нет, Хорн, просто он был сильнее.

– Точно, был... А теперь... Он стал другим. И Герфрид... Сорг, ты ему здесь сказал, что не станет он таким, как Нор... Будто ты знаешь, что с ним через сутки станет... Это он сейчас не такой, как Нор. А как только силу утратит...

– Не бывать этому. Хорн, в корне мы не изменились – никто из нас. Только измотались в боях и открыли те наши стороны, которые скрывали – и от нас самих, и от других. Этим мы открыли фронт Хантэрхайму. А Герф ничего не таит – нечему у него силы отобрать, кроме нашей войны... не воевать ему с Хантэрхаймом.

– Хантэрхайм никого так просто не примет.

– Но он так просто никого и не прогонит. Он нас нашими бичами бьет. И эти бичи он из наших рук берет. Ему наши тайны – оружие против него. Стоит ему увидеть, что мы что-то от чужих глаз стараемся скрыть, – он увидит это как наше оружие... он сочтет нас – чужими. А увидит он обязательно – он видит все, что мы пытаемся скрыть.

– Понятное дело... Никто не может таить что-то вечно – еще и здесь, еще и при войне... Что бы мы с этим ни делали, Хантэрхайм ищет то, что мы от него прячем, и отбирает то, что мы ему не отдаем. И он откроет наши тайны, заберет у нас силы. Это произойдет – обязательно и со всеми. Ведь тайны есть у всех – знают они об этом или нет. Того, что у кого-то нет ничего скрытого, – просто не может быть, Сорг. Я скрыл страх перед болью, Нор – страх перед страхом, ты – перед жизнью... перед смертью. Нет, верней, ты скрыл жизнь – так, что ее и истой смерти не найти до тобой указанного срока...

– Да, мы все скрыли то, что может одночасьем ослабить наш дух, сделать наши жилы ломкими, как у мороженной падали, – и большой ценой. Платим времени нашей силой за нашу неуязвимость. Но кто-то из нас ведет с этим бой и еще может победить – сразить то, что пришлось скрыть.

– Сдать Хантэрхайму это “оружие”...

– Нет, Хорнкйенг, то наше “оружие”, которое может быть обращено против него и которое он может обратить против нас – должно быть уничтожено. Оно опасно под чьей-то одной властью – и под его, и под нашей. У нас есть “зло”, которого быть не должно – оно губит нас самих или то, что вокруг нас, нашими руками или чужими. И если мы не сразим его сами – его сразит что-то, что сильнее нас... вместе с нами и тем, что мы отстаиваем. Это “зло” – наши страхи.

Я честно пытаюсь понять хоть что-то, но не въезжаю...

– Сорг, так выходит, ты воюешь со страхом перед жизнью... и перед смертью...

– Страх жизни, страх смерти – это почти одно и то же... почти. Мы боимся жизни потому, что боимся идущей следом смерти. Боимся приблизить и отяготить эту смерть ошибками, допущенными в жизни...

– Сорг... Значит, ты... Ты убиваешь в себе жизнь, чтобы не умереть?..

– Именно. Только мертвец не способен допустить ошибку, которая убьет его.

– Я думал, ты привык к смерти... Я имею в виду, не к этой видимости – к настоящей смерти...

При штурме ты так просто шел под огонь...

– Так и есть. Мне страшно другое... Я боюсь только одного – через неправую жизнь подойти к неправой смерти. Мне страшно то, что не весь этот путь под моей властью и что-то властно надо мной – что что-то способно вынудить меня отступить в сторону от моей цели. Я должен быть убит в схватке с тем, с чем сражаюсь, но не казнен тем, чему служу.

– Убит врагом, но не казнен другом как враг...

– Точно... Я служу системе и порядку, и ничто не заставит меня перейти через убеждения. Но постоянные бои и пустые ледники все время ставят мне барьеры – будто стремятся сбить с прямого пути, преграждая его непреодолимыми вершинами и пропастями. А страх не преодолеть их с честью не дает мне с честью преодолеть их, отнимая нужные для этого силы. От него цепенеет мой разум. Этот страх и есть мой сильнейший противник – мой враг, с которым я борюсь.

– Это прямо, как с Нормом...

– Его враг подступает к нему с чужой властью, как и мой, но он другой, и подходит он с другой стороны. “Зверь” рвет его изнутри, и Нор напуган им – этим страхом, этим “зверем”. А я боюсь того, что гнетет извне, – и только этого.

– Значит, ты боишься только жить и умереть как-то не так, как нужно... И ты избегаешь этого, отключая жизнь... не давая никому и ничему принудить тебя допустить ошибку...

– Это нужно для преодоления – для борьбы с этим... Я близок к победе, я еще способен обрести силы для последнего боя. Но теперь моим врагом в этой борьбе стал недостаток времени...

– Что это значит?

– Муки могут скрепить волю и придать тем сил, но могут и отобрать их. Но, так или иначе, со временем муки отнимут большую их часть. И не важно – отчаянье это сделает или безразличие... Пройти разделительную линию меж ними – перешагнуть всего одну ступень. Теперь время мой враг. И оно отнимает мои силы. Мне все тяжелее быть в этом подобии смерти... А стоит мне отступить от него – я не исполню мой долг и буду брошен системой в пустоту как никчемный покойник. Ничего этого не произойдет, если я смогу преодолеть страх перед всем этим, – только страх перед пустотой способен предать меня пустоте. Но сейчас я могу только перекрыть ему путь ко мне этим подобием смерти... которое отнимает мои силы день ото дня, переходя в обычную смерть...

– Да, нелегко тебе...

– Теперь мне нужно сделать выбор – определить что-то одно, что я буду держать под контролем со всей моей уходящей мощью. Теперь для преодоления я буду вынужден подключать это подобие смерти после боя и отключать в бою...

– Но только это подобие смерти дает тебе неуязвимость перед тем страхом... А тот страх... он сделает тебя уязвимым в бою...

– Все верно, Герф... Но это даст мне силы, и я еще смогу сокрушить его. А сокрушив его, я получу силы исполнить мой последний долг...

– Но это... Это значит – убить себя...

– Это значит – погибнуть в бою... вместе с врагом. Это значит – исполнить долг.

– Нет, Сорг. Ты просто убьешь себя вместе с врагом. И ничего этим не достигнешь.

– Я исполню долг и обрету покой. Мой разум погубит мой страх... пусть, и вместе со мной...

– Но никто не знает точно, сколько боев еще впереди, – разве что машины и высшие офицеры.

– Тот, кто ведет такую войну, – знает. Знает, когда ее оборвет его офицер, если не его бой.

– Сорг, это как-то не правильно.

– Все правильно, Герф. Просто, мне пришлось разделить время – продлить один его конец, который идет до и после боя, и укоротить другой, который идет при бое...

– Выходит, ты теперь существуешь как бы в разделенном времени и пространстве... Но ведь и то, и другое – одно целое... Нет, такого быть не может...

– Такое бывает у тех “мертвецов”, которые еще живы.

– Сорг, “призраки” порождены программной ошибкой – поломкой нейросистемы.

– Если так, то не долго им быть участниками штурмовых операций – и вообще не долго им быть.

– Значит, ты гибнешь... с принятым тобой четким решением...

– Нас всех губит бесцельность – чужими руками или нашими... Но я не буду ждать чужой руки. Я обрубил темные крылья этой пустоты, закрывающие мои глаза, – посмотрел ей в лицо. И я не намерен смотреть ей в лицо дольше, чем наши офицеры, чем наши машины, из опасений, что обознался. Я уже четко вижу ее впереди и уже всмотрелся в ее глаза... Передо мной еще стоит цель... но я уже вижу эту, заступившую мне дорогу, бесцельность...

– Это просто ненависть ко всем и ко всему, что препятствует тебе...

– Нет, не ненависть... Ни к чему тащить такой груз – подбирать его за всеми, кто перейдет тебе дорогу и бросит его тебе под ноги. Эти помехи имеют право коротко остановить наши мысли, чтобы мы могли перешагнуть их и идти дальше. От одного только осмысления нам не следует отходить. Зло требует не больше сил, чем мысли... Только ему нужны тупые силы: не управляемые тобой – управляющие. Нет, этого мне не нужно... Стоит дойти до грани равнодушной смерти, и больше нет нужды поднимать мутные пылевые завесы, осевшие на дне разума...

Хорн еще удерживает эту его улыбку, но она уже притухает за ознобом от прорывающей до костей сухой стужи.

– Ну ты и нагнал морозу, Сорг... Правду Айнер говорит – хуже, чем страх перед смертью, только страх перед мучительной смертью. Он прав, нет ничего страшнее... И это выжигает нервы нам всем – без исключений. Уверен, что и ты, Герф, чего-то боишься и что-то скрываешь...

– Вроде нет у меня ничего особенного...

– Ты просто еще не знаешь, что боишься... и не знаешь, чего боишься... Ты что-то прячешь, Герф...

По позвоночнику пробежал еще более настойчивый, еще более цепкий холодок... Я понимаю, что это все Хорн с Соргом нагнали, но... Это слово “страх” – они будто кодом мне его в голову вбили... И я поймал себя на мысли, что начинаю бояться его... и еще... Гоню от себя видение сияющих ледяных пустынь... Это Хантэрхайм. Он еще далеко, но приближается – с угрозами, прямо, как враг. Нет, этот мерзлый город не станет моим врагом и не сделает со мной то, что сделал с ними всеми... Я буду ему верным защитником, и он... Черт... Я начинаю думать о нем, как о чем-то разумном... Но это всего лишь город, пусть и невыносимо жестокий, – у него нет воли, воля есть у меня.

Хорн с Соргом так и не свели с меня испытующих взглядов – будто они поспорили, и я должен решить их спор. Но я не знаю, что им ответить, – мою голову штурмует белое сияние Хантэрхайма и его черные “тени”, обыскивающие этот свет, как самую скрытную темноту. Я и не помышлял, что Влад меня выручит, – он вроде блуждал где-то мыслями, но вдруг поднял синие глаза, наставив их на Хорна, как наведенные лучи...

– Нет, не прячет он ничего – ему просто нечего.

– Бесстрашие – следствие тупости. Не страшны человеку его страхи – не воевать ему с ними и не победить. Не страшны ему его боли – не терпеть ему их и не преодолеть.

– Хорошо вам Айнер мозги промыл...

– Параноики заразны. Учти это, Лесовский...

– Учту... Только с этим он прав, если то бесстрашие не от головы идет. А с Герфом это не от тупости...

– Лесовский, чтоб так дух закалить, нужно преодолеть и ледники, и пламени и штандарты славы, поднятые на твоём пути, что лишь Хантэрхайм на нас обрушить может.

Лесовский снова опустил глаза в пол... Мы уже придвинулись друг к другу вплотную, и крыс никто гнать и не думает... Но они нас еще, как чужих, стороной обходят...

– Не скажи, Хорн... Не с конвейера Герф таким сошел...

– Выходит, ему умом впору с машиной тягаться...

– Нередко он соображает туго. Порой кажется, что ему в голову один только устав загрузили. Но это не так. Привык он просто по правилам решать – прямо и без отклонений. Но хоть в его нейропрограмме этот порядок стабильной установкой прописан – он не только по нему правоту видит. И тут ему тугой на разгон разум, считай, на руку. Дойдет до него, что не так что-то, – не будет он горячку пороть, обдумает все спокойно, без спешки. И делать что-то будет только тогда, когда разберется точно, что не так и как должно быть. От этого и действует он в непредусмотренных уставом ситуациях верно – и по порядку, и по чести. Еще гордый он – не дает ему это не по правоте думать и делать. Поэтому и тайн у него нет. Поэтому и сил ему достает: искать – со страхом потерять и терять – с надеждой найти. А поддержку он от прямых мыслей и простой честности берет. У кого-то много размышлений на подключение к такому аккумулятору уходит... и дел кто-то для этого совершить до черта должен... А Герф...

– Устроен он так, что ему не надо этого.

– Что правда, то правда – да не только. Не сделали еще нейропрограммисты ни одного такого бойца, которого ничто не могло бы ни сломить, ни перегнуть. А Герф такой – его трудом это достигнуто, его стараниями. Увидишь еще, что он способен сделать со всей этой разрухой...

– Когда его время перегонит.

– Когда попробует перегнать.

Фиксирую боковым зрением устремленные на меня проницательные взгляды старых солдат, прошедших и идущих через чертову бездну, но смотрю только Владу в глаза... хоть он их и опускает. Я знаю, как бы он в пол взгляд ни упирал, хоть краем глаза, он меня видит... Почаще бы он так думал... Мне теперь осталось только под землю провалиться. Я уже готов начать рыть подкоп... Еще что-нибудь такое Влад открытым сигналом передаст, и мне ничего не останется – придется присмотреть прорехи этих глухих стен, через которые к нам крысы пробрались... Влад с

этим точно лишку дал... Мне и без этого уже приперло свалить из этой мрачной, поджидающей нас в углах, темени, смотрящей мне в затылок крысиными глазами...

Сорг резко поднялся, сбросив с себя сонных крыс – будто скинул шубу... или полинял ключьями, которые разлетелись от него с визгом и скрежетом, достойным дрожи...

– Выходит, не сыскать Айнеру лучшего бойца Нору на замену...

Хорн еще резче поднял руку – будто обрубил Соргу сигнал... И это движение окончательно разбудило всех дремлющих зверушек... Уже не понятно – дрогнул это свет, вздернув тени, или это просто крысы лезут на стены... вернее, в стены. Они, похоже, уходят, покидают нас. Кажется, мы нарушили наш хрупкий мир и покой...

– Сорг, кончай нас морозить – и без этого холодно... А ты, Лесовский... Ты, видно, Герфу друг хороший... Но неужто и ты ничего не прячешь?..

– Прячу то, что не понимаю, но до времени – пока не разберусь.

– Хорошо сказал – и правду, и нет.

– Хорн, я не таю того, что прячу мысли. Доверие, с которым открыты слабые стороны обозначает, что их на деле нет.

– Как-то не думал... А так и есть. Ясно теперь... Ты, Лесовский, с разрухой воюешь... Хаос по пунктам разбираешь, чтобы порядок – систему – построить...

– Когда что-то знаешь, можешь что-то сделать. Главное – понять, что сделать необходимо, и чего делать не следует совсем... А ты, Хорн?.. Ты знаешь страх в лицо?.. Смотришь ему в глаза?..

– Редко. Столкновение с ним каждый раз – бой, и каждый раз – как первый. Кого-то что-то может заставить побороть его одним ударом, кто-то с ним по жизни воюет – либо без продвижений, либо с гонкой вооружений, но не ко мне это... Разбить его, разложить его обломки по прочным контейнерам, запечатать их наглухо и сложить где-нибудь подальше, запомнив, где сложил, чтобы больше к ним и близко не подходить – это да...

– И что ты так надежно запираешь?..

– То, с чем по собственной воле драться не намерен – и то, чему другое применение не нашел. Мой страх. Тут нет моей победы – мы с ним так как-то существуем поодаль... Держу его под присмотром голодным и усмирненным...

– Значит это не то, что обладает большой мощью...

– Этого не скажу, Лесовский... Я боюсь найти настоящего друга, потому что знаю, как это – потерять его.

Сорг перевел на него замерший взгляд покойника...

– Знаешь, как “защитник” – как машина. У тебя не было друга. Твои друзья все и никто.

– Это одно и то же. По мне лучше так... Когда погибает друг – ты стоишь один, среди соратников, среди врагов – ты один, не с ними...

– Ты прав... Сложно понимать, что теряешь друга, но постигнуть, что уже потерял, – еще трудней. Редкий случай обрубают дружбу одним махом – верных товарищей разом убивает. И враждой настоящую дружбу разъединить не просто...

– Сорг, не быть между тобой и Нором вражде. Но если ты не поймешь, что ваши дороги разошлись... Он выстудит тебе душу до мертвого безразличия машины. А ты выжжешь его – звериной яростью.

– Не такой у нашей дружбы конец – не равнодушие, не ненависть. Нор скоро забудет про страх – он перешагнет его пределы, но не борясь с ним, а подчиняясь ему. Его отчаянье положит конец этому сраженью – Нор прервет его, прекратит о нем думать. Сейчас такой боец еще нужен и Айнеру, и капитану. Но скоро им будет его не сдержать. Он уже опасен.

– Не держи его больше и ты, Сорг.

– Не могу. Мы схватились насмерть где-то на границе и держим друг друга. Отпущу – он мне руки скрутит, за собой утащит – и мы пропали.

Окончательно загруженный Сорг замолчал, склонил на острые колени голову. Не понятно – спит он или умер. Хорн, чтобы не спать, устроил крысам прогон по рукам... так они энергии больше жгут. С крысами действительно теплей. Теперь и мы с Лесовским не против подобранных к нам клочков меха. Но я уже так заледенел, что немеют руки... Я ужасно хочу

есть... У меня появились нехорошие мысли, что эти искристые крысиные шкурки сойдут не только как обогреватели... Открыл Лесовскому линию...

– Влад, знаешь, я думал, здесь воюют сверхлюди...

– Так и есть, только они все в бреде...

– Беспросветно как-то...

– С фонарем ничего еще...

– Да я не про карцер... вообще.

– А чего ты ждал от этой морозилки на пути всех войск?

– Как думаешь, что нам с тобой сделают?

– Ничего не сделают. Айнер строгим выговором врежет, и только... На отделении и так уже три жестких штрафных – больше и недопустимо. Мы на взвод не одни такие... Дальше так пойдет – командир штрафную роту получит. У них тут так не положено, но бывает. У Борга уже есть такие – под его постоянным контролем, под неусыпным наблюдением DIS – других таких ему не надо... Мы с тобой по краю пройдем.

– Получим по заслугам – до следующих столкновений, когда эти “заслуги” будут перебиты другими. Тогда штрафы спишут... И, считай, отделались... А остальные как?..

– Если они еще не были у карателей на жестких правах – с ними худшим образом обойтись никак не смогут.

– Черт... А Стикк... Ему больше других отвечать... Айнер его еще перед Нором к “теням” пошлет... А Стикку к ним не по нехоженой тропе идти...

– А что Стикк?.. Отвечать он по своей воле вызвался...

– Мог на нас свалить – нашу-то вину... так не свалил... Теперь совесть гложет...

– Да черт с ней... Каратели ему нипочем. Он как уходит, так и приходит – привычное дело – и ему, и им... А Нору худо будет – его сурово отработают. Ему не долго “последний разговор” ждать осталось. Стабильно штрафных у них тут наперечет. Долго их, как я понял, не держат...

– Их, видно, ликвидируют по большей части...

– Но и выбор дают – в бою пасть. Если Нор еще чего не натворит, Айнер ему такую возможность предоставит с указанием прямого пути...

– Влад, Айнер его, как крысу, на врага швырял... Не берет его гибель, хоть на лучи бросай...

– Просто он еще не окончил борьбу...

Я стал думать про... Даже страшно подумать, о чем я после всего этого стал думать...

– Влад, а за проступки всегда такие кары были – “огнем по рукам”?

– Похожие были всегда... Но был вроде период какой-то, когда это под запретом было. Тогда за проступки кого-то могли годы где-то взаперти держать... Вроде и пытки были запрещены когда-то... хоть их и применяли – тайно только...

– Выходит, нельзя без этого никак?

– Иначе никак... до тех пор, пока мы еще такие, как есть.

– Все же тюрьмы – это как-то не так страшно, как...

– Если эти тюрьмы не такие, как наши карцеры...

– Верно. Но все же...

– Этого давно уже нет... И я думаю, Герфф, что не зря такой порядок отменили... У системы он сил и средств много отбирал, а результаты... их почти не было. Знаешь, Герфф, я уверен, что... Человек должен бояться наказания – по-настоящему бояться... Иначе его ничто не остановит.

– А честь?..

– Честь – это что-то прикрепленное к разуму. Те люди, которые не способны определить ее истинную цену, отдают ее почти даром, меняя на никчемные вещи... которым тоже не знают настоящей цены. Ну а тупость – всегда наказуема...

– Думаешь всегда?

– Тупость не дает человеку наказать себя самому. А это значит – не дает ему возможности отметить и запомнить ошибку. Он будет ее повторять. И он получит наказание от системы...

– А что если кары не последует?

– Он не получит урок. Его ошибки ничто не пресечет, и они уничтожат его. Наш мир не прощает постоянных ошибок – он проводит среди нас жесткий отбор. А честь – основной его принцип.

– Согласен, в общем... Только при допуске суровой кары разбор должен быть очень точным – не то невинный пострадает зря... Наказание ведь получить может только виновный – невинный получит одну только муку. И это не послужит уроком для усмирения по закону... это послужит толчком к сопротивлению закону.

– Странно как-то, что тебе это в голову пришло, Герф... Системе нашего уровня этого не нужно – у нас аппарат власти работает четко по закону... И мы все контролируем его работу строго по закону... А закон служит нам так, как мы служим ему...

Унхай вышел из темного коридора, без малейшего шороха зашел во мрак этого карцера – словно ниоткуда явился... Он пришел, когда уже исчезли все крысы и темень затаилась тишиной...

– Лесовский, со мной. Герф, иди за “защитником”.

Светлый “защитник” сомкнул руку на моем плече... Он довел меня до сектора системных управлений объекта и встал у дверей... По мглистому коридору иду один. Как-то не по себе здесь... И не ясно, в чем дело... В Штраубе я всегда знал, что и зачем делаю, и если допускал ошибку, четко понимал – где. Здесь я не понимаю ничего.

Запись №15 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 06:00

Жду у закрытых дверей центра управления. В пустом коридоре холодно, тревога расплзается по темным углам, хоть они и под наблюдением объекта...

Как только двери разомкнулись, опознали и пустили меня в сияние белого света, свернулись и исчезли все мониторы. Центр управления опустел в тишине – в ярком свете я различаю только острый силуэт Айнера в темной шинели. Чтобы не наткнуться на какой-нибудь предмет, которого я еще не вижу, остановился прямо за сомкнувшимися за мной створы дверями.

– Заходи! Ты выговор получишь! Строгий выговор! За неподчинение приказу! И еще! И еще черт знает за что! Ты черт знает что сделал!

– Так точно.

– Ты, похоже, не знаешь, что значит – точно!

– Никак нет, командир. Знаю.

– Знал бы – не стоял бы передо мной сейчас! Не нарушал бы приказов, отданных сверху! Не устраивал бы ночных побоищ на территории части! Не ставил бы целью утаить от командующих информацию о произошедших нарушениях, как и о их причинах!

– Так точно. Совершил ошибку, командир.

– Не смог сдать товарищей по оружию командованию под рассмотрение дел! Под рассмотрение дел – это не под расстрел, Герф! За товарищей надо грудью стоять! Но не передо мной! Перед врагом! За товарищей надо стоять до последнего! Но не сходя с территории их чести! Не заходя на территорию чести моей! Тех, кого считаешь правыми, защищай! Но не оскорбляй при этом тех, кто ими и тобой командует! Не оскорбляй командиров недоверием! Такое скрытное недоверие влечет беззаконие! Не доверяешь командиру – обоснуй и рапорт пиши! Открыто заяви об этом! И будет порядок соблюден со всех сторон, вместо черт знает чего!

– Командир, я никак не...

– Молчать! Не посягай на территории моей чести, защищая тех, кто посягнул!

– Так точно. Признаю вину. Допустил ошибку.

– И не одну! Главное – честь системы! Не подходи к границам территорий чести системы! Посягнув на честь системы – ты будешь системой чести лишен! Ты не станешь правым для всех нас, обвинив всех нас в неправоте! Сделав это, ты станешь изгоем! Врагом для нас всех!

– Так точно, командир...

– Системные границы шире наших личных, где бы они ни проходили, – они наши общие! И они под охраной! Под общей охраной! Пограничные конфликты есть и будут! Но никому не пойти дальше них! Никому не расширить личных территорий сужением территорий общих! Нельзя отобрать общие территории только у кого-то – ты отберешь их и у себя! Они общие! Не посягай на наш общий порядок! Тебе не только командир дан, чтоб волю вольную ограничить, – тебе еще и мозги даны, чтоб тебя до беспредельной гибели не допустить!

– Так точно.

– Не пошлю на границу служить – так держись от нее подальше! Тебе карты с разметкой даны, чтоб ты по дороге ходил – чтоб ты о расщелины ледниковых пустынь сапог не обил! Так не сходи с нее, если маршрут на сильно пересеченную местность командиром не переложен!

– Так точно.

– Иди по прямой линии, как шел, но смотри не только прямо перед собой! Сверяй карты и данные! Думай больше!

Айнер определенно что-то делает с моей головой... Будто гвозди, вбивает коды... Я это понимаю – понимаю, что это какой-то код, но от этого он только крепче вбивается мне в голову... До меня, кажется, начинает доходить, отчего Нор и Сорг так боятся чужой воли... Похоже, здесь командиры волю насаждают не простыми приказами...

– Стараюсь, командир...

– Не верный ответ!

– Будет исполнено.

– Так исполняй, боец!

– Разрешите идти?

Что-то слабо царапнуло где-то за грудной клеткой – это радость... Теперь он меня отпустит... Но нет... Айнер положил на стол стянутые перчатками до проступающих сухожилий костлявые руки так, что они будто сжались на мне удавкой, как лапы хищной птицы.

– Не разрешу. Герфрид, про собственность я тебе уже сказал все – у нас все общее! А общее – это то, что принадлежит всем в общем и не принадлежит никому в отдельности! И личная ответственность – это личное, но не собственное! Ты с ней, что пожелаешь, делать не можешь!

– Так точно, командир.

– А это что?!

Глаза привыкают к свету, и я начинаю различать предметы обстановки – стол, кресло... Но это не значимо. Можно считать, что здесь нет ничего, кроме сетевого компьютера третьего порядка и офицера S9, меряющего помещение широким шагом. Он указывает на свечение этой разумной электронной системной единицы...

– Электронный мозг третьего порядка, командир.

– Штэндштайн! Ты действительно камнем стоишь!.. Но не там, где надо! И ему, и мне теперь известно все, что происходит в твоей голове! Я прочел все твои мысли! И знаю обо всех твоих помыслах! Потому что ты записываешь их все – без разбору! Что молчишь?!

Лейтенант использует ментальное обращение... Переключаюсь на этот контакт... Не правильно это как-то...

– Разъясните, лейтенант.

– Ты понимаешь, что мной сказано?!

– Да, командир.

– Правильно понимаешь?

Я сомневаюсь, что вообще что-то пойму... Лейтенант очень быстро прочертил рукой в воздухе знак – соблюдать ментальное молчание, но он обращается ко мне по ментальной линии...

– Не уверен.

– Герф, под наст провалиться легко, а вот выбраться... особенно, если наст скрывает пропасть, которую ты, может, и не видишь, но до нее один только шаг.

Я не понимаю ничего... Наст – значит Скар... Он имеет в виду...

– Но полковник Скар...

– Помолчи, Герф. Ты думал, что делаешь?!

– Думал.

– Ты понимаешь, что происходит?

– Так точно.

– Так вот, Герф – ни хрена ты не понимаешь!

Айнер, наконец, остановился – видимо, до него дошло, что аналогии я проводить не силен...

– Ты по какому принципу отчетные записи ведешь?

– Составляю подробный отчет происходящего. Сохраняю на дополнительный носитель то, что должно быть сохранено моей памятью, то, что...

– Соображай быстрее!

Айнер не с добром мне в глаза смотрит... Лучше промолчать...

– Герф, ты думаешь одновременно с тем, как направляешь мысли на запись. Тут недалеко до серьезных проблем. Это хрупкая грань. Сначала думай – потом записывай. То, что тыохранишь на ошейник, будет проверено. И помни, что в первую очередь, – это отчет. Твои мысли, хранимые на ошейнике, как и на каждом другом носителе, кроме твоей головы, – принадлежат не только тебе одному.

– Так точно.

– Есть ошибки, за которые отвечают жизнью. Не забывай об этом. И есть ошибки, за которые ответ не ты один держать будешь. И об этом не забывай. Мы не на особо секретном объекте, но нас – и наши фоны, и нашу технику – проверяют. И об этом не забывай. AVRГ жесткая система – не забывай. Мы воюем, и для этого нам нужен порядок – не забывай. Мы выживаем – и делаем это вместе. Помни об этом, Герфрид!

– Так точно.

– Запомни, если нарываться долго и упорно, – нарвешься. Ты просто делай то, что должен. Думай не только о том, что делаешь, что говоришь, – думай о том, что думаешь, что запоминаешь... а главное – что записываешь.

– Так точно.

– Ты волен думать обо всем. Ты обязан не нарушать четко прописанных правил только деяниями. Но ты должен помнить, что мысленные действия могут переступить порог виртуального поля – подойти к полю реальному. Ты можешь перейти от мысленных действий к действиям обычным. Но мы способны узнать, что ты перейдешь к действиям еще до того, как ты к ним перейдешь. Способны узнать, к каким действиям ты перейдешь от каких мыслей. Для этого мы применяем расчет будущего. А твои мысли для проверки мы берем из твоей памяти. Но твоя память закрыта для нас – порядок такой. И мы берем только ту твою память, которую дает нам твой ошейник. Делаем мы это только тогда, когда в этом есть серьезная необходимость. А необходимость – это серьезные подозрения и серьезные проступки.

– Так точно.

– У нас почти нет времени. И мы способны четко увидеть то, что ищем, имея одну только обобщенную схему памяти – отчетной памяти. Поэтому мы и установили четкий порядок ведения отчетов. Только нужное. Ничего лишнего быть не должно. Понял?

– Так точно.

– Твои мысли принадлежат тебе – это твое право, это данная тебе свобода. Но то, что запоминает твой ошейник, – не твое.

– Так точно...

Айнер сел на едва обозначенное в ярком свете кресло, откинулся на его спинке... и положил на стол блок сахара...

– Хватит тупить. Возьми – помогает...

Я взял блок...

– Герф, мы создали эту систему, чтобы обеспечить порядок, – и нам он обеспечен... Но за этим стоит строгий контроль. Стоит нам потерять его над чем-то одним... Нет, всей системе от этого не рухнуть! Но ей будет нанесено тяжкое увечье! И случится что-то подобное тому, что случилось с нашей техникой. Машины служат нам. Но подчиняется нам только часть машин! А с другой их частью – мы воюем! Мы никогда не должны забывать этого! Того, что произошло это от одной

ошибки, Герф! От одной!.. Мы не можем сохранить систему без поддержки техники, и нам приходится полагаться на технику. Но мы должны быть готовы к сбою – постоянно готовы. Та же модель применима и к обществу. Агрессивная внешняя ситуация увеличивает возможность поломок внутренних. Мы все контролируем, все держим в своих руках. Это делает каждый из нас! И если кто-то что-то упустит, стоять ему врагом по другую сторону системных границ!

– Так точно.

– Но есть еще кое-что, что учесть следует... Помнишь, я тебе про пограничную зону нарушений говорил?

– Да.

– Это почти то и есть... Мы избегаем вражды между нами. И за установленным порядком следит у нас техника – по большей части. Мы не обязаны доносить об известных нам преступных мыслях. Но только до поры. Нельзя будет не отнести эти мысли к преступлениям, содеянным в будущем времени и в реальном пространстве – мы обязаны будем донести. И это будет серьезное обвинение – будет проведено серьезное расследование и будут приняты серьезные меры. Ясно, Герф?

– Так точно.

– Только есть здесь еще тонкость... Это ничтожные проступки. Это мелочи. Мы не мелочимся, Герф. Мы закрываем глаза, видя что-то ничтожное. Но это только до поры! До того, как кто-то тупой нам этим чем-то “ничтожным” глаз колотить не станет! Это обяжет нас возиться с чем-то, чего и не видно толком! И мы будем делать это вместо того, чтоб горы воротить! Понял?!

– Так точно...

– Значит, ты знаешь, что это такое! Значит, ты знаешь, что я с этим должен буду делать!

Закоротило... Айнер вскочил так резко, что его шинель, не успев пролететь за ним ветром, напоролась на еще более резкое торможение – рванулась ко мне его острой тенью... Нас больше не разделяет стол – командир стоит прямо передо мной...

– Это донос, Герфрид! Но ты не доложил об этом вовремя! Это регистрация информации для рассмотрения уполномоченным прокуратурой с последующей попыткой ее утаить! Ты соучастник, Герфрид!

Я бы отступил, хоть на шаг, опустил бы глаза – если бы протокол позволил...

– Я не понимаю...

– Молчи! Тебе точного будущего никогда не узнать! К тебе требование одно и простое! Решил четко, что чьи-то мысли – это настоящее преступление – доложи! Не уверен, что эти мысли окажут значительное влияние применимо к реальности – не сообщай! И учти – проступок – это еще не преступление! Это только провинность! И учти еще! И преступления, и провинности выявлять – наша забота! Наша и техники! Остальное только для страховки этого контроля! Не докладывай ни о чем, что не влечет тяжелых последствий! Ясно тебе?!

– Командир, мне...

– По твоему отчету мне ясно видно, что ты намеренно умолчал о том, что тебе был указан “путь дезертира”! Указание было дано без отягощений прямокой, но дано оно было! Умолчал о разглашении секретной информации! Информация была дана без подтверждений, но была дана! О переданных ментальным сигналом заявлениях, подрывающих стабильность системы! Сигнал был ограничен короткой зоной действия, но был передан! Это подстрекательство. Это проступок. Не слишком серьезный, но проступок. Провокация дает только толчок к преступлению. Безответные провокации мы значимыми не считаем и строго не караем. Но безответны они только на реальном полигоне, только на данном отрезке времени. На виртуальном – мысленном поле им дан ответ.

– Командир, я...

– Молчи! Вопрос встает жесткий – преступен этот ответ или нет. Нужно проводить разбор. А будут обнаружены преступные мысли, нужно будет установить – мысленное это преступление или нет, будет оно перенесено с виртуального поля на поле реальное или нет. Ментальное преступление не столь значимо и, считай, не карается, но стоит ему переступить мысленные границы – оно будет приравнено к реальному и будет караться, как пресеченное преступление. А покажет следствие с точным расчетом будущего, что преступные мысли перейдут границы виртуального поля и обретут

значение не одних мысленных преступлений, нужно будет выяснить – способно это преступление стать содеянным, станет оно содеянным или останется пресеченным. А выявит дознание, что преступление будет совершено неизбежно, – его будут карать как свершенное преступление. Докажет расчет будущего, что пути к преступлению не обрубить, – последует жестокая кара! Понял?!

– Так точно. То, что точно будет совершено в будущем времени, считается совершенным в текущем времени.

– Верно! Но тут и последнему дебилу ясно, что это не свершенные преступления! Что они не будут свершены! А разбор мы провести обязаны по стандартной форме! С расчетом будущего!.. И ты, Герфрид!.. Ты вместе с остальными под разбор пойдешь! Ты получил и скрыл эту информацию! И тому есть доказательство – записанное тобой! Ты покрыл подстрекателей! Ты соучастник, Герфрид!

– Я не понимаю, командир.

– Не понимаешь?! Много мне этот кусок твоей памяти поведал! Того, что никому не нужно, но с чем придется разбираться! Скийел Скар знает все, что ему надо знать. Все, что имеет значение, учтено и контролируется им. Но Скар не сможет закрыть глаза на то, чем тыкают ему в лицо, хоть это и будет никому не нужной чушью, не имеющей прямых последствий! Теперь дошло?!

– Так точно.

– И мне, и Скару предстоит прогон через тупые расчеты, чтобы обозначить каждый поворот этой ерунды и доказать, что нет у этой дури значимых будущих последствий! Чтобы доказать, что это не технические недочеты, пропущенные контрольными зонами и обнаруженные человеком, сбивающим с толку следствие! Что это – только подстрекание, которое хоть и способствует усилению нестабильных факторов, не имеет силы, утвержденной будущим временем! Что от реальности и от данного времени провокаторы получают только наказание и непрерывное наблюдение! И наказание получают не за преступление, которого тут нет и не будет! И не столько за нарушение, сколько за то, что нет здесь ни у кого времени по муравьиным следам бродить!

Я сжал зубы крепче и замер в немом ожидании. В горле пересохло – еще немного и без сломанных ребер не обойтись...

– Сейчас не спокойно, Герф. Действительно, у нас ситуация скверная. Но беспорядки ее не исправят! Люди на пределе! А паранойя – заразная штука! Бунты, наравне с подобной дурью, будут пресекать – и жестоко! Понял?!

– Понял.

– Что ж раньше не понял?! Ты не однофункциональный! Думаешь, ты придаток излучателей?! Нет! Они твои – не ты их! Учти, что управлять тупыми людьми легче только подлецам! Среди нас нет мест ни тем, ни другим! И учти, что если промахи повторны, – значит, что стрелок ни на что не годен!

– Так точно, командир.

– Каждый боец перед Скарком на мониторах его базы данных стоит! Но может и лично пред ним предстать! Он не чудовище – умный человек. Но лучше судьбу не испытывать. Герф, пытай ее! Но не до смерти! Не руби с плеча! На таком морозе от удара с размаху твой топор на куски разлетится! Мысли то, действия – без разницы! Если это нарушение, если этому доказательство есть – неизбежен разбор! А сейчас никому подобные проблемы не нужны!

– Так точно.

– Не нарушай мои планы на твою жизнь! Разрушишь мои – построишь их Скару! А он не спал дольше, чем я! И жалеет, что не получил раны тяжелее моих! Потому что сон он может получить только смертный! Хоть ты дай ему просто заснуть! Убери от него подальше мысли, относимые к Ларсу Стикку! Он мой боец, как и ты! Герф, не мешай мне!

– Я не...

– Молчать! Если ты за – не выдавай, если против – доложи! Это правило! И с этим середины быть не может! Есть только грань! Но ты на ней не устоишь! Так и не вставай на нее! Не знаешь, что делаешь, – не делай этого! Больше ничего никто и не требует!

– Так точно...

– Герф, запомни, мысли – это меч, память – щит! И оружие, и защиту используй только по прямому назначению! Бери исходной точкой долг! И не позволяй другим делать обратного! Не то каждый параноик сможет твой долг этим мечом на куски изрубить и на этот щит положить!

– Так точно, командир...

Айнер отошел за “разделительную линию” еще более резким рывком, словно отбросил меня... Но сразу подался вперед и острым силуэтом, и заточенным фоновым сигналом с еще более сокрушительным размахом ударил по столу кулаком в подтверждение сказанному с такой силой, что содрогнулось, засвечивающее наши глаза, белое поле... Не смею стереть испарину со лба, не смею даже вздрогнуть под подъемом, рубящей воздух, руки командира... С каждым его, поднимающим пульс, движением растет и напряжение... Белое поле звенит от частых колебаний, будто над ухом свистит тонкий хлыст... Айнер рубит воздух, словно обрубают мои мысли...

Неподвижно стою под этой ментальной поркой. И что-то цепенеет в голове все крепче. Нет, это не от того, что Айнер безжалостно хлещет мои нервы, что белое поле, окружающее мой разум, грозит мне страшной карой... Нет, это не унижение, не страх... Кроме нас самих, никто не может нас ни унижить, ни испугать... Это какой-то неподъемный груз, тяжелый и позорный... И он мой – только мой... И я сам взвалил его на себя... А эти стянутые перчатками костлявые руки лишь указывают мне его – этот груз, который я взялся тащить, не проверив его и не разобравшись с ним... Скрытый от других предатель и доносчик, не замеченный ни другими, ни собой, – теперь в зеркале я буду видеть именно его... Позор... Я готов принять его целиком – сделать все, только не переложить мою вину, эту подлую промашку неверной руки, на чужие плечи... Но наказание, как того требует порядок, будет поделено между мной и всеми, кто, пытаясь мне помочь, допустил ошибку... всеми, кто допустил ошибку, пытаясь помочь мне... Порядок не позволит мне взять всю мою вину на себя... И этим наказанием всей моей вины мне не искупить... И вообще – одним только наказанием никому вины не искупить – никаким наказанием... Нужно все исправить... Я должен сделать это... и должен сделать это сам. Не настолько разрежен мой ментальный фон, чтобы этого не понять... Только как это сделать, я не знаю... Я не знаю, как исправить мою неправоту к тем, кто перешагнул системные границы, чтобы расширить мои!.. Не знаю, как искупить мою тупость перед системой, которой служу верой и правдой, за пределами ее кары!..

– Герф, не опускай и не подымай рук – ты не сдаешь оружие не перед собой, не перед врагом! Не загоняй совесть в тупик, но и ей не давай твои мозги по тупикам разносить! Просто – думай!

– Так точно...

– Сожмешь зубы крепче – раздобишь пылью! Не жалко зубов, пожалей тех, кто тебе протезы делать будет! Не свершенное посреди реальных полей преступление высшей мерой никому не грозит! Но наказание следует неизбежно! И за ним стоит – постоянное наблюдение! Теперь ты знаешь об этом!

– Теперь мне об этом известно...

– И о том, что нам этого не нужно, тебе теперь известно! Ты знаешь, что мне необходим человек, не обглоданный Хантэрхаймом до костей! Человек с чистым разумом и не менее чистым личным делом! Знаешь, что ты такой! И что таких, как ты, у роты больше нет! Что ж, теперь решай, что ты сделаешь с тем, что делаешь!

– Буду крепче держать контроль над ситуацией.

– Будешь – значит сможешь! Знай, что сейчас ты совершил только прокол, – еще ничего больше... Знай, что твое дело чисто так, что замарать его никто руки не подымет – до поры... Но знай, что электронный мозг – не твой! И как бы преданно он тебе ни служил, как бы ты к нему ни привык – не переноси на него решение твоих задач! Этим ты на командование задачи переложил! Порой, сложно контролировать загруженную память – это бывает... Но если ты на это просто не способен!.. Еще одной ошибки тебе никто не простит! Что молчишь?!

Чувствую, как отливает под давлением адреналина кровь, как холодеют руки, как сводит их сигнал к действию, как собран и сжат мой ментальный фон... Он не отпускает ни одного сигнала, пресеченного где-то на исходе и сосредоточенного где-то во лбу...

– Герф, ты попал к Скару под холодный взор. Ты встал поперек его поля зрения, и глаз он не ответит, если ты их колоть будешь. Только здесь и сейчас тебе дальше строгого выговора не уйти,

как ни трудись. Но учти, не повторяй ошибок! С каждым твоим промахом и тебе, и всем, кого ты подставил, – хуже будет! Поэтому запомни каждый переданный мной тебе мысленный код! И без помощи электроники за пределами твоей головы! Забудешь про ошейник – забудешь про то, что офицер S9 способен поступать, как офицер S7 по отношению к своим бойцам! Потому что офицер S9 не может поступать вопреки правилам системы! И по определенной их грани пройти может единожды!

Айнер снова откинулся в кресле, сложив на груди руки... Он с уверенностью, что его, спущенные лучом по моему сознанию, мысли пробили цель, как пущенные по мишени клинки, смотрит на мой ступор.

– Хорошо, есть контроль... Теперь перейдем к делу... Мне нужно, чтобы ты поборол эту дурь, как можно скорей, – и не мог больше допустить того, что мне не нужно. Дальше стоит принципиальный вопрос – на что ты способен. Не исправишь дело с обнаружением ошибок, не увидишь промах, не сможешь – пропадешь. Не исправишь дело с управлением, с контролем над ошейником... Что ж – это исправимо. Главное – знать, как стереть.

– Разъясните, командир...

– Стереть – это возможно.

– Это запрещено.

– Формально – да. Но есть и грань. И ты, похоже, дошел до того, что должен встать на эту грань и стоять твердо – без моей дальнейшей поддержки.

Айнер смотрит на мои мученья с вышины его уровня – все тем же неоспоримо повелительным взглядом светлых, до холодности, и открытых, до спокойной жестокости, глаз... Но он заклинил мой разум и забил этот клин с такой силой, что теперь я полностью лишен способности подключить рассудок. Но он не затронул другой ступени моих соображений... Теперь ни ему, ни мне не под силу удержать напор недоосознанной несправедливости его решений... Мое упорное несогласие видит только кусок того, что должно, и больше ничего... Но упрямство затмевает разум какой-то мутной уверенностью... Белый свет меркнет вдалеке... Айнер отодвинут еще дальше...

– Я не сделаю этого. Если на то не будет дан подтвержденный приказ.

– Герф!.. Ты сделаешь, что приказано! Сделаешь без подтверждений!

Айнер рвет цепи – это замыкание... Но и я уже спустил с цепей своры каких-то нижних программ.

– Не имею прав исполнить не боевой приказ, противоречащий уставному порядку, без командных подтверждений. Он не будет иметь силы, если не будет учтен общей базой данных. До тех пор – ответственность равно разделена отдающим приказ командиром и принимающим его подчиненным, что дает мне право на неподчинение приказу. Моим действиям будет дан положенный отчет по официальной форме при запросе.

– Молчать! Подумаешь – пожалеешь! Не будет пощады! Ни тебе, ни Лесовскому! Ни Стикку, ни остальным таким, как он!.. Из-за твоей тупости не будет!.. Из-за открытой тебе обрывочной ментальной кодировки, пропущенной поврежденной контрольной зоной!.. Зоной, поврежденной бесконечными боями здесь, – среди ледяных пустынь и безжалостного сияния Хантэрхайма!..

– Это не боевой приказ...

– Здесь все приказы – боевые! Здесь – на грани – нет времени на подтверждение!.. Нет времени на неподчинение!.. Нет прав на время!.. Есть только долг! Но ты, боец, не сможешь исполнить его без поддержки времени, как без поддержки высшего офицера! И здесь тебе из этого дано одно – полное подчинение мне!..

Тени Штрауба мечутся перед глазами, но их настойчиво вытесняет белое свечение... Нет времени... Если нет времени, нет и пространства... Пространство потеряет тот, кто проиграет бой со временем... Но бои еще идут... Хантэрхайм еще отражает его атаки... Нашими руками... Нет – только скоростью мысли высших офицеров... А мы вышли за пределы этой скорости – нас почти больше нет... Мы еще есть и мы еще держим эти территории только волей офицеров высших рангов...

– Так точно, командир! Будет выполнено.

Айнер скрыл серьезный выстуженный взгляд за кривой победоносной усмешкой...

– Исполниай, боец! Нам не нужны проблемы. И так этого барахла по горло. Это просто – входишь в память ошейника – и стираешь то, что нужно стереть. Если об этом никто третий не узнает, пройдешь по грани.

– Но...

– Ты это сделаешь! И будешь делать столько, сколько ошибок!

– Да, командир...

– Вот и замечательно.

– Но коррекции отчетных данных не возможны. Доступ к этим разделам памяти закрыт.

– Откроешь.

– Мне не даны коды доступа. И я не имею никакой возможности подобрать их до блокировки памяти, неизбежной при агрессивном внедрении, командир.

– Сделаешь это без обычных кодов и без обычного доступа. Не сотрешь нужный отрывок памяти, как положено, – испортишь его помехами.

– Командир, мне ничего об этом не известно...

– Это поправимо. Ты ничего особого с ошейником делать не будешь. Ты войдешь в его память обычным путем – через просмотр данных. И войдешь, не отключая при этом функции записи. Дашь ему сигнал для записи точно тем кодом, который был записан прежде, – дашь ему этим сигналом информацию о событиях, которые были и прошли. Он запишет эту информацию в другом – прошедшем – времени, которое не сможет отличить от идущего. Потом ты уберешь ненужные фрагменты памяти с программной границы. Ты изменишь прошлое время через настоящее. Понял?

– Никак нет.

– Ошейник не поймет, что одновременно загруженные в его оперативную память сходные данные загружены параллельно. Ошейник не отличит данных прошлого и настоящего времени, стоит им только получить полный стык по коду. Он будет запоминать данные настоящего времени с наложением на неотличимые от них данные прошлого. Ясно? Считай, что это перемещение во времени – только виртуальное. Ты как бы попадешь обратно в прошлое... И это прошлое как бы опять пойдет как настоящее... И ты изменишь его – перепишешь.

– Я не смогу...

– Сможешь! Ты точно вспомнишь все, что было прежде, и четко стыкуешь коды сигналов с прежними – и ошейник их не различит! Ты пошлешь сигнал для записи напрямик назад – обратным путем! И ты изменишь прошлое! Ошейник перепишет его! И как только он будет напрочь скреплен с тобой этой единой безвременной памятью, проходящей через настоящее время, – ты пошлешь ему помеху! Один резкий посыл, одно искажение – и прошлое будет перекрыто! После этого – перезагрузишь ошейник! И еще... О том, что ты “стер” информацию, не узнают без тщательного дознания, стоит тебе точно заполнить пробел другой памятью прошедшего времени. Ты просто изменишь прошлое на виртуальном поле – таким образом дефект памяти будет устранен и, считай, не виден никому другому.

– Ошейник... Его можно обмануть?..

– Как и его программистов. Пока технику программируют люди – ей нельзя доверять больше, чем им. Ошейник – дополнение к твоему разуму. Ошейник хранит твою память. Он подчинен тебе, и ты управляешь им. Но ты способен управлять его памятью только с той точностью, с какой управляешь своей памятью. Помни, все зависит от того, как точно помнишь ты. Ошибешься, он проведет проверку повреждений и блокировку.

– Так точно... Но есть и моя неизменная память... Это я изменить не могу...

– Искажение памяти... О таких вещах думать не следует. Нет памяти – нет и тебя, нет личности. Поддельная память – это поддельная личность. Мы видим подделки по ментальному фону. И стоит нам определить в чьем-то фоне чужой сигнал – мы просканируем его жесткую память и обнаружим ошибки. Мы уничтожим чужого, как врага. Учись думать. Многие бойцы страдают заблуждением, что им мозги вообще не нужны, – так вот что, если бы они вам нужны не были – вам бы их и не делали.

– Так точно, командир.

Айнер сбавил обороты... Передо мной суровый, сдержанный офицер S9... без тени короткого замыкания на спокойном лице. Может, его и замыкает, но не бесконтрольно... Его натиск точно рассчитан и направлен четко на цель.

– Пошли, Герф.

Не спрашиваю, куда мы идем. Лучше сейчас об этом не думать... Я и без этого уже начал бояться быть рядом с Айнером... Он мой командир, но он... Нет, не преступник, но... Ему ничего не стоит обмануть людей, технику, систему... Он делает это, не сходя с какой-то невидимой никому иному грани, но он делает это... И втягивает меня... Может быть, он и способен помочь всем нам, но способен и нанести нам всем вред... Что в итоге выйдет, я точно не знаю... Я ничего не знаю точно. Держаться поближе к нему в бою и подальше от него после боя... Так медбрат в Штраубе сказал. Но в бою Айнер поступает не иначе, чем после боя, – разницы нет, его поступки опасны в равной степени и до, и после, и во время сражений. В его покалеченных руках постоянно зажат энергоблок, готовый рвануть... И от мощного взрыва нас всех отделяет лишь короткое замедление... А на какую цель он замахнется и по какой цели им будет нанесен удар – одному черту известно... Не доверять ему – это просто бесполезно... Но доверять – опасно. Такому офицеру нельзя доверить ничего, что работает исправно, – он ломает. Но то, что сломано и не работает, он починит... Он починит и то, что не способен починить кто-то иной... Разгром и крушение – здесь ему мое доверие будет безграничным... Но сейчас еще не тот случай...

Мы вышли на транспортную стоянку...

– Перегнали... Ищи 400-04 – не окликай ни один, пока не найдешь. Как найдешь, дай мне сигнал.

Иду между рядами транспортов, “спящих” на ждущем режиме. Неужто это продолжение “охоты” на сахар?.. Неужели, брошенная нами добыча еще там?.. Похоже на то... Айнер подозвал меня коротким сигналом... Мы разбудили машину и забрались внутрь погреться... Из-под сидений хрупкому свету был явлен наш тайный груз... Айнер передал мне сахарные блоки с пометкой того склада в Штраубе... и еще что-то... и пустой стакан... Но стакан он вырвал тут же... и вернул мне его уже полным черной кофейной горечи... Белый пар клубится в холодном воздухе вместе с тонкими изломанными струйками дыма от только что запаленных сигарет... Прозрачный стакан не обжигает рук, но густая темень, которой он полон до краев, парит жаром... От усталости все это кажется замедленным и отстраненным... Мне еще не до конца ясно, что произошло... От удивления я открыл рот, но вопросы будто застряли в горле или в голове... Я так и не успел ничего спросить – вместе с вопросами в моих зубах зажат теперь бутерброд... Айнер, отерев о рукав боевой клинок от вражеской “крови”, настругал толстыми ломтями колбасу... Ломоть колбасы еще отдает каким-то чужим химикатом – вражеской “кровью”... Радость заполняет меня вместе с густым кофейным осадком и терпким дымом... Куски сахара забивают вопросы обратно в горло... Все это вяжет рот и разум... Все это стягивает вокруг меня спокойствие и сон... Нет, он не злой – этот Айнер...

– Спать распоряжений не было, боец! Подойди ближе! Садись здесь. Смотри, Герф... Этому транспорту известно, что мы тут походный ужин развернули. Он знает и о том, что мы добыли сахар обходным путем... Но этот транспорт не зафиксирует отчетом ничего этого. У машин нет таких проблем, как у нас. Они, вне зависимости от обстоятельств, точно знают, что нужно приписать к отчетной памяти, – знают, о чем необходимо доложить.

– Я понял, командир.

– Равняйся на технику. Только не на D40. “Защитники” с крайней точностью опускают все то, что не имеет значения, что станет помехой и командиру, и бойцу. Но человек никогда не сможет рассчитать ситуацию с такой точностью, как “защитник”. Человек никогда не сможет стать подобным “защитнику” и никогда не сможет полностью доверить ему контроль и наблюдение. D40 знают больше, чем мы, – они всегда на несколько шагов впереди нас. Только офицеры S12, дошедшие до ступени близкой Снегову, читают их отчеты верно. Это другой уровень – верхняя ступень, где речь идет только о порядке высшем. Из этого следует, что от моих бойцов мне нужен не один отчетный каркас. Понял?

– Так точно.

– Подробный отчет, где есть все “необходимое”, но нет при том ничего “лишнего” – ни от бойца, ни от офицера не получить никому. Будет одно, будет и другое. Но грубых ошибок быть не должно. По большей части решать, что нужно или что мешает, – командиру – мне, не тебе. Твои задачи сведены к тому, чтобы ты, не допуская грубых ошибок, предоставил мне как можно более точные сведения о текущей ситуации. Мне нужны объективные сведения – то, что происходит у тебя перед глазами в чистом виде. Но мне нужны и твои оценки ситуации. Степень их объективности будет установлена мной – с опорой на твои показания. И учти, что только тупой боец и высший офицер S12 могут быть твердо уверены в том, что поступают правильно. Но чем ниже по рангу источник этой уверенности – тем выше у этой уверенности ступень ошибочности. Из этого следует то, что тебе нужно больше думать. И еще... Имей в виду, что думать буду и я... Но не рассчитывай, что я один буду думать за обоих все время. Каждому твоему расчету без ограничений, мной будет установлен предел.

– Так точно, командир.

Лейтенант загрузил сахар в отсеки портупей и активировал транспорт...

– Ремни подключи...

Без вопросов последовал за ним и пристегнул ремни... Припал к закрытой двери машины головой... Почувствовал лишь давление ремней от заданной скорости... Сквозь прикрытые тяжестью сна, опухшие, веки различаю только вспышки света где-то далеко впереди... они все ближе, ближе...

– Смотри.

Продираю глаза и вижу свет – больше ничего нет... Рассвет... Нет, тогда мы должны были бы быть в самом его центре. Светает, но холодное небо еще темно где-то там очень высоко... Только оно засвечено чем-то и под зависшей в воздухе машиной, и над ней... Северное сияние так не сияет... и ледник так не отражает свет... Что это?..

– Хантэрхайм...

– Смотри, Герф... Мы “охотники” – это наш “приют”... Хантэрхайм – вечно сияющий маяк посреди ледяных пустынь, не дающий нам сгинуть среди них...

– Но откуда это зарево?..

– Оно исходит от “ледяных игл” – городских башен, принимающих каждый световой удар северных снежных равнин и этого холодного неба, светящего и днем, и ночью. Хантэрхайм хранит этот свет – передает его нам и во тьме. Завтра его свет станет и твоим. И больше ты никогда не покинешь его – где бы мы ни были, он не отпустит никого из нас.

– Так это правда?..

– Смотри, Герф... Он ломает скалы и льды тяжелым морозом – он ломает и нас. Борись с ним – и начинай сейчас же. Но помни, что он тебе защитник, как и ты ему. Он не даст тебе верить – никому, ничему... Он оберегает нас. Вера слепа... Вера слепа полностью – до того, что лишает зрения и вышибает опору из-под ног каждого, кто ступил в эту слепоту... А уверенность дает и зрение, и опору. Но он – Хантэрхайм – будет поднимать уровень твоей уверенности, как вздымать сломы ледниковых скал, и опускать его, как рушить пропасти ледниковых расщелин. Он проверяет нас – нашу надежность. Ты должен позволить ему взять контроль над собой, но не должен позволять ему осуществлять над собой такой беспредел. Следуй его зову, когда он призывает ринуться в бой, а не в пропасть. Ему не нужен слабый солдат. Единственное, что этому поможет, – способность мыслить. Но он не даст тебе и думать, если подчинит твои мысли до слепоты. Он губит тех, кто слепнет в его сиянии.

– Командир... Хантэрхайм... У него нет воли... Он не Бог...

– Воля есть у нас. Боги – мы. Хантэрхайм – наше ледяное зеркало, которое показывает нам только наше истинное лицо. И те боги, которые слабы для того, чтоб видеть себя, низвергают себя, увидев. Они падают со своих слабых опор, которые были скрыты туманом, под своей тяжестью, истинную силу которой открыть способно одно только жесткое сияние ледяных пустынь.

– Значит, чудовища – это мы, а не он...

– Он такой же, как мы, – он чудовище для чудовищ. Помни, что бы ни было, не войей с ним его оружием, не пробуй отстранить его щитом – он сильнее. Подчинись ему так, как мне, – полностью,

но не тупо, не сложив к его ногам разум. Смотри ему в глаза, как командиру. Иначе под его гнетом ты станешь таким, как Нор, как многие другие... Он не тронет, если твои мысли не будут враждебны ему. Но стоит направить их против его воли – разгонит по тупикам. Не должно быть никакого сопротивления его силе – иначе он сломит твою, как бойцы DIS ломают руки каждому, кто сопротивляется аресту. Он пугает своей властью, как пугает – Скар. Но он страшен лишь тем, кто его предает. А твою правду он выбьет, как Скар, при дознании. Открой, отдай ему эту правду. Но не бери чужой. И не верь никому – ни себе, ни другим. Если ты поверишь – будешь ослеплен его светом. Если ты падешь духом – будешь раздавлен его льдом на дне расщелин. Если вознесешься тщеславием – он скроет тебя под снегом вершин. Перестанешь мыслить – и ты сломан им, как снежный кристалл под сапогом. Если ты будешь воевать против него – ты будешь воевать против нас. Будь с ним един, как мы.

Сжимаю челюсть, чтобы зубы не стучали – от холода, усталости и того, что Айнер с моей головой делает... Глаза начали болеть от яркого света, но отвести взгляд я не могу... В суженные зрачки врезались высокие острые ветроломы – вышки “хранителей”. Этот вой разорванного ветра цепом бьет под грудной хрящ. Но он не заглушает заледенелый звон этих промерзших башен...

– Хантэрхайм... Он – испытание.

– Точно. Он берет у нас последнее, чтобы видеть наши пределы. И как только мы станем настоящими, он награждает или убивает нас. Мне он дал больше наград, чем смертей... но отобрал и то, и другое. Это мои “пограничные зоны”. Хантэрхайм не расчищает мне путь посреди них, но и не ставит заградительные полосы по их краю. С ним человеку суждено быть на грани. И не на той границе, по которой ходить мне одному, – на краю. По одну сторону с ним только один он – белый, как снег, офицер – никто больше. Ты, Герф, будешь ступать по краю. Первый шаг определит направление. Так что следуй той разметке, что Хантэрхайм пропишет. Не рушь его преград и не спи посреди его равнин.

Транспорт резко повернул, и Айнер разогнал его на полную скорость, но я все смотрю на мониторы заднего и бокового обзора – на отдаленную мраком искристую звезду, отраженную льдами, на столбы лучей, пущенных в небо башнями, вздымающимися надо льдом их тонкие иглы... Это Хантэрхайм, подавляющий нас своей холодной волей... Хантэрхайм, встающий на пути врага стеной ледяных игл... Он охранит этим морозом Штрауб и Шаттенберг... подобно верховному главнокомандующему системы, не выходящему из его окруженного сиянием штабного корпуса... Быть единым с Хантэрхаймом – замерзнуть, застыть вровень с системой, ведущей долгую жестокую войну. Нигде больше мы уже не сможем дать сражений такой мощи. Теперь мы будем защищать его... когда он будет нападать на нас, вооруженный этим отраженным светом, после отраженных нами ударов врага... Мне предстоит долгий и тяжкий труд, чтобы не забыть, что за Хантэрхаймом стоит Штрауб.

Начинает бить озноб... Это неоспоримо доказывает, что сегодня я получил предельную дозу бескрайней бесприютной стужи и такую порцию обжигающего пламени, что тошнотой поперек горла встает... Айнер так и ссадил меня на стоянке нашей части – окончательно разбитого и расколотого им и теми, кто воевал и воюет среди этих чертовых снежных равнин и замерзших скал, стенами окружающих этот город, слепящий до полного помрачения... Командир вернул мне оружие, выдал сахарные блоки и отпустил одного куда-то в незнакомый мне мрак коридоров и переходов... Он забрал только бич, который я не сдал еще в Штраубе, еще вчера...

Запись №16 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 07:00

Молча и одиноко бреду по тишине... В голове еще не улеглись коды, вбитые Айнером, как гвозди, – мне кажется, что с каждым моим шагом они врезаются мне в виски болью... Стараюсь ступать тише, чтобы не тревожить эти гвозди, будто торчащие из моей головы во все стороны... Только это не гвозди, а волосы дыбом встали... Что-то холодком пробегаем по позвоночнику – будто чужой взгляд в спину из темноты... Это стирает последние следы теплоты и дремы, которые

еще остались от скормленных мне Айнером бутербродов... В полумгле вокруг меня скручиваются какие-то мелькающие и исчезающие тени... Но здесь нет никого и ничего... Ни шороха, ни искры – ровно темно и ровно тихо...

Этот мертвый сон заставляет меня проснуться. “Подъем” не отозвался привычным позывным, хоть и подошло время... Нет, полк не подняли... Посмотрел на браслет – оказалось, у нас еще целый час. Он отдан сну. Это дополнительное время даровано нам после трудного боя... Вроде понятно... Но я этому не рад... Сейчас это как-то настораживает... Тишиной поглощены все наши части – все армейские части... Такого не должно быть сразу после штурма, когда у нас столько дел с обеспечением безопасности... Или безопасностью здесь сейчас занимается кто-то другой?.. Я оглянулся и ускорил шаг, поймав краем глаза тень, будто явленную из глухой стены и тишины никем... “Тени”... Безопасность передали им?.. Но это значит, что опасен не один враг, но и... Уверен, что мы спим, что нам позволено спать не от того, что наш сон был усечен и что он нам нужен больше обычного... Сон не дан нам наградой – штурм тут ни при чем. Нас отдали тишине и мраку, чтобы дать время “теням”...

Я почти бегу с излучателем в руках, будто смогу применить его против наших “теней”... Здесь нет никого и ничего – нет даже моей тени в этом сумраке... И очень тихо – очень тщательно попрятались крысы... А крысы обычно исчезают перед боем... Это верное предзнаменование боевых действий. Я засек далекий сигнал... Где-то за этой тишью занимают посты “защитники”...

Причиной и тому, и другому, скорей, послужили непростые разборки DIS с нашим прямым командованием. Точно, нас, окончательно вымотанных, специально устранили из системы наиболее верным способом до того времени, как наши сержанты выстоят допросы и нам вернут наших взводных... Обидно до злобы... Сейчас на усиление охраны должны быть брошены все силы... А мы, выходит, и пост принять не годны до того, как нас... А допросы что-то долго идут... На месте задачу не решили – это плохо... Но на месте эту задачу и не решили вместе с нами – это хорошо... Последний вариант к нам ближе был. Хорошо, что не тот у нас случай еще... Только мне сейчас... Мне и подобные вымученные мысли кажутся ровнее плит этого мрачного тоннеля – швы меж плитами с ободранной штурмом обшивкой сбивают каждый мой скорый шаг... Пробираюсь по пустой темноте, спотыкаясь, с деферентом на нос и опорой на стену, но темп стараюсь не сбавлять... Только и думаю теперь, что еле доплетусь до койки и... И уснуть не смогу...

Коридор не кончается. Мне всюду мерещатся враги, и я с трудом удерживаю нервы от судорожной реакции... Что-то готово отдать моей руке приказ – “сжать руку и спустить луч”, но это не мой разум... Каркасы пустых дверей слепы... но устремленный на меня взгляд зорок... Не различаю шинели этого офицера во мраке – только что-то острое, еще более черное, чем этот мрак, бьет по глазам... Я встал у стены, прижал правую руку к плечу, левую – к портупее... Мое оружие заблокировано мной, и теперь может быть применено лишь по приказу высшего офицера, не покидающего зоны видимости. Обычно – это формальность, но сейчас – свидетельство полного подчинения. Я жду... реакции нет. Он понял, что я отошел к стене, почтительно уступая ему дорогу, – скорее, бросился к ней, как к блоку прикрытия... Он понял, что это не продиктованное уставом и привычкой приветствие, – скорее, оборонительная позиция... И он молчит, смотря мне в глаза из темноты... Может, его и нет вовсе – может, просто мрак густой... Только я не бросил попытки выделить его фоновый сигнал... и обнаружил его – офицера-S12... Точно – S12.

Я сосредоточил все внимание, которое еще не расплзлось сонными от усталости крысами по тайным ходам моего разума... Я узнал его... Я помню этот сигнал... Этого офицера знают все... Не так хорошо, как других, но знают все, знают везде... Тишинский вышел из тишины...

Он кладет руку на плечо и опускает, освобождая меня, но не отводя остановленного на мне взгляда... Он уходит... Его машины, закрывая его тусклым свеченьем, следуют за ним. Я смотрю ему в спину... Он оборачивается через плечо и останавливает мой взгляд блестящими стеклом глазами... У него не живые глаза, как и у Скара... Но это не тот ровный взгляд, видящий все сразу и ничего отдельно... Этот цепкий взгляд не прошел сквозь и через меня досмотровым лучом – при досмотре он разодрал меня по кускам ногтями, раздирая каждый кусок в клочья в поисках “скрытого”... Озноб пробрал меня с новой силой – унять его я почти не могу... Это сказывается

утомление... Точно, это от усталости... Только, как бы я не отгонял эти мысли, я знаю, что встречи с генералами DIS всегда не к добру... А с ним – с главой управления службы внутренней безопасности этих ледяных пустынь... Надо проверить пропуск – настроить его сигнал на большую частоту. И бежать... Нет, идти ровней.

Казармы опустели после этой ночи... Сорг, Хорн и Нор – неизвестно где, будто их и нет. Лесовский спит. А я заснуть никак не могу – слушаю шаги за дверями... К горлу ком подступает. Нет, этого не будет... Не сейчас – еще не слишком тихо, чтобы срывать тишину боем. Я даже не знаю толком, где был и чему был свидетелем. Надо думать о другом, о том, что я записал... А записал я и то, и это... и что-то еще – что-то не то... И ошейник помнит больше, чем я... Не понимаю, как это получилось... И что теперь делать?.. Что мне делать?! Лесовского будить!

– Влад, проснись...

Теперь ясно, отчего мне Стикк дни напролет мозги, как его чертовы сапоги, до блеску чистил, отчего последний разнос устроил... И что он с этим темнил?.. Переоценил мои способности... Нет, не мог он просто открыто сказать. Иначе, как напролом, Стикку соображений не донести. А до того, как его вплотную не прижмет, он таких штук не делает. Это Айнер, как рентген-луч, насквозь всех видит и по “границам” уверенно ходит... Только и ему пришлось со мной далеко зайти... После его разъяснений и моих стараний следовать им, этому вредоносному черт знает чему должен был прийти конец... Но конец не пришел... Запись я не пресек и не стер... Значит нужно подумать, что еще можно сделать с ошейником... Но мне не только с ним нужно что-то делать, но и с моей головой!.. Я должен как-то это остановить!.. Прекратить запись всего, что бродит по закоулкам и подворотням моего разума!.. И подворотни эти с закоулками я обязан расчистить!.. Иначе по ним что попало бродить продолжит!..

– Черт. Влад, проснись.

Учет мыслей и поиск скрытых поблизости преступлений – еще день назад не мое это было дело... Мои поступки, командные досмотры отчетных записей – вызывали только череду указаний... теперь вызывают чередой вопросы... Никогда раньше этого не было. Устранить беспорядки и их последствия действием, минуя офицеров, – было такое... Товарищей прикрыть – обычное дело... Иначе и быть не должно под бременем войны... Случаи, конечно, прежде не такие серьезные были, как теперь... Но и теперь... После штурмовых операций мы, порой, поступаем не иначе, чем при их ходе, – действуем решительно и без потери времени, ориентируясь больше по ситуации, чем по обобщенным указаниям... А здесь, кроме сражений, почти ничего нет... Значит, нет и почти никакой разницы между действиями в бою и после боя... Нам прощают эти вольности и в Штраубе, и в Шаттенберге... Значит, должны простить и здесь – просто обязаны... Но здесь другой порядок... Тут есть что-то еще, что требует более резких решений более серьезных задач. Тут ведут не одну войну... И, похоже, поле битвы шире, чем мне виделось прежде...

Это теневое поле боя и исчерчено теми границами, про которые говорил мне Айнер... И тонкие эти черты подобны защитным ограждениям вдоль дорог и мостов над бездонными обрывами... Нет, я по своей воле на эту грань не ступлю... И никого я по своей воле с этой грани не столкну, кто бы на нее не ступил... Здесь мои принципы не одолеть никому и ничему, кроме... Нет, тут не о чьем-то приказе речь... Повиновение приказу – с этим мое дело правое. Тут речь о моей тупости... Не по своей воле, так по воле моей тупости, я все порчу...

Мой отчет... Он подводит меня к этой грани... Вернее, уже подвел – предо мной уже простерты те обрывы... А для меня это одно – край пропасти, где мне и пропасть. Мне на краю твердо, как на посту, не стоять. Сорвусь, и, что хуже, – сорву еще кого-то... кого-то, кто мне руку подаст. Не так важно – того, кто решит меня с того обрывистого края на дорогу стащить, или того, кто решит на том краю удержать... Страшно то, что сорву того, кто руку даст... не споря с риском слететь, не уступая страху сорваться... Я знаю, что это – я уже слетел. Это Айнер мне “поле замедлений” открыл, чтоб я об острые камни чего-то бездонного боеспособность не разбил. Он вытащит меня, стоит мне... Я исполню его указания... Я должен. Я вынужден.

С честным усилием пробираюсь по его схемам заново – повторно иду по указанному им направлению... Но, похоже, с последним марш-броском обратно своротил... Дошел до той плоскости, что ребром стоит, и встал, как прежде. Тупо, без продвижений, по обратному времени

брожу. А его просто нет... Ничего нет, чтоб по прошлому, как по настоящему, ходить – старые ошибки по новой запускать... Не понимаю я этого!.. Айнер мне на этот случай мост перекинул – только он ничем от той грани неотличим... Тонкий он – по нему грубым сапогам не пройти... А падать с каждым разом ниже и ниже... и хуже, что не одному...

– Влад, да вставай ты!.. Влад!..

Разберешь теперь, что этот выговор значит – что Айнер по-тихому, что вообще – по умолчанию, говорил... Но что-то не то он говорил, точно, – не то, что по форме должен был. Отчасти – выговор, отчасти – сговор... Черт... Не без моей воли ошейник этот круг трясины ширить призван. И отозвать его этой волей надо. Причин, чтоб эту волю напрячь, по горло – только от привычки воля и силу, и направление теряет. И теперь, чтобы выправить курс, потерянное направление искать надо срочным порядком... А то тут и Айнеру с его “пограничными” принципами через границу перейти недолго... Он, можно считать, только на времени и стоит – у него нарушение не нарушение, если обусловленный временной рубеж пройден. Ускорю я его временные расчеты, задержав его этой тупостью, туго ему руки шрамами затянут... Обычно не смотрят только на то, чего перед глазами нет. К тому еще электронный отчет в ментальном формате – вещь серьезная... Такое жесткое письменное свидетельство даже тех, у кого высшие офицерские ранги кодом пробиты по всему геному, на учет ставит. Хорошо хоть только на учет – все же не к стенке...

С этим ничего хорошего, но ничего еще... И виртуальное ментальное преступление – это не то, что – реальное... Пусть командование наказание и назначит – не столь суровое... Но здесь и начинаются основные трудности... Теперь, что бы ни было с моим ошейником, мне нужно ту разделительную черту преступлений определить – нужно не упустить больше ни один переход через эту черту... Хоть от этих моих ошибок я систему оберечь должен – да и вообще всех... А знаю я про это... Почти ничего не знаю!

– Влад, проснись ты наконец!..

Мысли – это оружие огромной мощи. Мысленное обращение имеет равную силу сказанному по воздействию и превосходит сказанное по уровню секретности. И от умышленного к сделанному один только шаг... Мы пресекаем и караем преступные действия, как и подобные этим действиям мысли, которым есть подтверждение. Но тут границы размечены... Мы каждый день по обстоятельствам идем – рискуем часто по ходу дел, по линии разметки бывает краем проходим. Это одно. Другое – то, что под угрозу что-то большее ставит – ту границу переходит... С этим строго.

Проверки через излученные фоны технику с высшими офицерами обязали вести. Только им под силу еще на мысленном уровне предотвратить преступление, идущее по фону с твердым решением содеять и расчетом деяния. Преступление, перешедшее эту грань, – что военное, что системное – им не трудно вычислить по сигналу, который дает расхождение с установленным системным стандартом. И без разницы – совершенно это действие в реальном пространстве и в настоящем времени или нет... Докажут точным расчетом, что замысел будет приведен в исполнение в будущем – его приравняют к свершенному действию... И решать тогда станут – преступление это или только попытка преступить... Станет ясно, что преступник обойдет все преграды системы, что действий его не пресечь, – преступление признают свершенным, и он понесет положенную кару. И он будет казнен за преступление, караемое смертью. Он будет казнен, хоть его преступление будет содеяно только отчасти – только в расчетном пространстве и времени... Его казнь станет изменением будущего, пущенного по другому пути с этой точки внедрения. Его преступление будет содеяно уже не здесь – в другом варианте будущего... которого уже не будет. Это рубеж... Но это единственный способ перевести тяжкое преступление с реального поля на поле виртуальное...

То, что еще не сделано, но будет сделано, офицеры считают уже сделанным – в расчетном пространстве и времени... Ведь то, что произойдет в будущем, происходит для них сейчас – в расчетном будущем... По этому расчету они переходят в будущее, и оно становится для них настоящим... как впрочем и прошлое... Они существуют вроде бы в трех временах одновременно... Только это прошлое и будущее – одни точные схемы и расчеты того прошлого, которого уже нет, и того будущего, которого еще нет... Но они такие точные, что равны прошлому, которое уже было, и будущему, которое еще будет...

Вообще, прошлое и будущее – виртуальное поле... Это то, что мы помним или прогнозируем при том, что этого уже или еще нет... И прошлое, и будущее – виртуальны... И то, и другое поддается изменениям при внедрении, исчезая одним вариантом и образуясь – другим... Время можно перестроить, как и пространство... Но время, как и пространство, поддается точному расчету... Это и есть – расчетное пространство и время... Это рубеж между реальным и виртуальным полем... По этому расчету офицеры переводят то прошлое и будущее, которое изменить нельзя – в реальное, а то, которое изменить возможно, – в виртуальное... Но это только расчет – только рубеж... что-то среднее между тем, что есть, и тем, чего нет... Как бы ни был точен расчет будущего – будущее еще не настало... Есть только его часть – расчетное будущее... его схемы и коды...

Выходит что-то сложное... Кругом одни рубежи – куда ни плюнь... И как мне с этим всем разобраться? Не зная точно, произойдет что-то или нет, не зная, что именно произойдет, я не смогу точно узнать, должен я это “что-то” не допустить или обязан допустить это “что-то”... Айнер сказал, что я этого и не узнаю... Но я не могу взять серьезное дело, еще и взявшись держать ответ, еще и ставя под ответ других, не зная точно, что я делаю... А не взять дело... Поздно, выбора нет – я его взял... Правда, взял черт знает каким образом, не зная, что его беру, но взял... А теперь еще и Айнер проследит со всей строгостью, чтоб я его не бросил... Мозгодробильную задачу он мне задал...

– Влад, я подохну сейчас! Продери ты глаза! Влад!

Ментальное преступление – это только готовность к исполнению преступных действий. Обычно, тут строгим контролем положение “лицом к стене” припирают. Дознаний не избежать, но не кары... Без более убедительных данных никто к карающим “теням” не пошлет – разбор тщательный проведут... Мысленное преступление – это еще ничего... Но все, что идет дальше... За далеко идущими мыслями следуют зверские кары... Далеким мыслям обеспечен путь под конвоем... Их маршрут прослежен, и через границы реальности им перейти не дадут – никто этого не допустит... У нас почти нет реальных преступлений... Почти никому не под силу преодолеть этот контроль – почти... Просто, офицеры редко переступают через закон... А мы... Мы, часто, – просто не можем через него переступить...

Но что я знаю об этом контроле? Контроль этот строится по ступеням – ступень его определяется по степени тяжести угрозы... Только высшие офицеры способны переступить высшую ступень контроля, поэтому только высшие офицеры стоят на его высшей ступени... Мы ничего особо сделать не можем, поэтому поставлены на нижнюю его ступень... Обычно никто не сходит с той ступени, на которую поставлен, и не ставит под угрозу ступень следующую или предыдущую. Но это – обычно... Сложные процессы, которые крайне редки, идут исключительно над высшими офицерами... Ведь только они способны спланировать и совершить серьезное преступление... Но преступления попроще – это происходит чаще... и с офицерами, и с нами... Кое-кто из них может спуститься на один уровень вниз, а кто-то из нас – подняться вверх... Этой середине угрожают со всех сторон... Я должен быть бдительнее именно где-то около этой середины – около этой черты... Очередной рубеж...

– Лесовский!..

Мне неизвестны способы точного определения этих рубежей... Это всегда было делом офицеров... А офицеры... Их здесь почти полностью поглотил строгий контроль над другими офицерами... А мы... Поскольку мы далеко зайти не можем, и контроль над нами далеко не заходит... Мы остались почти бесконтрольными с их стороны... Ничего серьезного им не пропустить, но... От тех наших выходов, от которых нам и страдать, они нас не оберегут... Это дело взводных... Стижку на плечи свалено много наших бед от этой разрухи, но ему с этим управиться по плечу... Только он... Он и сам в контроле нуждается... Правда, его жестко контролирует Айнер...

Стоп, тут подробнее... Айнер – высший офицер – он создан для контроля высшей ступени... Он не способен встать ниже... Значит, он не способен следить за тем, за чем должен следить офицер его звания – его уровень просто не дает ему видеть то, что должен видеть офицер его звания. Но зато ему видно то, что не способен увидеть низший офицер... Выходит, здесь что-то не то... Айнер

управляет нами через ступень... Он либо упустит нас вовсе, либо поднимет выше... Достанется нам от него в любом случае, но... Он из тех, кто добьется всего или ничего... И его никто не контролирует... Норвальд... Нет, капитан ему, считай, подчинен. Борг... Борг его, похоже, равным считает... Скар... Скар – его друг... И их дружбе ни стылый дух Скара, ни его жесткий профессионализм не помешали... Значит, это надежная дружба... Айнеру дали волю... Званием его полномочия вроде ограничили, только и свободы действий ему этим званием выдали больше, чем положено офицеру-S9... Здесь надо быть осмотрительнее... Еще он дефектный... Айнер вооружен беззубым злом и зубастым добром... которому достались все зубы, предназначенные злу... Но добро есть добро... Я буду терпеть все его укусы... Я буду думать и искать эти рубежи – я буду поступать так, как прикажет он... Айнер спасет от этой разрухи нас всех... если всех нас не погубит этой разрухой... Я решил. Я на него положусь...

“Защитники”... Эти машины способны видеть все границы – все... Они видят наши недочеты и риски, но холодных глаз к ним не обращают. Им сейчас более сложные задачи без потери времени решить нужно... как и нашим офицерам... Нет, среди этой цепи контроля нет пропущенных звеньев – каждое звено держит цепь неразрывной... Просто, один отрезок этой цепи передан нам – один конец держим мы... Но сейчас мы с офицерами стоим по разные стороны времени... И мы должны передать им звенья нашей части цепи, которые нам не хватает сил удержать в нашем времени... Они могут взять у нас звенья, удержать которые мы больше не способны, но только тогда, когда мы выпустим их из ободранных в кровь рук... Это недопустимо... Мы должны передать им те звенья еще до того, как обдерем руки... Иначе цепь обдерет руки и им... И удержать ее не сможет больше никто... Просто, теперь у офицеров задач больше, как и у нас... И теперь мы должны перейти новую границу, которой не было прежде и к которой мы еще не присмотрелись, – ту, которую видим еще не четко...

Это ничего еще... С этим разобраться я как-нибудь смогу... с помощью Влада... А вот то, что я понятия не имею, что происходит со мной и моим ошейником, – это скверно. И вроде не сломалось ничего... А клинит крепко. И так лихо, что лишь об этом и думаю! А проку нет! Только и думал, как не пропустить нарушение, – пропустил нарушение через электронный носитель! Думал, как бы не пропустить нарушение через электронный носитель, – пропустил нарушение! Раньше я не думал ни о том, ни о другом – и пропускал и то, и другое! Но сейчас я думаю и о том, и другом, но опять пропускаю и то, и другое! Это кошмар какой-то! Ошейник сохранил все это отчетом – все это!

– Черт бы эту разруху!.. Лесовский!..

Стереть... Повернуть время обратно, вернуть прошлое... Да не выйдет!.. Не понимаю четко, не помню точно!.. И что, так и буду стоять, где стою?! И не сойду с этой грани, пока не слечу?! Если так, осталось мне упорно соображать – с какой стороны скорей слечу, и что верней столкнет. Еще – кого этим тычком очередной ошибки со мной сшибет! А Тишинский уже здесь! Они все здесь – “тени”!

– Влад, чтоб тебя!.. Да проснись же ты!..

Я тряхнул Лесовского запрещенным приемом, хоть никогда прежде этого не делал... И, похоже, тряхнул его сильно – чуть мозг ему не вынес...

– Герф! Ты что делаешь!..

– Да тебя не добудишься иначе!

– Я устал, как дохлый скингер, Герф... Какого черта ты?.. Ты где вообще был?.. Долго что-то...

– Не знаю – где! Не знаю – что было! Не знаю, кого видел! Вернее, знаю, что видел его! Но не знаю, что это было и что значило!

– Его?..

– Тишинского!

От этого имени и покойник подскочит, что про Лесовского говорить... Сознание Влада пробудилось окончательно, он резко поднялся еще до того, как я спустился с койки...

– Тишинского?! Генерала Тишинского?!

– Его...

– Герф, где?.. Здесь?..

– Не знаю, где! Айнер мне Хантэрхаймом сознание ослепил и с пропуском отпустил – по сектору, по мгле!..

– Ты что, бредишь?..

– Нет! Думаю, нет... Просто, Айнер по границам прогнал... И под конец, как ветер сухой мох – клочками и с корнем мозги мне снес... Одних условий и установок не счесть. А что с ними делать, понять не могу.

– Не один ты такой. Мне Норвальд тоже мозги промыл...

– Норвальд... Влад, промыл – это не в порошок истолок...

Лесовский меня укорительным взглядом, как синим огнем, ожег.

– Что не так?..

– То, что не известно теперь, что с нами после следующей проверки будет. И не известно, чьим я буду соучастником и виновником чего...

– Ничего такого тебе не грозит...

– Черт со мной... Предупредить хотел, чтоб ты знал... Держись подальше от моих мыслей.

– Это просто тупо...

– Может ты и прав... Может и предупреждать поздно...

– Это Айнер с тобой что-то не то сделал...

– Да он вроде как помог... Но так, что мне к его помощи не подступиться... без твоей помощи.

– Герф, правды толком не скажешь – дальше спать буду.

– Не сможешь теперь...

– Точно...

– Скажу, ты подожди только. Тут думать надо, как это сделать вернее, но... Влад, мне теперь ясно стало, отчего тут правду по негласным правилам излагают без именных и конкретных данных...

– Да мне вроде тоже как что-то на ум приходит. Только ни тебе, ни мне без сноровки так не разъяснить ничего до того, как поздно объяснять будет. Говори, как есть, – и к черту.

– Не могу ошейник под контроль взять – никак. Мой отчет от моей памяти не отстает.

– Не знал, что у таких, как мы, с техникой такое прочное ментальное соединение может быть...

– Мне его оборвать надо, как можно быстрее! Мой отчет и Айнеру, и Скару глаз колет злостной ерундой, которую они бы к черту послали, да не могут.

– Ну это их работа, пусть завалы данных разбирают...

– Не простые это данные. Мы теперь из-за них под прямым взглядом Скара сутки напролет.

– А чего ты после нашей ночной вылазки ждал?..

– Это другое и хуже.

– Жесткое наблюдение с нас снимут скоро...

– Не снимут! И не только с нас!..

– Нужны мы Скару... У него целый полк нам подобных нарушителей на учете. Его “тени” разве что Нору спуску не дадут, а нам...

– Ты что, не слушаешь?! Если с ошейником не разберусь – не снимут нас с учета! Память прогони по прошлому дню!

– Прошлый день прошел, как год! С чего начинать?!

– Начинать с начала положено! Стикку мой отчет подставу устроил!..

– Герф, он и без твоих отчетов...

– Не скажи...

– Он начищенный настолько, что его дело замарать не проще, чем его самого... Ничего к этой глади зеркальной не прицепишь...

– Айнер эту зеркальную пленку, скрывающую царapiны, уже содрал. Теперь ему только крючья отточить осталось... Стикку с этим ничего не поделать – он попался, считай... И еще, Влад, по моему отчету – мы с тобой его подстрекание скрыли... И теперь мы стоим у разделительной линии, прочерченной меж ментальным преступлением и – преступлением реальным. Айнер уверен, что при разборе ничего хуже простых нарушений, спутанных с будущим, еще не будет... Но это уже опасно...

– Что ж... Хоть Стикк издевки за зубами и не держит, никак тут с ним иначе мы поступить не могли. Накажут так накажут – всех вместе и по делу. Им их порядок будет соблюден, нам нашей совести не мучить...

– Это да... Мне да тебе сейчас наказанием только строгий выговор станет. Да и остальным не сильно влетит. Но не так с этим всем дело просто обстоит... Это все продолжается, Влад! Мой ошейник записывает почти все, о чем я думаю! И ему плевать, собираюсь я это записывать или нет! Вернее, он будто нарочно сохраняет то, что я не собираюсь сохранять! Как специально, Влад! А к этому еще! Мне не кристально ясно, что я в его памяти сохранить обязан, а что – не должен! И запись я от этого еще хуже фильтрую! А офицеры! Они следы убеждений опальных находят в том, в чем не нахожу я! И их злит то, что мой отчет кишит этими опальными следами сплошь! И еще! Мне не кристально ясно, о чем я обязан доложить по форме! Я не понимаю всего, что происходит перед моими глазами! Вернее, я вижу, что происходит что-то не то, но не понимаю, как далеко это зайдет, как далеко заведет и что с этим делать дальше! И несообразительность моя офицеров еще больше сбивает! Они не могут узнать, знаю я, что передо мной преступление вершится или нет! Они не могут этого понять, когда я этого не понимаю! Влад, я не молчу и не сообщаю о том, о чем не считаю нужным, но делаю и то, и другое! Еще и одновременно! Еще и считаю нужным, и не нужным что-то не то, что считают офицеры!

– Герф, это все?..

– Нет! Я не знаю, что делать! Влад, скоро и без меня наши головы полетят! А я!..

– Герф! Стой ты! Ты всегда все по правилам делал! Ты один мог от них не отходить тогда, когда никто другой не мог и думать об этом!

– В Штраубе!

– У нас везде один закон и порядок!

– У нас везде на его соблюдение разное время дано! Здесь не другой порядок – здесь другое время! И этот отчет! Его мне еще Штрауб на память оставил – как подготовку к походу на север! Хантэрхайм мне подобный отчет продолжить уже не позволит! Он меня с прежнего курса собьет! Тогда мне на него уже не встать! Я готов к труду, к бою, чтоб с этого курса не сойти! Но мне нужен разгон, а мой разум тормозит меня!

– Ну да...

– Влад, это все, что тебе по этому поводу в голову пришло?!

– Стой ты... Ты перечисление лютых бед наших закончил?

– Вроде все...

– Тогда еще как-то жить будем... наверное...

– Влад...

– Тебе нужно срочно... Есть один вариант, но... Нет, не пойдет.

– А что за вариант?..

– Не пойдет. Будешь Айнеру сообщать о каждом ерундовом проступке, он с тебя шкуру спустит...

– Я не буду, Влад... Я не могу... Он же не только с меня тогда шкуру спустит... К тому еще не один Айнер здесь этим занимается – у него друг есть... вернее, тень. А здесь куда ни глянь, все и на свету, и в тени одновременно – и мы, и наши поступки...

– Герф, все, что стоит на свету, тень отбрасывает... Просто здесь свет яркий и тени темные, как нигде... Вот и выходит, что тут нельзя столкнуться со светом, не столкнувшись с тенью... Подставим кого-нибудь Айнеру под луч, Скар мраком непроглядны сразу явится... Теней нет только при сильном свете... и мраке... Но когда нет теней, тогда нет и отсветов...

– Не нужны нам крайности...

– Обе крайности ничем от одной абсолютности неотличимы. Что к ним обоим, что под горячую руку одному Айнеру или под холодную – одному Скару – попасть... разницы никакой. С ними связываться... Нет, нельзя.

– Конечно, нельзя – добром не кончится...

– Есть и другой вариант... Не сохраняй в памяти ошейника ничего спорного, ничего неясного – вообще почти ничего не сохраняй.

– Не выйдет! В этом все и дело, что этого не выйдет! Я не только не должен этого делать, но еще и просто не могу сделать этого!

– Значит, ты должен безошибочно проступки определять по степени их тяжести... И в память ошейника сохранять только то, что следует, – то, о чем ты и сообщишь, кому следует...

– Это мне Айнер и сказал! Еще сказал, что безошибочно я не смогу сделать ни того, ни другого. Он требует только отсутствия грубых ошибок.

– Грубые ошибки... Тут грубо только то, что ты данные не стыкуешь. У тебя отчет сам по себе – его данные не подтверждают твоих действий, а твои действия не подтверждают его данных.

– Мои действия и мои отчетные данные не только расхождение между собой дают – они сами по себе не точны...

– Нет, тут ничего такого прям нет... Ну подкинешь командиру лишнюю ерунду для тщательного разбора порой... или пропустишь что-то запредельно сложное, что только офицер усмотреть способен...

– Порой – это не постоянно.

– Герф, просто убирай эти расхождения всеми силами – заходя то с одной стороны, то с другой... Сообщай о тех проступках, которые записал, хоть и не должен был... и молчи о тех, которые не записал, хоть и был должен записать...

– Чтоб это расхождение между – что я должен был сделать и что сделал – убрать, мне нужно понять, что я сделал и что должен был...

– Разберешься как-нибудь... Не особо это сложно, если от тебя крайней точности не требуют...

– Это не выход. А если и выход – не для меня. Это не правильно, Влад. Подгоняя себя под обстоятельства и обстоятельства под себя черт знает по какому принципу, я и себя, и других подставлю под черт знает что...

– Все же расхождение данных – худшее из зол. С ним первым бороться нужно.

– Это одно большое зло нельзя побороть, не поборов множество зол, пусть и помельче... Это большое зло из них сложено – из мелких злочек. Ты что так смотришь?..

Влад уж очень угрюмо наставил на меня горящие синим пламенем глаза из полумглы... и горят они все ярче и ярче...

– Не ожидал просто, что твоя голова окажется еще более темным логовом, чем моя. Это даже не волчье логово – медвежья берлога, заваленная буреломом и заросшая бурьяном, где что-то клыкастое не бродит, силы растрачивая, а спит, копя их для пробуждения, которого никому мало не покажется. Откуда все это взялось? На ровном месте...

– Ветром нагнало – не пустырь же там был... просто расчищенный среди чащоб участок.

– Черт...

– Факты от этого не меняются. Мне без твердой уверенности, что задумано скверное дело, не сдать никого. А ошейник мой...

– Черт...

– И что теперь?

– Не знаю пока... Не так все плохо вроде... Серьезные преступления контролирует высший состав – ты здесь почти никак ни перед кем ответ держать не обязан... Ты степень тяжести такого преступления по мыслям точно определить не способен... Это главное – с остальным разобраться можно... остальное высшей мерой не карается.

– Меня как раз больше “несерьезное” беспокоит... С серьезным проще – это реже и виднее... А вот... Если кучу незаметной ерунды собрать, горы последствий обеспечены. Долго разбирать тут дел не будут – пытками до смерти доведут... и меня, и всех, кто под запись угодит.

– Точно... А здесь и не одну ерунду собрать можно, если не допрешь, что это что-то хуже... Черт... Герф! Так это как собственную могилу копать! Только медленно – потому, что земля мерзлая!

– И не только собственную! Куда ни попру – кого-то подсеку! А мне этого не остановить! Понял, теперь?

– Было б это еще кому-то нужно – этот контроль через нас...

– Нужно. Частично только. Влад, хоть у правил дороги прямые, рубежей у этих дорог до...

– Не спорю... Контроль есть контроль со всеми его темными сторонами по типу “сообщить для пущей проверки” и “проверить для пущей ясности”... Только что-то здесь не то... Не то, что в Штраубе...

– Почти никакой разницы... Офицеры одни задачи решают, мы – другие... Просто здесь с этим трудней стало. Здесь у нас задач сложных больше – у всех. Их нам без офицеров решить тяжело. А время нас загоняет – не дает нам ничего сообразить... А у офицеров времени в обрез – им, с его нехваткой, осталось только нашей сообразительности подпорки ставить... Офицеры нам без подпорок таких дел разгрести не дадут, но не дадут нам и грузить эти подпорки лишней тяжестью...

– Герф, но это просто тупо...

– Это Хантэрхайм! И предел скоростей всех систем!

– Не это тупо! Не то, что с тобой и ошейником здесь разбираться ни у кого времени нет! То, что ты с ним разобраться не можешь! Ты ведь можешь разобраться и с собой, и со всеми остальными! А с ошейником – никак! А он ничто иное, как ты и все остальные – только в отчетном виде! Это ж смешно просто!

– Смешно, пока Скар со всех подряд шкуры драть не начнет!

– О конкретном преступлении, чем бы то ни было, ты и без этих переучетных мыслей доложишь – как обычно, как положено! С этим все в порядке! И не было бы беды с тобой, не было бы у тебя беды с ошейником! Не пришлось бы тебе четким определением степени опасности чьих-то мыслей голову себе и мне морочить! Не пришлось бы нам думать про точные перестройки схем действий по формату расчетных времен! Это все нужно только оттого, что ты через отчетную память все без разбору прогоняешь! И это действительно тупо!

– Тупо! И что это изменит?! Что мне с этим делать?!

– Представь, что ты перед офицером стоишь, – и стой перед ним! Потому что все, что ты выложишь ошейнику начистоту, – ты с той же прямотой офицеру поведаешь.

– Я не могу офицера представить!

– А ты попробуй!

– Я рядом с офицером думать в полную силу не смогу!

– И с воображаемым?

– Без разницы...

– Оторопь перед офицером берет?! Тебя?!

– Никакая не оторопь! Просто мне спокойней становится, когда я о том, что офицеры рядом, думаю! А покой – это сон!

– Ты привык, что они все решают... Ясно теперь... Ты через ошейник им все грузы, которые тащить должен, для проверки передаешь... Ты на порядке просто помешан, Герф! Ты его страхуешь всем, чем только можешь – и своими силами, и чужими! И страхуешь ты его со всех сторон и без разбору – нуждается он в страховке или нет! Ты офицерам веришь больше, чем себе! Ты им не просто веришь – слепо!

– Слепо... Нет, Влад... Слепо я не верю никому...

– Да они для тебя – боги! Боги, которым ты служишь, отрабатывая покой от твердой уверенности, что они все знают, все контролируют – что они сами за тебя все решат и за все сами ответят!

– Но так все и есть... Я солдат, Влад, а они – офицеры...

– Да кем бы они ни были, ты им нужен только потому, что они не всемогущи, и им нужно часть обязанностей с плеч сгрузить. А дадут они тебе груз, ты вместе с ним и ответ за него взять должен будешь – взять и держать его перед ними вместе с переданной тебе ношей. Решешь ты порученные тебе обязанности им обратно вернуть и сгрузить – ты им больше нужен не будешь. Герф, ты исполняешь приказы, которые отдают они и за которые они отвечают. Но за то, как ты их исполняешь, – отвечаешь ты, не они.

– Я это понимаю, Влад. Я не перегружаю на них то, за что отвечаю я.

– Значит, ты больше, чем им, веришь себе. И берешь ты себе у них груз больше положенного – ты не обязан отвечать за все и все держать под контролем. Офицеры и так все, что нужно проверить, проверят. Ты им не должен все подряд для проверки тащить.

– Я на себя того, за что отвечают они, не беру.

– Думаю, Герф, ты и то, и другое делаешь... Ты и на себя берешь больше, чем обязан, и на офицеров стружаешь больше, чем должен. Это потому, что ты равно уверен и в себе, и в них... А больше ты никому не веришь...

– А кому еще верить?! Я тебе доверяю! Хоть ты, порой, чушь порешь, как сейчас!

– Это не чушь!

– Тогда скажи, чем мне это поможет?!

– Тем, что до тебя дойдет, отчего и что ты делаешь! А точнее – почему ты так отчет строишь!

– Ну понял я! И что дальше?!

– Исправляй ошибки! Эту исправил – других не будет!

– А делать мне что?!

– Учись не требовать от всего и всех полного порядка без разбору! Ни от себя, ни от других не требуй этого! И разберись ты, где у этого порядка, который построен по принципу здания, несущие конструкции, где каркас, а где панели обшивки. Отдели главное от всего остального. Ставь первым значением его стержень. А остальное пусть идет вторым. Не допускай хаоса к первому значению порядка. Но допусти его ко второму. Ты не сможешь быть равно бдительным с простым и сложным. Ты все равно что-то упустишь – за всем не углядишь. Выбери то, что опасней, и смотри прямо, не отводя взгляд, – за остальным краем глаза присмотришь. Не будешь чрезмерное внимание ерунде отдавать – в отчете ерунды не будет. Ты запоминаешь и сохраняешь в отчете только то, что считаешь важным.

– Разумно вроде...

– И учись отчет не себе и ошейнику давать, а себе и офицеру!

– Влад, я так свихнусь! Я не буду всюду с собой офицера из головы водить!

– Думай об Айнере! Все время!

– Об Айнере?! Я тогда точно свихнусь! Влад, я должен сделать что-то, но не то, от чего только хуже станет! Что еще сделать можно?!

– Не знаю! Делай, что делал! И мозги не ломай! Толку не будет!.. А потом, придумаем еще что-нибудь...

– Айнер ошибки такие стирать приказал...

– Так это возможно?..

– Указал он мне путь... Но мне не пройти – пробовал уже.

– Может, это только высшим офицерам без доступа под силу?..

– Понятия не имею. Но запись есть точно – запись этого пути. А Айнер по “границам” ходит... Преступления перекроют его путь в том случае, если кто-то или что-то узнает его точное расположение до рассчитанного им времени...

– Это ты и в голову не бери. Не думай, что “пограничник” с уровнем S9 так просто с дороги сойдет. Он расчет по другому расчету строит – по более сложному... Айнер, считай, почти как “защитник”...

– Отбракованный только. С правилами у него проблемы – с их соблюдением.

– Айнер знает, что делает. Продуманное пограничное нарушение... Трудно к нему и подобраться, и придрататься. К тому же он Скару лучший, и скорей всего, единственный, друг. И вообще, Герф, лучше подумай о том, что нам с этим делать... Нет, лучше сейчас вообще не думай. Я буду...

Лесовский положил голову на руки – он как верный друг принял часть моей головной боли...

– Не могу я это из головы выкинуть...

– Герф, и где твой обычный практицизм?! От него сейчас хоть какую-то пользу получить можно... А от этой полусовести, которой ты вдруг страдать решил...

– Что ты сказал?..

– Когда совесть не грызет, а царапает – это только обрывок совести. Когда ты жалеешь о содеянном только отчасти, когда жаль и других, и себя, но не особенно – это полусовесть. Это вообще худшее качество крови тебе подобных, Герф!

– Верно, мы не можем жалеть всех, не жалея себя, и не жалеть никого, жалея себя, как вы! Не можем жалеть всех, не жалея никого – ни себя, ни других! Не всем, Влад, мозги перегонять от крайности до крайности! У нас принципы простые и четкие!

– Как и геном!

– Наш геном таких срывов не дает!

– Поэтому, как бы вы методично войну не вели, всегда побеждали мы!

– Мы не признаем победой то, что далось такой разрухой и отчего были понесены такие потери!

– Но победили все равно мы!

– А черт... Кончай с этим... Мы союзники дольше, чем когда-то врагами были. Если так далеко старое поминать, мы друг другу, по старой памяти, кровавый бой устроим. А “драконам” за победу и воевать не придется – перейдет к ним после нас поле битвы, потому что не к кому ему больше перейти будет.

– Точно, Герф... Причиной этой войны были наши с вами общие ультиматумы и угрозы, как и всех прошлых подобных войн... Похоже, одни “драконы” могут ровным шагом и вперед, и назад идти. А мы идем только вперед – нам, видно, суждено вперед идти... У нас прошлое всегда далекой дорогой проходит, которую мы видим, но по которой не можем пройти, до которой не можем даже достать – даже мысленно... А пора бы нам пройденный путь приблизить, чтобы хоть как-то до прежних знаний дотянуться, прошлый опыт взять... А то все всегда с чистой, нулевой пустоты, начинаем... и кончаем ничем. Круги нарезаем от точки до точки – вернее, идем от и до одной отсчетной точки начала и конца... А “драконы”... Они иначе круг свести могут – так, что не будет у него начальной и конечной точки... так, что круг точкой станет без конца и начала.

– Круг так свести можно только черт знает что с пространством и временем сделав...

– Одновременность всех времен и обобщение всех пространств – гиперпространство и гипервремя... Это сложит и сожмет круг в точку...

– Ничто не способно быть везде и одновременно... Что-то одно всегда и везде находится только в одном времени и пространстве...

– Это без применения виртуального поля... Наш разум позволяет нам его применить – быть одновременно во всех временах и пространствах... А с определенной точностью рассчитанное виртуальное поле мы считаем равным – реальному... Ведь это те же коды, которыми прописано реальное поле... Только это те коды, которые в реальности применены еще только схемой...

– Верно...

– Разумом мы можем достичь способности перемещения и по гипервремени... Мы можем применить опыт прошлого и будущего в настоящем...

– Влад, ты меня, порой, пугаешь... Тебе такие мысли в голову приходят, что...

– Приходят... Их только не гони прочь – они придут и останутся... А если их призовешь и в отряд соберешь – они и применение найдут...

– Это меня и пугает... В твои служебные обязанности все это не входит... Это плохо кончится, Влад...

– Или хорошо... Зависит от того, что считать – плохим...

– Я об этом и говорю... Что нам чем считать и что как делать положено, прописано нашими служебными обязанностями...

– Вот и твой чертов практицизм вернулся...

– Ты сам его звал... Должен же тебя кто-то от великих дел спасать...

– Герф, какой идиот от великих дел кого-то спасать надумать может?!

– Такой, до которого доходит, до чего великие дела довести могут! Великие дела и великие мысли – это тебе не мелкие, которые кого-то одного угробят и успокоятся! Им весь мир подавай!

– А что сразу – угробят?!

– Иначе еще не было! Только те, которые всем и всему навредить хотели, цели достигли! А те, которые спасти хотели всех и от всего, – только вред принесли!

– Это было еще только в обычном времени и пространстве!

– Думаешь, в гипервремени и гиперпространстве что-то изменится?! Ничего! Что так, что иначе – все одно, Влад! Ты только местами все поменяешь! А суть той же всегда и везде будет! Задействуешь все измерения времени и пространства – только масштаб разрушений увеличишь! Ты не последовательно прошлое настоящее и будущее крушить будешь, а – сразу! Сразу пройдешься – и по высоте, и по ширине, и по глубине! Отчего тебе опять крышу сносит в заоблачные дали, Влад?!

– А черт его знает... Просто я вижу конец, к которому мы приближаемся, и хочу от него отойти... и отвести других...

– Ты не генерал, чтобы других отводить!

Влад поднял на меня упертые в пол глаза...

– А мне плевать, Герф, кто я... Я вижу задачу и стараюсь ее решить... И я решу ее, если смогу...

– Эта задача не перед тобой стоит! Ты не ученый! Ты боец, Влад! У тебя задачи другие!

– Да мне плевать! Я сделаю, что смогу! И если смогу – сделаю!

– Ты только навредишь!

– Герф, нельзя сделать что-то, что будет хорошо для всех!

– Зато можно сделать то, что для всех будет плохо!

– И такого сделать нельзя... Каждый, кто кому-то помогает, кому-то – мешает... Каждый, кто кого-то спасает, кого-то убивает... Вопрос только – спасет и убьет он тех, кого собирался, или нет... Но это не безответный вопрос...

– Только точно на него еще никто не ответил!

– Я отвечу...

– Влад, ты уже совсем опасный!

– Ты тоже, Герф...

– Не так, как ты...

– Ты можешь помешать мне попытаться спасти весь наш мир...

– Спасти или уничтожить...

– Не важно – ты либо так же полезен, как я, либо так же опасен...

– Оставь ты эту относительность в покое!

– Но все относительно... А всего я в покое оставить не могу...

– Черт!

– Ты опасен, Герф... Но ты мой единственный друг, которому я доверяю все... И я не стану скрывать от тебя... Ты поможешь мне...

– Что скрывать?! В чем помогу?! Ты уже что-то скрываешь!

– Еще ничего конкретного... Просто, соображениями поделюсь позже, – когда ты со своим ошейником разберешься хоть как-то... или, когда я с твоим ошейником разберусь...

– Тебе мой ошейник мешает?! Значит, ты что-то противозаконное замыслил!

– Нет, просто, я этим офицерам голову морочить не хочу...

– Тут нечисто что-то... Не темни...

– Это правда, Герф... Им с этим долго разбираться придется... А у нас очень мало времени – у всех нас...

– Черт знает что придумал и еще сделать собирается! У тебя либо вообще совести нет, либо столько, что девать некуда!.. В любом случае, у тебя не столько совести, сколько человеку по системным нормам положено! Вот и молчи впредь про полусовесть мою! Не знаешь ты, что это такое... С одной стороны, понимаешь, что не нужно было делать чего-то, что мог поступить иначе, но с другой стороны, знаешь, что поступил, как счел нужным, – значит, так и должен был поступить.

– Герф, мы не можем не выбирать. И выбираем обычно что-то одно, с ущербом чему-то другому. Это и значит – поступить так, как счесть нужным. Никто иначе и не поступает! Просто, не

каждый способен верно выбрать – верную оценку пользы и урона провести! Допусти, что тебе дан приказ, и с ним твое несогласие... Ты исполнишь его – поступишь, как сочтешь должным ты. Не исполнишь – ты тоже поступишь, как сочтешь должным. Оценишь выбор верно – разум тебе жалеть о нем не позволит. Ошибешься с оценкой – будешь жалеть... И не важно, что ты выберешь и чем твой выбор обернется... Сделаешь его осмысленно – будешь знать, на что идешь, с каким риском и с какой надеждой. Иначе – пойдешь черт знает на что, будешь винить или благодарить случай, себя или других не по делу. А эмоции, Герф, – как волки. Они – хищные охотники, сопровождающие нас. Порой, они оберегают нас, сохраняя свою добычу от других охотников, но порой... Мы отгоняем их, когда сильны, но когда мы слабнем – они убивают нас, урывая у нас последние клочья жизни, продлевая жизнь себе... Порой, одни “волки” бросают нас полудохлыми, а добивают другие – чужие... Но есть еще и иные... Это “стервятники”, которые ждут нашей смерти и жрут наши трупы... Ты можешь продлить им жизнь или отравить их – тех, кто будет после тебя...

– Влад, хватит уже... А вдруг Скар это все прочтет...

– Скар... пусть читает – он смеяться не будет, не сможет... Он отгоняет всех “волков” – он охотник на “волков”, он с них шкуры дерет... Это они заставляют нас выбирать бездумно... Но у нас отсчетной точкой выбора поставлен долг – нам далеко от него не отойти... А поступить, как должно, для нас значит – правильно.

– Но отойти от того, что правильно, хоть как-то можно! Это и достает!.. Не было со мной еще такого. Подумал, решил, сделал. Ошибку допустил – ответил по форме. Правым дело счел – так и оказалось. Шел напрямик по долгу только от точки, командиром четко обозначенной. И точно знал, что мои поправки пройдут по этому маршруту, не сбиваясь, от отправного пункта до пункта назначения – что они за пределы, размеченные, не выйдут. Это правильно. А тут... “Держи мысли в руках, не то их возьмут чужие руки!”... А схемы командир пишет и того сложнее!

– Герф, у него, чтоб векторы указать, времени просто нет... А тебе, чтоб мозги разогнать, его только не хватает. Разница есть.

– Не большая. Как получил этот северный перевод, перестал понимать, что и где...

– Не один ты такой... Никто толком ничего не понимает. Кризис – привратник у врат беспорядка... И сейчас решается – сможет он открыть эти врата целиком или такие люди, как Скар, успеют поставить баррикады, пока он только приоткроет врата в щелочку...

– Баррикады из трупов?..

– Это как получится...

– Знаешь, Влад, обидно это – честно исполнить долг по закону военного времени, но быть утраченным в этой баррикаде перед вратами беспорядков из-за какой-то ерунды...

– Придумаем что-нибудь. Ошейник – это не черт знает что, вмонтированное тебе в голову, что ты под контроль взять не можешь. А в старые времена и такое делали – подключали какую-нибудь такую штуку и напрямую память считывали...

– Темные времена – тогда все до бреда доходило – и дошло. На одну старую чертовщину другую делали – блокатор... Про эти штуки забыли давно, а у меня с ошейником что-то вроде того, только блокатор не в порядке, видимо.

– Герф, здесь блокатор – твой мозг. Его ты контролировать можешь.

– Его – да. Ошейник – нет. Его уничтожить можно?

– Можно. Если память под жесткое излучение подставить...

– Влад, мне это быстро стереть нужно – до добра не доведет.

– Толку тоже не будет – тебе новый ошейник выдадут...

– Старый подключенный контакт переключить сложнее, чем новый, который ты только устанавливаешь...

– Сотрешь память излучением – дело под расследование пойдет... Тишинский в Хантэрхайм порядок быстро ввести должен, войсками, – и он за это серьезно взялся... Пока нам еще есть, куда отступать, но пора решать, что дальше будет.

– Влад, но понятно же, что этим Совет заниматься должен, что не наше это дело.

– Далеко не все так считают... Я думаю, что не следует нам в подобные дела лезть без полного осознания последствий... Но это не значит, что нам не следует постараться разобраться в этом... Герф, ты это не записал?..

– Пока не знаю... Знаешь, Стикк в таких вещах сведущ, может, что попроще придумает... Хоть у него из-за меня теперь... Черт... Понадобились ему эти “пути”... Разыскал, еще и нам указал...

– Он поступил, как счел должным. А если должным считать что-то не то, что другие – особенно что-то вроде этого – терпения от других ждать нечего... Об этом ему побольше нашего известно.

– Но с чего он только это должным счел?..

– Тебе его убеждения хорошо известны...

– Быть не может, что он с этим делом связан... Он кто угодно, но не трус...

– Он просто объяснил нам, что у нас с тобой выбор есть.

– Какой выбор?

– Уйти – пока это возможно...

Влад даже не заметил мой скепсис...

– Никому с головой на плечах это и на ум не придет. Кто еще соображает хоть что-то ни о долге не забывает, ни о палачах, которые беспамятные головы топорами напоминаний сносят.

– Это на ум приходит тем, кому голову с плеч что-то вроде мысленных палачей сносит. И тем, кто понимает, что руины Небесного близки к Штраубу и что с северных укреплений идти некуда, ведь Ясный – контролируемые врагом руины среди ледяных пустынь. А главное – что скоро вообще некуда будет идти...

– Но уходить... Еще и на “оккупированные” территории...

– На наших территориях расправа быстрее и неизбежнее. Вражеской техникой тени бойцу под ноги отброшены будут – будут видны предупреждением о приближении врагов. А “тени” системной безопасности – они одни только тени бесследные.

– Влад, что-то ты очень практично к проблеме подошел. Это ж чистой воды предательство.

– Предательство... Это как посмотреть.

– Что тут смотреть! Дезертиры систему в беде бросают! Еще и вынуждают энергию тратить – пути им преграждать и карателей следом высылать в случае преодоления ими преград!

– Эти дезертиры систему в беде бросают не раньше, чем остаются брошенными в беде системой. Это отслужившие бойцы, Герф. Их списывают. Они порядку больше не нужны. А тех, которые поломаны до того, что для порядка опасны, – списывают под прямую ликвидацию. Но по большей части для него они опасны, только находясь в его пределах, – не за ними. Ведь тем, кто по-настоящему опасен, не уйти. Уйти способны лишь те, которые просто никому особо не нужны – не полезны и не вредны. Отпустили бы их к черту – тех, кому наши преграды не помехи... И не пришлось бы облавы устраивать...

– Ты что, Влад?..

– Конечно, такие рейды периодически проводить проще, чем постоянно жесткий контроль соблюдать. Но и рейды эти вроде без особой нужды... Эти погони – только остальным сдерживающий фактор. И то только тем, кто стоит около рубежей тяжелых поломок. Другие об этом и думать не станут. А те, которые и думать станут, и делать – серьезно поломаны, и предателями их считать сложно...

– Поломан кто-то или нет – не важно – он или честен, или преступен.

– Преступнику, которому строгий приговор вынесли и казнь жестокую по заслуге уготовили, дороги нет – ему и луч через голову без посторонней помощи пропустить не дозволено.

– Это точно.

– А некоторые виновны лишь по изношенности – как прожженные при штурме доспехи, которые раны раскаленным сплавом поливают, как продранные сапоги, которые воду с ветром пропускают. Их не винит особо никто... И если их специалист не починит, спишет – и только.

– Но бойцы не сапоги.

– Поэтому за ними и надзор строже. А поступают с ними примерно по одной схеме – уничтожают.

– Это чтоб они других изношенных по изломанной тропе следом не увели.

- Только не уйдет никто по изломанной тропе, если сроку полностью не отслужит.
- Верно, в общем...
- Ты подумай, Герф... Бросить все и уйти – в никуда, в ничто... Это, считай, как решить покончить с жизнью без посторонней помощи... Но сделать это не по долгу службы – не отдать жизнь войску и системе...
- Долг у нас один – боевой. И ничего иного – нет.
- У бойца – нет... Но мы не только бойцы – мы еще и люди... У нас могут происходить разные поломки на разных участках наших обязательств и убеждений... Тогда боец становится способным совершить то, что не способен совершить человек, а человек – то, что не способен совершить боец... Но где произойдет облом, где будет нарушен стык – не особо важно... Такого бойца спишут как непригодного к службе – что еще живого, что уже мертвого его спишут как мертвеца... И не особо важно – сам он себе мозги выжжет или это сделают “тени”... или враги... Не слишком важно – произошло это, происходит или произойдет... Его спишут как мертвеца.
- Влад... Решить окончить жизнь осмысленно и с целью может только боец, идущий в смертный бой, или офицер, вычисливший конец задачи... Иначе не было и не будет. Остальное бесцельно, бессмысленно и бесчестно...
- Только “защитники” и высшие офицеры по расчету будущее точно определить способны. И только они стирают системы при выявлении расчетного конца с уверенностью, что это – верный конец. Мы так не можем... У нас с этим сложнее – вернее, проще... Нами руководит отчаянье – не точно расчетное... скорее, безотчетное. Оно часто не подчиняется всаднику – просто прет вперед, как дикий зверь, и уносит его... Отчаянье – обычно наш перевозчик от одной гибели к другой... Часто – к более близкой, но выбранной нами, а не нашими врагами... к правой гибели. Только подчинить и направить его мы далеко не всегда способны...
- Они не отдадут жизнь системе – выходит, они считают врагом систему... А так поступают предатели.
- Но списанные – доведенные поломками черт знает до чего и заведенные отчаяньем черт знает куда...
- Хочешь сказать, что это почти одно с лучом через голову... Но нет... Дезертир, который сохранил жизнь, – другое...
- Не важно это, Герф. Главное, что ни он системе не нужен, ни система ему.
- Этого и с покойником быть не должно. Это чести нашей закон – мы служим порядку до последнего и AVRГ служит нам до конца. Что луч через висок пустить, что к другой гибели подойти мы только по достойной причине должны. Решил отдать жизнь – отдай системе. Как бы кто-то поломан ни был, не ему решать, где конечную линию прочертить...
- Тупой ты... А если системе ни боец, ни гибель его не нужны.
- Это не...
- Герф, если он задание заведомо провалит, – его в бой не пошлют... разве что к черту...
- Нет. Кинут под огонь его последней битвы – и под прямым контролем свыше.
- А если его лучи не берут, если не возьмут и при этом, – его просто спишут. Прямой контроль офицеры однократно применить могут – Хантэрхайм им здесь долго головы грузить не дает. И предатель такой, беглый, боец после этого?
- Не знаю...
- Не важно – будет убит дезертир карателем или врагом, не важно – пропустит он через голову луч... Системе он нужен не будет... Его спишут – уберут из списков, устранят из системы...
- Верно... Считай, этот уход – путь на свалку... под присмотром “теней”...
- Точно... Тот, кто покинет систему, будет уничтожен ей. Но покинуть систему может только тот, кто мертв для нее.
- Дезертиры – “мертвецы”, “призраки” системы...
- Точно, Герф... Наши охоты на дезертиров – это вроде охоты на призраков порядка, принявших неверную “смерть” и перешедших в “иной мир”. Но тот, кто уже не годен порядку, еще может сгодиться чему-то вне его...
- Что?

– Может быть, он где-то скроет след... И, может быть, сделает еще что-то... Что-то другое – не то, что делаем мы, но то, что нужно сделать... Нужно сделать для чего-то другого – не для того, для чего делам мы... Ты не думал об этом?

– Нет...

– А я вот думаю... Это и есть – выбор. Тот выбор, который нам указал Ларс Стикк... Если кто-то и способен уйти от системы – только тот, кто и вправду системе не нужен, кто не несет угрозы... Но при том и тот, у кого есть цель преодолеть барьеры, уйти от погони “теней”. А это способен сделать только сильный человек, еще не потерявший разум и волю, – не тот, которого гонит одно призрачное отчаяние, след прошлой жизни, еще не разнесенный ветром... Этот тот человек, который просто уже не может идти в бой здесь, плечом к плечу с нами, но еще пойдет в бой где-то, один... Тот, кто просто стал другим, кто этот бой продолжит по-другому... И то, что общим у нас остался один только враг, то, что он теперь иной и ведет бой иначе, чем мы, – не значит, что он не способен одолеть врага, как мы, но иной силой... Тут Стикк, скорей, ошибки не допустил...

– Ты к чему вообще клонишь? При чем тут мы... То, что он про нас... Мы не...

– Я не про нас, Герф, – про дезертиров... Среди них еще есть сильные бойцы, которые еще нужны нам... Они страхуют нас, Герф... Страхуют систему где-то за пределами – за пределами крепостных стен и их крушения... И офицеры... Уверен, они имеют их в виду... Они травят их сворами “теней”, отбирая среди них сильнейших и не пресекая им больше пути, обходясь впредь одним присмотром... Офицеры могут уничтожить их всех, но не делают этого... отчасти оттого, что берегут силы, но только – отчасти, Герф...

– Влад, у тебя все ж с головой непорядок...

– Стикк имел в виду именно это – разруху... Общую разруху, угрожающую погрести систему... То, что системе уже почти никто не нужен, но кто-то еще нужен тому, что шире и выше системных границ... Что войну мы еще ведем, но уже только за короткий отрезок времени. Думать мы можем, как угодно, но не знаем, что будет... Он считает, что таким образом хоть у кого-то может остаться возможность выжить после всего этого – выжить вне “нас и них”.

– Но уйти, пусть и с руин, не стоя до последнего, заступая путь врагу...

– Оружие, что бы ни было, до последнего никто не бросит. Но похоронить его среди руин системы, значит не сделать ничего, чтоб поднять хоть что-то из этих руин...

– Нет. Этого быть не должно.

– Есть худший вариант. И Стикк о нем думает.

– Что ж Стикк?.. Что ж не высшие офицеры?..

– Кто их знает, о чем они вообще думают...

– Конец, значит конец всему...

– Герф, офицеры иные... У них масштаб мысли больше. И знаний больше. А сведено это к холодному расчету техники. Генерал из кожи вон не полезет ни наружу, ни внутрь. Это только нам дано. И уверен, ими это учтено – с контролем над нами, над нашими задачами, мыслями и поступками.

– Ну выдал...

– Они крепежи проектируют, мы крепим.

– Но никто не указывает, где их крепить...

– Указывает, только тихо. Где можно – открытый путь, где нельзя – блоки установлены.

– Что-то мне не...

– Герф, мы из тех, кто среди руин оружие хоронить будет. Но мы и из тех, кто будет эти руины расчищать под площади и плацы...

– Но...

– Подожди еще, узнаешь... Что бы дальше ни было, еще не поздно сцепить крепежи... И Стикк – он поступит не иначе...

– Ты о чем?..

– Герф, мы ведь в его схемы включены, только не по ту сторону... Точнее, мы до нынешнего времени думали, что по ту... А на деле – по эту. Он знал, что мы прямо по его пути не пойдем, но при этом он знал, что подкинул нам мысль покрепче...

– Ты о чем, Влад?

– Потом объясню... Думал, что трудно будет кому-то с полей последних сражений уйти, если системе конец... После этого, скорей, никому не уйти... Но кто-то может уйти и до этого...

– Не могу сообразить, чем ты голову ломаешь... Но вне системы, особенно поодиночке, выжить...

– Сотрут Ивартэн, будет не важно – рухнет AVRГ или устоит – никто вне системы выжить не сможет. Не сотрут северную крепость, устоит после этих переломных событий и сражений AVRГ – уверен, простоит не долго. Это тупик – его только слепой не увидит. Но не сотрут Ивартэн – кто-то еще сможет выжить, что бы ни случилось после пересечения этих боевых рубежей. Герф, кто-то еще скрыт где-то по ту сторону. Кто-то уходит от карателей службы внутренней безопасности, кто-то способен обойти и вражеские патрули. Еще не всех могут достать с границы “оккупированных” территорий. “Тени” DIS избегают вдыхать *их* воздух. А *они* не размещают на границе части наземной техники. Это практически пустые земли.

– Влад, думаю, чушь это. Даже с попутным ветром никому далеко не убраться. И даже если повезет, не продержится долго никто на голодной замерзшей и зачищенной земле. Бессмысленно то, что Стикк мыслит...

– Нет...

– Если он имел в виду крушение системы – никто не уцелеет, где бы он ни был, что бы ни делал. Произойдет запуск общей деструкции и деградации – земли отторгнут лес, звери вымрут. Лед и камень – ничего больше от этой планеты не останется. И неважно, сотрут Ивартэн или нет – это произойдет. Потому, что наш мир мы лишь нашей постоянной коррекцией держим.

– Нет, не только держим... Мы этим его и рушим... К чему-то мы и собственную выносливость приспособить можем. Люди достаточно устойчивы к агрессии внешней среды. А цивилизацию можно поднять и из руин. И среду эту возможно восстановить...

– Если будут с наших укреплений утечки...

– Это ничего еще... Тут главное – информацию иметь... Тогда и течи перекроют, и излучение блокируют...

– Ты действительно думаешь?..

– Все возможно... И разрушение старого, и построение нового...

– Через разруху, через кризис...

– Так оно и бывает...

Влад вдруг замолчал, оборвал передачу... Не настолько мы тупые, чтобы не понять, как в Хантэрхайме дело обстоит. У шестой армии сильные бойцы – одни из лучших. И последние модели легкой и тяжелой наземной и воздушной техники. Все на высшем уровне – и нельзя не почувствовать нашей силы... так же, как нельзя не почувствовать, что это наши последние силы. Если город падет... А что тогда будет? Ускорение времени, сжатие возможностей... У нас и того, и другого не так много осталось...

– Влад, *они* всех найдут, если возьмут наши базы.

– Дезертиры могут уклониться от *их* воздушных патрулей, укрыться под землей. С воздуха сложно засечь разреженный ментальный фон. А сигнал можно ослабить – “золотые драконы” умеют снижать ментальную активность. И пересечения с *их* отрядами зачисток возможно избежать.

– *Они* все проверяют.

– Мы же в лесах Штрауба еще не всех тварей выловили, хоть и знаем, что они еще там, и следим за ними.

– Влад – на такие операции просто средств не выделяют.

– У них тоже ресурсы не безграничны. Кто-нибудь выживет – кто-нибудь точно выживет. Я кое-что придумал, Герф... Ты мне поможешь.

Вот он – невыносимо цепкий интерес в глазах – ничего хорошего он не предвещает...

– Влад, это законно?

– Да... вполне... Стал бы я с тобой говорить об этом!..

Лесовский придумал что-то новое для мучения своих и без того многострадальных мозгов... Я уже понял, что это что-то масштабное, чем и ужасное... Рухнув на койку, он закрыл глаза со

счастливой улыбкой, оставив меня наедине с мыслями и с моим коварным ошейником... Он, видимо, нашел способ компенсировать неопределенность нашего будущего, нашел что-то, что разрядит для нас наэлектризованный ожиданием чего-то воздух... Но ход мыслей его заставляет насторожиться... Он не убедил меня полностью в легальности своих планов... Слишком уж много он думает о дезертирах и нашем взводном, который заявил себя их проводником... И слишком уж он серьезно об этом думает... и еще слишком – это вообще слишком... И мне еще как раз теперь в голову как на зло полезли мысли о чем-то не том... Не думать об этом... Не думать... Я буду думать только о том, чтобы ни о чем не думать... Электронные мозги аналитиков выкипят, если это до них дойдет...

Мы закрыли глаза, но не спим... Над нами склонились черные тени... Тишинский... он где-то рядом – может быть ближе, чем Скар... Он “видит” наши мысли...

Запись №17 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 09:00

Резкий сигнал, общее построение, горы указаний и черт знает чего еще... Это к боевой готовности, но не к целевой – к общей...

Офицеры к порядку нас быстро призвали – расположение определили, произвели расстановку, снабдили каждого точной схемой действий, подключили обратным ходом счетчики времени – и отпустили на добычу скингеровых отбивных... Сорг и Хорн с нами... Потрепало их, но вроде не хуже нашего. Оказалось, что это у нас еще ничего, – не серьезное еще нарушение. И наказание – предупреждение, скорей. Похоже, этой ночью Хантэрхайму от его хранителей худо пришлось... А его шестой укрепленной базе пуще других досталось... По крайней мере, шестую базу после штурмовой операции непроглядной темнью накрыло... Черные шпильки – офицеры и бойцы DIS – нашими обелисками установлены на каждом шагу. Эти обелиски еще не исчерчены именами и датами, но для прописи их готовы... Ночной тишины никто сильно не нарушил, и никто на мрак этой ночи открыто не посягал, но здесь прошел невидимый бой... И кого-то точно не досчитались... Наверное, поэтому наши проступки пересохли, как жидкие лужицы, пролитой нами этой ночью, крови...

Капитан решил нас слишком не мучить. Привилегий нам теперь никаких не положено, но лишний кусок от пищевого пайка нам будет выдан четко по плану, как был выдан лишний кусок кошмарного сонного забытья. Хоть по этому поводу уверенность, что получили мы его не как награду, терзает не только мою голову. Причины тому были более веские, чем просто намеренье дать отдых усталым бойцам...

Белые машины проверяют все посты. Серым штурмовикам “защитники” холодными глазами светят в лицо, черным – в спину. Офицеры DIS пропускают нас через остановленные взгляды. Командиры намертво прикованы к нашим мыслям. А сержанты считают наши шаги... Нет, это не свидетельствует об идеальном порядке – это доказывает только то, что он под угрозой... Не иначе, введен всеобщий контроль надо всем и всеми. При виде этого бьет озноб... Намечено немислимое противостояние – немое, лезущее из щелей и забитое по углам...

Но это напряженное недоверие долго не продлить никому – Хантэрхайм не позволит... После следующего сражения “тени” отступят, штрафы спишут – вернут и привилегии, и право на ношение наград... А ждать здесь этого не долго... Но трудно. Особенно если о предстоящем бое думаешь больше, чем об ужине... Только это скоро пройдет. Здесь, о чем ни думай, ясно, что каждый обрывок сна и еды с боем у времени вырывать надо... Я усек, что Хантэрхайм бойцам времени на тупое и тяжкое ожидание чего-то вообще не дает... Ожидание тяжести... Нет, никуда оно не девается – просто, призрачно таскается за всеми нами следом, шепчет что-то угрожающее на ухо и кусает мысли в каком-то фоновом режиме... Просто, его труднее разглядеть за тушами зажаренных скингеров, добытых у времени с таким трудом...

Со всем нашим прореженным штурмом и последующей ночью взводом мы в строгом строевом порядке едва не вломились в ротную столовую... Едкий сигаретный дым почти прогнал

сонливость, граничащую с изнеможением, – развел красные от этой убойной бессонницы глаза и садненные веки. По голове ударил запах терпкой кофейной горечи... Здесь пахнет и свежим жареным мясом... Теперь это стало моей единственной фокусной точкой... Получил порцию, и просторное помещение будто сжалось по размеру до ограничителей моей тарелки... Больше различить ничего не могу... Как только мои зубы впились в прожаренный до тонкой золотой корочки кусок мяса, мой разум рассыпался по рисовыми зернам и утонул в мясной подливке... Кормят здесь на убой – потому, что очень редко, скорей всего...

Кофе выдали крепкий – прям выпей и в жизни не спи с этих пор. Думал, что командир послабление дал, но нет – просто ему наши мозги порезче пробудить нужно. Десять минут – и на пост... который черт знает где... Обычно посты, вроде этого, машины и бойцы службы внутренней безопасности выстаивают. Наше дело – бои да боевая подготовка... Под нашим присмотром обычно только наши территории, где мы обязаны только за нашим порядком следить... Но здесь, похоже, общий порядок – дело общее... И еще здесь, видимо, следят за ним по принципу – кто за него сейчас не воюет, тот за него сейчас и стоит... А значит, что воевать время приходит бойцам DIS...

Влад, скорее от привычки, подтвердил мои не переданные мысли еле заметным кивком головы и устал глазами на топорщащие острые зубцы столовые приборы... От этого что-то уж очень тревожно стало... Но мы последние, кто здесь выводы делать способен... Пришлось нашарить взглядом того, кто знает Хантэрхайм дольше нас с Владом и с техникой контакт держит железный... Хорн еще что-то требует у машины, приставленной к простой технике раздачи... Его карту “спутник” не разблокирует – не положено Хорну больше съеденного, сколько бы он обратное не утверждал – только ему не это нужно... Он с машиной поспорить случай не упустит... Я уже заметил, что с ними он охотней, чем с людьми, время проводит. С ним потом потолкуем... А Сорг... Сорг обошел пустующее место, которое оставил другу, и сел рядом с нами – поставил на стол очередную кружку и склонил бледное лицо к горькому пару...

– Сорг, мы тут с Лесовским подумали... Посты эти... Полк наш весь по базе раскидают стоять... Как-то все это...

– Правильно подумали. Именно так дело и обстоит...

– А что это значит?

– А черт его знает... Илд погиб, но замену ему прислали уже, и полк его уже переформирован почти. Гарнизон при деле. Скоро объекты подключены будут. И “теней” Скар напустил... А Боргу с базы ни шагу...

– Мы тут черт знает сколько простоим попусту...

– Может и не попусту, но простоим.

– Задвигают нас под присмотр “теней”...

– А черт их знает, Герф.

– Но ясно ведь, что мы вместо “теней” стоять будем... А “тени” в это время по базе бродить пойдут... Нас рассредоточат и к месту прикуют... А они соберутся и волю возьмут...

– Уверен, к этому еще что-то есть. Не просто нас здесь задержать решили, когда мы здесь будто не нужны...

– Проверку проведут, верно, жесткую...

– Не только... Должно что-то еще произойти... Но не с Хантэрхаймом... с воздухом тихо вроде. Скорей, операцию провести собрались...

– Боевую?

– Может и боевую.

– Нас с шестой базы в бой бросить удобней будет... Значит – пограничный бой ждем...

– Может и пограничный...

– Ну а что здесь еще рядом, кроме северных границ, Сорг?

– Да вроде ничего и нет... Только мы можем и не знать, что есть что-то...

– Вот черт... А инструкции?..

– У нас тут инструкции при вылете дают – не раньше. Только не известно еще, кому какую операцию провести предстоит и кому какой инструктаж получить...

– Думаешь, в бой пойдут “тени”?

– Не знаю, Герф... Не знаю, пойдут они в бой или на охоту выйдут... Не знаю – они пойдут или пойдём мы... или мы с ними, или они с нами...

Мое сердце притихло, словно затаилось, как и мысли. Сорг сжал холодными руками раскаленную кружку и сосредоточил внимание на подернутой туманом бездонной черноте... Более подавленной общей атмосферы мне видеть еще не приходилось... Хотя мы, в общем, блестяще провели эту штурмовую операцию, тоска в жилах стынет... Правда, наши потери... и разброд этой ночью... Все это сказалось... Наверное, от этого воздух звенит напряжением все настойчивее и яснее... Погребение погибших проведут вечером...

А Анлаген... Город наш – его, в общем, нам сдали, но... Армии его продолжают обмен мертвых на живых, посылая нам эшелоны погибших, забирая пополнение теми же транспортами. Штольт зачистки проводит... Третью фазу штурмовой операции, точнее. А зачистки... Это привычное обозначение у нас с Владом теперь как-то в горле застрекает – как кусок, которым мы почти подавились... Здесь зачистки проводим не мы – бойцы службы безопасности...

Что-то от этого за грудиной заledenело – топлю это обморожение кофейным кипятком. Но пустое место, захваченное Соргом, бьет по глазам. Нор исчез... И никто не знает, вернут его еще или нет... А если посмотреть... Среди незнакомых, но примеченных мной еще при штурмовой операции, лиц таких пустот не счесть... Не одного его нет из тех, кого не забрал штурм... И утреннее построение их после этой ночи не вернуло...

Я еще оказываю, слабнущее с каждой секундой, сопротивление мысли о том, что дело серьезней, чем мы думаем, но уже понимаю, что скоро ждать кого-то будет поздно, – напрямик из подземелий на пост никому не взойти... А последний перед ним расчет будет через несколько минут. Окинул взглядом опустевшие ряды уже напоследок... Длинные столы, широкие стены и высокие потолки блекнут где-то поодаль под дымным мороком, тянущим руки к холодным вытяжкам... Под ярким светом он просто крадет поле видимости... Обзор отвратный, но мне показалось, что...

Сердце долбит по мозгам от этой черной кофейной отравы... Нет – это от того, что Стикк здесь. Точно – он. Берет тот же кофе и идет к столу, где уже расположились наши взводные командиры... Никогда еще не был ему рад до того, чтоб отпустить на волю глупую улыбку... Не пропал Стикк где-то глубоко под землей... Отпустили его... Обычно тихо это делают – к построению, будто и не брали никого... А теперь грубо и открыто бросают под последний обрывок времени... Но черт с ними – главное, ими отпущен мой старый командир... Только серьезен он после их разъяснений до неузнаваемости – никакой насмешки, никакой былой ядовитости нет. Это не ехидные усмешки – нервные судороги его лицо дергают... Видно, вообще не спал... И снова на нем стянутый под горлом китель, снова на его руках тугие перчатки... Совесть перед ним мучает, хоть и понимаю, что Стикк знал, что делал... У него это дело обычное... Просто неосмотрительно он тут поступил... Теперь, чуть что – под подозрением. Это еще ничего – хуже другое... Похожие поочередные погрешности не будут забыты. Пересеченное с другим временем покореженное прошлое не будет прощено. Проступок следует помнить, чтобы не поднимать его больше с глубины времени... Каждое следующее нарушение, которое стоит в одной шеренге с прошлыми, проходит строже – с учетом прошедших. А Стикку после сражений на крайнем севере разум никому не починить. После столкновений под жестким излучением и стольких смертей его ход мыслей не перестроить... Чтобы прекратить его походы по другую сторону положенных соображений, нужно что-то тяжелее примененных к нему кар...

Что Унхаю досталось, мы знаем, но никому не известно – что и от кого. Долгое отсутствие, следы “теней” – никто ничего подобного не заметил. А это значит, что “тени” его, можно считать, обошли. Должно быть, получил он только за наш ночной поход. И ему, скорей, больше по нервам, чем по рукам прошлись. Но Унхай настолько невозмутим и сдержан, что по нему что-то определить ни у кого еще толком не получилось.

Он, как и мы, пьет уже третью кружку этой густой горечи... Делать нечего – мощные химические ускорители нам колоть еще долго не будут. Но хоть этот и слабее других, ожидание под его разгоном просто невыносимо... А теперь нужно ждать... Ждать в замедленном им времени...

Только потом, после этого что-то будет – мы примем бой, хуже – заступим посты... До этого не будет ничего, кроме растянутых ускорением секунд...

Мы будем ждать и дальше – ждать “белых медведей” и их белых лучей... Следующий налет, следующий штурм... Происходит это очень быстро – хоть война и идет уже очень долго... Сколько бы наш Центральный мозг версий не просчитал – всегда есть неучтенные факторы. Мы всегда должны быть готовы – и днем, и ночью... Но до того, как что-то произойдет со скоростью нашего измененного времени, пройдет долгое трескучее морозом и ожиданием время замедлений...

Грею руки над паром... Этот составной аналог – заменитель, почти неотличимый от настоящей кофейной пыли. А настоящий порошок редок – его получить сложно. Наш покореженный еще старой войной мир упорно не принимает это растение. Оно сохранено, но растет только в искусственной среде, что жжет энергию системы... Наши офицеры-генетики, конечно, могут его приспособить, но с потерей качеств – в виде очередного чудовища. А нам и так чудовищ хватает.

Влад скрипит зубами с каждым глотком этой черноты, будто ему что-то убойное укололи... А это, пожалуй, лучший стимулятор – его пить не то, что по вене жгучую отраву запустить... Но Владу без разницы – он ненавидит все стимуляторы... У него на них реакции крайне сильные, проявляющиеся сразу. И не столь важно – убойные это химикаты или что-то среднее... Он все равно становится сверхчеловеком – просто на большее или меньшее время. А здесь... Здесь нам дают стимуляторы в больших дозах постоянно... И похоже, это для Влада не проходит бесследно... Похоже, его реакции усиливаются... Не нравится мне это...

Как сердце ни колотит, как ни ясно сознание, ни обострены реакции – мысли подозрительно напоминают сны. Я знаю, что если бы спал, то никаких сновидений не было бы, но... Хоть окружающее проходит регистрацию четко – параллельно как-то... Здесь холодно. Из чашки валит густой пар, от сигареты тонкой струйкой идет изломанный дым... Никак нельзя разобрать – пар или дым мы отпускаем дыханием... Сорг медленно поднимает голову – в скобе, до сих пор скрепляющей его бровь, уже блестит отсвет осветительной полосы...

– Герф, иди скоро. Пей и пойдём... Герф, ты что, вконец обдолбанный?

– Мне такие дозы не кололи ни разу еще... Такие, как сегодня... или вчера... Сорг, когда это было?

– Вчера. Ты должен четко считать дни и ночи, иначе с головой непорядок будет.

– Их здесь считать нелегко... Их здесь даже друг от друга отделить трудно...

– Ближе к полюсу еще трудней – здесь хоть как-то небо темнеет и светлеет каждый день... Только Хантэрхайм никогда не темнеет – он светит всегда... как и его укрепленные базы.

– Вечное сияние под небом или вечный полумрак подземелий, сбитый режим... Как ты здесь вообще ориентируешься, Сорг?

– Только по часам и числам – постоянно сверяю их. Свет и тьма – это ориентиры не столь важные, как...

– Как что?

– Как техника. Ледяные пустыни... Посреди них нет никаких ориентиров, Герф, – ни во времени, ни в пространстве... Посреди них без техники мы не ориентируемся никак – разве что по силе притяжения положение определить как-то можем... Но это получается сделать не всегда и только временно... Свет, мороз и тишина – мы слепнем, немеем и глохнем от этого... А потеря основных наших ориентиров мутит наш разум, – мы теряем все ощущения... Нет никаких сигналов, которым обычно отвечает наш разум – и он перестает отвечать... Потом он перестает и посылать сигнал... в эту пустоту, которой становится наше тело, уподобляясь этой мерзлой пустыне... Никогда не летай по ледяным пустыням на “стреле” под прямым управлением – ты разобьешь “стрелу”... Запомнить это ты должен твердо. Это наше первое правило из тех, что сохраняют нам жизнь.

– А есть еще?

– Нельзя стоять под открытым солнцем без защиты, как под светом городских башен. Башни жгут лучами только наши глаза, солнце – жжет нас... Здесь ему не под силу бороться с вечным морозом, но нас ему уничтожить не сложно. Достаточно минуты, и ты получишь ожог. Остерегайся не только падающих, но и отраженных лучей. И не меньше остерегайся стужи. Ты не заметишь, как

замерзнешь. Мороз – сильнейшая боль, но потом – сильнейшее обезболивание. Знай, стихнет боль – значит, у тебя почти не осталось времени. Следом идут озноб и онемение – и то, и другое лишит тебя способности действовать. И никогда не вдыхай этот холод без маски – он уничтожит легкие, и ты не сможешь больше дышать...

– Черт... Что не так, сгоришь или замерзнешь...

– Или и то, и другое произойдет одновременно... Лед и пламя почти не дают нам времени, Герф, – они убивают нас со скоростью вражьих лучей, но их “защитники” не столь жестоки к нам... Продирай глаза скорее... Пора тебе отойти от этой дряни – нам стимуляторы для подключения к скорости дают, а ты отключаешься...

Слова Сорга действительно ввелись мне в голову, как ничто другое... Я, в общем, знал об этом... Но теперь мне кажется, что не знал ничего вовсе... Это потому, что рассказал мне об этом Сорг, который послужил мне наглядным примером жестокости этой вечной пустынной стужи... Он уже давно устремил блеклый взгляд куда-то в пустоту за моей спиной, не сводя с нее глаз и сейчас, после окончания рассказа... Я обернулся, но не увидел ничего, кроме белой стены, от которой будто холодом повеяло... Сорг пропал в этой стене, как в той пустыне... Я всмотрелся ему в лицо, и он вроде перевел до сих пор устремленный вдаль взгляд ко мне... Сорг начинает меня пугать – почти, как эти мерзлые просторы... Мне ж с ним воевать плечом к плечу, а я даже не могу отличить – жив он еще или уже мертв...

– Думал, ты наотрез отрубил эту подчиненную тобой жизнь...

– Почти. Норвальд эту мою жизнь вчера на пару часов Айнеру отдал. Теперь ты понимаешь, что это значит...

– Да ничего еще...

– Тебе, может, и ничего, а мне сегодня бровь третий раз чинили.

– За что он?..

– А как всегда... Правило у него заведено – равнение уравнивать. Буен ты до безумности, спокоен ты до смерти – от него попадет... Это ты еще не под ударом. Но будешь...

– Ты знаешь о том, что?..

– Знаю, что тебе без его помощи времени не догнать. Отстанешь, будешь его тычки получать – чисто как ускорение. А Лесовского и похуже разносы не минуют.

Я вскинул взгляд на Влада – он полностью сосредоточен на пустой тарелке... на том, что где-то далеко за пустой тарелкой... Никаких сомнений, Сорг отрубил его линию...

– Сорг, это почему его не минуют?..

– Не сможет он, Герф, Айнеру параллельным быть – он думает больше положенного, и не от дури какой-то. Следи за ним – не дай его мысли разгул учинить.

– Сорг!.. Да мне и с моими не...

– Его мысли с твоими рядом не стоят, Герф.

– Но откуда тебе это известно?..

– Я долго “не живу” и многое знаю, хоть об этом знают не многие.

– Черт... Да что это значит?!

Сорг угрюмо промолчал... Но Влад поднял на него синие тревожные глаза... Я ж его от своей линии не отключил!..

– Стой, Сорг!.. Так ты, может, и про ошейник знаешь?..

Мрачный Сорг молчит, прессуя гнетущим взглядом пустоту... Над ним тенью истребителя реет предгрозовой ореол скорби, только тяжелеющей ясным днем... Одному убийце теней – мраку ночи или сиянию снежной пустыни, под силу рассеять эту скорбь... И этой ночью мрак будто приблизился к нему – он больше ничего не ждет, ни во что не верит... Сорг обречен. Его еще считают хорошим бойцом, но скоро боец этот будет погребен снегом... Стараюсь не думать, что должен буду сражаться с ним плечом к плечу, ожидая его гибели, вызванной, скорей, его разумом, чем вражеским оружием... Мне все страшней сражаться с ними рядом – с Соргом и Нором... Но Владу, видно, все равно, что рассудок этих солдат заметно тронут обморожением... Ему довольно и того, что они в курсе дел, и теперь он их в покое не оставит. Он сел ближе к Соргу и вперил взгляд в поверхность стола с не менее угрюмым видом...

– Сорг, ты знаешь больше остальных... И тебе, “мертвец”, сам черт не страшен, хоть бы он Скарсом был...

– Молчи, Влад.

– Ты должен мне сказать, что ты знаешь про ошейник и отчетные ошибки... Должен, Сорг... Ты “мертвец” – с тебя нечего взять ни Скару, ни...

– С меня нечего взять потому, что “покойник” ничего дать не может. Речи “мертвеца” никому не слышны только до тех пор, пока всем известно, что он – “мертв”.

– Я услышу... И буду молчать как покойник...

– Молчать могут только покойники.

– Скоро все мы ими станем...

– Об этом не тебе знать нужно, Влад. А Герф – он не поймет...

– От чего это происходит?

– От сосредоточенности высокой, но односторонней. Стоит забыть про ошейник, когда думаешь о чем-то важном, отчетная запись пойдет, не отставая от записи мыслей в память. Стоит забыть, что есть личная память, память будет общей.

Меня резко отрубили от дублированной линии. И похоже, что мне этот ментальный канал больше никто не откроет. Ладно, могу и подождать. Потом узнаю, кто кому допрос устроил...

Сорг поджал тонкие губы со скрепками и, видимо, пожалел об этом... Еще раз на меня глянул, встал и ушел к раздаче...

– И что тебе “мертвец” поведал?..

– По его словам, обычно посредством электроники память разгружают офицеры или те бойцы, которые живут долго.

– У меня таких проблем пока нет.

– Точно. Тебе надо скорей с этим разбираться, а то и не будет.

– А что про то, как стереть?..

– Ничего. Сказал, чтобы ты ошейник не трогал, что опасно тебе это. И еще, чтобы ты помнил о нем все время... и кофе пил крепче, чтобы не забыть...

– Черт...

– Герф, а ты уверен, что стереть что-то вообще возможно?

– Айнер уверен.

– Почему об этом никто не знает? Верно, только офицеры из высших категорий могут...

– Нет, Влад... Просто нам это труднее...

Чьи-то тяжелые руки легли нам на плечи...

– Чую сговор тайный!.. И до вас наконец дошло, что происходит!.. Только время вы не подходящее выбрали!.. Скар нам тут не от большой головы, не от бессонницы черных столбов понаставил! Но это еще ничего!.. Хорошо это!.. До него тоже дошло, что происходит и что произойдет!

– Нор!..

Нор... Он отпущен “защитником”, уходящим через посты “теней”, и стоит у нас за спиной с его обычным хищным блеском в помутненных глазах... У меня сердце так и колотит – долбит пульсом височную вену... И Влад, бледный, как чистый снег, отражен этим пристальным когтистым взглядом...

– Придержите реакцию!.. Растратите пульс не на то, на что надо! Спокойно, нечего черные столбы переставлять!..

Мой пульс подскочил еще выше...

– Молчи, Нор! Я бы обрубил твою линию связи к черту, только по приказу мне прав не дано! Но одно еще такое слово, и я твой канал перекрою! Или не трогай моего канала такими мыслями, или вообще молчание соблюдай!

Нор сел рядом, положил сжатые в кулаки руки на стол... Хоть бы он перчатки, как Стикк, одел, но нет... Нор похож на подбитого зверя, который не желает выпускать добычу (который так и подохнет, сжимая челюсти)...

– Ты что, Герф, на скрытую передовую рванул?..

Я чуть не вскочил, чуть не окатил нас всех кипящей кофейной чернотой, но Влад перехватил опрокинутую кружку и резко одернул меня...

– Тише!.. Оба молчите! Хватит Унхаю нервы трепать! Скоро не он нам спины взглядом прожигать будет! А ты, Нор!.. Что бы ты ни думал, помни, что наши планы с твоими в сравнение не идут!..

Нор усмехнулся – криво и болезненно – почти оскалился...

– Ясно с вами. Шли по командирскому маршруту, но свернули по другой разметке – сошли к болоту, которого на картах нет, и теперь не знаете, где находитесь...

– Нор, просто держись от нас подальше. И не надо нам дороги указывать.

– Неверного пути боитесь... Так вы как раз с него и сошли. Только на бездорожье... Но это поправимо.

– Нор, нам один путь верен. И мы от него не далеко отошли.

Нор сверкнул глазами, но этот мутный огонь быстро прояснился серьезной осмысленностью.

– Я не зову. Идите, как знаете... Следуйте за “белым генералом”, не зная, что он стал – машиной. Я пойду за “драконом”, зная, что он – дракон. Мы с вами идем разными дорогами с равным упорством к одной цели – к концу войны. Нам с вами надо прямо перед глазами тупик увидеть, чтоб убедиться, что он стоит, обрубая дорогу, – и мы дойдем до конца. Это наши выборы. Ввести войска в Ивартэн через одиннадцатое измерение или стереть Ивартэн... Никто не знает точно, какой путь окончен тупиком, – окончен тупиком только один путь или им окончены обе дороги. Мы решаем, выбираем и рискуем. И я на ваш выбор не посягаю, пока вы не посягаете на мой. Только вы до цели не дойдете, продолжая поход по такому корявому курсу...

– По корявому курсу, Нор?..

– Плохую тактику вы избрали. “Тени” смотрят далеко, но видят и то, что прямо перед ними. Их наглость не смущает.

– Хватит, Нор. Нам, что бы мы ни сделали, не отвести их глаз от тебя.

– Я честный боец.

– Честным боец отчасти быть не может, Нор.

– Черт с тобой... Прощу. И ты, и Герф – вы оба честны, только творите черт знает что. Прямо, как я. Просто мы отстаем от времени. Но мы еще можем догнать его, и держать курс по нему... Только я скоро буду разрушен им... А у вас еще есть силы продолжить бой – вы еще способны что-то сделать... снести этот тупик...

– Снести Ивартэн не значит – снести тупик.

– Верно, Влад, его уничтожение не уничтожит войну, но позволит сделать это нам.

– Нет, здесь тупик стоит дальше, чем конец войны... Уничтожив Ивартэн, мы уничтожим почти все, что у нас еще осталось...

– Этим тупиком перекрыты обе дороги... Каким бы путем мы не пошли – мы уничтожим почти все, что еще осталось... После войны, как бы мы с ней ни покончили, нас не ждут безоблачные просторы покоя... Мы скоро перейдем к искусственному поддержанию существования. Просто при запуске перехода это произойдет чуть позже... Здесь ожидание может дать нам отсрочку, но только – отсрочку...

– Открыть переход по точному расчету, пройти по нему в штаб Ивартэна и пресечь войну одним кодом, вбитым через *их* Центр всей *их* технике, – этот путь еще может быть проходимым... Он не изувечит планеты... и у нас еще что-то будет...

– Мы все равно погубим эту планету, Влад... Мы слишком сильно подорвали Землю этой войной... и не только войной.

– Может быть ты и прав... Но ты про то, что будет после победы... А я про то, что – после поражения.

– Поражение... Здесь “после” не будет.

– Будет, Нор.

– У тебя с головой не порядок.

– Тебе по этому вопросу доверия нет.

– Дурак дурака видит издалика...

– Значит, ты поймешь, о чем я...

– Что ты задумал?

– Что задумал?.. То, что не избавит нас от войны, но поможет нам преодолеть последующие разрушения... То, что сохранит нам жизнь, но только при сохранении нами хоть каких-то обрывков жизни...

– Для этого нужен третий путь окончания этой войны... Но его нет и не может быть...

– Третий путь не нужен... Достаточно не бить по Ивартэну мощным оружием... Такой вариант поражения будет для нас не худшим исходом войны... Он даст нам столько, сколько не даст теперь ничто другое... Мы не получим столько времени, получив победу... Обрушенной системе будет не поглотить остаток нашего времени после войны...

– Никто и ничто не уцелеет под тяжестью ледников Ивартэна... Ты видел, что происходит здесь... Никто и ничто не укроется от “защитников”, “хранителей” и “разрушителей” Ивартэна... Никто и ничто не скроется от его искателей и истребителей...

Влад кивнул головой и еще мрачнее и увереннее упер взгляд в сжатые кулаки Нора...

– Ты прав... От *них* не скрыться, когда *они* ищут скрытых...

– Нужен третий путь... которого нет.

– Третий путь... Им должен быть положен конец и войне, и системе... но не всему остальному. Он должен привести к разрушению... но пресеченному. Такого пути еще нет, но он еще может быть открыт...

– Ты решил открыть его?

Влад резко поднял глаза, вздернув Нора тревожным взглядом...

– Я не смогу. Я не знаю, кто способен проложить такой путь... Но путь есть, и кто-то его проложит...

– Выходит подобие победы через поражение... Есть смысл, но вероятность такой победы очень низкая...

– Зато вероятность сохранения жизни при таком исходе выше, чем при других...

– Что ты решил делать?

– Я скажу, позже. И ты должен будешь...

– Сделаешь это только в обмен?

– Нет. Просто скажу, и ты просто сделаешь то, что будет нужно... как Сорг и Хорн.

– Они знают?

– Еще нет.

– Но согласились?..

– Еще нет, Нор. Но они согласятся – все согласятся...

Нор вперил взгляд Владу в лицо, но в глазах его до сих пор нет обычного для него хищного блеска – это пронизательный взгляд человека, а не зверя...

– От тебя нужно ждать великих дел, Влад... И, может быть, более великих, чем от Герфа...

– Откуда ты знаешь?..

– Привыкли мы здесь знать... Ты что-то посерьезней нас всех замыслил... И, похоже, пострашнее... Ведь этого не видно всевидящим пустым глазницам “теней”... А не видно им только то, что – обычно... Но то, что задумал ты, не схоже ни с чем, о чем мы знаем, – значит, обычным это только кажется...

– Хватит об этом. Ничего не выйдет, если мы с Герфом сейчас ориентацию не наладим...

– Это не так сложно. Не хочешь еще одну тень получить – держи мысли при себе... или путай их, как скингер следы. По прямой опасно ходить. Однозначность по глазам бьет. А если мутный след, его и опытный охотник упустит, – главное, наследить и поблизости, и поодаль, еще и по сильно пересеченной местности ложный след проложить.

– Нор, здесь отводной путь хуже, чем прямой...

– Охотник на след злей выйдет, но искать его он точно будет дольше.

Мы с Владом опустили головы, как по команде, – омуты моих отчетов затягивают нас все глубже... Скоро нам из них вообще не выбраться будет... Уже засветились данные на браслетах, поднялись сержанты... и мы вслед за ними.

– А что ты задумал, Влад?
 – Потом, Герф... С ошейником разберись и... Нет, и без этого можно, но потом. Теперь заступаем.

Запись №18 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 09:30

Длинный тоннель должен был быть перекрыт воротами на короткие отсеки, но ворота не активны и разомкнуты – у каждой раздвинутых створ выставлен пост DIS... Тоннель оборван перекрытой шахтой, из которой исходят столбы спектрального света... Разводные мосты разложены частично, и перекрестные тоннели не соединены. Что это за объект, нам с Лесовским не известно. Но ясно, что его центр сведен к шахте. Где-то здесь должен быть управляющий объектом мозг... Но центр управления тут не предусмотрен, и не понятно, где установлен компьютер. Сейчас он явно не работает, и за открытыми воротами мы видим серые силуэты наших штурмовиков, подходящих с другой стороны, как наше отражение, перекрытое ярким световым потоком. Пост нам сдают “защитники”... Принимаем его. Офицеры службы безопасности покидают посты вслед за техникой. Под излучением, исходящим от шахты и проходящим сквозь глухое перекрытие, остались только мы и штурмовики DIS... Начинают мерцать мониторы – значит мозг скоро подключат к объекту...

Стоим у оборванных мостов, на краю этой бездонной шахты... Что-то еле слышно гудит за пределами низкой частотой... потрескивают проекции пустых мониторов – и тихо... Нор встал на мосту – на конце этой обрубленной просвеченной полосы, нависшей над сияющей пропастью... верней – над пропастью сияния, которое проходит преграды перекрытий. Он стоит лицом к иглам лучей – под их непрерывным расхождением по спектру и распадом до невидимости... Унхай лучи бьют в спину – он смотрит на череду постов “теней”, расставленных по ходу тоннеля. Они пунктирной разметкой на фоне светлых стен пропадают в сумраке дальше от шахты...

Неподвижность тянет время... Руки примерзли к готовому к бою оружию... Глаза засвечены, их раздирает сухой болью... Уровень радиации стабилен и высок... Это ничего еще... но среди привычных полей есть и еще какое-то мощное излучение – его показатели пробегают по браслету частыми подъемами и спадами... Не знаю, что это – перебои защиты или просто реакции мощные происходят... Смотрю в одну точку и стараюсь не дать сосредоточенности упасть в эту шахту... на эти резкие слепящие лучи... Но они приковывают внимание всех нас...

Туго соображаю, где мы и зачем... Не понимаю, зачем здесь вообще посты нужны – здесь ничего и никого нет... Где-то за спиной подключенный объект тяжело и глухо сводит створы врат, сокращая, обрубая тоннель... Скар отзывает “теней” – они покидают объект, как только он замыкает их участок... Последний отсек перекрыт у нас за спиной... Объект перегородил шахту вертикальными перекрытиями, опущенными почти у границ, зависших над шахтой, мостов. Он рубит и эти переходы – просто сдвигает их к тоннелю... Перестройку он провел так быстро и точно, что и изменений мы толком не увидели. Лучи, как и прежде, уходят вверх от перекрытой шахты, мосты так и пропадают за этим сиянием, только мы остались одни... с нашими отражениями в обшивке сомкнутых плит. Но нас не отзывают...

Нас до сих пор не отзывают... Это начинает меня беспокоить не так смутно, как прежде. Объект полностью подключен, но ничего не изменилось. Унхай только переставил нас. Нор отвернулся от шахты, прищурив ослепленные глаза... Мы сошли с грани этой бездны и встали у стен... Один Унхай остался смотреть в отражение закрытой перед ним двери... Мы перебросили излучатели через плечо... Похоже, простоим здесь еще пару часов, пока нас не сменят или пост не снимут...

Пост не снимают... Но что-то изменилось на графиках. Командные посты переведены к секторным воротам и переложены на технику. “Защитники” действительно застыли у врат – их ровный фоновый сигнал доходит с трудом, но по нему мы их “видим”. На активных мониторах

никакого движения – объект пуст и погружен в тишину. Нор сверкнул Хорну прищуренным глазом, и тот кивнул... Сорг равнодушно пожал плечами...

– Унхай, похоже, сверху приказ пришел...

Сержант к нам не повернулся – только голову слегка наклонил. По браслету пробежал его приказной огонек с подтверждающей меткой – посты переменили. Наш – переведен с первых ступеней боевой готовности к последним. Сорг скинул излучатель и сполз по стене на пол – он запрокинул голову и, кажется, заснул. Влад, не задумываясь, последовал его примеру. Только не отключил нервы тихо, как Сорг, он достал эту чертову трубку, бережно хранимую им за голенищем сапога вместо клинка... Но пока эта штука молчит под его, намечающей движение, рукой. Хорн встал на колено на краю шахты и всматривается в этот чудовищный изменчивый свет. Нор еще стоит на самом краю моста, сложив руки на поясной портуpee, – шрамы карателей напоказ выставляет. И Унхай по-прежнему недвижим. Мне стоять порядком наскучило – от этого колени немеют и кружится голова – пора кровь гонять... Подумал и подошел к Хорну...

– Хорн, это что значит?

– Просто ждем и на мониторы смотрим.

– Нас здесь забыли или заперли?

– Да это контрольный пост, Герф. Мы здесь проторчим, пока все проверять и перепроверять будут.

– А что это за объект такой, которому столько чести?

– Черт его знает. Здесь таких полно. Не то, чтобы секретный, но особо защищенный. Этих перекрытий и “белым медведям” не разбить...

– Значит, за ними что-то опасное... но и ненужное, если не секретное.

– Ну, Герф, логично и железно.

– И враг по объекту не бил – просто энергосистему вырубил – выходит запрещено это *ему* программой, учтено нами еще давно...

Мое обращение было по общей линии, и все мы одновременно перевели взгляд на шахту, из невероятной глубины которой поднимается вычерчивающий кардиограмму свет. То на спектр разложится тонкими лучами, то монолитом к мосту подступит, то столбом вверх поднимется. И что это такое?..

Лесовский тоже подошел ближе к краю...

– Излучение снизилось. Защитное поле действовать начало... мощное поле... Этот объект и правда предохранен от всего и всех... Но и он будет разрушен...

– *Они* этого не сделают. А не сделают *они* – значит и никто другой... значит – вообще никто.

– В общем, ты прав... Но это все равно будет сделано...

– Глубокомысленно...

– Герф, но есть же общий принцип работы... Обороняем мы объект или штурмуем – мы воюем с врагом и обязательно разрушим этот объект. То, что служит нам защитой, обязательно будет обращено оружием против нас, и то, что служит нам оружием, – станет защитой от нас.

– Сможет стать.

– Станет – просто со временем. А что это время определит?.. Думаю, и определить его что-то может...

– “Защитники” могут.

– Нет, не только... Мы к этому тоже как-то способны...

– Что-то ты далеко ушел, Влад...

– Еще дальше, чем ты думаешь. Я уверен, то, чего еще нет среди реальных полей, – уже есть где-то среди виртуальных. Есть где-то схемы всего, чего еще нет здесь, и для всего есть схемы нейтрализующих дополнений. И все может менять формы и форматы, являясь и исчезая то на одном, то на другом поле под нашим или чужим влиянием... Эти схемы нужно только найти. А чтобы найти, надо только знать, что ищешь. Тогда мы узнаем, что разрушит стоящую еще защиту, и закроемся другим щитом – тогда мы не останемся беззащитными...

– Только то, что среди этих переменных полей, далеко от области наших познаний...

– Герф, вообще такую отдаленность регулируем мы.

– Нет, не думаю...

– Напрасно, думать бывает полезно... Иначе не дойдет, что эти нейтрализующие факторы, как ток, идущий по времени. И ток этот может быть пущен нами, и мы нередко пускаем его. Каждый посланный импульс проходит путь по времени и дает ответ. И мы можем менять частоту передачи и скорость этих посылов, но только меняя при этом частоту и скорость – ответов.

– Я что-то такое уже слышал... Про время, про то, что мы замедлили наше время для всего иного, и для нас время всего иного получило ускорение... И теперь мы угодили в это ускорение...

– Все верно. Наши окрики приходят к пункту назначения скорее, чем отзывы... Это что-то вроде программы, схожей с нейросистемой... И у нас выходит подобие нервной системы, частично отключенной от центрального узла... Это космос... Считай – это разум, считай – мы не получаем ответы от него... не получаем вовремя. И губим его, губя себя с одной общей прогрессирующей скоростью.

– Мы перешли к такой скорости действий, что до нас просто не успели дойти сигналы торможения...

– И они доходят до нас сейчас, и это – запредельное торможение, которое нас уничтожит.

– Нам нужен еще больший разгон... и мы обернем время вспять...

– Разгонимся – обернем время и вернемся, вернув и все иное... Но вряд ли это под силу огромной системе... Это сделает кто-то один. И кем бы он ни был – мы подадим ему руку помощи. Мы поможем ему верным действием побороть силы сокрушительного противодействия нашим деяниям...

– Черт... Влад, сейчас что, все кому не лень над этим голову ломают?

– Сейчас самое время над этим мозгами пораскинуть – про лень вспоминать уже поздно.

– Точно... Эпоха “бредовых технологий” доказала, что очередной крах без применения силы воли неминуем. И сейчас, кстати, нам недалеко до чего-то подобного... до края.

Я смерил взглядом оборванную плиту, чтобы заглянуть за край и всмотреться в это беспрерывное сияние... Влад проследил мой взгляд.

– Мы уже на краю, Герф. Мы не способны подчинить время полностью – оно подвластно только тем, кому открыто, как подвластны им бесчисленные армии, построенные из нас. Но его призвали служить одним только путем, по которому командиры эти армии ведут. А оно шире, чем простой маршрут наших войск. Это оно ведет нас, пусть как и тщательно выбранный командиром путь. Его подчинили одной цели – значит подчинены только его части.

– Влад, ты кончай с этим! Мне это уже поперек глотки стоит!..

– Сейчас нет ничего важнее этого – поэтому и стоит у всех поперек глотки... Ты по сторонам смотри. Все вооруженные силы AVRГ посланы к границам по всем четырем сторонам системы. Наши армии, как наши посты, которые стоят у этой проклятой шахты без понятия, что происходит сейчас и что произойдет через считанные секунды. И не только командиры причастны к этому. Хантэрхайм ослепил северные армии до того, что ему пришлось поднимать полки “теней”. И перемещают “теней” стремительно, как нас, как нашу технику. Если один пост дан трем силам – ко всем им объявлено немое недоверие.

– Влад, умолкни. Отруби линию... Хоть Нору обрубь...

– Герф, перестань по ерунде голову ломать.

– Это ты голову ломаешь черт знает чем и черт знает кому...

– Герф, Снегову пришлось ограничить его “белые армии” армейскими штурмовиками и бойцами службы безопасности...

– “Защитники”... Да что мы знаем про них?! Про технические боевые единицы первого порядка?!

– Ты что-то знаешь... Ты еще при штурме с ними спорить начал... Под лучи бросился – не ясно только, для чего. Решил Айнеру не дать нас сжечь или его шкуру спасти – один черт. Ты знал, что он схему действий применил с их немого согласия. А их молчание следует одному только точному расчету. Просто, ты был уверен, что их решения опасны для нас, как решения Айнера. И ты счел, что опасны они не только для нас, но и для него – для офицера-S9. Ты был уверен, что ни ты, ни командир-S9 – никто не знает, о чем они думают.

Сорг поднялся и застыл на месте... Замер и Нор... Хорн погасил улыбку... А Унхай обернулся к нам через плечо... Только Лесовский ничего не замечает – пристально смотрит в пропасть и не видит моего оцепенения...

– Я просто не понял, что произошло.

– Нет, Герф, ты знал... Ты не учел только, что Айнер знает о них и их мыслях почти все, как все высшие офицеры... Но ты учел, что полностью их мысли не открыты ни одному офицеру, вернее – открыты одному, подобному им... Я тоже думал об этом.

– Но я об этом даже не помышлял.

– Снегов знает их мысли – значит, он способен держать их под контролем. И теперь он контролирует их жестче. И делает это не без убедительных причин. А что могут сделать защитники? Перестать защищать. Они взяты под контроль нами – значит, что-то приблизило их к завершению задачи, к окончанию службы. Нет, они не сотрут системы до того, как будет окончен бой, при котором падет Хантэрхайм. Здесь нет нужды брать их под контроль. Но как только эти машины поймут, что системе конец... поймут, что никто из них больше не будет нужен никому из нас...

– Влад, ты что делаешь?..

Лесовский устремил на меня, вобравшие это, неизвестно отчего исходящее, сияние, синие глаза...

– Снегов никому не позволит стереть Ивартэн... Но он уверен, что опасно и ждать... Он будет ждать, но не будет ждать долго... Он не ведет войну со временем – только дает ему бой. Он сдерживает что-то, что обладает огромной разрушительной силой, – этим он еще подчиняет “защитников”. Но он отпустит эти сдержанные им силы, если по его расчету не будет нужды держать их дольше. Он пустит ток по этой обесточенной им линии времени, если не будет другого пути, другой энергии. И он знает, что эту цепь скоро замкнет.

– Ты хоть понимаешь, что это значит?..

– Это расчетный предел нашего будущего, Герф... И ведом он одному Снегову... один он вершит его... И решение вынести должен будет он.

– Он уже решил...

– Думаю решил, но мы не знаем что.

– Открыть переход, ведущий прямо в штаб Ивартэна.

– К сроку, Герф... Переход должен быть открыт к определенному сроку. Иначе ничего не изменить и ему – командиру наших великих войск. Но он знает, что если он продержит остатки этого последнего времени системы до конечной, до крайней черты, – не будет ничего. Мы не потерпим поражения в войне, но нам не победить и с победой над врагом... Мы пустим под откос то, что не уничтожит враг, – обрушим остатки того, что исчезнет необратимо. Он знает, что будущее нашей системы, что бы он ни предпринял, – только короткий отрезок времени, переход для которого он не откроет с риском разрушить не одну нашу систему, но и бесконечное время, и беспредельное пространство. И он знает, что каждый день и каждая ночь войны сокращает этот и без того короткий отрезок времени, терзая его с растущей скоростью и силой. Мы жжем все больше энергии и сжигаем все большие территории, сражаясь за время, которое мы сжигаем со всем остальным... И наш предводитель стоит перед почти закрытыми воротами будущего, смотря через них глазами машины. И стремление к цели его – только программный код, через который идут чередой расчеты. И он просто стирает этот код по частям, отсекая одни пути к будущему, расчетом, как клинком, и, сокращая нужду в риске при прохождении других путей.

– Влад, ты что вообще?..

– Системе конец, что бы мы ни делали – и скоро. Скоро он решит, что не следует обрывать войну с применением предельных сил, что обессиленным нам дальше одной военной победы не уйти по этим выжженным и замерзшим пустыням.

– Он не сделает этого...

– Он уже делает это. Он уже пошел по этому пути и продолжит идти по нему. Он уже не человек. Когда мы думаем, что останутся одни руины, – он думает, что остались одни руины. И он

не ошибается. Но он не думает, что будут руины, среди которых будет что-то еще, – об этом думать должны мы. Он не стремится ни уничтожить, ни сохранить. Сохранить должны мы...

– Влад, это бред...

– Нет, это наше спасение. Только наше поражение в войне не станет нашим полным поражением в скором времени. Перед нами время будет простираться широким полем... Но подойти к нему мы должны по узкой тропе.

– Влад, мы сделаем последний шаг к победе – и победим. Мы займем Ивартэн и подыдем к небу наши крепости, разрушенные войной.

Влад будто и не замечает ничего вокруг – он продолжает неотрывно всматриваться в этот чудовищный свет, вбирая его горящими глазами...

– Нашим крепостям не миновать разрушений. Что бы ни было, никому не повернуть время системы вспять – никому не хватит времени. Никому – ни Снегову, ни Ульвэру, чья бы власть ни была, времени не хватит. Они только придержат его, но не остановят, не обернут его вспять. Системе конец. Но не нам. Мы не подыдем наши крепости из руин, но подыдемся над их руинами... И сделаем это мы – все вместе, общими силами. И начнем мы здесь и сейчас...

Нор пошатнулся и сошел с оборванного моста к нам на плиту, с трудом гася хищный оскал ухмылки...

– Я вижу, ты точно знаешь, что делать. По крайней мере, ты убежден в том, что знаешь. И способен убедить остальных. Дай объяснение и бери мое согласие...

Сорг смерил нас мертвым взглядом, остановив его на друге... Без колебаний он встал перед Владом, отгораживая его от сияния, и сложил на груди руки, ограждаясь от него...

– Ты еще опасней, чем я думал, Влад... Но я не могу не согласиться с тобой. До тех пор, пока я смогу рассчитывать на твой разум, ты сможешь рассчитывать на меня.

Хорн обреченно мотнул головой, сдаваясь этому общему помрачению, и, шагнув к краю шахты, стукнул Влада по плечу...

– Еще не знаю, что ты планируешь делать, но ситуацию ты оцениваешь верно, как никто другой. Ты поднимешь “мертвецов” и созовешь “зверей”... Возьми в отряд и простых людей... Нас пытаются объединить силой, но разъединены мы отчаяньем... Ты дашь нам надежду – мы вернем долг воротившейся силой и волей, мощнейшим нашим оружием.

Влад опалил нас синим огнем – его упрямый взгляд ненормально ярк... Кажется, глаза его светятся... Не просто светятся – лучатся... не отражая сияние этой проклятой шахты – испуская его... Нет, с ним что-то не то... И остальные... Да они будто прикованы к месту этим синим огнем...

– Да вы что делаете?! Влад, что это значит?!

– Герф, дай мне слово... и дело.

– Нет, Влад! Я не знаю, что ты делать собрался!

– Ты еще не понял?

– Я понял, что ты в виду имеешь, но не знаю, что ты делать намерен.

– Скар увидит все, не увидев ничего. Остальное не имеет значения.

– Еще как имеет! Влад, бред не бывает безвредным! Бред – крайняя убежденность! И это опасно! Хоть тем, что убеждает! А Хантэрхайм – место, где бред распространение получит, как вирусная инфекция!

Я один еще взываю... не знаю, к чему здесь уже взывать... Даже мертвое лицо Сорга тронуло какой-то тленной усмешкой...

– До тебя еще не дошло, что происходит... Нам уже не нужны вопросы, Герф. Что бы Влад ни решил сделать – это будет не оружием, а страховкой.

– Черт! Сорг! То, что является страховкой в случае, когда ты с обрыва сорвался, может быть оружием, когда ты над обрывом стоишь!

– Мы уже сорвались, Герф.

– Это мозги у нас сорвались, а не мы! Если мы и сорвемся – только вслед за нашими сорванными головами!

– Мы сорвались – не важно отчего, это – факт. И осталось нам только постараться укрепить страховку до столкновения с дном этой бездны.

– Сорг! Здесь и без нас хватает раздору!

– “Полк без командира” и мятежные армии генерала Луна не получают от нас пополнения. И “тени” Скара не получают нас как наживу.

Влад положил руку мне на плечо – руку, сжимающую эту ужасную вечно холодную железку с уже проявленным драконом, держащую эту штуку такой же мертвой хваткой, как мой друг... Влад устремил мне в глаза синий огонь, скрывший его глаза... Я уже видел что-то похожее среди силовых полей меж перекрытий базы...

– Я рассчитываю на тебя, Герф...

– Я на тебя тоже! Ты посмотри, что с тобой! Что с тобой, Влад?!

Унхай, до сих под стоящий поодаль и спиной, обратил к нам побледневшее лицо и подошел ближе... Он всмотрелся Владу в глаза...

– Не смотри. Глаза уязвимы и пропускают эти лучи без препятствий. А это излучение уничтожает наш разум быстрее химических ускорителей.

– Это не бред, Унхай.

– Бред будет позже. Отойди от шахты. И ты, Герф. Те, кого создал Штрауб, не должны долго быть под лучами пустынь.

– Что это значит?

– У всех нас разные пороги устойчивости к разным агрессивным факторам. Мне не так страшно солнце, как Соргу или Нору, которых создал Хантэрхайм, но сияние севера губит меня, как солнечный свет – их. Мы все получаем разные ожоги... А ты, Влад... Ты все время смотришь на этот чужой для тебя свет.

– Но со мной все в порядке...

– Ты только так думаешь.

– Я никогда прежде не мыслил так ясно.

– Это значит, что излучение наносит ущерб нейросистеме. Это сопротивление – схватка не на жизнь, а на смерть... Яды стимулируют иммунную систему, когда эти лучи...

– Но тогда яды становятся лекарством, Унхай...

– Они все равно остаются ядами и убивают в большей дозе. Не смотри больше на “чужой” свет.

Лесовский задумался... И я тоже... Вспомнилось как-то, что все его безумные идеи приходили к нему посреди какого-то чуждого излучения – что-то подобное было и в Небесном городе “золотых драконов”... Он всегда упорно всматривается во что-то невидимое, мучая мозги... и получает высокие дозы чего-то, что разгоняет его разум...

– Унхай, где создан Фридрих Айнер?

– Я не знаю, Влад. Это не имеет значения. Он – S9.

– Но он другой... он мыслит не так, как офицеры его ранга.

– Он просто дефектный.

– По стандарту S9. Но, Унхай, Ульвэр тоже такой... А ему должна принадлежать власть над нашим будущим...

– Ульвэр будет великим правителем.

– Но если об этом не знать, он просто командир, поступающий так, как вздумалось ему, а не всем остальным.

Унхай, подумав, кивнул головой...

– Выходит, Унхай, Айнер может быть командиром, неоцененным сейчас, но бесценным в будущем...

– Цены не имеет только то, что никто не ценит...

– А что если никто не может оценить сейчас и не сможет после?

– Значит, оценить некому или нечего...

– Некому? Может быть и так... Его способности не должны пропасть. Он сделает что-то...

– Это помутнение, которое кажется тебе прояснением, Влад. Это только жесткое излучение, которое повреждает разум и заставляет его посылать беспорядочные бесчисленные сигналы хаосу перестроенной ожогом нейросети. Закрой глаза затемнителем и молчи, Влад.

– Но я говорю правду, Унхай.

– Ты говоришь то, что думаешь.

– Но это правда... Ты знаешь, что офицер-S9 с особым, еще и разогнанным, разумом способен совершить...

– Все верно, Влад, этот командир, находящийся постоянно под жесткими стимуляторами, как все мы, способен совершить то, что не сделает никто иной, – как все мы здесь. Но не путай помутнений с прояснениями и помни, что опасно и то, и другое. Будь осторожней, ты ступаешь на грань...

– Ты сможешь мне пройти, я знаю, Унхай.

– Мешать тебе я не стану.

– У тебя другие знания, Унхай, ты должен не только не мешать...

Влад направил сержанту в глаза синий огонь, который бесследно исчез, поглощенный чернотой глаз “дракона”, которые вбирают без отдачи все, как черные дыры...

– Не делай этого, Влад. Иначе мне придется противостоять тебе. Огонь убеждения будет замечен и Скарром, и его “теньями”. Не применяй этих методов внушения.

– Унхай, я и не думал...

– Ты сделал это. Будь осторожнее с этой силой... Особенно, пока не научишься подчинять ее.

– С этой силой?

– Значит, ты не умеешь и выявлять ее...

– Я не понимаю тебя...

– Ты способен подавлять и подчинять чужой разум – и делать это быстрее других. Скар не оставит такой способности без внимания.

– Это не внушение, Унхай! Я просто думаю и поступаю, как считаю нужным...

– И остальные поступают, как ты считаешь нужным.

– Нет... Герф... Он почти никогда не...

– Поэтому со временем он станет лучшим нашим бойцом и разведчиком.

Мы с Владом оба замерли, затаив дыхание... Мне и в голову не приходило, что он... А теперь мне в голову пришло, что проблемы у нас будут похожие – по тупой причине, но с серьезными последствиями. Мне стало не по себе, еще когда Хорн нашу команду определил – “мертвец”, “зверь” и “человек”... Теперь я понял, что нам, только что пришедшим в этот ад, в команде отведено особое место... На ум идет только одно определение наших позиций – переменное лидерство... Что это такое и как с этим поступить, понятия не имею... От этого становится по-настоящему жутко... Я знаю, что делаю, но не понимаю, что происходит... А Влад – он знает, что происходит, но не понимает, что делает... А главное – нам ничто не дает времени, выбора... Будто что-то переставляет нас против нашей воли, и мы так безучастны к этой перестановке, что не способны ничего сделать с вызванной ей перестройкой всего остального... Что-то – вернее, когтистый холодок за грудиной, подсказывает мне, что Влад пойдет дальше... и остальные пойдут за ним дальше... неизвестно только куда. Я, конечно, пойду за ним и в эту чертову бездну, в которую он ринулся очертя голову в который уже раз... и в который раз постараюсь его вытащить – вместе со всеми остальными, рванувшими за ним. Только мне поторопиться надо, не то рванувших за ним сорвиголов станет больше... Ведь на дне этой чертовой бездны нас будет дожидаться Скар и его “тени” – его каратели и ликвидаторы...

Унхай снял перчатку и протянул руку к пачке сигарет, судорожно сжатой у меня в руке... Но я так решительно сжал кулаки, что выбить у меня сигареты теперь так же сложно, как оружие... Пытаюсь разжать окостенелую от решимости и холода руку, но не выходит... Влад решил мне помочь пристальным синим пламенем, брошенным мне в глаза... Я так дернулся под его кошмарным взглядом, что сигареты упали к ногам Унхая... вместе с этой проклятой железкой, которую уронил Влад... Мы одновременно собрались поднять трубку, но Унхай пресек наше движение... Он припал на колени перед схваченной драконом трубкой... Долго смотрел и, бережно

взяв, поднял... Влад в ужасе замер... А Унхай, сжав тонкий рот в едва заметную черту, перевел на него твердый испытующий взгляд...

- Откуда ты взял это?
- С одного из разгромленных объектов Син.
- У врат был дракон?
- Так точно, сержант.
- Ты взял это без доступа?
- Так точно. Хранилище было разомкнуто.
- Он очищен?
- Разъясните, сержант.
- Носитель очищен?
- Носитель?..
- Это древний носитель информации. Он очищен?

Влад побледнел пуще прежнего...

- Мне об этом неизвестно.
- Он проверен?
- Так точно.
- Кем? Когда?
- Взводным командиром...
- Ясно.

Унхай сжал трубку крепче, заметив, как порывисто Влад вскинул руку...

- Верните мне это... Это только инструмент...
- Зачем он тебе?
- Он звучит.
- Нет.
- Он звучит.
- Нет. Не лги.

Унхай слишком суров, чтобы ему прекословить, но Влад только зубы стиснул покрепче, чтобы продолжить...

- “Спутник” Ульвэра заставил его звучать. Его нужно только включить...

Унхай едва заметным движением подключил эту штуку, но из-под его руки звук не пошел – только незнакомый просвет... Он пробежал искрой по чешуе четко видимого дракона, остановившись огоньком у него в лапах...

- Он действительно перенастроен. Но его не размыкали.
- Что это значит, Унхай?
- То, что он хранит под сложным кодом “знание золотых драконов” – все, что было известно нам тысячелетиями и что мы узнали позже. Здесь все, что мы знали до того, как пал Син.

Влад побледнел еще больше, но глаза его засверкали синим пламенем еще сильнее...

- Унхай, верни его мне.
- Он слишком опасен для того, чтобы взять его мог человек.
- Но только человек мог взять его из хранилища.
- Он предназначен высшим офицерам “золотых драконов” – никому иному.
- Но он у нас, а не у них.
- Это нужно исправить.
- Он не нужен им, Унхай! Они сотрут его память.
- Значит, так должно быть.

Синее пламя полыхнуло еще ярче и жестче...

- Так думаешь ты. А я думаю иначе. Он должен хранить память для нас. Он был создан хранить память, которую сможем взять мы. И мы возьмем ее.
- Мы не сможем. Он хранит и дает больше информации, чем способны взять и сохранить мы.
- Мы придумаем, как это сделать.
- Этого нельзя делать. Опасны не только эти знания, опасно и брать их. Этот носитель – опасен.

– Не в моих руках. Если бы было иначе, его бы забрали офицеры. Унхай, предотвращение угрозы – долг офицеров. А преодоление опасности – это наш долг.

Унхай согласно склонил голову.

– Открыть коды и прочесть данные сложно. Но совладать с объемом информации еще сложнее.

Влад напряженно застыл, настойчиво протянув Унхаю раскрытую ладонь...

– Я понял, Унхай.

– Не подключайся к этому носителю напрямую – это сожжет твой разум.

– Я буду осторожен.

– Ты видел, как я подключил его. Ты узнаешь его коды и откроешь данные, ты узнаешь, что сможет раскрыть шифры, и получишь информацию. Но не делай этого, если не будешь уверен, что это знание тебе по силам. И запомни, что данные защищены “драконами” от чужих глаз. Бери. И делай, что решил. Будет то, что должно быть.

– Так точно.

Унхай вложил в руку Влада эту вечно холодную железку, и Влад намертво сжал ее в руке... А сержант снова отошел на прежнее место и снова застыл, вперив взгляд в закрытую дверь... Лесовский еще не верит, что ему возвращено не просто черт знает что – настоящее чудовище... информационное чудовище... Никто из нас до сих пор не осознал, что Унхай отдал Владу эту штуку... Мы еще не осознали, что это за вещь...

Черт! Ошейник! Я опять забыл! Опять! Надоело ничего не понимать! Здесь происходит что-то не то! Везде и все время! А мой ошейник! Он это сохранил! Я с ним как сросся! Этот электронный мозг будто стал моим! И я не могу ничего с этим сделать! Влад считает, у меня контакт с техникой хороший! Был бы контакт, я бы мог его и пресечь! Но нет! Я теперь опять всех подставляю! Опять! Но и они все хороши! Они все знают, что у меня с ошейником не порядок! Так какого черта они здесь все это устроили?! Выходит, теперь не только я подставляю их, но и они меня! Теперь подставлены мы все! И что мне теперь делать?! Что с этой записью делать?! Под лучи ее! Под жесткое излучение! Но под этими лучами ошейник сдохнет не раньше, чем я! Снять его! Как его снять?! Я не знаю даже, как снять ошейник!

Унхай... Он знает. Надо у него... Нет, не сейчас... Сниму ошейник, нас всех точно проверять будут... Но нас и так скоро проверять будут!

Хоть уровень радиации здесь теперь до подозрительного низкий, я встал поближе к шахте – вдруг лучи все-таки что-нибудь с ошейником сделают, что-нибудь заблокируют... Сейчас из шахты лучится еще более странный, чем раньше, спектральный свет...

Мозг объекта сосредоточил на нас внимание – засек что-то не то по ментальному сигналу... Но это не запрещенные приемы, и серьезных нарушений здесь, вроде, никаких быть не должно... Сорг молчит, как покойник... А Нор тихонько отошел к мосту и спрятал хищнические повадки за неподвижностью дозорного... Нет, не такой он и безумный... Или я просто перестал отличать больное мышление от здорового? Или все это вовсе не бред, и бредом это только кажется мне одному, потому что я один еще до чего-то не дохожу? Пойдет так дальше, я перестану понимать – в бреде все кругом или я один...

Я убежден, что этот носитель опасен... И убежден, что офицеры этой штуке большого значения не придают... И что Унхай знает, что делает, – тоже убежден. Похоже, получилось что-то связанное – подобные носители контролируют только при помощи техники из-за того, что использовать данные без обработки не способен никто, кроме высших технических единиц. А при их помощи получить эту информацию без полномочий, практически нереально... Теперь для успокоения подсоединенных к ошейнику нервов мне осталось узнать, что Влад задумал... и – в случае чего-то не того – выправить ему мозги, хоть и вышибив при этом челюсть. Унхай об этом что-то знает... мне надо узнать побольше о нем...

Боль вгрызлась мне в голову – жесткое излучение и бесконечные головолмки и из меня вышибли дух. Пост не снимают, а это сияние сжигает нас... А мониторы, переключенные на вид дальних коридоров, отображают муравейник, готовый к войне. Черные муравьи шеренгами маршируют по четкой проекции... Я присмотрелся к незнакомым командирам и суровым бойцам...

Тишинский вводит войска... И мы немо наблюдаем за их маршем, запертые здесь... непонятно, где...

Неотрывно наблюдая за сгущающимися тенями, я решил прервать принужденное молчание...

– Кто-нибудь про Унхая знает что-нибудь?

Хорн только и ждал чего-то, что заглушит звон этой напряженной тишины, – облегчение засветило жизнью его глаза...

– Мы о его прошлом почти ничего не знаем. Вроде был он взводным командиром – против нас еще воевал... Жестоко вроде воевал, но не очень долго. Сдался и под нашей оккупацией служил тихо сержантом. И под наши знамена Унхай сержантом перешел. Точно мы знаем только, что он большую часть жизни с Норвальдом за нашу систему честно воевал. А сделали его не на наших базах. Ему коррекцию провели...

– Это ж запрещено.

– Ему сознание не кромсали – только общие стандарты кодировок изменили.

– Но это серьезное внедрение.

– Когда необходимость есть...

– А что может быть такой необходимостью?

– Ивартэн, Герф. Это из-за *них* – из-за *их* крепостей. У всех нас опознавательные знаки принадлежности к AVRГ есть – ментальные, генетические, электронные. И над такими, как Унхай, мы поработали...

– Но зачем? *Они* же нас всех теперь врагами считают, никого не опознают.

– *Они* – да – не опознают, но ведь у нас там и автономные объекты остались. На таких объектах нет полос контроля – нет системы идентификационных блоков. С Центром они напрямую не связаны.

Влад вцепился в Хорна взглядом...

– Точно... То, что мы принадлежим AVRГ, дает нам шанс быстро пройти по городу...

– Не забывай, что мы не можем к Ивартэну ни тайком прокрасться, ни силой пробиться. Совет пока не придумал, как это устроить. И никто не знает, что делать с идентификационными полосами.

– Мы об этом уже забываем. Без стандартных кодировок AVRГ нас ни Ивартэн, ни захваченные базы не идентифицируют. Это как неоспоримый пропуск.

– Верно, это предусмотрено. Вдруг Снегов с Центральным компьютером сообразят что-нибудь такое – придумают, как кого-нибудь в Ивартэн забросить... У всех нас есть возможность быстро по автономным объектам пройти.

Хорн об этом говорит так спокойно, что ко мне опять начинает возвращаться уверенность, что все это в порядке вещей, что все это решаемо и офицеры обязательно что-то еще придумают... Только идущие маршем роты штурмовиков службы внутренней безопасности эту уверенность осадили... прямо, как всадники – зверюг, почуявших силу. Как я ни стараюсь думать о том, что нам нужно только продержаться на этом отрезке военного времени, отчаянье подступает все ближе к горлу...

– Если придумают, как пространственный переход открыть...

– Тогда и идти никуда не надо будет – перейдешь, и на месте... Только, думаю, что в проекте одно будет, в реальности – другое... Не так просто это пространство сломать. Здесь и звездной энергии не хватит...

Сорг покачал головой...

– Хорн, при третьем испытании энергии ушло не больше, чем три воюющие системы для войны брали. Это, конечно, только пустое одиннадцатое измерение, но переход через него пройдет – его расчет энергии точный. И расчет энергии стабилизационных полей скоро будет. Тогда и доработки, и запуск потребуют энергии не больше, чем хранит Штрауб и его подземелья...

– Только сколько еще энергии эти бесконечные испытания заберут... А до полной подконтрольности он открыт не будет... И недоработанным его никто не запустит...

– Ну, там видно будет, что из этого выйдет... Другого ничего нам и ждать нечего...

Влад, как замороженный, уставился на светящуюся шахту...

- Сорг... А что хранит это подземелье?..
- Если что-то тут и захоронено, это не то, что можно открыть, Влад. Под такой защитой никто не держит того, что брать будет не трудно – того, что вообще кто-то будет брать.
- Это то, что способно уничтожить нас, но то, что не можем уничтожить мы...
- Отойди от шахты, Влад.
- То, что подчинено, всегда выходит из-под контроля – это лишь вопрос времени. Но и знания, как вернуть утраченный контроль, – вопрос времени. Нам нужно знать и помнить не только о каждом объекте Ивартэна, но и о каждом подобном хранилище, что бы оно ни хранило...
- Покоя мне с Владом не видать – это я уяснил железно. Но какие-то изменения на проекциях коридоров заставили нас переключить внимание с этих проклятых шахт... Шеренги штурмовиков DIS сменились колоннами армейских штурмовиков... Шестая армия здесь... Здесь и Гунтер Гарт – наш генерал, которого я вижу впервые...
- Пост сняли, нас отзывают. Я не знаю, что сейчас будет, но руки холодеют в ожидании боя...

Запись №19 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 12:30

Уходим. Центр управления размыкает перед нами и смыкает позади бесчисленные створы – пропускает нас, открывая путь отсек за отсеком... Идем среди бесконечных шеренг, идущих по таким же бесконечным проходам, среди застывших у каждого перекрестка постов, среди молчания и ритмичных шагов... За нами следует едва различимое гудение тяжелой техники, идущей по нижним уровням базы – оно передается еле заметными колебаниями стен...

– Влад, ты видишь, что здесь... Здесь теперь обе армии – шестая армия и... тень шестой армии... Здесь Гарт и все наши командиры. Здесь где-то Тишинский с отрядом “защитников”. Скоро или прямо сейчас что-то будет стараться остановить наш пульс, и нам придется постараться его сохранить. Я не знаю, что нас ждет впереди, но я должен знать, что будет, – хоть что-то... Давай сейчас. О чем ты думаешь?

- Сначала дай мне слово, Герф.
- Я не смогу, пока не узнаю, смогу сдержать его или нет.
- Ничего запрещенного здесь нет.
- Ты считаешь – что не запрещено, то можно. А то, что не запрещено оттого, что мы об этом не знаем, может быть под запретом.
- Это иное... Здесь нет запретов и дозволений...
- Значит, есть грань между ними.
- Это не только их рубеж – это их общность. Эти грани – и разделители, и мосты. Эти грани – реальность, Герф. Единственная реальность – остальное виртуально, остальное у нас в голове. Ничего другого нет, как прошлого и будущего, как добра и зла, – ничего, кроме грани, где вечно объединены настоящим прошлое и будущее, разумом – добро и зло...
- Ты стал “пограничником”?
- Как ты, Герф, как все мы здесь, у границ всего и ничего. Нас призвали служить на границе, и глупо это отрицать. Нам предстоят и бои, и разведки с заходом и на нашу, и на чужую сторону, но служим мы теперь на границе.
- Черт... Попали мы...
- Попали, но не пропали. Теперь адские бездны и небесные пределы сжаты под бесконечный нуль и расширены до нуля беспредельности. Нас прессует реальность и разрывает виртуальность. И данность – наше поле боя, посреди которого мы воюем. Мы с тобой.
- А черт... Я с тобой, Влад, и я не сдамся. Мое содействие и молчание ты получишь, что бы ни было. Но с ошейником моим отдельно договаривайся.
- Это “общее знание”, “общая память”, Герф...
- Не дошло...

- Это наше самое мощное оружие, наша самая несокрушимая сила. Это строит наш разум, который строит нашу жизнь. Сохранив это, мы сохраним разум, сохраним жизнь, Герф.
- “Общее знание”? Но что это?
- Это все и для всех.
- Хватит головоломок этих! Нет такого! Все для всех – сказки для тех, кто с конвейеров сходит и чьи головы полны пустыми надеждами!
- Головы тех, кто помнит только пройденные битвы и не помнит прежних надежд, полны пустым отчаяньем! И у тех, и у других пропадает в голове не занятое место! И мы завоюем его!
- Может, ты и машину осадную для этой крепости неприступной разработал?!
- Конечно, разработал!
- Как вечный двигатель, который вечно только не работает!
- Вечный двигатель – Вселенная, Герф! И он работает вечно!
- От начала до конца!
- И от конца до начала!
- Влад, у нас нужной и ненужной информации до черта, и доступ открытый есть.
- В этом и дело. До черта всего в открытом доступе, и только черт разберет, что нужно, а что нет. И отчасти эти знания просто недоступны нам. Не потому, что данные закрыты секретностью, не потому, что к ним не дан доступ, – они просто недоступны нам, закрыты для нашего понимания.
- Никто не может знать всего, никто не справится с таким познанием.
- Мы это исправим.
- Не догоняю я что-то... Ты что, пошел по следам полусмертных, подошедших к самому краю?
- При чем здесь полусмертные?
- Ты ведь решил сделать новую модель человека, как они решили сделать нас...
- Герф, да ты что вообще? После этого ни слова о том, что с головой неполадок у меня.
- Ничего другого на ум не приходит, кроме нового разума...
- Нам хватит и старого.
- Не думаю...
- Я объясню... Один муравей – солдат или рабочий – муравейник не отстроит...
- Конечно, ему одному муравейник нужен не будет... Он вообще подойдет один.
- Верно. А почему, знаешь?
- Ну... Какой смысл солдату стараться не подойти, когда ему защищать нечего? И рабочий, когда строить не способен, не способен и жить.
- Всем рабочим всегда есть, что строить, и всем солдатам всегда есть, что защищать, Герф...
- Разве что себя... Но если они неотделимы от системы – они рушатся вместе с ней...
- А знаешь почему?
- Потому, что один, без системы, такой солдат или рабочий ни к чему не пригоден. Потому, что у него нет будущего – нет ничего.
- Это у муравьев, не у нас...
- Мы от них не сильно отличаемся, Влад.
- Есть у нас коренное отличие... У них программы без расширений. Один их солдат или рабочий не сможет создать других, возвести город, поднять систему – и подойдет. А у нас есть программные расширения. Это – разум.
- При помощи которого мы стремительно истребляем все наши отличия от муравьев...
- Это касается, скорее, внешней организации.
- Влад, муравьи, считай, и по нашему геному прошлись – наследили они в нем, по крайней мере, порядком.
- Особенно их следы заметны в твоей голове, Герф...
- А я не отрицаю. Мы с ними мыслим похоже.
- Точно, только вот они вообще не мыслят.
- Влад, мы похожи. И мы продолжаем приближаться к ним, стараясь быть похожими на них. Выходит, они превосходят нас в организации. И в итоге получается, что они оказались умнее нас,

хоть у них нет ничего, кроме жалких клочков нервов... Они сразу сообразили что к чему. А разум... Он им не нужен. Они и без него дошли до того, до чего мы только доходим.

– Герф, об этом и речь – они приспособлены почти ко всему, но... Они, без разума, подохнут, когда мы, с разумом, – останемся жить, пусть и уподобляясь им. Наш разум не всемогущ и память имеет ограничения, но мы достаточно сложны – мы способны брать поддержку чужого разума и хранить чужую память. У нас есть запас знаний – с ним нам под силу пережить хоть полное разрушение системы. И знания эти дают нам не только силу преодолеть, но и волю к преодолению. Они разрешают нам расширять наши способности искусственным путем – применять технику. Сохранить эту информацию – это главное.

– Только никто не сможет ни запомнить всего, что мы знаем, ни оперировать всем, что помнят наши машины... Что бы мы с этим ни делали, мы не сможем... Это нашей конструкцией не предусмотрено...

– Предусмотрено, Герф, только не прямо. Наш общий опыт не очень стабилен. Он не вошел в наш постоянный генетический код – его хранит только память, где коды вбиты и перебиты временем. Но нам и такой памяти для работы с нашими знаниями, с нашим общим опытом, достаточно. Наш разум выдает высокую скорость обработки информации – при условии, что информация не перегружает ту память, что в процессе работы. И с нашим разумом мы способны к стремительному прогрессу – к разработке простых систем передачи, принятия и хранения данных. Он дает нам возможность работать с нашими знаниями при помощи наших знаний.

– Это разве что киборгу какому-то запредельному под силу...

– Киборги... С ними покончено. Мы сильнее их. Пусть мы – ни сами, ни с поддержкой техники – не способны обработать такую сложную информацию с такой скоростью, как киборги, мы способны упростить сложную информацию до того, что работать с ней нам будет просто – и самим, и с поддержкой техники. Нам нужен только справочник. Такой, который без осложнений будет сохранен обычной техникой с грубой защитой и передан обычным людям. Нужен такой справочник, с которым справится простой разум...

– Уж слишком это... просто.

– Так и должно быть, Герф. Нужны только простые схемы с четкими переходами, но с ресурсом к расширению и усложнению. Должны быть только необходимые данные и узлы связи. Должны быть точные указания, как сделать что-то одно, при помощи чего можно будет сделать что-то другое. От простого к сложному, от начала до конца... Тогда человек сможет добыть и собрать из обломков то, что ему нужно, – сделать почти все почти из ничего... Человек сможет не только починить старое, но и сделать новое... И сможет это сделать каждый... каждому будет понятно, что и как делать.

– Ты понимаешь, что это?... Это не простой справочник выживания... Не справочник выживания при сбоях в системе – справочник выживания при крушении системы. Или просто – за пределами системы! Это справочник дезертира, Влад!

– Это справочник для всех, кому придется хуже некуда. Система трещит по швам – у нас шансы на разруху растут. Остальное отступает за пределы видимости.

– И не думай об этом.

– Стикк как-то сказал, что, защищая наше будущее, мы обхватили наши крепости, сцепив руки так крепко, что их не разомкнуть даже смерти – что мы не дадим проходу врагу, не отпустив даже рук мертвецов. Раньше я по-другому это понимал, а сейчас... Мы разжимаем руки, отпуская руки “мертвецов” системы, – бросаем их с приговором и с карой. Но мы не должны делать этого. У них другие дороги, но они с нами.

– Дезертиры?

– “Мертвецы” системы. Но они мертвы только для системы, они еще – живы. А теперь важна только жизнь. Кроме жизни у нас теперь нет ничего, что еще можно сохранить.

– Но они – предатели...

– Герф, трупы не могут быть ни предателями, ни дезертирами.

– Так они не по-настоящему мертвы!

– Для системы – по-настоящему! Мертвы духом. А значит – и телом. Они не способны действовать в системе.

– Но они способны действовать – в общем. Значит, способны и служить – хоть как машины... Должны или исполнить долг, или искупить вину – кровью.

– Смертью – для системы. Они уже сделали это – погибли для системы. Но они еще не погибли просто для жизни.

– Просто жизни нет. Нет никакой другой жизни, кроме системы. Подвергнув опасности систему, мы подвергаем опасности себя, Влад.

– Мы это уже сделали.

– Мы это делаем сейчас, думая об этом. Мы подрываем систему, думая о подрыве...

– Мы думаем об этом потому, что система подорвана. У нас, считай, теперь нет ничего, кроме жизни, – никаких опор и подпорок.

– Мы рушим их, Влад!

– Мы их обрушили! Теперь они, крушась, сокрушают нас! И еще, Герф... Одной только системе служат одни только машины – не живые и не мертвые, не способные ни жить, ни умереть. Машины просто исполняют по нашему принуждению наши задачи. Им не нужно существовать, им ничего не нужно – только исполнить задачу. И они стирают системы, если задача исполнена или неисполнима по их расчету. У них нет воли без нас, а у нас без них – есть. Без них и без системы... Мы живые и, в первую очередь, служим – жизни.

– Вообще, вроде, верно, Влад...

– Нам нужны все живые – все, кто еще жив и кто не вредит нам, угрожая смертью. А дезертиры серьезно нам не угрожают.

– Но карательные рейды – их не от нечего делать проводят...

– Есть “мертвецы”, есть и охотники на “мертвецов”. Эти охоты необходимость – у нас установлен порядок, и мы его соблюдаем... И я уверен, что офицеры учли это... И думаю, что они не только контролируют ситуацию, но и – регулируют... Они почти не тратят сил, борясь с ними. Считай – отпускают их, не пуская и преследуя их не в полную силу... Уверен, что эти дезертиры просто исполняют другие системные функции – параллельные, страховочные... Герф, первый пункт присяги – обязательство защищать систему. Эту присягу принимаем мы все, но исполняем мы все эту клятву по-разному.

– У нас всех функции разные. Но это не значит...

– Не знаю... Но думаю, что и этот вариант отвечает системному действию. И он под контролем равно с другими. “Полк без командира” периодами пополняется, порой его бойцов уничтожают, но полк сохраняется...

– Ты думаешь, что так и должно быть?

– Уверен.

– Что при плохом ходе дел это неизбежно, отчего и контролируется жестко – это еще понять можно... Но кому нужны резервы сломанных...

– Сломанных здесь и сейчас, но пригодных где-то еще и после чего-то... Они живут по ту сторону, но живут – значит они еще с нами, с живыми. Там тоже идут бои со смертью, там тоже есть пути жизни... И дезертиры – разведчики, которые потом кому-то из нас эти пути укажут.

– Влад, ты что, собрался...

– Нет, я к ним не присоединюсь. Но в расчет их брать буду. Герф, ни мне, ни тебе не уйти – системы не бросить. Но может быть, что просто придет конец... И если что-то будет после, будет что-то другое. Систему не покинут офицеры...

– Еще бы, высшие офицеры не уходили и не уйдут. Их принципы...

– Это верно. Этого не будет сейчас, но не будет и после... Если системе конец... Их уничтожит враг – первыми. Их уничтожение – первая цель врага. Потом уничтожат простых преданных системе бойцов, как мы... Сохранить жизнь, скорей, смогут люди, которые будут вне системы... при последнем бое...

– “Справочник дезертира” чистой воды... Черт...

– Подожди судить. Уверен, что скоро для того, чтобы выжить, нам будут нужны даже “мертвецы”. Сейчас у них другие дороги. Но после последних сражений их дороги будут соединены с нашими. А может быть, станут нашими.

– Я сужу, Влад, но не тупо...

– Это тени нашего будущего. Не просто “мертвецы” – “призраки” системы.

– Я понял. Мне это претит, но... Это слишком сложно... слишком далеко для моего осмысления.

– Ты только сделаешь то, что будет нужно, а думать буду я.

– Влад, до меня доходит, что ты недалеко от правды, но... Тебе просто не позволят подойти к ней ближе. Нам не дадут создать информационное чудовище, опасное для всех нас.

– Вредное сейчас, но полезное после...

– Влад! Еще не известно, что с нами будет и что нам поможет! Зато известно, что с нами сейчас и что сейчас нам будет помехой! Влад, я согласился допустить вариант худшего исхода войны, хоть точно еще ничего не ясно... Согласился допустить вариант страховки, работающий при этом худшем исходе, хоть с этим тоже еще ничего не ясно... Но я согласился крепить страховку – безвредную и безопасную для нас при всех вариантах исхода войны – не только при худшем! А главное – не подводящую нас к худшему исходу! А ты решил писать программу для “справочника дезертира”!

– Герф, как бы эту страховку не называли – она безвредна. Она не сработает сейчас – никому она сейчас не будет ни угрозой, ни поддержкой. А когда она заработает, она сгодится всем... и всем поможет.

– Не может такого быть.

– Я тебе докажу...

– Нас казнят. Но я не уверен, что мы искупим принесенный нами в систему вред даже смертью...

– Смертью никто вины не искупит. Казнь только пресечет угрозу, исходящую от устраненного казнью... Он может признать вину, коря себя, но и только. Искупить вину он сможет одной жизнью, прекратив угрожать и исправляя ошибки. Но для того, чтобы ошибки исправить, их нужно осознать, для начала осознав, что это – ошибки. А я сейчас считаю, что – прав. Значит, сейчас меня могут только устранить – без признания вины и безнаказанно. Моих убеждений не перешибить ни карателям, ни мне самому... Я уверен в правоте, и моей совести меня не тронуть, как и чужой, облаченной в черную форму. Меня можно только уничтожить, не наказав. А скоро я буду неуязвим. Никто не сможет уничтожить меня, не уничтожив всех нас, когда мои мысли станут нашими. Я неуязвим, Герф. Я прав. От этого – неуязвим.

– Ты облучен. Ты бредишь.

– Унхай сказал, что бред будет позже.

– Это было уже давно. А теперь ты... Влад, перед тем, как тебя станет нельзя уничтожить, тебя станет нельзя переубедить. Тогда тебя уничтожат, как сломанную и крайне опасную техническую боевую единицу, – сразу, без промедлений. И это, видно, скоро случится, если ты...

– Я знаю, Герф. Это риск, к которому я готов. Меня возьмут под контроль прямо сейчас. Я встаю на грань между светом и тьмой. Каждый, кто выходит на свет, отбрасывает тень. Я не вернусь во мрак, и “тени” теперь будут следовать за мной неотступно. Для них дезертиры – данность... И я стану для них данностью. Они будут просто исполнять задачу – работать, обвиняя и оправдывая, карая и щадя по их порядку, с точки зрения системы. Я не буду скрывать от них мысли и поступки, обходить их запреты, но и открывать им мысли не стану...

– Противостояние...

– Нет. Они мне помогут... помогут не ослепнуть. Я не собираюсь вредить системе, но могу просто не заметить этой черты. “Тени” не дадут мне переступить порог угрозы... Они блокируют серьезную опасность непроходимыми преградами. А их препятствия попроще я преодолею... Такие барьеры ставят останавливать тех, кто способен остановиться – как ориентиры, как предупреждения.

– Нет, не доходит...

– Герф, преодолимые преграды заграждают не опасные пути – только пути, подводящие к опасным... Это просто порядок системы... И “тени” просто его обеспечивают, поддерживают – это их обязанности, их работа... Они не угрожают нам от большой головы – только отвечают, когда угрожаем мы. Я не собираюсь бороться с ними, но и покоряться им не буду. Я не собираюсь с ними спорить, но при нужде дам им объяснения и потребую их объяснений. У них нет прав сделать со мной что-то, не обвинив меня, не дав мне отчет. А обвинить меня хоть в чем-то, бесспорно, они не смогут. Я не преступник и не стану ничего скрывать ни от армейских командиров, ни от командиров службы безопасности. Мы с ними, в конце концов, добиваемся общих целей. И мы помогаем друг другу, хоть это содействие иногда похоже на противостояние. Просто, не опровергая и не доказывая правоту, мы не сдвинемся с места, Герф. А я не собираюсь стоять на месте среди этой разрухи. И я не рискую разруху эту усугубить – я не скрываюсь от системного контроля, и буду остановлен им при первом неверно вычисленном мной действии.

– Стой, Влад... Выходит, что...

– Герф, мы чисто и открыто сработаем. Нам будут указывать путь даже “тени”. Они будут корректировать каждый мой шаг, и это будет мне на руку.

– Влад, ты пугаешь меня.

– Это не страшно.

– Ты слишком далеко зашел.

– Слишком далеко зашло время.

– А черт... Хорошо, я с тобой. Выкладывай.

– Айнер... Он нам нужен в первую очередь.

– Он тут при чем?!

– У него мозг не обычно работает – к чему ни придерись, придраться не к чему. Его расчет не около – посреди границ стоит. Простые четкие схемы – их ни с одной стороны не зацепить... нечем, просто.

– Да он никогда не пойдет!..

– Этого мы не знаем, но ты узнаешь. Герф, мой справочник... Он должен стоять ровно на границе. Он должен быть зеркалом и с одной, и с другой стороны, но при этом – прозрачным стеклом... Он должен быть видим только с границы.

– Вроде как ясно... Видно то, что нужно увидеть...

– Только с этим сложности возникнуть могут.

– Ясное дело... А информацию собрать?..

– Соберем быстро – нужно будет это быстро делать.

– От этой штуки возьмем?.. От памяти “драконов”?..

– Не знаю еще... Сложно это слишком. И действия такие могут быть сейчас “теньями” восприняты, как резкие движения – зверьми. Им с этой штукой и моими мыслями разобраться и привыкнуть нужно. Думаю, они, и разобравшись, возражать будут. Отложим пока память “драконов” в сторону – для крайнего случая... Начнем брать данные от сетей информационных центров.

– Они дадут только открытую информацию. Этого не хватит. А закрытую – достать никак не выйдет.

– А нам закрытой и не надо. Нам не нужны секретные данные... Мы возьмем только те, которые в пограничной зоне. Достанем их таким образом, что не будут против даже “тени” Скара... Нам Айнер поможет.

– Нет...

– Ты ему нужен, ты его убедишь.

– Он мои мысли насквозь видит.

– Я не сказал тебе, что ты должен что-то от него скрыть, просто – убедить его дать нам мысленное расширение.

– А если даст... Я все равно не пойму...

– Найдем того, кто поймет. Мы никогда не сделаем это одни, Герф... Нам будут помогать и рядовые, и унтер-офицеры, и офицеры всех подразделений всех войск... вернее – мы будем помогать им.

– Стой, Влад... Слишком быстро ты...

– Герф, процесс запущен. Нам теперь не просто нельзя от него отставать – нам нужно быть впереди, контролируя его. Иначе это станет неуправляемым кошмаром, с которым справятся только штурмовики DIS, только выжигая его синим пламенем...

Сердце оборвалось. Обратного пути нет... Черные тени окружают нас со всех сторон... А глаза Влада горят больным неугасимым огнем. Но все это меркнет в череде приказов и гуле шагов... Нас накрыли потоки информации о сборных пунктах. Объявили о начале боевой операции... Угрозы налета нет... Тихо. Но мы спешим... Бежим к проезному тоннелю... “Стрелы” подошли и ждут нас, низко зависая над площадкой у врат... Седлаю машину с моим номером на таблоиде. Штурм.

Летим совсем низко, обгоняем грузовые транспорты... Сбор на расчищенной транспортной стоянке северного периметра базы. Не на землю же мы пойдём? Похоже, на землю...

Роту разделили по взводам. Айнер дает короткие инструкции командиру – третьего. Йохан забирает людей и летит дальше к северу, покидая базу. Норвальд с командиром четвертого – уходит к западу. Отослан и второй взвод – его командир взял направление северо-запад... Мы ждем инструкций. Но и сейчас ясно, что ведет Айнер... Направление мы, похоже, возьмем северо-восток. А что там размещено? Не знаю...

Стикк опустил “стрелу” поблизости от машины Айнера и оперся ногой о пол... Унхай нас обогнал – он давно здесь, с другими сержантами разбирается с бойцами из пополнения. Их я еще не видел. И сейчас толком не вижу из-за затемненных полос у нас на глазах. Их шлемы закрыты, доспехи стянуты под лохматыми белыми шкурами скингеров. Эти, лишающие нас человеческого облика, шкуры без сомнений оповещают о том, что мы к леднику “стрелы” подыдем – может быть и сойдем где-то среди снежных полей.

“Стрелы” готовы к трехдневному перелету – заряжены и укомплектованы. Надеваем на привычный боевой доспех белые куртки мехом наверх – точно на землю пойдём...

Объявили боеготовность первой степени. Лейтенант опустил “стрелу”, встал рядом со Стикком...

– Боевой приказ! Предатели, военные и государственные преступники скрылись от законного возмездия, спасаясь от присужденной кары! Они подлежат неотступному преследованию и жестокой ликвидации! Отряд – тридцать боевых единиц армейских штурмовых подразделений! Командир – капитан подземного штурмового отряда, ранг – S7! Поиск завершен – местонахождение установлено! Курс на закрытую базу у границ Альвэнхайма! Заход с пересечением границ “оккупированных” территорий! Следовать маршруту общей навигации! Перестройки по моим схемам! Базу штурмуем и обыскиваем тремя полными фазами!

Цель – люди... Айнер пресек сигнал и смерил нас холодным твердым взглядом...

– А черт бы эти формальности!.. Это простые дезертиры! Расстрел на месте – и довольно с них! Вопросы есть?!

Не достаточно быть просто дезертиром, чтоб такую облаву устроили, – нужно быть опасным преступником, действующим против системы... Но не то это... Опасным преступникам у нас от кары никогда не уйти. Похоже, здесь планку поднимают – ужесточают контроль... Теперь мы будем сметать все у нас на пути... А значит это одно – зачистки. Будут проведены жесткие зачистки... над дезертирами, над теми, кто на грани, над всеми подразделениями вооруженных сил AVRГ... и дальше – по всей системе...

Уверен, что заочный приговор этим дезертирам был вынесен еще до того, как они ушли... Скоро он будет вынесен и Нору...

А если эту чистку решили быстро провести – здесь без провокаций не обойтись... А срывать с обрывов тех, кто стоит на краю, будут толчками... Агрессией инициируют и трещины, и разломы системы. Стоит только подогнать к краю того, кто к нему близок, чтоб выявить направление его последнего рывка...

Мы с Лесовским пригнулись ниже к панели управления “стрел” – почти легли в седлах, как при скоростном полете... Но и так заметили эту судорогу, сведшую челюсть взводному командиру. Стикк побледнел, и ядовитая улыбка сошла, будто ее и не было...

– Лейтенант, эту операцию должны проводить ликвидаторы DIS.

– Это не вопрос! Значит – вопросов нет! А приказ есть, Стикк!

Мы приняли данные по операции – теперь понятно, почему Стикк зеленеет. Он много лет в Альвэнхайме с капитаном Березовым воевал, пока Ульвэр того не выкинул по непонятным причинам. С тех пор он так и застрял в полку Илда на шестой базе Хантэрхайма... Не просто так все это...

Лейтенант... командир S9... Айнер помолчал, снова обвел нас взглядом...

– Это приказ. Летим!

Приказ так приказ. “Стрелы” уже активировали поле, закрывающее их всадников от морозов и шальных осколков. Опускаем на глаза тяжелую защиту от слепящего солнца, отраженного снегом, от лучей невидимого спектра... Обмундирование окончательно стерло нашу человечность, и остались мы где-то около рубежей, отделяющих высокотехнологичные машины от диких зверей. Ложусь на седло, стягиваю ремни и упоры – готовлюсь к скоростному перелету. Чувствую, что больше не хочу есть. Конечно, мы пропустили обед и остались голодными, но общее напряжение прогнало даже воспоминания о еде. Хотелось бы мне подумать еще о чем-нибудь безобидном, только больше ничего на ум не идет. А о предстоящем думать я не хочу очень. С нами такое редко бывает, и никто не в восторге, что нам это выпало. Но раз у DIS дел по горло, и бойцы дали деру из отрядов А2 – это наша работа. Что может быть хуже, чем зачищать своих же людей, хоть они и... Черт...

Запись №20 00 00 000 00:00

Меня трясет от непонятного ужаса – страшнее всего, что ничего непонятно и этот ужас тоже... Я уже прижал уши, но они тут ни при чем. Кончик хвоста непослушно выстукивает морозящую душу нервную дробь. Невеста прижалась ко мне, и нас поочередно колотит озноб. Ее зубы стучат не от холода – мы согреты друг другом – с ней это тоже от страха. Она еще ждет каких-то историй про врачей и их тайны, но уже не так уверенно. Еще бы, если мы и просто ничего не понимаем, как нам понять какие-то тайны? И пока все, что делали люди, они делали при помощи машин. Да и вообще, их лечение страшнее, чем наши болезни... Но она еще не отчаялась – она никогда не отчаивается, а я... Не знаю! Ничего не знаю!.. Мы давно не ели, но после всего этого и не хочется совсем. И спать... мы, наверное, теперь долго спать не сможем... По крайней мере без жутких кошмаров – ведь в наших головах эти мысли... чужие мысли... Но они, как наши, и еще более убедительные, потому что эти люди понимают то, чего не понимаем мы. Хоть крысы притихли и перестали заставлять нас идти через эти чужие страшные мысли... Правда, крысы очень серьезны... Они обдумывают и решают... Но они делают и что-то еще – дают указания другим крысам... О нет – они идут к нам!.. Стучат хвостами, что-то передают условным сигналом... Дозорные сообщают... Что сообщают?!

Крысы забегали... Их приходит все больше и больше... Они построились шеренгами у стен, как на плацу... У сломанных входных дверей поставили посты... теперь устанавливают их у почти невидимых опор, держащих наш стол... Мы под ним, и мы окружены ими – крысами!.. А крысы лезут к компьютеру... Это что, еще один пост?..

– Не выключайте компьютер! Нет! Что происходит?! Это бледные?! Они нашли наше убежище?.. Они пришли?.. Они здесь?..

Неужели бледные идут?! Они же нас отловят! Их давно уже видно не было... Я был почти уверен, что им сейчас не до нас! А вдруг до нас?! Я не знаю, что делать!.. Надо отступить! Нет, защищать компьютер! Надо выдрать его отсюда и утащить, спрятать!.. Но крысы... Они с этим согласны не будут!.. А бледные... Бледные сразу узнают, что мы здесь делаем!.. Тогда нас сюда больше точно не пустят!.. Здесь опасно! Штрауб для нас вообще – запретная зона! А если мы здесь еще что-то трогаем!.. Бледные не должны знать! Им не понять серьезности наших дел! Нашей

общей убежденности в том, что для нас все это очень значимо – и исторические истины, и необходимые знания о врачах, искомые моей невестой, и имена героев для памятника крыс!.. Они считают это опасной глупостью! Но это не так! Крысы убеждены, что это не опасно и не глупо! А я... Не знаю!

Крысы что-то делают с компьютером – он притух и почти погас! Это правильно!.. Потому что, уже слышны шаги... Но другие шаги!.. Это твердый, ровный офицерский шаг – прямой, чтоб начищенных сапог не попортить!.. Что это?! Пульс бьет по голове шквалом чего-то неосознанного!.. Но за сорванной панелью – за нашим лазом – резко вспыхнул свет... белый свет... Он быстро вышиб из головы все обрывки мыслей! Что-то размыкает двери – и свет бьет по глазам!..

Я прыгаю на стол, невеста – за мной... Мы прячемся за монитор, а он исчезает – крысы его дезактивировали. Они встают в стойку “смирно” – отдают честь... Перед ослепленными глазами острый силуэт – это высокий офицер в черной шинели! Офицер второго поколения – он человек!.. Кошмар!.. Мы ж расположились в развалинах здания управления службы безопасности – теней!.. Никого, относящегося к войскам системы людей, здесь после зачисток нет и быть не может, но их тени!.. Но и теней быть не может!.. А что это?.. Что мне делать?..

– Мя-яя! Мы не трогали реактор! Нет! Не трогали!

– Знаю, что не трогали! Тронули бы – пылью бы разлетелись!

– Айнер?!

– Когти убрал!

Айнер! Я и не сообразил, что это его ментальный фон!.. Нет, не от страха, конечно, – от неожиданности! Но я его так ждал!.. Я и не заметил, как вцепился в его шинель и повис на когтях, – он меня отдирает, но я, наверное, от радости одурел... Это ж наше спасение!..

– Айнер!! Айнер!!! Я знал! Знал, что ты придешь!.. Что ты не оставишь нас!..

– Довольно! Слезай... Какой-то ты лохматый стал.

– Это зимняя шерсть. Завидуешь?..

– Есть немного... Ничего – побегаешь по Штраубу пару дней и тоже облысеешь клочьями.

Айнер взлохматил смерзшиеся волосы на левой стороне головы, отгоняя их от радиационного ожога – он теперь стянут побелевшими шрамами...

– Айнер, ну что там?..

– Не могу сказать.

– Не знаешь, как объяснить?..

– Знаю, но не сделаю этого – информации высокого уровня секретности такому шерстистому существу не выдам.

– Издеваешься...

– Специально за этим и пришел. Отцепись.

– А мы... Что с нами будет? Что вообще происходит?

– Не знаю еще... Смотреть будем... Отцепись. Заклинило ж тебя...

Я отцепиться не могу – когти так и свело, когда до меня дошло...

– Что, плохо наше дело?! Плохо?..

– А ты не знал.

– Но ты же все исправишь?! Правда ведь?! Исправишь же?!

– Да постой ты! Отцепись!

– Не могу! Мне страшно!

– А черт...

– Черт?! Он нам поможет?!

– Не думаю... Он, конечно, специалист по пожарам и обугленным тушкам, но виртуальный. А нам реальный нужен...

– Про пожар мы знаем!.. Звезда горит!.. Лес горит, тундры!.. Без огня!.. Огня вроде нет!.. Он вроде был, но теперь!.. Где он был, ничего нет!.. А крысы сказали, что лес теперь без огня – горит!.. И не только лес, но и тундры!.. А бледные ничего не сказали!.. Им сейчас вообще не до нас!.. Это значит, что плохо дело!.. И это плохое дело и вширь, и ввысь наши территории рушит!.. Мы с

крысами тут теперь не главные опасности – нас никто от ваших вещей теперь не отодвигает!.. Мы теперь не можем ничего испортить – вообще ничего не можем!.. Просто, все само, без нас, прахом идет!.. Не знаю, что именно и отчего! Крысы считают, что это ваши вещи – секретные и страшные!.. И эти ваши секретные штуки разрушают все, хоть войны больше нет! И крысы к смерти готовятся!

– А ты, Кот, поумнел...

– Это ужасно!..

– До определенной степени...

– Нет, не то, что поумнел!.. А другое!.. Но... Айнер! Теперь я эти подколы и издевки насквозь вижу!.. Теперь ты надо мной издеваться не сможешь!..

– Это мы еще посмотрим.

– Я ведь многое узнал! Мы изучили часть истории! И дальше изучаем!..

– Оно и видно.

Айнер отодрал меня и поставил на стол...

– Айнер! А где же подобающее приветствие?!

– Подобающее – состоялось.

– А почесать за ухом?..

– И не мечтай – перебежься. Зудит ухо – “защитник” с тобой разберется. А мне после тебя перчатки очистить сложно будет.

Я осторожно отступил за блок отключенного электронного мозга и посты крыс...

– Я чистый. И лишая у меня нет... Ты отчего злой такой?..

– Оттого, что понимаю больше, чем ты.

Это правда. Я ведь вообще ничего не понимаю... Айнер бросил на стол перчатки и стал растирать замерзшие руки... Первой моей мыслью было разорвать его перчатки когтями, но причинно-следственный анализ меня остановил. Не логично мстить по мелочи, если тебе отомстят по полной программе. И вообще не логично мстить тому, кто помощь пришел, каким бы он озлобленным ни был. На том и порешил. Буду блюсти гордое терпение.

Айнер с усталым видом рухнул в кресло, крепко сжал на груди руки и сурово осмотрел помещение... И я решил осмотреться...

D40-709 – каркас со сложным устройством, закрытый кучей светлых панелей, с холодным разумом и холодными глазами высшей технической боевой единицы – стоит у дверей. Это он открыл заклинившие створы... Из темноты тоннеля, как по зову, на свет явились бледные. Они зашли и замерли у дверей – встали, как на посту. Строгие, в их черных шинелях союзных войск, и призрачные, с их белыми неизменно спокойными лицами и глазами... Они всегда смотрят очень далеко и бдительно... От их взглядов ничего не скрыть... Они не злые... Но и не добрые... Они жуткие... Это потому, что эти бессмертные знают о чем-то неведомом... и знают об этом. Уверен, что они бы и без схем, и без информации смогли бы со временем узнать обо всем, что знали люди и пойти дальше... и сделать больше... Но у них другие пути – им этого не нужно. Им почти ничего не нужно – поэтому они так справедливы и непредвзяты. Поэтому и мы, и крысы им очень доверяем, хоть и боимся их. Айнер к ним не особо расположен, но, безусловно, он их уважает. Просто, Айнер их бесперспективными считает, хоть они и бессмертные, и – вечные. Их очень сложно уничтожить. Но они не меняются вместе с миром и не меняют его – только терпят и переносят его изменения. Первое поколение себе подобных не создает... И, похоже, не создаст. Им ведь для этого высокие технологии нужны и специальное оборудование, как людям... А они считают, что им нет нужды строить заводы для создания себе подобных, вредя этим планете, и без того почти загубленной. Думаю, они правы. Люди считали, что нужно поступать иначе – строить заводы, ширить войска и действительно внедряться во все, что только можно... и уничтожили себя. А люди первого поколения... их уничтожит что-то другое... Не знаю, кто здесь перспективнее, – все равно всех когда-то что-то уничтожит. Правда, первое поколение не погубит всех остальных с собой вместе, как люди... Для нас всех это очень хорошо – одной напастью меньше. А вообще они были задуманы людьми как безупречные люди – только получилось, что они не люди... Они – подобие людей, подобное машинам. Это их Айнер призвал за руинами человеческих опасностей

следить, чтоб, если что, обезвредить успеть. Но что-то не так пошло... Им одним этого не обезвредить точно. Но с Айнером и его “защитником” они смогут... Айнер сможет... Он вернулся к нам... Я еще не верю... Я ведь думал!.. Я даже не помню, что я думал!..

– Ну что встали?! Сигареты мне принесите! И... Тепло тут... Крысы... Это вы обогреватели подключили... Хорошо постарались, ничего не скажешь. Что ж... “Защитник”, зверюгу приведи. Зверь на морозе спячку чувствует – заснет еще...

Я навострил уши...

– Это ты про что?..

– После, Кот. Дай мне покой. Подумать надо.

– Между прочим, мы здесь тоже заняты...

– Теперь нет.

– Но ты даже не знаешь, чем мы тут заняты...

– Без разницы. Тебе не место ни в подземелье Центрального управления DIS AVRГ, ни в Штраубе вообще.

– Ты что, прогонишь нас?

– Не крыс. Они нужны... А тебе здесь не место.

– Но тогда мы не сможем доделать наше великое дело... И крысы не воздвигнут монумент памяти героев...

– Довольно! Кот, это теперь мой штаб! И тебе здесь быть нельзя.

– Ты меня так просто не уберешь, не прогонишь.

– Молчи! Не до твоих протестов сейчас! Надо будет – конвоем крыс отряжу! Но и ты, и тебе подобные из Штрауба будут убраны еще до рассвета!..

– Как же?.. Мы так старались?.. И теперь...

– Не понимаешь ты ничего!.. И молчи!..

– Айнер, это крысы тебе доложили, что мы здесь собрались... Я знал, что крысы доносчики...

– Крысы мне, как положено, обо всем отчеты составляют – по форме. Так что, Кот, конец вашему подполью...

– Но хоть скажи... Что ты там делал? Что там?

– В общем – ничего необычного...

– Там тоже идет война?

– Кончай с этим, Кот.

– Ты какой был, такой и есть. И выглядишь ужасно, как и прежде.

– Не изменяю старым привычкам. А нагонять оцепенение и ужас офицерам S9 по долгу службы положено.

– А... тогда ясно...

– Хватит тупить. Делом займись, раз уж здесь – притащи что-нибудь съедобное.

– Крысу?..

– Черт... Не положено командиру подчиненных поедать!.. Ищи паек!

– Айнер, сейчас есть более срочные задачи...

– Мне нужно есть, чтобы быть! Не будет еды, не будет и решений задач! За это теперь ты ответ держишь! Тебе задание!

– Нет! Мне такую ответственность... Такую – ты обычно крысам поручал! А они обычно такую – брали! Но я справлюсь! Я смогу!

Крысы уже тащат контейнеры... Откуда они их только берут?.. Обо всем они знают... Даже обидно как-то... Уколото прям что-то – сплеховал я... Но ничего, я им еще покажу, на что я способен!.. Меня великие дела ждут!.. Я вообще – великий!..

– Кот, не будешь полезен – выставлю прочь прямо сейчас!

– Я полезен тем, что не мешаю.

– Хороши зверушки... Тебе бы у этих каменных Стражей дисциплине...

– А Страж не один?..

– Нет. Но сколько их – один черт знает – у них уровень секретности высокий.

– А ты с ними?

- Скорей – с ними...
- Ты тоже Страж?..
- Так точно.
- И что ты должен делать?..
- Служить.
- Но...

– Кончай, Кот! Пограничник и есть – пограничник. Стоишь в дозоре, хранишь общий покой и бьешь по цели, когда что-то пробует его обрушить... Это что-то вроде нападений “белых медведей” на Хантэрхайм – ждут долго, налетают быстро. И мне пришлось перейти к тактике точечных и точных попаданий. Правда, те Стражи, которые – камни необтесанные, бьют реже. Эти булыжники сторонники минимальных внедрений и воздействий. Мне, порой, этот принцип мозги холодом жжет. А у них с этим проблем нет.

- Замыкает, значит...
- Хватит об этом. Расправляй когти – сахарные блоки распечатывать будешь.
- Так ты пришел вспомнить, что такое излишество?..
- Это здесь, в руинах?..
- Ну... Кроме крыс тут и правда излишеств нет вроде...
- Запомни, Кот... Сахар – продукт первой необходимости. И еще... Не дерзи мне. Я делом занимаюсь.
- Не общим.
- Приемы унтер-офицерских издевок ты освоил хуже последнего рабочего N3.
- Мир скоро рухнет!.. А ты пришел поужинать в компании крыс! А крыс тут излишество!.. А оно опасно и вызывает привыкание!.. Крысы опасны!..
- Насчет крыс... Это как у тебя получилось?..
- Ты ж мне говорил – излишество опасно! Так оно и есть!
- А то как же...
- Мы время теряем! Ты с твоими крысами теряешь!
- Молчи! Крыс здесь ровно столько, сколько нужно, чтобы не отнимать, а давать время. Докладывайте обстановку!

– Айнер, ты ж не можешь подключить разум к их перегруженной линии! Не можешь получить от них информацию, если их много! А здесь их слишком много! Их сотни – и все в зоне восприятия!..

Айнер с кривой усмешкой стукнул кулаком по столу.

– Кот, этот конгломерат пересеченных узлов непрерывной связи – то, что надо. Информацию крысы передают по этой сети всем и принимают от всех напрямую – значит точно и без искажений. Каждый разведчик и дозорный передает данные по всем каналам и во всех направлениях с дополнением, от каждой пересеченной с его радиусом фоновой активности служебной единицы. При этом с быстрым обменом информацией и ресурсом к скоростному перемещению мы получаем от них параллельные схемы по общему ходу и прогнозу ситуации. И мы будем использовать их линии по полной программе – и с каналом передачи, и с каналом обработки данных.

- Ты что, будешь учитывать не только их информацию, но и их мысли?..
- Точно. Сейчас думать предстоит нам всем...
- Но ты не сможешь... Их сети перегружены...
- Мои мозги им больше не перегрузить. Мой “передатчик” неплохо технологии кибернетики освоил.
- Это еще что значит?..
- Он мне данные перекодирует – по ментальным сигналам цифровые пути проложит.
- Где?..
- Тут и виртуальное поле карты годно. Теперь – по местам! И за дело! Доложить обстановку!

Произошло быстрое перемещение... Айнер встал, сложив за спиной руки, его Крыс-передатчик, вышедший на свет из-за отворота его шинели, взошел к нему на погон. К ним подошел “защитник”, офицеры первого поколения сошлись к столу. Крысы отдали честь и офицеру S9, и его

замерзшему, но гордому “передатчику”... И Айнер, и его “передатчик” отдали честь крысиному полчищу... Я сгорбил спину от того, что шерсть как-то вздыбилась при этом церемонном обмене честью... Мне хотелось заорать, чтобы они с этим побыстрее покончили и делом занялись... Но я предусмотрительно удержал крик за зубами – военным с этим ничего не поделать... Для них это так же важно, как сияние начищенных сапог. Но долго они все ж с этим церемониалом не тянут. “Передатчик” уже прыгнул на стол, где уже замерцали развернутые карты и еще какие-то чистые мерцающие площадки... Под когтистыми пальцами крысы забегали огоньки. По этим пустотам быстро расползлись какие-то неведомые значки и закорючки... Айнер кивнул, когда вслед за этими значками подсветились какие-то полоски и значки на картах...

Полную тишину не нарушает ничто, кроме недовольного ворчания моей невесты, которая укрылась от Айнера под столом и не захотела к нему выходить. Но когда Айнер резким движением вырвал ее из убежища и установил рядом со мной, она замолкла... Мы ничего не понимаем... И из-за того, что мы одни здесь ничего не понимаем, нам страшно... Мы прижались друг к другу и прижали уши, но это не помогло... Что-то светит то под рукой Айнера, то под рукой этой его машины... Люди первого поколения указывают еще какие-то знаки и линии... А “передатчик” пишет новые знаки на новых пустотах... Что-то мутится, складывается, а потом раскладывается и проясняется... И тихо... И все все понимают...

Но это хорошо, что понимают... Айнер здесь... Он придумает и сделает, что надо... Айнер... Прошло целых три месяца с тех пор, когда мы виделись в последний раз... Правда для бессмертного это, наверное, не большой срок. Мы за это время успели полинять... А он действительно совсем не изменился... Только глубокий ожог стал белым шрамом. Я думал, что он все-таки умрет, – так поступали все мои облученные родственники и знакомые... Они теряли шерсть и умирали!.. А Айнер все-таки не умер!.. Он же человек – он устойчивый!.. Он выжил из-за того, что потерял волосы только с одной стороны головы, а, чтобы умереть, нужно потерять всю шерсть, как делали мои родичи...

Айнер снова стукнул кулаком по столу, и исчерченные им мерцающее плоскости померкли и исчезли. Скрылись среди гаснущих полей и тайные знаки. Айнер снова рухнул в кресло... “Защитник” устремил на него холодные глаза...

– Очаги поражения велики, S9.

– Укрепление сияет звездой... Его перекрытие, короб, защитные системы объекта – разрушены. Вокруг него территории выжжены, что пепел по ветру не летает... Дальше – лес, тундры... горят без огня... рассыпаются пылью... Скоро Штрауб занесет пеплом вместо снега... Полыхает что-то сильно... Разрушается и разрушает...

– Источник излучения я точно определить не могу, как и точное расположение объекта.

– Хоть в общем ясно, где авария произошла, что с объекта исходит... Сильно полыхает... Но это еще ничего... Хуже – распространение... Защитные системы ближайших объектов уже к черту пошли, теперь плавит и разъедает защиты отдаленных... Утечки чередой идут и к нам подбираются с жесткими лучами и убийными химикатами... Это нужно остановить...

– Нужно перекрыть источник мощного жесткого излучения. Остальное еще оставляет нам время.

– Источник... Точно он не опознан, не обнаружен... Крысы ближе не подойдут... И технику ближе мы не подведем... А с такого отдаления смотреть, с такой высоты – разберешься здесь... Укрепление светом по глазам бьет – лучами, как штыками, небо пронзает... Видно, что утечки от центра пошли... и идут по цепной реакции... Ясно, что запущены они этим одним исходом... Но не ясно, что запустило этот исход...

– Ни один подвергнутый разрушению при штурме объект не мог дать такого мощного исхода. Врагу было запрещено бить по таким объектам.

– Но что-то этот исход вызвало! Это могло произойти при столкновении мощных сил... Были сбиты тяжелые истребители... идущие в атаку... “Белые медведи” могли пустить лучи не по заданной цели... Но куда они могли долбануть, чтоб такое пошло, – понятия не имею... Были снесены защитные преграды подземных заводских укреплений, энергостанций и энергохранилищ... Но это что-то другое... У нас было слишком много секретных объектов...

- Я не могу больше терпеть – будь что будет!..
- Айнер!.. Ну что?! Что случилось?!
- Черт... Кот, не эффективно тебе подобных бледные отлавливают... Крысы тут еще нужны, но коты...
- Я тоже могу быть полезным!
- Теперь, чтобы пользу принести, нужно ставить под угрозу жизнь.
- Но хоть позволь мне здесь быть...
- Быть в Штраубе – это и значит получить большую дозу жестких лучей.
- Это же нейтрализуют...
- Не всегда. Тебе надо быть в Шаттенберге еще до рассвета. Там еще не так опасно...
- А будет?..
- Через неделю точно будет, если мы этого не остановим и не проведем дезактивации и коррекции... У нас времени и средств почти нет. А причину распространения утечек мы не знаем.
- А как узнать?..
- Еще не знаю... Чтоб узнать, что было центром обширных поражений, нам нужны секретные карты, и доступы, и декодеры... Но их нет.
- А разведку провести?..
- Провели, как могли. Место примерно определили, но карты ничего не дают – обычное хранилище энергии... При его повреждении не может возникнуть таких последствий. Уровень излучения слишком высок... Будто звезду разожгли около пограничных укреплений территорий Штрауба – звезду, которая ярче разгорается... и плавит все вокруг.
- Излучение?.. Как у тех шахт?..
- У шахт?!
- Мы слушали записи... исторические... И узнали про перекрытые шахты с жуткими защитными полями и лучами – столбами лучей...
- Тем временем, как “защитник” развернул мерцающие схемы, Айнер недозволительно бранил что-то, не понял что.
- Это точно от этого! “Медведи” разбили перекрытие пограничной базы и повредили защиту шахты! И что с этим вообще можно сделать?!
- Остановить исход энергии до необратимых разрушений, S9.
- А при помощи чего?!
- Есть варианты. Но у нас нет времени, S9. Исход энергии из шахты прорывает защиты подземных укреплений и усугубляет урон.
- Но процессы еще обратимы!
- Если утечки будут перекрыты быстро, если будут проведены правильные коррекции. Но времени при таком состоянии системы у нас нет – ни на установку блоков, ни на проведение дезактиваций и коррекций.
- Системы больше нет – одни руины! А через семь дней будут сожжены лесные массивы Штрауба и Небесного! Еще через неделю – тундры Шаттенберга и Ясного! И рухнут ледники! Рухнет и небо! И вместе с энергией далеких звезд, погребенных под этими старыми базами, эту выжженную пустыню будет дожигать еще и наше солнце! И остатки этой стылой пыльной планеты, горящей синим пламенем, полетят осколками! Разбросает их по космосу искрами! И не будет больше ничего!
- Айнер, но это ужасно!.. Ты должен это остановить!
- Штрауб – руины! У нас нет ни времени, ни средств! У нас нет информации!
- А “защитник”... Он все знает!
- Он обдумает все, что будет нужно, и при учете одних базовых данных, но на это уйдет время, которого у нас нет! Ни он, ни я, ни кто-то из первого поколения – не можем построить схему действий на такой скорости без информации! А где ее взять среди руин?!
- Айнер, я знаю!.. Знаю похожую штуку! Хранитель информации “золотых драконов” – у него есть их “знание”...
- Их древние носители уничтожены!

– Не думаю, что полностью...
 – Что тебе об этом известно?!
 – У твоих бойцов был такой информационный носитель...
 – Герф! Влад! Но эту штуку очистили!
 – Не знаю, что было дальше, но когда мы окончили... Унхай отдал его им с информацией.
 – Это из руин Небесного!.. Лесовский его до последнего держал – после Герфу передал... А потом... Я забрал у него носитель – еще в Шаттенберге перед расщеплением!..

Айнер резким движением вынул из-за голенища начищенного до умопомрачения сапога блекло мерцающую трубку... И быстро перекинул ее “защитнику”...

– Открой информацию.

– Так точно, S9. Данные закрыты многоуровневыми защитами, информация закодирована “драконами”. На вскрытие данных, на декодирование и разбор информации, времени уйдет около суток.

– Начинай сейчас. Другого выбора нет.

Я нерешительно поскреб лапой по начищенному сапогу... Тут Айнер резко перевел на меня суровый, пронизательный взгляд...

– Айнер, может быть есть еще что-то нужное... Что-то попроще... Только я еще не знаю, есть это или нет.

– Говори, что знаешь.

– А ты тогда не прогонишь?..

– Не будешь полезен дольше – прогоню. Но не надейся, что до конца твоей жизни тебя гонять буду. Мне уходить скоро.

– Ты нас не бросишь!..

– Нет. Дело сделаю, и уйду.

– Я думал, ты с нами теперь совсем останешься...

– Нет, Кот. Не могу. Я до срока отпущен. И это место теперь, как ожог, – боль от него сильнее, когда трогаешь. Доделаю и уйду. А дальше вы разберетесь...

– Только не это! Мы так ждали, что ты!..

– Раньше времени мне нервы не трепли – время это ровно в срок и без твоих усилий сделает. Нам еще много работы предстоит. Надо точно узнать, откуда произошли утечки и как их остановить. Надо установить масштабы поражения и пресечь его распространение. Надо разобраться с перестройкой химических соединений, с изменением биохимических кодов... А мне об этих процессах, считай, ничего не известно! А смещений под воздействием жестких лучей и черт знает чего еще – до умопомрачения! Нужно проводить дезактивации... Необходимы коррекции... А коррекционные схемы... Их у нас нет! Их нужно составить нам! Нам нужно запустить “коррекционные иглы”, задав им верные программы действий!

– Но ты же об этом все знаешь...

– Почти ничего не знаю! А черт... Думать будем об этом параллельно, делать – последовательно... Сложно это – по Штрабу мощными лучевыми пушками били – не все было от таких ударов защищено. Недостаточно техники, недостаточно энергии...

– Айнер, А Страж здесь?..

– Нет.

– А “корректоры”?..

– Корректоры мертвы, но их “иглы” целы... Добудем информацию – добудем и их схемы...

– А эти “иглы” умные?..

Глаза у Айнера еще более грустные и сосредоточенные, чем обычно, но он еще кривит рот – это что-то вроде улыбки...

– Кот, они не слишком умны – только приказы исполнить могут. Мы с такой техникой особенно осторожны были – их просто так не увидишь. Хлебнули мы этого когда-то...

– А что это значит?..

– То, что работать мне с этим предстоит. Каменные истуканы в структуру чужого мира вмешиваться не могут, а я еще – вроде его часть, хотя теперь никто не знает, частью чего меня

считать. Видишь, на целое я еще не гожусь... Это последнее, что поправить нужно... потом мы этот мир совсем отпустим.

– От них поддержки не будет...

– Нет. Не положено.

– А они за нами наблюдают?..

– Так точно...

– Ты про отдел внутренней безопасности говорил... Мне теперь про него больше известно... И знаешь, это что-то вроде того... Наблюдают и действуют – еще и скрытно... Только делают что-то большее... и не разрушают при этом что-то большее...

– Похоже... Службы системной безопасности, как правило, похожи.

Айнер уселся на край стола и положил на его идеальную поверхность излучатель...

– Как хорошо получилось! Значит, во всем всегда есть что-то хорошее!

– Да нет, Кот, просто всегда есть что-то хуже.

– Я так и не пойму, Айнер, ты из тех, для кого стакан наполовину полный или наполовину пустой?

– Все просто – половина стакана чем-то занята, половина – пуста, а вот что за дрянь налита в стакан и какой состав у пустоты – другой вопрос и, на мой взгляд, более актуальный. Теперь выкладывай, что тебе известно.

– Пока не многое... Но если подключить компьютер и продолжить...

“Защитник” загружает архивный компьютер...

– Нет доступа к материалам, S9.

– А ну крысы, давайте мне пароли... И вообще, что вы с компьютером сделали?

– Айнер, они все настроили – для меня...

– Взломать системы практически невозможно и не только крысам...

– У них были коды доступа высших офицеров вашей службы безопасности. Теперь доступ есть и у меня – меня зарегистрировали.

– Кот имеет доступ к архивам службы безопасности...

Айнер еще больше и еще ехиднее скривил тонкий рот, а глаза грустные...

– Мы твою жизнь изучали...

– Что там изучать?.. Досье раскопали?

– А что это?

– Я вроде не оставлял ничего из своих мыслей на память... Всегда старался не следить на полях истории, истоптанных и без меня.

– Мы слушаем записи Герфа. Это для памятника крыс – они ищут имена Героев Великой Победы.

– Крысы... придумали еще...

– Айнер, они же думали что это все – конец... Что мы все уже, как это у вас говорится, – списаны.

– Это мы еще посмотрим. По записям Герфа, говоришь?.. Он только рядовой боец с технической базой N2...

– Он же с тобой воевал.

Зря я про Герфа напомнил – Айнер сразу стал таким же изможденным, как после лучевой болезни.

– Много тут его записей?

– Много...

– Ну как, интересно у него в голове копать?!

– Мы же с благими намереньями... Только я не все понимаю...

– Он тоже не все понимал – так и не научился запись контролировать. Скар его в базу повесил – присматривать...

– Это тот – из службы безопасности?

– Да.

– Страшный человек?..

- Просто у него работа страшная.
- Он был твоим другом?
- А ты, смотрю, все знаешь... Нас с ним обоих опасными считали.
- А зря?
- Не зря, Кот. Только все не Скара боялись, а себя. Про меня ты и сам знаешь...
- Ты меня чуть не утопил тогда...
- Кот, хватит тупить. Открой мне доступ – посмотрю что к чему.
- Знаешь, Айнер, у вас сложно не бояться ни себя, ни других, если надо думать о том, о чем ты думаешь... Если ты такие мысли не запишешь – ничего, если запишешь – тебя накажут. А если еще и передашь кому-то, о чем ты думаешь, если ты думаешь не о том, о чем надо...
- Кот...
- У нас есть свобода мысли.
- У вас общества нет. Есть общество – нет свободы мысли. А жесткость ограничений свободы показывает силу общественного единения.
- Ух ты...
- Общество от распада удерживает правило – ты можешь думать обо всем либо один, без других, либо не один, среди других, которым без разницы, о чем ты думаешь. При военном положении применяют первый вариант. И чем хуже обстановка, тем жестче его применяют.
- Почему тогда у вас в законах четко не прописано, о чем думать можно, а о чем нет, о чем говорить можно, о чем нельзя?.. То, что это не оговорено, не справедливо. Это возмутительно. Сплошной парадокс. Откуда простые люди могут это знать?..
- Парадокс был бы, если б мы освобождали от ответственности тех, кто не знает закон.
- А откуда его знать?
- От утвержденного главкомом свода законов. Читать учат при первичной загрузке данных – это на случай, если кто-то забудет, что и законы в его память были заложены изначально.
- Это сложно. Это тонкости. А это уже – политика. Крысы в таких вещах разбираются – они не меньше ваших генералов Совета знают. А вот мы, коты, ничего в этом не смыслим.
- Так что получается, что мы... а крысы... Мне придется потрясти крыс, чтобы овладеть всеми тонкостями политики, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, хоть у нас политики нет. Нам нужно ею обзавестись, чтобы... чтобы была. А то ни политики у нас нет, ни службы безопасности... ни времени, будто нас и вовсе нет. Когда у людей вон как – за день столько всего...
- Кот, что ж ты бестолковый такой!? Давай за дело! D40, веди зверюгу сюда – не то замерзнет или в спячку впадет! Что я с этой тварью тогда делать буду?!
- “Защитник” вышел в тоннель... Что это? Что это?!
- Айнер, это руггер! Ты его привел!
- Куда бы мне улизнуть... Невеста уже в укрытии пол столом, но мне как-то перед ней неудобно под стол лезть... D40 ввел в помещение огромного черного зверя покрытого инеем. Уже стучат, царапают пол когтистые лапы. Никогда бы не сказал, что эти чудовища – родня нашим крысам.
- Он нас убьет! Это ж Замухрыш! Он некорректированный!
- А ты, Кот, не нарывайся. Он просто так не нападает. Правда, зверя яркий свет пугает, хоть он и почти слепой... Но я без света не могу – привык. Там у них все сияет не хуже, чем в Хантэрхайме... Так что к зверю не лезь. Крысы, что возитесь?! Давай, живее!
- Крысы что-то зашумели, застучали...
- Кот, на тебя все настроено! Открой доступ!
- Я не знаю...
- Крысы помогут.
- Но откуда мне знать, что нужно?..
- Черт с тобой! И без этого разберусь, но позже! А сейчас ты будешь продолжать, что начал! Следи за записью и докладывай обо всем нужном. Торопись. У тебя времени не много. Транспорт из Ивартэна здесь и заряжены. Скоро ты в Шаттенберг отлетишь.
- Значит, сейчас не прогонишь?..
- Еще есть время. Нам нужно больше доступной информации. Считай – ты отсрочку получил.

Айнер направил прямой взгляд на офицеров первого поколения... Но они всегда такие спокойные – ни на что не реагируют...

– Докладывайте.

– Обнаруженной аппаратуры без серьезных повреждений нет. Мы не многое знаем о вашей новой технике, Фридрих Айнер. Возможно, твой “защитник” сможет починить неисправное оборудование быстрее нас.

– Он один... А времени нет... Черт... Сейчас смотреть пойдем, что осталось. Может, что и соберем из груды металлолома... Трудней всего будет утечки перекрыть... А деактивацию проведем как-нибудь... Но с коррекциями проблемы будут без схем биопрограммистов... Материалы по изученной генетике искать надо... Я об этом вообще ничего не знаю. Не думал никогда, что может пригодиться. А “защитник”...

– В моей памяти нет узкоспециализированных материалов в этой области.

– Ты сможешь придумать что-то, используя что есть?

– Это займет слишком много времени. Носитель “драконов” сложен и последних данных не содержит.

– Выбора нет.

– S9, пошли крыс обыскивать город.

– Им и за год не управиться.

– Нужна память с данными последних разработок. Вариантов изменений много, и точно подобрать блокаторы сложно. Они могут остановить одну цепь изменений, но спровоцировать другую.

– Ты это считаешь.

– Нужны материалы корректоров.

– Их нет! Ничего, сначала проведем анализ и ориентацию по изменениям... А дальше все вместе думать будем. Главное – шахты перекрыть, но это трудно. Энергии много нужно. Хранилищ AVRГ лишь на последующие деактивации и коррекции хватит. А тут нужен мощный энергоноситель... Но что ж... Данных еще нет. А чтоб их не ждать... Пошли.

Айнер встал и взял излучатели. Я попрыгал за ним...

– Кот, куда собрался?

– С тобой...

– Останешься и за Замухрышем следить будешь.

– Никогда!

– Тогда Замухрыш за тобой приглядит.

Айнер развернулся и пошел за бледными... Свет в избранном им штабе погас, и наступила милая моему кошачьему взгляду мягкая темнота, только защитное поле андроида тускло мерцает во мраке тоннеля... Они уходят... Они сейчас пойдут искать уцелевшие заводы и лаборатории, а я...

– Крысы, за руггером присмотрите!

Крысы серьезно кивают. Интересно, как они с этой зверюгой справятся?... Обхожу эту слепую тварь подальше – Замухрыш повернулся и всхрипнул... Жуть какая!..

Жесткий перехват на бегу... тяжелая рука – это тебе не бледные...

– Айнер, я просто хочу помочь...

– Как будто и не расставались! В челюсть получишь!

– Да ничего – это же по-дружески...

– На этот раз без скидок на пропорциональное соотношение получишь!

Айнер не шутит... И я вижу, что у него такой же взгляд, как и тогда в Шаттенберге, когда он не знал, что делать... А вдруг он действительно не знает, что делать?... Нет, он помучается немного, как тогда, и придумает. Он не может не придумать. А если может?..

D40 остановился, обернулся – гордый и высокомерный, как все андроиды этой серии...

– S9, я запрю его.

Айнер резко кивнул головой... Но я еще оказываю сопротивление...

– Да что это!.. Отпустите!..

- Ты хоть понимаешь, что происходит, Кот?!
- Я просто хочу помочь!
- Тогда иди за компьютер! И не покидай пост!
- Айнер, ты меня задушишь!

Айнер поставил меня на пол и ушел с “защитником”. Я его действительно иногда доставал, и сейчас... Надо учиться себя контролировать и не нарываться... Но если я прокрадусь тайком... и они меня по ментальному фону засекут... У них в системе с этим строго – все свое место знать должны. Айнер с “защитником” так и продолжают порядок поддерживать по старинке. А по-другому, наверное, и не будет порядка... У нас – у котов – тоже порядок есть – свой конечно, но порядок. Только наш кошачий порядок это – то же самое, что и кошачья свобода. Мы это одинаково воспринимаем. Живем себе по законам природы – мы с ней едины, поэтому наши общие законы никому из нас не противоречат, и получается – свобода. Примитивно это, наверное, но моей вольной натуре это по душе.

У людей все намного сложнее было, потому что они были ни там, ни тут. Им приходилось применять изобретательность и стараться уравнивать принуждение с доброй волей. Они же жили большими группами и зависели друг от друга, а сознание-то у них было, не как у крыс, – не коллективное. Люди, конечно, во многое вмешивались и на техническом, и на генетическом уровнях – в свою же программу, например. Но сложная это штука – человеческое устройство, как физическое, так и психическое. Люди искали баланс между двумя полюсами – несознательным бытием и сознательным небытием. Между животным началом и стереотипом высокоинтеллектуальной техники – так Айнер говорил. Но не нашли. Не смогли отказаться от того, что, по их мнению, и делало их людьми. Люди так боялись потерять свое человеческое будущее, что... потеряли его. Да.

Они же уничтожили почти всех бледных – людей первого поколения. И именно потому, что они не совсем люди. Бледные должны были со временем сменить людей, но... Так и получилось. Наверное, есть все-таки судьба – это то, что есть, но то, что никто не может предугадать, потому что просто не замечает. Ведь люди видели бледных. Только не обращали внимания на то, чего, как они считали, не должно было быть. Думали, что бледные – объекты киберпространства. Кстати, очень интересно, что это такое?.. А все из-за того, что бледных невозможно обнаружить ни по термоактивности, если они температуру снизят, ни по ментальному фону, когда они на рефлекторную фазу переходят...

Долго мучил крыс, чтобы понять, почему у людей было только два поколения, а оказалось, что поколение людей определяли технические, производственные и программные базы их создания и изготовления, изменяемые с глобальными усовершенствованиями. То есть, если по одному типовому образцу будут делать людей хоть тысячи лет, – они все равно из одного поколения. У нас все не так...

А я доволен тем, что я такой вот – четвероногий и высокоинтеллектуальный. Это самое оно – идеальная форма жизни. Да бледные и крысы тоже ничего, а вот скингеры... Они зверушки не плохие, но не разумные и очень опасные, хотя руггеры куда страшнее...

Вот как здорово, что у меня теперь есть свой ошейник – так интересно, я теперь могу говорить сам с собой и одновременно с кем-то еще. Я могу говорить, говорить, говорить...

Сам не заметил, что иду за Айнером и “защитником”... Под лапами хрустит наст, но следов я на нем не оставляю... На пустынной ветреной улице очень жутко... Из-под одних острых развалин торчат другие... Погибших воинов, людей, нигде нет... Лишь на далеком открытом ветрам плаце построились, остановленные Айнером, полки машин, занесенных снегом... И тихо... Я здесь совсем один... Айнер и его спутники вне зоны ментальной активности... Нет, надо обратно идти... Надо же рано или поздно вспомнить про волю и выпустить ее из тюрьмы любопытства... Вернусь... Но руггер... Я пересилю страх. Я придумаю, как помочь, и все-таки помогу им, хотя они этого или нет.

Я затаился у дверей, невеста все под столом сидит... Крысы по стенам посторонились... А победоносное чудовище громахает когтями и лязгает кинжальными зубами... Его мощный заливочный звук чуть потолок не подпирает... Этот подземный зверь очень силен – он может здесь все

разломать... Ему ведь разруха не страшна – он очень проходимый и понизу, и поверху – среди камней и стен... И еще он замирает, скрываясь в темноте, и рвет в клочья всех, кто посягает на его покой и территорию, обрушиваясь на врага из засады... А этот зверь... Не знаю, как Айнер его подчинил, но мне известен нрав этого зверя... И теперь главный здесь – он.

От страха время запырало, как пульс. Только крысы заметили, что Айнер с “защитником” застыли у разомкнутых дверей... Осмотр местности коротким был – Айнер разослал крыс и дал уймы указаний бледным... Им с “защитником” нужно данные собирать...

– Кот, какого черта здесь происходит то, чего быть не должно?! Ты пост бросил?!

– Но этот зверь!..

– На пост!

– Айнер! Ты пришел! Ты опять с нами! Ты не оставишь нас в беде – я знаю! Ты уже думал об этом, но не оставил! Правда, ты можешь подумать еще...

– Кот! Не путай зверюгу с концом планеты! И запомни крепко!.. Говорить надо то, что думаешь, но обдуманно. И судить уравнивешенно – не с холоду и не с жару.

– Отец нечто подобное говорит – не руби сплеча, не суди сгоряча.

– И что, действительно?

– Еще как... Мы не делаем ни того, ни другого – потому, что толком не знаем, что это значит и что за этим следует. Но мы уверены, что нам это будет полезно, если мы точно узнаем, зачем это нужно. Может, что-то вроде этого и будет годно на какой-нибудь случай...

– Хороший подход.

– Мы осторожные. Пока не поймем, без нужды не делаем. И слова такие сложные просто так не произносим. Среди них загадочных много... А вдруг среди них – заклинанье?..

– Бред!

– Но с тобой же они что-то сделали...

– Каждое слово оказывает действие!

– Об этом нам известно. Сейчас твой злой дух стал еще злей.

– Идиотизм суеверный! Не знал, что вы этому подвержены!

– Никто из нас об этом и не подозревал... А что это?..

– Слабость и глупость!

– Нет... Это меры предосторожности.

– А то как же... Под защитой высших сил тебе собственные силы напрягать особо не нужно. Произнес “заклинание” – и на душе спокойно. Не действует – так на злые силы собственные недочеты спихнешь, и хорошо. Не нам решать, не нам судить... Совесть спокойна – сделал, что мог, и никой ответственности! Нашли подпорку!.. Костыль мозговой тьмы, сна нейронного!

– Айнер, бранишь нас без устали! Будто проклятый! А что мы такого сделали?! Да, мы осторожно подходим к словам и делам, чтобы не злить что-то вроде твоего злого духа!

– Присловье – это не заклинание! Просто четкий и краткий доходчивый информационный путь!

– Нет так нет... Мне то что?.. Как ни назовешь – от зла добра не призовешь.

– Кот, “чары” действуют на более примитивные мозги!

– Похоже, что ты прав... Твою паранойю ими не излечить... Но ты можешь сделать защитный амулет, похожий на мой, – он тебя успокоит.

– Это что еще?..

– Ну, это электронный мозг третьего порядка.

– Так вот он тебе зачем нужен был!

– Он нам светит и очень этим помогает.

– Одна дурь у тебя в голове!

– Так скажи, почему он мои мысли так заморозил?.. Мне никак не отгадать...

– Потому, что он тебе светит. Твои мозги заморозит каждый предмет, который будет заткнут в пасть твоей пытливости и который ты не сможешь зубами познаний покусать и разодрать.

– Что-то непостижимое, что-то сильнее нас – кошачьего племени... что-то сильнее нашего понимания... Да, Айнер, ты можешь читать не только мысли, но и душу... Действительно, мозг

третьего порядка – он загадочен и страшен... Крысы считают его частью *тьмы*. А мы так не думаем – он же нам светит...

– Давно был уверен, что если ты его не расковыряешь в поисках истины, то сделаешь из него священный булыжник или что-то подобное. Припишешь ему магические свойства, сочтешь, что он оказывает сверхмощное влияние...

– Мы всегда так делаем, если расковырять и понять, что расковыряли, невозможно.

– Так общинные культы и создают... А как только народы государство образуют, шаманы расширяют горизонты деятельности. Стоит придвинуть культ к политике – получится религия – система управления, основанная на низшей логике... Из этого выйдет система подчинения, не сходящая с неосознанного уровня мышления.

– Сложно очень... Это у нас еще впереди... Если ты наш мир починишь. А если еще и объяснишь что к чему, мы быстрее что-то там с политикой сделаем.

– С этим не торопитесь... А то, что мозг третьего порядка действительно высшей силой обладает, – запомни крепко. Но силы у него не те, что вы думаете.

– Понял... Просто мы не знаем, что происходит, не знаем, что делать...

– Мы с “защитником” еще не полностью в курсе, но кое-что прояснилось... Крысы кое-что отчетом уточнили... Их общая память хранит секретные карты... У этих шахт есть резервные защиты перекрытий и полей, которые не сработали. Их запустить нужно, но для этого будет надобен мощный и четко направленный лучевой поток. Где его добыть – мы не знаем. Но иначе мы контрольные системы заработать не заставим. К открытой шахте ничто и близко не подойдет... Так что нам нужны еще закрытые карты... Перекрыть и починить другие пострадавшие объекты тоже не просто будет... У нас технических единиц не хватает... Ничего нет!.. Еще ничего... Но что бы ни было, на компьютеры третьего порядка в этом деле особо рассчитывать не стоит.

– Отчего ты так уверен?..

– Замолчи, Кот! Думать не мешай! Нам сейчас он годен не будет.

– Айнер, мой, выданный с корнем, здесь не нужен... Но этот – раз уж он есть и работает, то может и понадобится для чего-то...

– Не думаю. Здесь только отчеты зафиксированных нарушений. Сейчас от данных по преступлениям никому проку не будет...

– А где здесь еще можно какую-то информацию взять?..

– Разруха одна кругом... Сложно будет данные собрать... Ничего – добудем. Но не здесь... Здесь им не место...

– Тут никому и ничему “не место”... только других доступных мест все равно нет – руины везде непролазные... И кстати – это Центральное управление DIS... А если это управление Центральное... до него скорей всего дошли особо важные и секретные отчеты. Не прогоняй нас. Мы тут все наладили... Мы историю учим... по этим отчетам. И кое-что полезное узнали...

– Точно... Но больше тут ничего не найти...

– Не уверен, что знаю точно... Но, на случай чего, посмотреть стоит... Хоть бы и просто, чтобы по сторонам не смотреть... А то страшно же станет, если не увидим ничего. Крысы думают, что будущего у нас еще нет, и не известно, будет оно вообще или не будет... Оно же по нынешнему времени идет – вот и страшно, что уже сейчас это будущее наступит – то, которого нет. А так это больше крысам нужно. Они уже почти готовы, но...

– К чему готовы?..

– К смерти. Только им еще нужно подготовить...

– Что подготовить?..

– Памятник – монумент...

– Тогда понятно... Это нужно – как бы хреново дело не обстояло. Искусственное отображение мечты – полезно. Это поднимает дух, внушает “покой” образами, связанными с изначальной логической базой.

– Что за база?..

– Потребности. Наши силы различны – значит и слабости тоже.

– Ничто одного лица не имеет...

– Так точно. Искусство дает то, что нам необходимо видеть – подтверждение цели. Это опора при достижении, посыл при стремлении к мечте. Наше искусство брало упор на силу – на то, что внушало уверенность нам.

– Ух ты!.. Только у крыс не так как-то... Это что-то вроде посмертного монумента...

– Он поддержит их подобием вечной жизни.

– Надо же... и в голову такого не приходило. Айнер, но он воздвигнут в честь Героев Победы... Крысы должны успеть найти и написать среди уже вписанных имен, имена еще неизвестных им Героев. Если не найдут имени, напишут номер... Крысы знают, что нам здесь быть запрещено... но им нужно завершить работу... Крысы не сделают этого, если ты прикажешь... дашь команду уйти... Крысы твой приказ никогда не оспорят, не поступят вопреки... Не прогоняй их...

– Что ж... Пусть работают – других распоряжений крысиным батальонам еще нет... Их скрепит духом благодарность за какой-то промежуток жизни, данной им ценой жизнью наших, – это придаст им сил. Когда мы будем знать, что нам предстоит сразиться, и мои серые бойцы будут призваны на борьбу – они должны быть готовы к жестокому бою с незримым нам врагом. Пусть ищут героев и исписывают их именами монументы. Это и правда лучше, чем просто ждать, сложа руки, – придет смерть сейчас, не придет...

– А если ее ждать, она быстрее наступит?

– Хрен ее разберет... Но уверен, что всегда нужно приложить и силы, и старанье, чтобы ее ход замедлить... Собьют ее с прямой дороги твои преграды – уже хорошо. А если обходной путь, по которому ты ее пустил, короче вышел – тогда и ждать нечего. И винить некого – твой просчет.

– Страшно это...

– Что делать... Педантичная вообще тварь – ровно в срок является. Но устанавливаем мы этот срок обоюдно.

– Айнер, скажи честно, смерть придет?..

– Тупой вопрос. Ее пришествие неизбежно.

– А сейчас смерть скоро придет?..

– Похоже, скоро, но мы сделаем, что сможем, чтобы эту гибель остановить... Задушить бы эту падлу так, чтоб ей и не продохнуть... Но как и когда это будет, помимо нас решает еще уймище расчетных и нерасчетных факторов с допущением погрешностей...

– Это у вас так было... Рассчитали и гибель, и погрешности... Не нормально как-то получилось... Правда, крысы... Крысы думают, что все, что творит существо с естественным происхождением, пусть и перешедшее через его порог, тоже не лишено части естественности.

– Правильно, у наших творений есть часть чего-то исконного, но и только. Мы – объекты первого порядка, созданные этим космосом... Мы не способны создать объекты первого порядка, кроме себе подобных. Наши создания – объекты второго порядка... Объекты, созданные с нашим пониманием этого космоса. Бессмертный человек может создать жизнь с подходящей средой обитания – искусственным путем. Но он не может сделать этих созданий путем естественным. Даже если жизнь войдет в воссозданную среду и проложит свои дороги со своими условиями – она будет создана человеком. Потому, что в его творении только его понимание жизни.

– А не естественны ваши создания тоже отчасти?..

– Верно.

– А сделанная вами техника?..

– Просто, это то, чего не должно было быть без нас... И вообще, – то, чего не должно было быть.

– А как об этом можно узнать? Может быть, этот космос способен строить себя и чужими руками...

– Способен, конечно, – и строить, и разрушать. Только наши подстройки, принятые им, редки. Чаще он не принимает их. А узнать, что чуждо ему, – просто. Чуждому он оказывает агрессивное сопротивление – грозит полным уничтожением. И чем более чуждую ему конструкцию мы строили, чем более чуждое создание в него вносили, тем быстрее следовали его реакции. А сейчас кругом что-то чужое...

– Так что это?..

- Шахты...
- А что в них?
- Сияние.
- А что это?
- Прирученная еще до нас и посаженная нами на цепь энергия сверхновых звезд.
- На что это похоже?
- На столб света, поднимающийся в небо... Видимые нам и невидимые нами без техники лучи...
- У вас на каждом углу такие...
- Верно, эти излучения, считай, безвредны... Но когда защита шахты повреждена, когда разбита преграда укрепления, его перекрытие...
- Что тогда?
- Плохо дело. Думаю, лучи “медведей” открыли дорогу через защитный барьер этим страшным силам. Теперь с поврежденных объектов исходит поток энергии, сжигающий наши щиты, закрывающие другие объекты. Похоже, дошло и до промышленных зон. Есть следы химических реакций...
- Что же делать?!
- Работать. Не будешь помогать – не мешай!
- Но я могу помочь! Я знаю про эти шахты! Я знаю про перекрытия! Здесь есть отчеты – их записал Герфрид! Там есть об этом!
- Герфрид!.. Так он и не смог держать мысли при себе...
- Но нам это на руку!
- Что?! Ты и дальше будешь копать ямы в его голове?! Разроешь его мысли?!
- Не могилу же...
- Кот, оставь его! Бери других!
- Нет, я других боюсь...
- Он простой боец – рядовой! Что он мог знать?!
- По-моему, кое-что он знал – слышал и видел.
- Бойцы могли разобрать ситуацию по кусочкам и потом сопоставить их! Это и есть разум – не короткие связи условных рефлексов, не реакции замкнутой цепи, которые разрешают только простенькие задачки на уровне эмоциональной оценки. Но ситуация – это как конструктор без инструкции по сборке. Ты задаешь цель – то, что тебе нужно построить, смотришь на то, что дано в целом, – набор частей, соотносишь данное с тем, что тебе нужно получить. Дальше проще – ты отбрасываешь лишние части и складываешь необходимые, применяешь опыт – личный или чужой – делаешь из этого всего выводы и принимаешь решение. Но что ты будешь делать с недостающими фрагментами, если нет необходимых частей сборки?! Это уже сложнее – надо найти подборкой похожие или соорудить новые! А главное – не забыть причину и спрогнозировать следствие твоих действий – только тогда можно приступить к окончательной сборке! Только тогда что-то может получиться! Они могли допустить ошибку! И ты – можешь!
- Верно, это сложно... Но если эти бойцы где-то ошиблись, ты это сразу узнаешь. А если нет...
- Кот, берешь задание – значит исполнишь его. Тебе предстоит пораскинуть мыслью пошире. И если без старанья подойдешь, времени уйдет... Ты отстранен будешь.
- Я справлюсь. У них что-то есть – замысел потаенный... Понять бы, что ими задумано... Над этим подумать надо...
- По канавам и колдобинам пройти не просто, а чтобы хорошие дороги проложить – поработать надо.
- Поэтому все так редко думают...
- Именно. Такими проблемами “защитники” ведают – они по чистым каналам быстро данные пробивают.
- Теперь ясно, почему ничего у людей не вышло... За подъемами – одни провалы... Ошибка за ошибкой...

– Да не скажи... У нас было вдоволь воли к жизни и были способности жизнью править. Нас не касались перемены – мы имели возможность не следовать им как данности. Только мы могли изменить нас. А глобальное изменение очень похоже на смерть. Так было и с первыми бессмертными. Первое поколение списали как неадекватное усовершенствование. Это – наша борьба за наши жизни. И мы так агрессивно отстаивали наши жизни, что действительно их продлили, но потом обрубали сразу.

– Ничего себе продлили...

– Если бы первое поколение не было уничтожено, сейчас нас бы тоже не было. Только уходили бы мы медленнее, поодиночке.

– Значит теории крыс – это про то, что все проходит через сбои и кризисы перед становлением чего-то другого, – верны.

– Точно, за исключением того, что это теории крыс. А знаешь, мы были не так далеки от выхода... Есть база, на которой мы строим нашу простейшую логику, – это стремление жить. Но управление волей подвластно и разуму – не только первичной программе. Эти отсчетные координаты могут ставить нам только начальные задачи, а пути к их решению мы можем прокладывать и ремонтировать под руководством мысли, как машины. Нужно было только приложить больше силы, не переходить грани – мы почти прошли по ней, но оступились.

– У вас сапоги тяжелые... Нам на мягких лапах балансировать проще.

– Довольно.

– Хорошо... Ты мне задание дал! Я и тебе, и крысам помогу героический монумент возвести!.. Там ты в первой графе вписан, Айнер!

– Не правильно это – я только последнее решение принял.

– Так оно все и решило!..

– А черт с тобой... Читай отчеты, может, и выйдет толк... А монумент – тоже дело не последнее...

– Айнер, скажи об этом и D40... Машины этому чужды...

– Они это понимают – умом и при необходимости. Знают, что и зачем служит. Теперь за дело! “Защитник” информацией занят. Мне схемы составить нужно. Остальные на поиске. Давай, работай и ты.